ISSN 2075-1613

Ученые записки

УО "ВГУ им. П.М. Машерова"

Том 23

ВИТЕБСК 2017

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2017 • Том 23

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М Машэрава»
НАВУКОВАЯ БІБЛІЯТЭКА

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 28.04.2017 г.

Редакционная коллегия:
А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, Е.Ю. Муратова, И.П. Зайцева, С.В. Николаенко, С.В. Голубев, И.В. Мандрик, А.В. Русецкий, В.А. Космач, О.В. Лапатинская, Э.И. Рудковский, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, С.А. Моторов, И.В. Николаева

Редакционный совет:
София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО "ВГУ им. П.М. Машерова"»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. – Витебск :
В54 ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – Т. 23. – 192 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

Оглавление

История

Мандрик И.В. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года – одно из ключевых политических событий XX ст. 5

Смяховіч М.У. Спецыялісты масавых прафесій у сельскай гаспадарцы Беларусі (1953–1985 гг.) 13

Веренич А.И. Учение о богодухновенности Священного Писания в трудах отцов Церкви I–IV вв. н.э. 22

Пашуто А.В. Формирование кадрового состава руководителей и рабочих массовых профессий из числа партизан и демобилизованных воинов в БССР (1943–1948 гг.) 27

Бездзель В.Я., Хаданёнак В.М. Беларускія медыкі-навукоўцы ў кантэксце еўрапейскай медыцыны ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. 35

Шейко Е.А. Песенный фольклор (испанская копла) как источник по изучению французской осады Кадиса 1810–1812 гг. 40

Барановский А.В. К вопросу о передаче Велижского, Невельского и Себежского уездов Витебской губернии в состав Псковской в 1920-х годах 47

Василицына Л.А. Монашеская община Свято-Успенского Тадулинского монастыря в 1917–1920-е гг. 54

Косов А.П. Российская внешнеполитическая мысль о феномене глобализации в современном мире 59

Кривчиков В.М. Мобилизационная готовность гражданских организаций Витебской области по поставкам в войска транспорта и лошадей накануне Великой Отечественной войны 68

Чиж А.М. Республика Беларусь в энергетической политике Европейского союза в 2006–2014 гг. ... 74

Моторова Н.С. Приказы общественного призрения на территории белорусских губерний (1861–1914 гг.) 80

Базарэвіч Г.Х. Агульнаграмадзянскі падатак як надзвычайная мера дапамогі галадаючым Паволжа ў 1922–1923 гг. 85

Ивицкий А.М. Влияние материально-технического обеспечения на динамику численности партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны 91

Затовский Б.О. История немецкой философии в трудах П.В. Тихомирова (по материалам «Богословского вестника») 97

Николаева И.В. Послевоенная женская повседневность в документах женотдела ЦК КП(б)Б 1946–1954 гг. 105

Философия

Слемнев М.А. Социокультурная среда и феномен «пограничного человека» 111

Рудковский Э.И. Глобализация и региональное сотрудничество 119

Капитонова Т.А., Белокрылова В.А. Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты 126

Бродецкая Ю.Ю. Целостность социального сквозь призму реализации дара 131

Давлатова Е.В. Духовный мир студенческой молодежи и роль исторического сознания в его формировании 137

Филология

Бароўка В.Ю. Эстэтычна-аксіялагічны патэнцыял помнікаў пісьменства ў трактоўцы аўтараў даўняй беларускай літаратуры 145

Несцяровіч В.І. Адцягненая лексіка з фармантам *-асць / -осць* у кітабе XIX ст. 150

Храбан Т.Е. Коммуникативные тактики социально-политического протеста в социальных сетях 157

Крикливец Е.В. Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы» 162

Стрижак А.Л. К вопросу возникновения оценочных значений слов в современной публицистике 167

Марудова А.С. Стереотип как составляющая языковой культуры жителей Белорусского Поозерья (на материале традиционных кличек домашних животных) 174

Денисова А.С. Сравнительная характеристика фразеологизмов со структурой предложений, обозначающих ощущения человека (на материале украинского и французского языков) 180

Арцямёнак Г.А., Півавар К.С. Беларускія лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя даведнікі: тыпы, змест, структура 185

Contents

History

Mandriki I.V. The Great October Socialist Revolution of 1917 as One of the XXth Century Key Political Events 5

Smiakhovich M.V. Experts of Mass Professions in Agriculture of Belarus (1953–1985) 13

Viarenich A.I. The Doctrine of the Holy Scripture Divine Inspiration in Works of Fathers of Church of the 1st–4th Centuries A.D. 22

Pashuto A.V. Building up Management Personnel and Workers of Mass Jobs out of the Former Partisans and Demobilized Warriors in the BSSR (1943–1948) 27

Bezdel V.Ya., Khadanyonak V.M. Belarusian Medical Scientists in the Context of the Development of European Medicine in the Late XVIIIth – early XIXth Centuries 35

Sheiko E.A. Song Folklore (the Spanish Copla) as a Source of the Study of French Siege of Cadiz in 1810–1812 40

Baranovsky A.V. On the Issue of the Transfer of Velizh, Nevel and Sebezh Districts (Uyezds) of Vitebsk Province into Pskov Province in the 1920s 47

Vasilitsyna L.A. Monastic Community of St. Uspenski Tadulin Monastery 1917–1920 54

Kosov A.P. Russian Foreign Political Thought on the Globalization Phenomenon in the Contemporary World 59

Kryvchykov V.M. Mobilization Readiness of Civil Society Organizations of Vitebsk Region on Delivering Vehicles and Horses to the Army on the Eve of the Great Patriotic War 68

Chyzh A.M. The Republic of Belarus in the Energy Policy of the European Union in 2006–2014 74

Motorova N.S. Departments of Public Care on the Territory of Belarusian Provinces (1861–1914) 80

Bazarevich G.H. General Civil Tax as an Extraordinary Measure of Assistance to the Hungry Population of the Volga Region (1922–1923) 85

Ivitsky A.M. Influence of Material and Technical Supply on the Dynamics of Strength of Belarusian Partisans during the Great Patriotic War 91

Zatovsky B.O. History of German Philosophy in P.V. Tikhomirov's Research Papers (Based on «Bogoslovski Vestnik» («Theological Journal»)) 97

Nikolayeva I.V. Post War Women's Everyday Routine in the Documents of the Women Department of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1946–1954 105

Philosophy

Slemnev M.A. Social and Cultural Environment and the Phenomenon of «Borderline Man» 111

Rudkovski E.I. Globalization and Regional Cooperation 119

Kapitonova T.A., Belokrylova V.A. Current Trends in Historical Memory Studies: Philosophical and Methodological Aspects 126

Brodetskaya Y.Y. Social Integrity through the Prism of Gift Implementation 131

Davlyatova E.V. Spiritual World of Students and Role of Historical Conscience in Shaping it 137

Philology

Barouka V.Yu. Esthetical-Axiological Potential of Literary Monuments in the Interpretation of Ancient Belarusian Literature Authors 145

Nestsiarovich V.I. Abstract Lexis with Formants *-asts / -osts* in the Kitab of the xixth Century 150

Khraban T.E. Communicative Tactics of Social and Political Protest in Social Networks 157

Kriklivets E.V. Genre and Style Modification of Russian and Belarusian Realistic Tale in the Context of «Village Prose» 162

Strizhak A.L. To the Issue of the Emergence of Evaluation Meanings of Words in Contemporary Journalism 167

Marudava A.S. Stereotype as a Component of the Language Culture of the Population of Belarusian Poozerye (Lake District) (Based on Traditional Nicknames) 174

Denisova A.S. Comparative Characteristics of Phraseologisms with the Sentence Structure Denoting Man's Feeling (Based on the Material of the Ukrainian and French Languages) 180

Artsiamionak H.A., Pivavar K.S. Belarusian Directories of Oriented-Culture Linguistics: Types, Content, Structure 185

ИСТОРИЯ

УДК 94(47):323.27:316.423.3«19»

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года – одно из ключевых политических событий XX ст.

Мандрик И.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье освещается актуальная проблема отечественной истории, связанная с Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. в России. Комплексный анализ разнообразных источников позволил автору дать вполне объективную характеристику положения в стране в предоктябрьский период, показать обусловленность растущего противостояния народа и власти, закономерно завершившегося социальной революцией.

Цель – исследование советской и постсоветской историографии о закономерности и случайности Октябрьской революции 1917 г.

***Материал и методы.** Анализу подвергнут обширный фактический материал: монографии, журнальные публикации отечественной и зарубежной историографии, раскрывающие социально-экономическую, общественно-политическую и духовную жизнь населения России на рубеже XIX–XX вв. Работа основывается также на литературе, подготовленной самим автором в предыдущие годы. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности и социальности.*

***Результаты и их обсуждение.** По сегодняшний день среди ученых и политиков не существует единого мнения насчет закономерности Октябрьской революции в России в начале XX ст. и последующего выбора большевиками пути развития страны. В год 100-летия социальных революций в России исторической науке предстоит разработать и обсудить актуальные проблемы, связанные с этим периодом. Введение в научный оборот фактического материала позволило автору статьи сделать попытку переосмысления революционного процесса и обосновать вывод о том, что осенью 1917 г. в России имел место общенациональный кризис. В таких условиях совершенно закономерными были негативная реакция широких слоев населения и рост революционного движения в демократическом направлении. Умело воспользовавшись возникшими обстоятельствами, РСДРП добилась признания своей программы среди трудового народа, подготовила вооруженное восстание, которое 25 октября 1917 г. привело к положительному результату.*

***Заключение.** Октябрьская революция 1917 г. оставила исследователям огромное количество нерешенных вопросов, одним из самых дискутируемых среди них остается вопрос о ее закономерности и случайности.*

***Ключевые слова:** буржуазная революция, Великая Октябрьская социалистическая революция, случайность и закономерность.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 5–12)

The Great October Socialist Revolution of 1917 as One of the XXth Century Key Political Events

Mandriki I.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article centers round a topical issue of the national history which refers to the Great October Socialist Revolution of 1917 in Russia. A complex analysis of various sources made it possible for the author to present an objective characteristic of the situation in the country in the pre-October period, to show the conditions of the growing confrontation between the people and the authorities which ended up in a social revolution.

The purpose of the article is analysis of Soviet and post-Soviet historiography on the regularity and contingency of the 1917 October Revolution.

***Material and methods.** A vast factual material was analyzed: monographs, journal publications of home and foreign historiography, which reveal social economic, public and political as well as spiritual life of the population of Russia in the late XIXth – early XXth centuries. The work is also based on the author's own earlier written sources. The methodological basis of the research is principles of historicism, objectivity, system and social approach.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – **И.В. Мандрик**

Findings and their discussion. *Until now there is no agreement among scholars and politicians on the lawful character of the October Revolution in Russia in the early XXth century and on the following choice by the Bolsheviks of the way of historical development. In the year of the hundredth anniversary of the social Revolutions in Russia the historical science will have to elaborate and discuss the topical issues of the period. The introduction of factual material into the scientific circulation made it possible for the author to reconsider the revolution process and substantiate the conclusion about the presence of the nation wide crisis which took place in the autumn of 1917 in Russia. In such circumstances the negative reaction of wide masses of people as well as growth of revolutionary movement in the democratic direction was absolutely lawful. Russian Social Democratic Party made use of the circumstances and gained recognition for its program among working people, it prepared the armed riot which succeeded on October 25, 1917.*

Conclusion. *The 1917 October Revolution has left a great amount of questions for researchers to answer, one of the most controversial among them being its lawful or contingent character.*

Key words: *bourgeois revolution, the Great October Socialist Revolution, natural and contingent character.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 5–12)

В данном исследовании раскрывается актуальная для нынешнего времени проблема закономерности и случайности развития исторического процесса в Российской империи в начале XX ст. В этой связи анализируются работы зарубежных и отечественных ученых, посвященные вопросам социальных революций в России, социально-экономического развития страны и ее регионов на переломном этапе. Следует отметить, что разночтения по данной проблеме накапливались постоянно, и по истечении 100-летнего периода в обширной монографической литературе, журнальных публикациях образовалось достаточно спорных позиций, которые требуют сегодня своего переосмысления.

Цель – исследование советской и постсоветской историографии о закономерности и случайности Октябрьской революции 1917 г., обобщение имеющихся взглядов и оценка их правомочности.

Материал и методы. Анализу подвергнут обширный фактический материал: монографии, журнальные публикации отечественной и зарубежной историографии о социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни России на рубеже XIX–XX вв. Работа основывается также на литературе, подготовленной нами в предыдущие годы. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности и социальности.

Результаты и их обсуждение. Осенью текущего года исполняется 100 лет одному из ключевых политических событий XX столетия. 25 октября 1917 г. (7 ноября по новому стилю) в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, в стране утвердилась власть Советов.

В отечественной советской историографии в прежние годы накопилось немало изданий, в которых это явление определялось как величайшее исторически важное, ключевое политическое событие для России и всего мира. Такая позиция поддерживалась целым рядом зарубежных исследователей и политиков. Российскую историю периода конца XIX – начала XX ст. они рассматривали преимущественно в рамках принятой на Западе концепции индустриальной модернизации. Согласно данной концепции развитие исторического процесса разделено на пять стадий, где России отводилась роль страны догоняющего развития – «второго эшелона». Создатель этой теории У. Ростоу считал, что Россия к промышленной модернизации приступила лишь в конце XIX века, поэтому в начале XX ст. в связи с экономическим кризисом 1900–1903 гг. социально-политические противоречия здесь обострились до предельного уровня. Губительные последствия мирового кризиса в полуфеодальной России проявились острее и глубже, чем в других государствах, вызвав раскол русского общества. В это время в стране реально имелись все объективные предпосылки растущего противостояния народа и власти. Революционное движение шло по нарастающей: революция 1905–1907 гг. есть закономерная реакция широких слоев населения на те порядки, которые существовали тогда в России [1]. Как видно, вопрос о закономерности Первой русской революции 1905–1907 гг. зарубежными учеными, как правило, под сомнение не брался. Слияние Февральской и Октябрьской революций в единый революционный процесс 1917 г. большинство зарубежных (в последние годы и отечественных) историков отрицают. События эти, в их понимании, были совершенно разными.

Февраль 1917 г. они рассматривали, чаще всего, как нежелательное явление, которое вылилось в острую политическую борьбу за власть. Россия этого периода им представлялась как преуспевающая держава, имеющая объективную предпосылку к дальнейшему прогрессу.

По их мнению, в 1917 г. Россия, как и многие другие европейские империи, подошла к эволюционным (а не к революционным) демократическим преобразованиям. Никакой революции в феврале 1917 г.,

как они представляют, не было: эпоха абсолютной монархии заканчивалась, в стране действовала уже Государственная дума четвертого созыва. На добровольный уход царя от власти подвигли вполне закономерные явления (складывающиеся капиталистические производственные отношения) и демократические формы протеста с требованием либерализации режима, в результате чего было сформировано Временное правительство. 6 октября оно распустило думу и началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, которое должно было стать коллегиональным органом государства [2]. Преобразования после 27 февраля 1917 г., на их взгляд, проходили ненасильственным путем, поскольку полностью поддерживались как элитой, так и большинством общества. Россия совершенно эволюционно стала республикой и вступила в эпоху демократии.

Что касается Октября и прихода к власти большевиков во главе с В. Лениным, то это событие в зарубежной историографии подводится под концепцию «случайности». Отмечается, что послефевральская Россия не сумела преодолеть трудности цивилизационным путем исключительно из-за экстремизма большевиков. То, что произошло в конце октября 1917 г., по мнению авторов, нельзя называть революцией, это был государственный переворот, поставивший крест на российской демократии. Такой же оценкой в последние годы Октябрьская революция все чаще определяется и отечественными историками и публицистами.

Отдельные авторы, освещавшие историю Октябрьской революции, увидели ее конечный результат в заговоре непонятно как сложившегося «единого мирового еврейско-масонско-большевистского» союза. Становым хребтом заговора они называют «Протоколы сионских мудрецов» [3, с. 66].

Комплексный системный анализ научных работ отечественных авторов дает возможность отметить, что исторические события Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и главные действующие в них лица в нашей истории переживали серьезную трансформацию. В ранней советской историографии господствовал тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России от Запада, исходя из этого исследователи делали вывод о неразвитости российской экономики, забитости и некультурности народа, бездарности и близорукости императора и всей самодержавной иерархии. Имущие слои выглядели как единая реакционная сила. Причины народных движений сводились в основном к непримиримой классовой борьбе, резко обостряющейся в экстремальных условиях. Наглядный пример этому – вышедший в 1938 г. учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Здесь Февральская революция раскрывалась как событие периода империалистической войны. Война из фактора ускорителя революции превращалась в ее причину. В данном и других учебниках абсолютизировался классовый характер Октябрьской социалистической революции, безапеляционно утверждалось, что Великая Октябрьская социалистическая революция, смена политического режима и социально-экономического устройства России на этом этапе подготовлены и проведены пролетариатом под руководством РСДРП(б) [4].

В 1960-е гг. советская историография преодолела тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России. Вслед за зарубежными учеными отечественные историки стали высказывать суждения, что к началу Первой мировой войны Россия была страной среднеразвитого капитализма, по уровню монополизации и концентрации производства находилась в числе передовых стран. В то же время слабость России по сравнению с другими империалистическими государствами заключалась в том, что в ее экономическом, социальном и политическом строе еще далеко не всегда были изжиты остатки феодализма. В этом историки видели основной фактор более быстрого революционного созревания пролетарских масс, что давало веские основания для формирования в стране широкого оппозиционного движения, которое шло по восходящей траектории. Это привело к революционным событиям и предопределило успех Февральской и Октябрьской революций. Большинство исследователей стали считать Февральскую революцию по характеру буржуазно-демократической, одновременно – исходным пунктом перехода к новому социалистическому этапу [5].

До середины 80-х гг. прошлого века, зная, что произошло в октябре 1917 г., революционный процесс советские историки вольно или невольно подгоняли под закономерный итог, преподносили его как чрезмерно организованное, планомерное, искусно подготовленное большевиками событие. Стихийное движение рабочих и крестьян на местах, их поиски выхода из кризисного положения рассматривались лишь

как отражение революционной борьбы в центрах страны. Главными факторами «полевения» осенью 1917 г. не только низов, но и верхов в фундаментальных отечественных исторических работах назывались плачевное экономическое состояние страны, неспособность режима организовать военную экономику, наладить снабжение населения продовольствием. Утверждалось, что в условиях войны усиливались антивоенные и революционные настроения в обществе, армии, происходили резкая радикализация настроений интеллигенции и политическая изоляция самодержавия.

С течением времени, особенно после распада СССР, в отечественной исторической литературе обозначилось существенное различие, подчас противоположность в освещении Октября 1917 г. Одни считали переход власти к большевикам в 1917 г., как и ранее, закономерным и справедливым исходом для того времени, революцию продолжали именовать Великой Октябрьской социалистической. Указывали, что она положила начало новой эре в истории всего человечества. Одобрительно относились к тому, что в СССР 7 ноября, день Великой Октябрьской социалистической революции был праздником и выходным для миллионов сограждан нашей страны в трех поколениях [6, с. 24–27]. Другие (таких авторов становилось все больше) – наоборот характеризовали это явление во всех смыслах негативно для России и Беларуси. Во многих бывших союзных республиках подобные утверждения переняли и официальные круги, день 7 ноября вспоминали только с подчеркнуто негативным оттенком. Социалистическое прошлое подвергали уничтожительной критике.

Восприятие Октябрьской социалистической революции 1917 г. заметно изменилось в самой ее цитадели – Российской Федерации. Ранее большинство ученых делали вывод о том, что в России было две революции – Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская – социалистическая как вершина многовековой освободительной борьбы трудящихся. Сегодня многие исследователи (а с этим соглашаются и официальные российские власти) склоняются к тому, что в 1917 г. была одна революция. Все события от февраля до октября 1917 г. в российских школах изучаются по-новому. В историко-культурном стандарте время Великой Российской революции в списке исторических дат – февраль-ноябрь 1917 г. Налицо «качественно новые» историографические выводы. В какой логике подаются эти два события, пока в учебниках не объясняется. Как отмечают отдельные российские историки, идея, заложенная в историко-культурном стандарте, – предельно простая и понятная, отсылающая к неудачной попытке Б. Ельцина назвать 7 ноября «днем примирения и согласия».

Белорусские историки в последнее время вместе с отказом от мифологизированных подходов к истории страны также меняют свои взгляды на историю Октябрьской революции. Большинство из них, признавая Великую Октябрьскую революцию как событие мирового масштаба, не считают, что она имела, как это утверждалось ранее, фатальную неизбежность. В учебном пособии для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования, под редакцией Я.И. Трещенка утверждается, что разумная политика царского правительства и его союзников по Антанте могла разрядить революционный кризис, перевести его в режим необходимых для страны социальных реформ, ограничив монархию как историческую форму власти представительными учреждениями. Говорится, что после отмены крепостного права правительство России понимало важность модернизации страны, содействовало ускоренному промышленному развитию. Несмотря на подорванность авторитета монархии, в народных массах он еще прочно сохранялся. Российское государство воспринималось как «царство» [7, с. 18].

Как видно, по мере отдаления от свершившихся трех российских революций взгляды одних и тех же авторов на эти события имеют тенденцию к быстрой эволюции, у отдельных авторов они меняются радикально. Под воздействием зарубежных авторов в марксистскую концепцию развития общества и природы вносятся фундаментальные изменения. Серьезный характер среди ученых принимают в последние годы дискуссии о политическом, социальном и экономическом устройстве, которое сложилось в России и других странах в результате этих событий.

В некоторых бывших советских республиках взгляды по этой проблеме, чаще всего, выражаются в обостренном неприятии прошлого и носят политическую окраску. Допускается сознательное искажение и спекулятивное прочтение программы большевиков. Революционный процесс относят к случайности, во всем, что произошло,

обвиняют народ, говоря о его недомыслии, а большевиков и Ленина – в подготовке восстания и привлечении к нему «выбитых из привычной жизненной колеи маргиналов», которые выступили в роли детонатора революции. Отдельные белорусские авторы дошли до утверждений, что Октябрьская революция была величайшей трагедией в истории нашей страны.

В научных кругах не принято искать крамолу или обвинять авторов в радикальных изменениях собственных воззрений на происходящие события. Здесь, скорее всего, к месту будет вывод авторитетного английского политика и историка Э. Карра о том, что «историк – человек своего времени и привязан к нему условиями своего существования как человек» [8, с. 10]. Историк – часть истории, он отражает общество, в котором живет. Историк сам изменчив, потому события, особенно потрясающие воображение миллионов, он пытается раскрыть, опираясь на разработанность проблемы и собственные (субъективные) взгляды. В принципе каждый ученый, будучи во всеоружии исторических фактов и знаний (именно так, а не иначе), вправе иметь свое видение на явления изучаемого им отрезка времени. Важное место в объективном освещении прошлого, конечно же, имеют уровень развития общества, его культурный и нравственный потенциал, методологические установки, степень взаимодействия общественных наук.

События октября 1917 г. как объекта для пристального научного изучения и публичных обсуждений, конечно же, требуют осмысления и переосмысления. Свое видение придает исследованиям индивидуальный, авторский характер, но критерием развития науки может быть только приближение к объективной истине и отражению реальной исторической действительности. В этой связи автор данной статьи считает, что разница во мнениях – это не повод для конфликтов, это повод для осмысления и нахождения единства, что с научной точки зрения является наиболее правильным подходом.

На наш взгляд, Февральская и Октябрьская революции могут остаться в истории (как это есть сегодня в Беларуси) двумя последовательными фазами единого процесса, начавшегося еще в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Первая революция и Февральская 1917 г. уникальны тем, что на данном этапе происходила ликвидация остатков феодального строя, устанавливалась власть буржуазии. Участвуя в этих революциях, рабочий класс и крестьянство, ведомые буржуазной интеллигенцией, приобрели опыт реальной демократии, получили политическое воспитание на практике.

Правомерно будет признать, что Февральская революция являлась исторически необходимой и прогрессивной, при этом имелась возможность мирного перехода власти к трудящимся через Советы (требования большевиков), которые рождены массами в 1905 г. И только в силу исторических обстоятельств подобное не стало реальностью. По мере того как Временное правительство обнаруживало неспособность наладить снабжение населения продовольствием, организовать военную экономику, среди всех слоев зрело недовольство к отжившей системе власти, причем не только у рабочих и крестьян, а более всего у радикально настроенной демократической интеллигенции. Российский мыслитель и современник революционных событий Ф. Степун считал, что революцию в России осуществила революционная интеллигенция, которая после реформ Александра II начала вырастать в политически активную силу [9, с. 67]. В условиях падения авторитета самодержавия из-за поражения в войне с Японией, неудачного развития событий для России в Первой мировой оппозиционная интеллигенция предприняла атаку на правительство. Важную роль интеллигенции в русской революции отмечал и М. Горький. Сопротивляясь сложившимся тогда под влиянием В.И. Ленина марксистским взглядам о пролетарской революции, он писал, что именно интеллигенция, куда входили и большевики, воспитала сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности [10, с. 234–235].

Вспыхнувшая стихийно в феврале 1917 г. вторая русская революция смела царизм. Буржуазия создала Временное правительство как опору в борьбе за сохранение собственных позиций. Февраль положил начало второму – октябрьскому этапу. Большевики, опираясь на массы, стремились к решению более кардинальных вопросов, волнующих население: о мире, о земле, о ликвидации национального гнета, о свободе.

При этом необходимо учесть следующее положение: ход российских событий после Февраля таил в себе разный исход: Россия могла превратиться в конституционную монархию, буржуазно-демократическую республику, приобрести и другие формы правления, но в сложившихся условиях российской

действительности 1917 г. альтернативы Октябрьской революции была невелики. В результате экономического и политического кризиса, слабости и ошибок Временного правительства, авантюризма правых сил, радикализма «низов», растерянности меньшевиков и эсеров, политической воли большевиков (их понятным и своевременным лозунгам) реализованной оказалась большевистская программа [11, с. 174].

Утверждение о том, что несколько тысяч большевиков, разбросанных по необъятной России, виновны в свершившихся событиях в 1917 г., как и «масонский заговор», вряд ли можно воспринимать всерьез. Такое общественное явление, как революция, не может осуществиться без опоры на множество людей, на массы, которым эти преобразования выгодны. Революция – это крайняя мера протеста народа против нестерпимых условий жизни. Побеждает же революция, если идеи и лозунги ее руководителей принимают народные массы. Скорее, можно принять за правду и признать, что царский режим был близоруким, неэффективным, коррумпированным, в какой-то мере – обскурантистским. Участник Первой мировой войны, известный русский генерал и советский военный деятель А.А. Брусилов, сыгравший важную роль во многих событиях военной истории России конца XIX – начала XX столетия, пишет в своих воспоминаниях, что «к маю 1917 г. войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и никаких мер воздействия предпринимать было невозможно. Та или иная дивизия или корпус объявляли, что более на фронте оставаться не желают и уходят домой, предварительно выгнав свой командный состав и угрожая смертью всякому генералу, который осмелится к ним приехать» [12, с. 226, 227].

Смена власти в Октябре 1917 г. – закономерный результат для того трудного, даже трагического времени. Победа Октябрьской социалистической революции просматривалась в сложном переплетении и противоборстве классовых сил, участвовавших в Февральской революции, близорукой политике царизма, социальном расколе общества и развитии социальной злости в обстановке неудачной войны. В Октябрьской социалистической революции воплощены вековечные чаяния крестьянства и рабочего класса, жажда мира солдат и матросов, тяга народов национальных окраин России (в том числе и белорусов) к свободе и свету.

Совершенно очевидно, что новая страница, начало которой положил Октябрь 1917 г., вытекала из прошлого России. Основная проблема подъема масс во всех революциях – это вопрос идеологии. Бедные и униженные были, конечно же, увлечены идеологией тех партий (большевиков, меньшевиков, эсеров), в которой через пропагандистскую работу декларировались массам освобождение от эксплуатации и унижений, ликвидация безработицы, наделение крестьян землей, равенство всех наций и народностей. Близкие и понятные идеи большевиков о мире, о земле, о передаче заводов и фабрик рабочим, о создании Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, где последние будут полными хозяевами, были восприняты населением в тех экстремальных условиях как собственное спасение, они подняли авторитет этой партии.

Необходимо также признать, что, возглавив массы в период Октября, большевики нашли выход из трудной и противоречивой ситуации того времени. Новая власть действовала энергично, попытки внутренних контрреволюционных группировок и стран Антанты устранить власть большевиков окончились неудачей. Необратимость революционного процесса в сложнейших условиях, как видно, была гарантирована поддержкой широких слоев общества, стремящихся к переменам. В сентябре-октябре 1917 г. разруха, начало которой положено в 1915 г., распространилась на все отрасли и сферы народного хозяйства, приобрела всероссийский характер, дезорганизовала экономическую жизнь страны. Валовая продукция фабрично-заводской промышленности России за 1917 г. сократилась на 36,4% по сравнению с 1916 г. Топливный голод привел к серьезнейшим проблемам железнодорожный транспорт. К октябрю 1917 г. железнодорожное движение на наиболее важных направлениях (Петроград, Москва) было почти парализовано.

Активное печатание бумажных денег, не имевших товарного покрытия, подорвало покупательную способность рубля: перед Февральской революцией она была равна 27 копейкам, перед Октябрьской – 6–7 копейкам. Реальная зарплата рабочих к октябрю упала до 40–50% от довоенного уровня. Защищая свои экономические интересы, рабочие втягивались в стачечное движение. Осенью 1917 г. волна массовых забастовок прокатилась на предприятиях Минска, Витебска, Гомеля, Могилева, Бобруйска и других городов. Часто рабочие забастовки носили политический характер.

Росло крестьянское движение за раздел земли и отмену частной собственности. За август-октябрь в белорусских губерниях зафиксировано 206 крестьянских выступлений. Большинство из них были направлены против помещиков: крестьяне делили и запахивали землю, резали и угоняли скот, громили и жгли усадьбы, ломали и захватывали орудия, рубили леса и сады. Разрастался анархизм в армии [13, с. 484].

Таким образом, *подтверждается концепция: Великая Октябрьская социалистическая революция стала закономерным следствием того состояния, в котором оказалась Россия, и выходом из того тупика, из той смуты, которые постигли Россию после февраля 1917 г.* С точки зрения социально-политических последствий и социально-экономических результатов Великая Октябрьская социалистическая революция стала переходом страны в новое качество. Переходом трудным, болезненным, жертвенным, но очень важным. Конечно, любая революция наряду с положительными результатами несет и негатив: это – трагедия, это упадок. Но более трагичным для населения было то состояние, в которое Россия пришла к началу 1917 г., – разложение на фронте, казнокрадство в тылу.

Революции не бывают бескровными, каждая противоборствующая сторона с оружием в руках отстаивает свои права, убеждения, идеалы. Для правящих классов Российской империи это была потеря власти и собственности.

Октябрьская революция коренным образом отличалась от Февральской. Она осуществила переход от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической, ликвидировала эксплуатацию человека человеком, установила господство общественной собственности. Революция спасла страну от застоя. Как видно, большевики пришли к власти в силу парламентского, экономического и политического кризиса. Они победили только потому, что на их стороне было больше сил, в их лозунги в это время поверили массы. Какой из факторов, приведших их к победе, был решающим – это тема для дальнейшей работы обществоведов.

После Октября страна под руководством правящей коммунистической партии удивила весь мир своими успехами. При всей неоднозначности нашего отношения к руководящей роли КПСС у нее можно многому поучиться и ныне. В стране создавались благоприятные условия для развития экономики и культуры, развития национальных культур окраин. Введено бесплатное образование и медицинское обслуживание, 8-часовой рабочий день, издан декрет о страховании рабочих и служащих, ликвидированы сословия и чины, женщины получили равные права с мужчинами во всех областях общественной жизни. В короткие сроки СССР превратился в одну из двух сверхдержав, обеспечив тем самым мировое равновесие и высокий авторитет в мировом сообществе.

Во всех бывших 15 союзных республиках произошли изменения планетарного уровня. Достигнута всеобщая образованность населения, обеспечены социальные гарантии, создана оборонная экономика. По объему промышленного производства СССР вошел в число наиболее развитых стран мира, осуществил прорыв в космос.

Для Беларуси с ее дореволюционным низким уровнем развития достижения в советское время были особенно впечатляющими. Республика приобрела в это время собственную государственность, значительно продвинулась в техническом и культурном уровне. Для БССР советская эпоха стала эпохой перехода в индустриальную фазу развития. Такой переход совершался с высокой степенью инициативности и самоорганизации белорусского народа. Сильной стороной советской власти была ее социальная политика. Реально обеспечивались бесплатные образование и здравоохранение, в развитии которых страна не отставала от мирового уровня, а иногда лидировала. В недавно еще безграмотном Северо-Западном крае была достигнута практически всеобщая грамотность. За годы советской власти Беларусь приблизилась к среднеевропейскому уровню развития. Однако объективный анализ и полная правда о нашем пути в советские годы свидетельствуют, что курс, проводимый руководством страны, нельзя признавать единственно правильным и высокоэффективным. На этом отрезке времени вместе с прогрессом в материальной и духовной сфере в стране имели место трагизм сталинских репрессий, застой и ограниченность национально-культурной жизни, другие деформации. Многие осуществлявшиеся в стране грандиозные проекты характеризовались серьезными потерями, неоправданно расточительными растратами народных сил и средств. Отрицать ошибки и трагические эпизоды ранней советской истории – это неразумное поведение политиков и ученых.

Несомненно, при написании истории Отечества и проведении учебного процесса специалисты должны опираться на концепцию ее целостности и неделимости. С учетом нового периода трансформации исторической науки, связанной с пересмотром теоретического багажа и методологического инструментария, исследователям предстоит серьезная работа по расширению собственного горизонта исторического познания. При этом следует непременно извлекать позитивный и негативный опыт, который Октябрьская социалистическая революция передала мировому сообществу. Используя междисциплинарные научные подходы и методы, отходя от привычных схем и догм, не отбрасывая интеллектуального наследия великих умов (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ульянова-Ленина и др.), историк обязан показать истинное место и роль Октябрьской революции в истории человеческой цивилизации. Подобный подход поможет прийти к выводу, что Октябрьская социалистическая революция открыла новые перспективы в прогрессивном развитии общества. При всем расхождении взглядов на данное событие нельзя отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное воздействие на развитие народов всей планеты. Уроки Октября, их усвоение помогали многим странам заблаговременно разрешать возникающие неопределенности и предотвращать назревающие конфликты.

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что, как и всякое грандиозное событие, Октябрьская социалистическая революция 1917 г. оставила исследователям огромное количество вопросов. Но объективное осмысление проблем, связанных с этим явлением, приводит к выводу, что она вошла в число наиболее значимых событий начала XX в. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба. Порывая с дореволюционным прошлым, Великая Октябрьская социалистическая революция утвердила в нашей и в целом ряде других стран социалистическую эпоху, которая наряду с ошибками, заблуждениями содержала немало позитивных свершений. Она привела страну к радикальной модернизации, воплотила в реальность многие народные ожидания. Неодолимая жажда созидания, овладевшая массами в советское время, привела к ощутимому результату. В короткие сроки в стране был создан огромный экономический, научно-технический и военный потенциал.

В Беларуси 7 ноября с полным официальным названием – Великая Октябрьская социалистическая революция – остается и поныне официальным государственным праздником и выходным днем. Правильная интерпретация в исторических трудах этого эпохального события и последовавшего за ним развития имеет важное теоретическое и практическое значение для будущих поколений. Формирование и становление социально ориентированного государства в Республике Беларусь будет во многом определяться тем, как будет использовано все позитивное, что было после Октября.

Литература

1. Вернер, Э. Кризис русского самодержавия. Николай II и революция 1905 г. / Э. Вернер. – М., 1990. – 412 с.
2. Emmons, N. Emancipation of the Russian Serfs / N. Emmons. – New York, 1970. – P. 62.
3. Лакер, У. «Черная сотня. Происхождение русского фашизма» / У. Лакер. – М.: Изд-во «Проблемы Восточной Европы», 1994. – 478 с.
4. Зюзькоў, А.Ш. Бальшавікі – арганізатары Кастрычніка / А.Ш. Зюзькоў. – Мінск, 1934; Шчарбакоў, В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі / В.К. Шчарбакоў. – Мінск, 1934.
5. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. – М., 1975; Ганелин, Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция / Р.Ш. Ганелин. – СПб., 1991; Старцев, В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. / В.И. Старцев. – Л., 1977; Кирьянов, Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.) / Ю.И. Кирьянов. – М., 1993.
6. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапаможнік: у 2 ч. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, Э.А. Забродскі [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – Ч. 2: Люты 1917. – 2000. – 464 с.; Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск, 1991; Сташкевич, Н.С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н.С. Сташкевич. – Минск, 1985.
7. История Беларуси: учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования: в 2 ч. / Я.И. Трещенок; А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трешенка. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – Ч. 2. – 310 с.
8. Карр, Э. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923 / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
9. Степун, Ф.А. Сочинения / Ф.А. Степун. – М., 2000. – 617 с.
10. Воспоминание о В.И. Ленине: в 10 т. – М., 1989. – Т. 3.
11. Мандрык, І.У. Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветнай гісторыі) / І.У. Мандрык. –Віцебск: ВФ УА ФПБ «МІПСА», 2009. – 276 с.
12. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М.: Воениздат, 1983. – 256 с.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 519 с.

Поступила в редакцию 19.04.2017 г.

УДК 631.115.6-057.1(476)(091)"1953/1985"

Спецыялісты масавых прафесій у сельскай гаспадарцы Беларусі (1953–1985 гг.)

Смяховіч М.У.
Дзяржаўная навуковая ўстанова "Інстытут гісторыі НАН Беларусі", Мінск

У перыяд з 1953 па 1985 г. партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва СССР і БССР значную ўвагу надавала вырашэнню харчовага пытання. Вынікі працы калгасаў і саўгасаў у напрамку вырашэння гэтага пытання залежалі ад многіх складнікаў.

Мэта артыкула – вызначэнне перадумоў, якія аказалі істотны ўплыў на прафесійную падрыхтаванасць і матывацыю працы спецыялістаў масавых сельскагаспадарчых прафесій.

***Матэрыял і метады.** Даследаванне працэсу падрыхтоўкі спецыялістаў масавых прафесій для калгасна-саўгаснай вытворчасці, вызначэнне месца і ролі гэтай катэгорыі сялянства ў вырашэнні аграрнага пытання грунтавалася на архіўных матэрыялах (фонд 4-п, вопісы 46, 160; фонд 48, вопісы 9 і 14; фонд 30, вопісы 9, 13; фонд 31, вопіс 9; фонд 7, вопіс 10 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь). Выкарыстоўваліся агульнанавуковыя (аналіз, параўнанне і абагульненне) і канкрэтна-гістарычныя (гісторыка-тыпалагічны і гісторыка-сістэмны) метады.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** У перыяд з 1953 па 1985 г. асноўнай вытворчай сілай калгасаў і саўгасаў былі жывёлаводы і паляводы. Гэтая група вяскоўцаў вызначалася невысокім адукацыйным цэнзам, недастатковай прафесійнай падрыхтаванасцю. У мэтах забеспячэння калгасаў і саўгасаў спецыялістамі-жывёлаводамі і паляводамі ў БССР была створана пэўная сістэма падрыхтоўкі такіх кадраў. У 1950-я гг. аснову гэтай сістэмы складала курсавая форма навучання, у 1960–1970-я гг. значная роля адводзілася народным універсітэтам, школам перадавога вопыту, падрыхтоўцы спецыялістаў у філіялах сельскагаспадарчых прафесійна-тэхнічных вучылішчаў (СПТВ). Разам з тым фармальна бюракратычныя адносіны калгаснага кіраўніцтва да ўліку інтарэсаў жывёлаводаў, цяжкія ўмовы працы, адсутнасць адпачынку, выхадных дзён і малыя заробкі не матывавалі калгаснікаў да павышэння прадукцыйнасці працы, што тармазіла развіццё аграрнай вытворчасці.*

***Заключэнне.** Гэтыя фактары стрымлівалі развіццё аграрнай вытворчасці, аказвалі негатыўны ўплыў на вырашэнне кадравага пытання ў жывёлагадоўлі.*

***Ключавыя словы:** фактар, уплыў, падрыхтоўка, спецыяліст, калгасы і саўгасы, курсы, народныя ўніверсітэты, школы перадавога вопыту, жывёлаводы, умовы працы.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 13–21)

Experts of Mass Professions in Agriculture of Belarus (1953–1985)

Smiakhovich M.V.
State Scientific Institution "Institute of History of NAS of Belarus", Minsk

Party and state leadership of the USSR and the Belarusian SSR paid considerable attention to the solution of the food problem in 1953–1985. The results of the collective and state farms, concerning this issue, depended on many components.

The aim of this publication is to identify prerequisites that had a significant impact on the professional training and motivation of mass agricultural occupations experts.

***Material and methods.** Research of the process of training mass occupations experts for collective and state farms, the definition of the place and role of this category of the peasantry in the solution of the agrarian problem was based on archival materials: 4-p fund, inventory 46, 1604; 48 fund, inventory 9 and 14; fund 30, inventory 9, 13; 31 fund, inventory 9; 7 fund, inventory 10 of the National Archives, as well as on scientific publications. The methodology of the research is based on the principles of dialectical materialism: objectivity, historicism, the connection with social practice; scientific methods, such as analysis, comparison and synthesis; concrete historical methods such as historical and typological, historical and systemic.*

***Findings and their discussion.** The main production force of collective and state farms was livestock breeders and field workers in 1953–1985. This group of villagers had low educational qualifications, lack of professional training. A specific*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: smenic18@mail.ru – **М.У. Смяховіч**

system of personnel training was created in Belorussia to provide livestock specialists and field workers for collective and state farms. The basis of this system was in the form of course training in the 1950s. A significant role was played by the People's University, schools of advanced experience, the training of specialists in the branches of agricultural technical training colleges in 1960–1970s. However, the formal bureaucratic attitude of the collective farm management to breeder's interests, poor working conditions, and lack of rest, holidays and small income didn't motivate farmers to increase productivity, which hindered the development of agricultural production.

Conclusion. *These factors hindered the development of agricultural production; had a negative impact on personnel matters in livestock breeding.*

Key words: *factor, influence, training, specialist, collective and state farms, courses, people's universities, schools of advanced experience, livestock breeders, working conditions.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 13–21)

Вынікі працы калгасаў і саўгасаў залежалі ад многіх фактараў: наяўнасці машынна-трактарнай тэхнікі, навуковага забеспячэння вытворча-тэхналагічнага працэсу, арганізацыйных здольнасцяў кіраўніцтва гаспадаркі, наяўнасці дыпламаваных спецыялістаў. Вельмі важную ролю адыгрывалі прафесійная падрыхтаванасць і прадукцыйнасць працы спецыялістаў масавых прафесій. У сваю чаргу гэтыя фактары залежалі ад адукацыйнага цэнзу калгаснага сялянства, магчымасці набыць прафесійныя веды і вытворчы вопыт кожным удзельнікам вытворча-тэхналагічнага працэсу. У сувязі з тым, што пасля Вялікай Айчыннай вайны ў большасці выпадкаў калгаснае сялянства, як правіла, не валодала адукацыйным цэнзам нават на ўзроўні атэстата аб заканчэнні сямігадовай агульнаадукацыйнай школы і адпаведна не мела неабходнага вытворчага вопыту, праблема забеспячэння калгасна-саўгаснай вытворчасці кваліфікаванымі кадрамі масавых прафесій набыла асаблівую вастрыню.

Вырашэнне гэтай праблемы бачылася на шляху стварэння шырокай прафесійна-адукацыйнай сістэмы, якая б уключала розныя формы навучання. У 1950-я гг. аснову гэтай сістэмы складала курсавая форма навучання, у 1960–1970-я гг. значная роля адводзілася народным універсітэтам, школам перадавога вопыту, падрыхтоўцы спецыялістаў у філіялах СПТВ.

Мэта артыкула – вызначэнне перадумоў, якія аказалі істотны ўплыў на прафесійную падрыхтаванасць і матывацыю працы спецыялістаў масавых сельскагаспадарчых прафесій.

Матэрыял і метады. Найбольш актуальнымі пытаннямі аграрнай палітыкі партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва СССР і БССР у перыяд з 1953 г. па 1985 г. былі падрыхтоўка і забеспячэнне сацыяльных інтарэсаў спецыялістаў масавых сельскагаспадарчых прафесій. У беларускай гістарыяграфіі гэтыя аспекты тым ці іншым чынам закраналі ў працах А. Белязо [1], Л. Бароўкі [2], М. Жылінскага [3], М. Кузняцова [4], В. Саковіча [5], В. Тарасевіча і В. Ляшкевіча [6] і інш., яны не засталіся без увагі і на старонках даследаванняў вучоных-эканамістаў, у тым ліку Ф. Марцінкевіча [7] і інш. Аднак абагульняючай працы па гэтых пытаннях зроблена не было. Метадалагічную базу даследавання склалі прынцыпы дыялектычнага матэрыялізму: аб'ектыўнасць, гістарызм, сувязь з сацыяльнай практыкай; выкарыстоўваліся агульнанавуковыя (аналіз, параўнанне і абагульненне) і канкрэтна-гістарычныя (гісторыка-тыпалагічны і гісторыка-сістэмны) метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. На працягу вызначанага для даследавання перыяду колькасць калгасных і саўгасных гаспадарак у СССР і БССР не была пастаяннай. Гэта тлумачыцца тым, што кампаніі па ўзбуйненні калгасаў, іх рэарганізацыі, ператварэнні калгасаў у саўгасы і наадварот, стварэнні міжгаспадарчых аб'яднанняў былі пастаяннай з'явай аграрнай палітыкі савецкай дзяржавы. У 1953 г. у БССР налічвалася 5287 калгасаў, у 1959 г. – 2992 калгасы [1, с. 118], у 1970 г. – 2206 калгасаў, у 1985 г. – 1715 калгасаў [8, арк. 93, 94; 9, арк. 129]. У 1949 г. у БССР было 122 саўгасы, у 1965 г. – 630 [10, арк. 4; 11, арк. 61, 63], у 1985 г. – 917 саўгасаў [9, арк. 132].

Працоўныя рэсурсы калгасаў і саўгасаў складаліся з трох груп: 1) адміністрацыйна-ўпраўленчага персаналу, 2) дыпламаваных спецыялістаў, 3) спецыялістаў масавых прафесій. Колькасць упраўленцаў і дыпламаваных спецыялістаў была невялікай. У 1963 г. у сярэднестатыстычным беларускім калгасе працавалі толькі 3 дыпламаваныя спецыялісты [10, арк. 92], з цягам часу іх колькасць узрастала і ў 1985 г. у сярэднім на адзін калгас і саўгас прыпадала каля 33 дыпламаваных спецыялістаў, пры гэтым у кожнай гаспадарцы мелася 2–3 вакансіі [11, арк. 195, 197].

Факты сведчаць, што ў колькасных адносінах самай вялікай групай калгаснікаў былі спецыялісты масавых прафесій. Да іх адносіліся жывёлаводы, паляводы і механізатары. У 1953 г. у адным калгасе працавалі 243 калгаснікі, у 1959 – 362 [1, с. 118], у 1970 г. – 466, у 1985 г. – 427 [8, арк. 93, 94; 9, арк. 129]. На працягу вызначанага перыяду колькасць рабочых, якія працавалі ў адным сярэднестатыстычным саўгасе, таксама вагалася. У 1970 г. сярэднегадавая колькасць рабочых, занятых у адным саўгасе, складала 473 чалавекі, а ў 1985 г. – 386 чалавек [9, арк. 132].

Партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва СССР і БССР імкнулася надаць імпульс вырашэнню кадравай праблемы ў калгасах і саўгасах. У пастанове вераснёўскага 1953 г. пленума ЦК КПСС быў зроблены моцны націск у кірунку падрыхтоўкі для калгасаў і саўгасаў спецыялістаў масавых прафесій. Рыхтаваць такіх спецыялістаў было прапанавана на розных формах навучання, але самай масавай з іх былі навучальныя курсы. Паводле даведкі "Аб мерапрыемствах па арганізацыі агразаатэхнічнай вучобы у калгасах і саўгасах БССР у 1957–1958 навучальным годзе", якая была накіравана Мінсельгасам БССР у сакратарыят ЦК КПБ, на гэты перыяд было запланавана ахапіць курсавой вучобай 77053 чалавекі, у тым ліку 49728 чалавек праходзілі навучанне на агратэхнічных курсах, 27325 чалавек – на заатэхнічных. Дзеля гэтага 9 кастрычніка 1957 г. быў выдадзены загад міністра сельскай гаспадаркі БССР за № 636, а таксама падрыхтаваны і разасланы ў раёны тэматычныя планы курсавой падрыхтоўкі слухачоў. Гэта былі 2-гадовыя курсы без адрыву ад вытворчасці працаўнікоў жывёлагадоўчых фермаў [12, арк. 179].

Пасля наведвання ў студзені 1962 г. М. Хрушчовым Беларусі і яго крытычных заўваг на адрас К. Мазурава праца па разгортванні розных формаў навучання ўзмацнілася. У 1963 г. у Гродзенскай вобласці на базе саўгасаў "Рось", "Кастрычнік" і Жыровіцкага саўгас-тэхнікума былі арганізаваны двухтыднёвыя падрыхтоўчыя курсы, якія рыхтавалі майстроў кукурузаводаў, бураказаводаў, бульбаводаў, ільнаводаў. На гэтых курсах навучалася 770 чалавек з ліку перадавікоў калгасна-саўгаснай вытворчасці [13, арк. 115]. Такія курсы ствараліся ва ўсіх абласцях. Акрамя таго, у 1964 г. у БССР на 5-месячныя курсы, якія працавалі пры аддзяленнях "Сельгастэхнікі" і вясковых сельскагаспадарчых прафтэхвучылішчах, у мэтах падрыхтоўкі спецыялістаў масавых прафесій было напраўлена 2100 чалавек з ліку вясковай моладзі [13, арк. 113].

Пасля лютаўскай нарады 1964 г., якую М. Хрушчоў правёў у Маскве, у рэспубліцы шырэй разгарнулі працу па стварэнні школ перадавога вопыту. У Брэсцкай вобласці ў такіх школах, створаных на базе перадавых гаспадарак, у 1965 г. навучалася 1100 чалавек. Гэтыя школы працавалі ў калгасе "17 верасня" Столінскага раёна, саўгасе "Дамачэўскі" Брэсцкага раёна, у калгасе "Светлы шлях" Пінскага раёна. Апошні з названых першым у раёне арганізаваў укараненне гаспадарчага разліку. Так, на яго базе з 1963 г. працавала школа перадавога вопыту па ўкараненні гаспадарчага разліку, у якой навучаліся брыгадзіры, улікоўшчыкі, бухгалтары калгасных гаспадарак раёна [13, арк. 5]. У 1965 г. агразаатэхнічнай вучобай у калгасах і саўгасах Віцебскай вобласці было ахоплена 17614 чалавек, у вобласці працавалі вучэбныя камбінаты, створаныя пры аддзяленнях "Сельгастэхніка", месячныя школы практычнага вопыту па перападрыхтоўцы калгасных брыгадзіраў, у якіх навучаліся 603 чалавекі [14, арк. 33, 34].

Пэўную колькасць спецыялістаў рыхтавалі народныя ўніверсітэты. Сваю працу яны пачалі разгортваць у пачатку 1960-х гг. У 1961 г. у БССР налічвалася 84 універсітэты сельскагаспадарчых ведаў [7, с. 143]. У 1965 г. (9 снежня) міністрам сельскай гаспадаркі БССР быў выдадзены загад за № 282 "Аб рабоце народных універсітэтаў сельскагаспадарчых ведаў". У 1964–1965 навучальным годзе ў рэспубліцы налічвалася 282 такіх універсітэта, у якіх у асенне-веснавы перыяд навучалася больш за 20 тыс. брыгадзіраў, загадчыкаў фермаў, паляводаў і жывёлаводаў. У загадзе была адзначана добрая праца народных універсітэтаў калгасаў імя Кірава Драгічынскага раёна, "Савецкая Беларусь" Пружанскага раёна, імя XXII з'езда КПСС Гомельскага раёна, "Светлы шлях" Смаргонскага раёна, "Свіслач" Гродзенскага раёна, саўгаса "Дружба" Веткаўскага раёна [15, арк. 50].

Загадам па Мінсельгасе БССР ад 3 снежня 1965 г. былі зацверджаны планы падрыхтоўкі кадраў масавых прафесій на 1965–1966 навучальны год, паводле якіх трэба было падрыхтаваць на агразаатэхнічных курсах 80,0 тыс. чалавек [15, арк. 9]. Загадам ад 6 снежня 1965 г. Міністэрствам сельскай гаспадаркі БССР былі зацверджаны планы падрыхтоўкі спецыялістаў масавых прафесій, якія навучаліся ў школах

практычнага навучання, на 6-месячных курсах, якія працавалі на базе перадавых калгасных і саўгасных гаспадарак, у тэхнікумах. Згодна з гэтым загадам у 1966 г. было запланавана падрыхтаваць 10759 чалавек з ліку брыгадзіраў вытворчых брыгад і загадчыкаў фермаў, калгасаў і саўгасаў, якія не мелі сярэдняй адукацыі. Шасцімесячныя курсы былі адкрыты на базе пяці тэхнікумаў: Пружанскага, Пінскага, Рэчыцкага, Навагрудскага, Мар'інагорскага. У кожны з іх было напраўлена па 60 навучэнцаў з ліку брыгадзіраў, якія не мелі сярэдняй адукацыі [15, арк. 29, 34].

Адначасова з павелічэннем колькасці розных курсаў выкарыстоўвалася і такая форма навучання, як падрыхтоўка спецыялістаў у філіялах сельскагаспадарчых прафесійна-тэхнічных вучылішчаў (СПТВ). Гэтая форма навучання пачала ўкараняцца з 1967 г., але яе актуальнасць і запатрабаванасць узмацніліся пасля таго, як у 1970 г. была прынята пастанова ЦК КПБ і СМ БССР "Аб арганізацыі тэхнічнага ўсеагульнага навучання на вёсцы" [7, с. 143]. Паводле гэтай пастановы філіялы СПТВ пачалі стварацца на базе перадавых калгасаў і саўгасаў. Акрамя таго, пасля гэтай пастановы амаль у кожным калгасе і саўгасе пачалі працаваць кароткатэрміновыя навучальныя курсы, якія былі ўключаны ў сістэму Дзяржаўнага камітэта Савета Міністраў БССР па прафесійна-тэхнічным навучанні. У 1970 г. у рэспубліцы налічвалася 200 філіялаў СПТВ, дзе кожны год навучалася 7680 чалавек, у 1982 г. у БССР налічвалася 70 сельскіх прафтэхвучылішчаў, а колькасць іх філіялаў павялічылася да 279. У 1970–1980-я гг. штогод беларускія СПТВ рыхтавалі каля 24–25 тыс. трактарыстаў, камбайнераў, аператараў па адкорме буйной рагатай жывёлы і свіней, іншых спецыялістаў масавых прафесій [4, с. 38, 39].

У 1975 г. падрыхтоўку спецыялістаў у народных універсітэтах змаглі ўзяць пад кантроль раённыя ўлады. У кожным раёне пры раённых упраўленнях сельскай гаспадаркі быў створаны адзін такі ўніверсітэт, усяго іх на гэты час было 117, дзе навучалася каля 30 тыс. вясковых спецыялістаў масавых прафесій. Напрыклад, у Жабінкаўскім раёне ў такім універсітэце навучалася 120 чалавек. Надалей, каб вырашыць пытанне набліжэння адукацыі да месцаў працы, у гаспадарках ствараліся філіялы раённых народных універсітэтаў, у 1981/1982 навучальным годзе ўжо працавала 137 такіх філіялаў, агульная колькасць навучэнцаў у сістэме народных універсітэтаў дасягнула 35 тыс. чалавек [3, с. 57].

Рыс. 1. **Галоўны заатэхнік племзавода "Ведрыч" Рэчыцкага раёна, аспірант Беларускага навукова-даследчага Інстытута жывёлагадоўлі, дэкан заатэхнічнага факультэта народнага ўніверсітэта сельскагаспадарчых ведаў пры племзаводзе Л. Глытаў з даяркамі племянной фермы "Капошын" В. Юдэнка і Р. Церамцовай. Племзавод "Ведрыч" Рэчыцкага раёна Гомельскай вобласці, снежань 1971 г. [БДАКФФД[1], 0-111989].**

Курсавая агразаатэхнічная падрыхтоўка, народныя ўніверсітэты працавалі і ў наступныя гады. Гэта, безумоўна, аказвала станоўчы ўплыў на справу падрыхтоўкі спецыялістаў масавых прафесій. Так, у 1985 г. у БССР у мэтах падрыхтоўкі спецыялістаў масавых прафесій было створана 117 вучэбных пунктаў (па адным на раён) райсельгастэхнікі, працавала 111 перасоўных вучэбных класаў, якія падрыхтавалі 12260 аператараў машыннага даення, а за 1985–1986 навучальны год іх было падрыхтавана 39,5 тыс. Чарговую мэтавую перападрыхтоўку ў гэтых класах прайшлі 27919 спецыялістаў-жывёлаводаў, якія працавалі на новых фермах і комплексах [16, арк. 245, 249].

Сярод жывёлаводаў і паляводаў было шмат добрасумленных, адданых справе людзей. Яны мелі значныя працоўныя дасягненні, былі перадавікамі вытворчасці, ушаноўваліся ўзнагародамі, у тым ліку дзяржаўнымі. У калгасе імя М. Ламаносава Лях авіцкага раёна з 1954 па 1965 г. звеннявой комплекснага звяна працавала Вольга Канстанцінаўна Мацюшка. На працягу значнага перыяду яе звяно атрымлівала высокія ўраджаі. Напрыклад, у 1960 г. яно атрымала 370 ц/га цукровых буракоў, 8,4 ц/га ільнонасення. За шматгадовую самаадданую працу В. Мацюшка была ўзнагароджана ордэнам "Знак Пашаны" (1958 г.), імян-

[1] БДАКФФД – Беларускі дзяржаўны архіў кінафотафонадакументаў.

ным залатым медалём Выстаўкі дасягненняў народнай гаспадаркі СССР (1962 г.), абрана дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР [17, арк. 19].

У 1960-х гг. на ўсю Беларусь былі вядомы імёны даяркі Ганны Васільеўны Шпакоўскай (калгас "Аснежыцкі" Пінскага раёна), майстра машыннага даення, якая ў 1964 г. атрымала 6403 кг малака ад каровы, даяркі гэтай жа гаспадаркі Кацярыны Парфір'еўны Ляснічай, якая за год атрымала па 5852 кг малака ад каровы, даяркі Ніны Васільеўны Маёравай (калгас імя Калініна Добрушскага раёна), якая за год надаіла па 4981 кг малака ад каровы, цялятніцы Варвары Данілаўны Данілюк (калгас "Савецкая Беларусь" Камянецкага раёна), якая атрымала па 951 г прыбаўлення ў вазе ў суткі ад 41 галавы цялят, жывёлавода Уладзіміра Мікалаевіча Шарэшыка (калгас імя Дзяржынскага Слуцкага раёна), які атрымаў па 907 г сутачнага прыбаўлення ў вазе ад замацаванай групы свіней [18, арк. 4, 20, 21, 51].

У розныя гады сярод лідараў аграрнай вытворчасці былі Лідзія Дзмітрыеўна Брызга – аператар машыннага даення калгаса імя Жданава Брэсцкага раёна, Герой Сацыялістычнай Працы, Ганна Сямёнаўна Шчэцька – аператар па гадоўлі буйной рагатай жывёлы калгаса "Чырвоны Кастрычнік" Стаўбцоўскага раёна, Герой Сацыялістычнай Працы, Іван Рыгоравіч Сініцкі – звенавы саўгаса "Загальскі" Любанскага раёна, поўны кавалер ордэна Працоўнай Славы; Іван Іванавіч Куроўскі – трактарыст эксперыментальнай базы "Пагародна" Воранаўскага раёна, поўны кавалер ордэна Працоўнай Славы [19, с. 11] і інш. Аднак у цэлым па рэспубліцы перадавікі вытворчасці не маглі ўзняць на запланаваны кожнай пяцігодкай узровень вытворчасць малака і мяса, бо гэта можна было зрабіць толькі дзякуючы працы ўсёй сельгасарцелі, у першую чаргу працы жывёлаводаў.

Сярод жывёлаводаў самай масавай і цяжкай была праца даярак. У 1950-я гады працэс машыннай дойкі кароў толькі пачаў укараняцца, таму ўсе аперацыі па догляду за жывёлай даяркі выконвалі ўручную. Іх рабочы дзень быў ненарміраваны. У 1969 г. на малочных фермах у калгасах і саўгасах працавала 98 тыс. даярак, а ў 1975 г. – 120 тыс. чалавек [20, 16, арк. 1, 2]. Гэта была самая вялікая група калгасных жывёлаводаў. Кіраўніцтва Дзяржплана БССР канстатавала, што ў выніку аслаблення ўвагі да замацавання кадраў у грамадскай жывёлагадоўлі назіраўся адток асноўных кадраў з вытворчасці, асабліва з тых участкаў, дзе "найбольш цяжкія ўмовы працы, недастатковая аплата працы і нездавальняючыя культурна-бытавыя ўмовы жыцця" [20, арк. 3, 4]. Дзяржплан БССР адзначаў, што гэты непажаданы працэс можа стаць істотным тормазам далейшага развіцця сельскай гаспадаркі, асабліва жывёлагадоўлі. З-за недахопу даярак на малочных фермах Рэчыцкага, Мазырскага, Ваўкавыскага і іншых раёнаў каровы абслугоўваліся не пастаяннымі даяркамі, а "па нарадам і ў парадку чаргі" [20, арк. 3]. У выніку дагляд жывёлы рэзка пагаршаўся, што прыводзіла да недабору малака, хваробы жывёл і іх заўчаснай выбракоўкі.

Гэта самым адмоўным чынам адбівалася на вытворчых паказчыках. У 1969 г. у сярэднім на даярку ў калгасах Літоўскай ССР было атрымана па 442,5 цэнтнера малака, а ў калгасах БССР – па 308,4 цэнтнера малака (менш на 43%). Таму кіраўніцтва Дзяржплана БССР зрабіла выснову, што "стан забяспечанасці кадрамі жывёлагадоўлі ў рэспубліцы выклікае вялікую трывогу" [20, арк. 4].

Дзеля таго, каб лепш ведаць становішча спраў у галіне арганізацыі працы жывёлаводаў, прыкладваліся намаганні па правядзенні навукова-статыстычных даследаванняў. Неабходныя папярэднія матэрыялы рыхтаваліся арганізацыямі ЦСУ БССР, якія павінны былі правяраць калгасна-саўгасную справаздачнасць. Акрамя таго, яны мелі распаўсюджаную сетку сваіх кантор у кожным рэгіёне. У пачатку 1972 г. арганізацыямі ЦСУ БССР у мэтах вывучэння ўмоў працы і быту даярак было праведзена абследаванне ў калгасах і саўгасах Мінскай вобласці. Ім былі ахоплены 16762 асноўныя і 1459 падменных даярак [21, арк. 4]. У выніку былі атрыманыя важныя статыстычныя звесткі. Калі звярнулі ўвагу на ўзроставыя паказчыкі, высветлілася, што асноўную групу даярак складалі жанчыны ва ўзросце 31–40 гадоў (33,1% ад агульнай колькасці) і ва ўзросце 41–50 гадоў (42,4% ад агульнай колькасці). Даяркі маладзейшых узростаў складалі значна меншую групу: ва ўзросце да 20 гадоў было толькі 0,9% жанчын, ва ўзросце 21–25 – 2,9% жанчын. Невялікую колькасць налічвалі і групы даярак старэйшага ўзросту. Група ўзросту 51–54 гадоў налічвала толькі 10,1% жанчын. Невялікай па колькасці была група даярак пенсійнага ўзросту – 55 гадоў і старэйшага – 3,6% ад агульнай колькасці даярак. Такім чынам, асноўную групу да-

ярак складалі жанчыны ва ўзросце ад 31 да 50 гадоў – болей за 75% ад агульнай колькасці даярак. Разам з тым вясковая моладзь вельмі неахвотна ішла на калгасную працу. На момант абследавання ў вёсках Мінскай вобласці налічвалася 8,2% жанчын ва ўзросце да 25 гадоў, у той час як гэтая група даярак налічвала толькі 3,8% ад іх агульнай колькасці (у 2 разы менш) [21, арк. 5].

Шмат у чым характэрную карціну высветліла абследаванне адукацыйнага цэнзу даярак. Было ўстаноўлена, што агульную сярэднюю адукацыю мелі толькі 583 даяркі (3,2%), незакончаную сярэднюю – 4701 даярка (25,5%), пачатковую адукацыю – 9550 даярак (52,5%), не мелі ніякай адукацыі – 3377 даярак (18,5%). На долю даярак, якія мелі пачатковую адукацыю і не мелі ніякай адукацыі, прыпадаў 71% даярак, пры ўдзельнай вазе даярак, старэйшых за 40 гадоў, – 56% [21, арк. 6]. Гэта сведчыла аб тым, што значная частка маладых даярак ва ўзросце да 25 гадоў мела толькі пачатковую адукацыю ці ўвогуле не мела ніякай. Вясковым дзяўчатам з такім узроўнем адукацыйнага цэнзу было вельмі цяжка ўладкавацца на працу ў горадзе. Менавіта дзявочая моладзь гэтай катэгорыі папаўняла кантынгент калгасных даярак. Яны не баяліся цяжкой працы, таму што прызвычаіліся да яе з маленства на палетках свайго калгаснага двара.

У працэсе абследавання стажу работы даярак у адным калгасе ці саўгасе высветлілася, што 1433 даяркі (8%) працавалі менш за 1 год, ад 1 да 3 гадоў працавалі 3490 даярак – 19%, ад 3 да 5 – 3054 даяркі – 17%, ад 5 да 10 – 5863 даяркі – 32%, звыш 10 гадоў – 4376 даярак – 24% ад агульнай колькасці. Найбольшая колькасць даярак са стажам менеў за 1 год працавала ў калгасах Уздзенскага раёна – 21%, Капыльскага і Круглянскага раёнаў – 13% [21, арк. 6]. Такім чынам, працоўныя калектывы калгасных і саўгасных даярак, нягледзячы на цяжкасці працы, былі даволі стабільнымі. Асноўную групу даярак па стажы працы ў адной гаспадарцы складалі даяркі, якія працавалі ў гаспадарках ад 5 да 10 і звыш 10 гадоў, – 56% ад агульнай колькасці.

Адукацыйны фактар уплываў на павышэнне кваліфікацыі і прафесіяналізму даярак. Пры абследаванні іх майстэрства было ўстаноўлена, што майстрамі першага класа з'яўляліся толькі 179 (2%) даярак у калгасах і 384 (3%) даярак у саўгасах. Майстрамі 2-га класа былі 479 (4%) калгасных і 857 (12%) саўгасных даярак. Ніякай класнасці не мелі 10619 (94%) калгасных і 5703 (82%) саўгасныя даяркі [21, арк. 7].

Безумоўна, абсалютная перавага даярак, якія не мелі дастатковай кваліфікацыі, аказвала негатыўны ўплыў на барацьбу за паляпшэнне якасці калгаснай прадукцыі. З іншага боку, гэта сведчыла аб тым, што калгасна-саўгаснае кіраўніцтва вельмі дрэнна клапацілася аб паляпшэнні прафесійнай падрыхтоўкі даярак, таму што стаж працы ў адной гаспадарцы болей за 5 гадоў мелі 56% даярак, а гэты паказчык непасрэдна ўздзейнічаў на прысваенне чарговай класнасці кваліфікацыйнымі камісіямі. Разам з тым паказчык класнасці ўплываў на заработную плату даярак, таму што за класнасць налічвалася даплата ў памеры ад 5% да 15% асноўнага заробку. Вясковая моладзь гэта ведала і таму з неахвотай ішла на калгасную працу. У 1971 г. у калгасы і саўгасы Мінскай вобласці было прынята ў якасці даярак толькі 1567 чалавек, у тым ліку моладзі, якая ўпершыню прыйшла на працу, толькі 216 чалавек (14%), г.зн. моладзь не спяшалася ў калгасы [21, арк. 8].

Вельмі характэрныя для савецкай рэчаіснасці вынікі былі атрыманы і пры абследаванні ўмоў працы і ступені задавальнення ёю з боку даярак. Высветлілася, што нягледзячы на цяжкасці, у 1971 г. у калгасах былі задаволены сваёй працай 8695 чалавек (77%), у саўгасах – 4628 (67%) даярак ад агульнай колькасці. Незадаволены працай былі 2582 чалавекі (23%) у калгасах, 2316 (33%) даярак у саўгасах. Асноўнай прычынай, якую даяркі назвалі нездавальняючай, была адсутнасць пастаянных выхадных дзён. Вялікі працоўны дзень, адсутнасць магчымасці для адпачынку не задавальняла 63% даярак, якія былі незадаволены сваёй працай. Сярэдняя працягласць працоўнага дня ў 1971 г. складала больш за 10 гадзін у калгасах і 8 гадзін у саўгасах. У калгасах Мінскай вобласці ў сярэднім кожная даярка адпрацавала 312 дзён. 2122 даяркі (43%) з ліку незадаволеных сваёй працай заявілі, што іх не задавальняе аплата працы. У 1971 г. сярэднегадавая аплата працы даярак у калгасах Мінскай вобласці склала 1163 руб. на год, ці 3 руб. 73 кап. у разліку на адзін чалавека-дзень [21, арк. 9, 10].

Умовы працы даярак былі цяжкімі. У 1971 г. у калгасах 49% даярак былі заняты ручной працай, у саўгасах – 41%. Кожная даярка, якая выконвала даенне рукамі, абслугоўвала ад 11 да 15 кароў (28% даярак ад агульнай колькасці) і ад 16 да 20 кароў (18% ад агульнай колькасці) у калгасах. Пры ме-

ханічным спосабе даення даяркі ў калгасах абслугоўвалі значна большыя групы кароў – ад 16 да 30. Акрамя даення яны выконвалі і іншыя аперацыі: ачышчалі кароўнікі, чысцілі жывёл перад даеннем, займаліся раздачай кармоў, падсцілкай месца ўтрымання. На момант абследавання ўзровень механізацыі гэтых працэсаў быў нізкім. Раздача кармоў была механізавана ў калгасах і саўгасах Мінскай вобласці толькі на 20%, ачыстка жывёлагадоўчых памяшканняў – на 29%, комплекснай механізацыяй было ахоплена толькі 15% ад агульнага пагалоўя кароў, якія былі на калгасных і саўгасных фермах Мінскай вобласці [21, арк. 11, 12].

Тым не менш, нягледзячы на такія складаныя ўмовы працы, пераважная большасць даярак – 77% ад агульнай колькасці выказала задавальненне ўмовамі сваёй працы. На нашу думку, гэта сведчыла аб тым, што ў калгасах і саўгасах іх кіраўніцтвам, прафсаюзнымі, партыйнымі арганізацыямі праводзілася сур'ёзная выхаваўчая праца. Большасць калгаснікаў спадзяваліся, што ў хуткім часе становішча палепшыцца, у тым ліку адносна ўмоў працы і яе аплаты. Тым больш, што яны мелі магчымасць параўноўваць становішча, у якім калгаснікі жылі і працавалі ў 1950-я гады, і тыя змены, якія адбыліся на працягу восьмай пяцігодкі. Асабліва пераход на гарантаваную аплату працы калгаснікаў, будаўніцтва культурна-бытавых памяшканняў, жылых дамоў для калгаснікаў і г.д.

Рыс. 2. **Першы сакратар ЦК КПБ П. Машэраў сярод удзельнікаў рэспубліканскага спаборніцтва даярак, Мінская вобласць, 1973 г. [БДАКФФД, 0-129661].**

Але праблема ненармаванага працоўнага дня і малога заробку калгаснікаў не сыходзіла з парадку дня. Каб прасачыць дынаміку сацыяльных змен, у 1973 г. сярод шэрага калгасных гаспадарак Карэліцкага, Краснапольскага, Кармянскага раёнаў былі праведзены новыя сацыялагічныя даследаванні. На пытанне "Што Вам не падабаецца ў Вашай працы?" 86,2% паляводаў, 83,4% жывёлаводаў назвалі нізкі заробак, ненармаваны рабочы дзень, нізкі ўзровень механізацыі, дрэнную арганізацыю працы [6, с. 60]. Гэта былі галоўныя фактары дэфіцыту кадраў у раслінаводстве і жывёлагадоўлі. Як бачна, ніякіх змен у арганізацыі працы ў калгасах не адбылося.

Такое становішча не задавальняла партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва савецкай краіны, таму на XXVI з'ездзе КПСС Л. Брэжнеў заклікаў парткамы лічыць жывёлагадоўлю ўдарным фронтам на сяле [22, с. 166]. Аднак і пасля гэтага мала што змянілася. Адзіным выйсцем былі комплексная механізацыя жывёлагадоўлі, мэтавая падрыхтоўка маладых спецыялістаў для галіны. Акрамя таго, не менш значную ролю адыгрываў фактар аплаты працы жывёлаводаў. Аднак і гэта мала дапамагала. У 1982 г. калегія Мінсельгаса БССР прыйшла да высновы, што паляпшэнне ўзроўню механізацыі не аказала істотнага ўплыву на ўпарадкаванне рэжыму працы і адпачынак жывёлаводаў Глыбоцкага раёна. На большасці фермаў даяркам не прадастаўляліся адпачынак і выхадныя дні на рэгулярнай аснове, па гэтай прычыне ў 1982 г. 92% даярак не выкарысталі адпачынак і своечасова не атрымалі выхадныя. Гэта пры тым, што кожная даярка адпрацавала 280 і больш чалавека-дзён у год. Калегія адзначыла, што за апошнія пяць гадоў (з 1976 па 1981 г.) у Глыбоцкім раёне сярэднія заробкі ў жывёлагадоўлі засталіся без змен, а прадукцыйнасць працы ў галіне знізілася на 8,6% [23, арк. 72, 73].

У выніку падобнай арганізацыі працы дэфіцыт кадраў у жывёлагадоўлі быў перманентным. У 1981–1982 гг. у Глыбоцкім раёне не хапала больш за 20 даярак і ў калгасах раёна 464 каровы абслугоўваліся выпадковымі работнікамі з паляводства [23, арк. 72]. У такіх умовах немагчыма было весці гаворку і аб пераходзе на прагрэсіўныя тэхналогіі даення, укараненні паточна-цэхавай арганізацыі працы. На пасяджэнні Савета калгасаў БССР 21 мая 1982 г. было канстатавана, што ў калгасах і саўгасах "значныя страты малака дапускаюцца ў выніку грубых парушэнняў тэхнікі даення. Выклікаюцца яны невысокай кваліфікацыяй кадраў, адсутнасцю належнай іх вучобы і нізкім узроўнем тэхнічнага абслугоўвання абсталявання"

[24, арк. 41]. Восенню 1982 г. Мінсельгас БССР праверыў працу гаспадарак Брэсцкага раёна па пытанні механізацыі працы даярак. У лістападзе на калегіі міністэрства было адзначана, што ў гаспадарках раёна "ніхто абсталяваннем па-сапраўднаму не займаўся, ... у выніку ўзровень механізацыі працаёмкіх працэсаў павышаецца недапушчальна павольна. На фермах пануе ручная праца і прадукцыйнасць працы не толькі не ўзрастае, але нават зніжаецца. І раён не адзінкавы ў гэтым плане" [24, арк. 46].

Безумоўна, беларускае партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва звяртала ўвагу на кадравае пытанне. У 1981 г. першы сакратар ЦК КПБ Т. Кісялёў у прамове на пленуме ЦК КПБ адзначыў, што "адток кадраў з многіх калгасаў і саўгасаў абумоўлены недахопамі ў арганізацыі працы, недобраўпарадкаванасцю ці адсутнасцю жылых памяшканняў, нізкім узроўнем культурнага, гандлёвага і медыцынскага абслугоўвання. Асабліва дрэнна вырашаюцца пытанні будаўніцтва жылля, сацыяльна-культурных аб'ектаў у Хоцімскім, Іўеўскім, Лёзненскім, Барысаўскім і шэрагу іншых раёнаў. Тут і самая вялікая цякучасць калгасна-саўгасных кадраў" [25, с. 123–124].

Між тым, пошук маладых кваліфікаваных рабочых рук для калгасаў з'яўляўся сур'ёзнай праблемай. Насельніцтва ў вёсцы старэла. У 1981 г. на 100 сем'яў калгаснікаў у Віцебскай вобласці прыпадала 80 пенсіянераў і непрацаздольных [23, арк. 49]. У студзені 1985 г. у сельскай гаспадарцы БССР налічвалася 38 тыс. жывёлаводаў перадпенсійнага і пенсійнага ўзросту, аднак замены для гэтых даярак, свінарак, цялятніц і інш. з боку моладзі не было [26, арк. 29]. Гэта быў вынік палітыкі, якую праводзіла партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва ў адносінах да вызначэння ролі і месца чалавечага фактару ў грамадскай сельскагаспадарчай вытворчасці.

І ўсё ж з цягам часу назіраліся зрухі і ў гэтай справе. Ужо ў 1978 г. двухцыклічны рэжым працы даярак быў укаранёны на 1240 фермах у 434 саўгасах Мінсельгаса БССР [2, с. 156]. У 1981–1985 гг. гэты працэс пашырыўся. Даяркі пачалі пераходзіць з трохцыклічнага на двухцыклічны рэжым работы, гэта значыць, яны абслугоўвалі кароў толькі раніцай і вечарам. У 1984 г. у малочнай жывёлагадоўлі працавала 3996 падраздзяленняў (61% ад агульнай колькасці) з двухцыклічным распарадкам дня. Адназменны двухцыклічны рэжым работы даярак выкарыстоўваўся ў Брэсцкай, Мінскай і Віцебскай абласцях.

Рыс. 3. **Герой Сацыялістычнай Працы, аператар машыннага даення калгаса імя Жданава Брэсцкага раёна Л. Брызга, 1985 г. [БДАКФФД, 0-123998].**

Але на шляху да яго ўкаранення было шмат перашкод. Перш за ўсё з боку тэхнічнага забеспячэння. Пры двухцыклічным рэжыме работы нагрузка на даярку значна ўзрастала, і калі даільнае абсталяванне не працавала, гэты рэжым работы не даваў вынікаў. У 1984 г. у калгасах і саўгасах Пухавіцкага, Мядзельскага, Уздзенскага, Смаргонскага раёнаў на малочных фермах працавала 50% даільнага абсталявання з пратэрмінаванай амартызацыяй, яно часта ламалася, увогуле выкарыстоўвалася "з парушэннем тэхнічных нормаў эксплуатацыі" [27, арк. 2]. Толькі ў Мінскім раёне 60% даільных установак патрабавалі замены як тэхнічна непрыгодныя, а ўсяго ў Мінскай вобласці ў 1984 г. было заменена каля 25% даільных установак, якія патрабавалі замены [27, арк. 2, 3]. У 1985 г. двухцыклічны рэжым дня дзейнічаў ужо на 7282 жывёлагадоўчых фермах калгасаў і саўгасаў [5, с. 40–41]. Таму зусім заканамерна, што і ў гэты час кіраўніцтва Мінсельгаса канстатавала, што адной з прычын частай змены жывёлаводаў і слабога прытоку моладзі на фермы з'яўляецца незадаволенасць працай у сувязі з адсутнасцю выхадных дзён і не-

нармальнай працягласцю працоўнага дня. Каб знайсці выйсце з такога становішча, у некаторых гаспадарках спецыялісты прапанавалі новую форму арганізацыі працы ў малочнай жывёлагадоўлі.

У 1981–1985 гг. у Гродзенскай вобласці атрымала распаўсюджванне работа даярак у складзе спецыялізаваных звёнаў па схеме "2+1" ці "3+1". Яе сутнасць была ў тым, што ў склад звяна ўключаўся звеннявы, які выконваў функцыі падменнага работніка. У выніку штатным даяркам праз 4–6 дзён пачалі рэгулярна выдзяляцца два выхадныя дні, у сваю чаргу звеннявы атрымліваў 15% даплату як звеннявы і 10% як падменны. Першымі гаспадаркамі, дзе пачалі практыкаваць такую арганізацыю працы даярак, былі калгасы "Прагрэс", "Шлях да камунізму", "Азёры", "Перамога" Гродзенскага раёна. У гэтым раёне было створана 168 такіх звёнаў, у Ваўкавыскім – 103, Мастоўскім – 57, Навагрудскім – 58, Шчучынскім – 54, Воранаўскім – 52 такіх звяна [27, арк. 4].

У далейшым гэты вопыт пашыраўся і ў іншых абласцях. У 1985 г. у рэспубліцы ўжо было 2974 звяна, якія працавалі на малочных фермах па сістэме "3+1" [27, арк. 8]. Гэта станоўча ўплывала на агульныя вынікі працы.

Заключэнне. Такім чынам, вывучэнне і аналіз фактычнага матэрыялу дазваляюць зрабіць выснову аб тым, што адной з самых шматлікіх груп калгасна-саўгасных спецыялістаў былі жывёлаводы і паляводы. Гэтай катэгорыі вяскоўцаў належала асноўнае месца ў развіцці калгасна-саўгаснай вытворчасці, але яна вызначалася невысокай ступенню агульнага адукацыйнага цэнзу, недастатковай прафесійнай падрыхтаванасцю.

Вырашэнне існуючай праблемы бачылася на шляху стварэння шырокай прафесійна-адукацыйнай сістэмы, якая б уключала розныя формы навучання.

У 1950-я гг. аснову гэтай сістэмы складала курсавая форма навучання, у 1960–1970-я гг. значная роля адводзілася народным універсітэтам, школам перадавога вопыту, падрыхтоўцы спецыялістаў у філіялах СПТВ.

Аднак фармальна-бюракратычныя адносіны партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва СССР і БССР да уліку сацыяльных інтарэсаў калгаснага сялянства (цяжкія ўмовы працы, недастатковая механізацыя, ненармаваны рабочы дзень, невысокія заробкі) не матывавалі жывёлаводаў да павышэння прадукцыйнасці працы, аказвалі адмоўны ўплыў на прафесійны выбар вясковай моладзі.

Гэтыя фактары стрымлівалі развіццё аграрнай вытворчасці, аказвалі негатыўны ўплыў на вырашэнне кадравага пытання ў жывёлагадоўлі.

Літаратура

1. Белязо, Е.П. Крестьянство Белоруссии на пути к развитому социализму (1950–1960 гг.) / Е.П. Белязо. – Минск: Наука и техника, 1982. – 206 с.
2. Боровко, Л.В. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по организационно-хозяйственному укреплению совхозов (1959–1968 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Л.В. Боровко; ИИП при ЦК КПБ. – Минск, 1972. – 24 с.
3. Жилинский, Н.М. Развитие производительных сил села: на материалах Компартии Белоруссии / Н.М. Жилинский. – Минск: Высшая школа, 1984. – 175 с.
4. Кузнецов, Н.В. Курсом специализации и концентрации сельского хозяйства: на материалах КПБ (1965–1983 гг.) / Н.В. Кузнецов. – Минск: Беларусь, 1984. – 200 с.
5. Сакович, В.С. Сельское хозяйство Республики Беларусь в 1980–2007 гг.: тенденции развития / В.С. Сакович. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 449 с.
6. Тарасевич, В.Ф. Социальное планирование на селе / В.Ф. Тарасевич, В.В. Лешкевич. – Минск: Ураджай, 1976. – 144 с.
7. Мартинкевич, Ф.С. Социально-экономические проблемы сельского хозяйства Белоруссии на этапе развитого социализма / В.С. Мартинкевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 472 с.
8. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 14. – Спр. 1269.
9. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 13. – Спр. 894.
10. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 9. – Спр. 609. – Арк. 4.
11. Ф. 31. – Воп. 5. – Спр. 437. – Арк. 61, 63.
12. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 46. – Спр. 728.
13. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 9. – Спр. 6865.
14. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 9. – Спр. 6864.
15. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 9. – Спр. 6389.
16. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 10. – Спр. 484.
17. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 9. – Спр. 6866.
18. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 9. – Спр. 6637.
19. Матэрыялы XXX з'езда Камуністычнай партыі Беларусі. 30–31 студзеня 1986 г. – Мінск: Беларусь, 1986. – 223 с.
20. НАРБ. – Ф. 31. – Воп. 9. – Спр. 1370.
21. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 9. – Спр. 2783.
22. Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981. – 223 с.
23. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 14. – Спр. 2788.
24. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 14. – Спр. 2814.
25. Киселев, Т.Я. Избранные статьи и выступления / Т.Я. Киселев. – Минск: Беларусь, 1984. – 334 с.
26. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 160. – Спр. 1159.
27. НАРБ. – Ф. 48. – Воп. 14. – Спр. 3580.

Паступіў у рэдакцыю 06.02.2017 г.

УДК 27-225:2-5(091)

Учение о богодухновенности Священного Писания в трудах отцов Церкви I–IV вв. н.э.

Веренич А.И.
Учреждение образования
«Минская духовная академия имени святителя Кирилла Туровского», Минск

Главной особенностью Библии, отличающей ее от других литературных произведений и придающей ей непререкаемый авторитет, выступает её богодухновенность. Под ней понимается то сверхъестественное, Божественное вдохновение, которое возводило писателей Священного Писания к высшему совершенству, предохраняло от ошибок, сообщало откровения, руководило всем ходом их работы, благодаря чему эта работа была не продуктом человека, а произведением Самого Бога.

Цель статьи – рассмотрение понятия о богодухновенности Священного Писания, анализ основных исторических этапов и особенностей учения о богодухновенности Священного Писания в Древней Церкви.

***Материал и методы.** Материалом для исследования являются Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, писания святых отцов и учителей Православной Церкви, методами – научный анализ и синтез.*

***Результаты и их обсуждение.** Основные этапы развития учения о богодухновенности Священного Писания в Древней Церкви – эпоха мужей апостольских (I в. н.э.), эпоха апологетов (II век), начало эпохи т.н. золотой святоотеческой письменности (зарождение александрийской и антиохийской богословской школ, III–IV вв. н.э.). Ключевая особенность учения о богодухновенности данного периода – постепенный переход от «вербального», механического понимания богодухновенности к признанию человеческого элемента в ней.*

В статье рассматривается понятие о богодухновенности Священного Писания – главного источника духовного просвещения и обогащения человека. Анализируется, как это понятие раскрывается в самой Библии, а также определяются факторы, влияющие на процесс написания священного текста.

***Заключение.** Библия есть одновременно и Слово Божие и слово человеческое. Божественное Откровение проходило через призму личности ее авторов, живых людей, которые принадлежали к определенным эпохам, испытали на себе влияние окружающей среды, мышления и взглядов современников. В своем развитии учение о богодухновенности Священного Писания в Древней Церкви прошло несколько этапов, характеризующихся определенными особенностями.*

***Ключевые слова:** Библия, Священное Писание, богодухновенность, вдохновение, «мужи апостольские», апологеты, александрийская богословская школа, антиохийская богословская школа.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 22–26)

The Doctrine of the Holy Scripture Divine Inspiration in Works of Fathers of Church of the 1st–4th Centuries A.D.

Viarenich A.I.
Educational Establishment «Prelate Cyril of Turov Minsk Theological Academy», Minsk

The main feature of the Bible which distinguishes it from other literary works and attaches ultimate authority to it, is its divine inspiration. It is understood as the supernatural, Divine inspiration which led writers of the Holy Scripture to the highest perfection, protected them from mistakes, reported revelations to them, directed all course of their work, thanks to what this work was not a product of the human, but the work of God.

The research purpose is consideration of a concept about Holy Scripture divine inspiration, the analysis of the main historical stages and features of the doctrine about the Holy Scripture inspiration in Ancient Church.

***Material and methods.** The material for the research is the Holy Scripture of the Old and New Testaments, the writing of Holy fathers and teachers of Orthodox Church. The main methods of the research are methods of scientific analysis and synthesis.*

***Findings and their discussion.** The main stages of the development of the doctrine about the Holy Scripture inspiration in Ancient Church are: the era of apostolic fathers (1 A.D.), the era of apologists of the 2nd century, the beginning of the*

Адрес для корреспонденции: e-mail: andrey_ver_6dec@mail.ru – **А.И. Веренич**

era of the so-called gold patristic writing (the birth of Alexandria and Antioch theological schools, 3–4 centuries A.D.) The main feature of the doctrine about divine inspiration of this era is gradual transition from «verbal», mechanical understanding of inspiration to the recognition of a human element in it.

The concept about the Holy Scripture divine inspiration, the main source of spiritual education of the person, is considered in the article. It is analyzed how this concept is revealed in the Bible, and also the factors, influencing the process of writing the sacred text, are determined. The main stages and features of the development of the doctrine about the Holy Scripture divine inspiration in Ancient Church are researched.

***Conclusion.** The Bible is both the Word of God and the word of human. The divine Revelation passed in it through the prism of the identity of her authors, living people who belonged to certain eras, were influenced by the environment, thinking and views of contemporaries. The doctrine about the Holy Scripture divine inspiration in Ancient Church passed several stages which are characterized by certain features in the development.*

***Key words:** The Bible, the Holy Scripture, divine inspiration, «apostolic fathers», apologists, Alexandria theological school, Antioch theological school.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 22–26)

Несомненно, для успешной работы и развития духовного просвещения и сотрудничества Церкви и государства в сфере библиотечной, литературной деятельности, а также по охране культурного и исторического наследия Беларуси необходимо наличие в библиотеках качественной духовной литературы. И, прежде всего, требуется наличие главного источника духовного просвещения человека – Священного Писания (Библии).

Главной особенностью Библии, отличающей ее от других литературных произведений и придающей ей непререкаемый авторитет, выступает ее богодухновенность. Под ней понимается то сверхъестественное, Божественное вдохновение, которое возводило писателей Священного Писания к высшему совершенству, предохраняло от ошибок, сообщало откровения, руководило всем ходом их работы, благодаря чему эта работа была не продуктом человека, а как бы произведением Самого Бога. Это является одной из главных истин нашей веры, побуждающей всех верующих признавать книги Библии богодухновенными [1, с. 25; 2–4].

Цель статьи – рассмотрение понятия о богодухновенности Священного Писания, анализ основных исторических этапов и особенностей учения о богодухновенности Священного Писания в Древней Церкви.

Материал и методы. Материалом для исследования являются Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, писания святых отцов и учителей Православной Церкви, методами – научный анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. ***Понятие о богодухновенности Священного Писания.*** Впервые термин «богодухновенность» был употреблен апостолом Павлом в его 2-м послании к Тимофею: *«Все Писание богодухновенно»* (2 Тим. 3:16). В другом месте уже апостол Петр говорит: *«Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии люди, будучи движимы Духом Святым»* (2 Петр. 1:21).

Богодухновенность священных книг не уничтожала личных, природных особенностей их авторов. Господь не подавляет свободную волю человека. *«И духи пророческие послушны пророкам»* (1 Кор. 14:32), – говорит апостол Павел. Поэтому в содержании священных книг, в их изложении, стиле, языке, характере образов и выражений наблюдаются различия между отдельными книгами Священного Писания, которые зависят от индивидуальных, литературных особенностей их авторов [1, с. 26].

Примерами Божественного откровения пророкам являются пророки Моисей и Аарон. Косноязычному пророку Моисею Бог дал в помощь его брата пророка Аарона. На недоумение пророка Моисея о том, каким образом он сможет передавать народу волю Божию, будучи косноязычным, Бог сказал: *«Ты (Моисей) будешь ему (Аарону) говорить и влагать слова (Мои) в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать – и будет говорить он вместо тебя к народу. Итак, он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога»* (Исх. 4:15–16).

Другой пророк, Иеремия, подвергаясь постоянным гонениям за свои пророчества, однажды решил перестать проповедовать вовсе. Но он не смог долго противиться Богу, так как пророческий дар *«был в его сердце как бы горящий огонь, заключенный в его костях, и он истомился, удерживая его»* (Иер. 20:8–9).

Веря в богодухновенность Священного Писания, важно помнить то, что оно есть

достояние Церкви. По промыслу Божию люди спасаются не сами, а в обществе, которым руководит и в котором пребывает Господь. Это общество – Церковь. Если принимать во внимание исторический аспект, то Церковь разделяется на ветхозаветную и новозаветную. Новозаветная Церковь получила духовное богатство ветхозаветной Церкви – Слово Божие. Церковь не только сохраняет букву Слова Божия, но и придает правильное понимание ему. Это связано с тем, что Дух Святой, Который говорил через пророков и апостолов, продолжает жить в Церкви и руководить ею. Поэтому Церковь дает нам правильное руководство, как пользоваться ее письменным богатством, показывает нам, что в нем наиболее важно и актуально в тот или иной момент, а что имеет только историческое значение и не может быть применено в новозаветное время [1, с. 27].

Для того чтобы в полной мере и без искажения донести Божественное Откровение до людей, писатели Священного Писания нуждались в помощи высшего вдохновения. О природе этого вдохновения взгляд Церкви установился не сразу. Ранние отцы, следуя иудейской традиции, склонялись к рассмотрению его как вербального (от лат. вербум – слово), то есть как бы продиктованного свыше и записанного слово в слово. Тогда, действительно, автором Библии становился только Дух Божий, а роль человека ограничивалась механическим воспроизведением Его слов. Но уже с IV века в святоотеческой литературе стала подчеркиваться роль самих авторов. Бог, по словам блаженного Августина, *«через человека говорит по-человечески»* [2, с. 242–244]. На это указывают различия в стилистическом изложении и другие особенности текста. Кроме того, сами богодухновенные авторы говорят о пользовании ими существовавшими до них письменными источниками. Так, например, в книге Чисел (21:14) приводится цитата из несохранившейся книги Браней Господних, а в исторических книгах есть места из другого произведения – книги Праведного (Ис. Нав. 10:13), (2 Цар. 1:18). Таким же образом в Новом Завете евангелист Лука начал работу над своим Евангелием *«по тщательном исследовании всего сначала»*, имея перед собой произведения и труды «многих», кто уже до него писал о Христе (Лк. 1:1–3).

Как отмечает «Православная богословская энциклопедия», вербальному пониманию богодухновенности противоречит *«присутствие разного рода неточностей – исторических и хронологических, топографических – равно и разногласий у священных писателей»* [2, с. 736].

Священное Писание – это одновременно и Слово Божие и слово человеческое. Если, например, в (Быт. 1:6) говорится о водах, *«которые над твердью»*, – это означает не Божественную истину, а космографию, т.е. представление о Вселенной. Божественное Откровение не дает человеку научных данных. Оно, по словам православного библеиста протоиерея А. Князева, *«передает духовный опыт на человеческом языке»* [4, с. 121]. О том, что писатели Священного Писания принимали во внимание уровень своей аудитории, говорит Сам Христос, объясняя, например, что Моисей разрешил разводиться со своими женами из-за «жестокосердия» людей (Мф. 19:8). Богочеловеческий характер Библии вытекает из богочеловеческого характера Откровения. Толкователь и богослов должен поэтому учитывать этот земной аспект Слова Божия, чему может помочь изучение обстоятельств, авторства и времени возникновения той или иной священной книги [5, с. 24]. Следует отметить также, что в богословской литературе можно встретить два схожих понятия: богодухновенность и боговдохновенность. Под богодухновенностью понимают обычно свойство самого текста Священного Писания, а под боговдохновенностью следует понимать особое состояние человека, пишущего священный текст.

Основные этапы и особенности учения о богодухновенности Священного Писания в Древней Церкви (I–IV вв. н.э.). Учение о богодухновенности Священного Писания прошло несколько стадий или этапов в своем развитии. У первых свидетелей церковного учения, «мужей апостольских» – последователей святых учеников Христа – апостолов, встречается еще достаточно мало конкретных суждений о богодухновенности Священного Писания. Эти святые находились еще под непосредственным впечатлением великих событий христианства. Но и немногие свидетельства этого времени показывают жизненность и конкретность понятия о Божественном происхождении Библии. Мужи апостольские, с одной стороны, утверждают тождество действия Духа Божия в устной проповеди и творениях святых апостолов, с другой – допускают свободное

отношение к букве библейских памятников. Достаточно часто мужи апостольские всецело вращаются в кругу мыслей Священного Писания, используя его в отдельных выражениях и целых местах [6].

В век апологетов высказываются уже более определенные взгляды на высший характер Библии. Апологеты были людьми, которые стали христианами после долгих и горячих исканий абсолютной истины в разнообразных философских школах и религиозных системах языческого мира, следовательно, в их учении мы видим следы эллинского образования, которые однако сочетаются со светом Евангельского учения. Их учение о возвышенности, гармонии и божественности Священного Писания поэтому и раскрывается в связи с противопоставлением Библии противоречивым теориям языческих философов и религиозных мыслителей. Стоя на уровне современного образования, апологеты уже не довольствуются простым установлением факта богодухновенности, как апостольские мужи, а исследуют и представляют доказательства этого факта, выявляют способ отношения Духа Божия к человеческой свободе, к естественным силам священных писателей. В то же время апологеты более определенно, чем апостольские мужи, простирают богодухновенность на Священное Писание Нового Завета, особенно Евангелия [6, с. 444].

Во второй половине II века учение о богодухновенности под влиянием появившихся ересей и сект получает полемический отпечаток. Монтанизм резко выставляет понятие о богодухновенности как экстатическом воодушевлении, преувеличивая оценку божественного благодатного воздействия Духа Божия на человека. Многоразличные секты гностицизма одно-сторонне возвышают в деле происхождения Священного Писания человеческое участие священных авторов и, подвергая критике священный канон, вносят в теорию Божественного Откровения вообще и богодухновенности в частности еретическую идею дуализма между Ветхим и Новым Заветом. Поэтому и Мелитон Сардийский, и Ириней Лионский, и Ипполит, епископ Римский, и, отчасти, Тертуллиан (до отпадения в монтанизм) стараются защитить цельный состав канонических Священных Книг и доказать, что в двух частях Божественного Откровения, в Ветхом и Новом Завете, нет ничего такого, что препятствовало бы их органическому единству и гармоническому слиянию. В то же время Климент Александрийский (александрийская богословская щкола), с успехом пользуясь аллегорическим методом толкования, намечает основные понятия теории богодухновенности Священного Писания и создает теорию, содержащую в себе основания для дальнейшего положительного построения учения о Библии. Гармоничное единство как одно из наиболее важных отличительных свойств богодухновенности библейских книг называет и Ориген (александрийская богословская щкола). Из многих мест его творений следует, что он признавал недостатки в стиле священных писателей, но причину этого видел в несовершенстве их адресатов, а не в первоисточниках божественного откровения. По Оригену, через богодухновенность священных авторов Божественная премудрость обращается к ограниченному человеческому разуму, не всегда способному эту премудрость понять, поэтому Библия подобна огромной картине божественной мудрости, заключенной в тесные рамки человеческого языка и человеческих понятий, и таит так много загадок. Исследовать необходимо не голую, простую букву Священного Писания, а его божественный смысл. Только из желания быть понятным людям Бог при Своем Откровении использует несовершенную человеческую речь. Но для постижения истинного смысла сказанного недостаточно определить объем понятий, связанных с тем или иным словом. Необходим еще некоторый чистый разум исследующего человеческого духа, чтобы превзойти человеческие границы содержания человеческих слов [7, с. 34–35].

Достаточно удачные формулировки богодухновенности можно найти у святителя Иоанна Златоуста, одного из самых ярких представителей антиохийской богословской школы. С одной стороны, он говорит, что Библия – это божественное Писание, в котором даны людям неизреченная божественная песнь, роса Святого Духа, божественные мысли и слова, а священных писателей называет живыми одушевленными орудиями Божиими, через которые беседует с людьми Бог, вещает Святой Дух. Выраженные священными авторами мысли суть мысли Самого Бога, а их изречения – произведения не человеческого ума, а божественной благодати. С другой стороны, Священное Писание – книга, написанная для людей и в приспособлении к человеческим возможностям понять

Откровение в соответствии с конкретным временем и местом, под влиянием внешних исторических условий. В свое время Ориген утверждал одинаковые происхождение и авторитет двух Заветов, святитель Иоанн Златоуст же, напротив, признает единство их происхождения от Бога, но выше ставит авторитет новозаветных писаний. Святитель немало говорит о личностном участии священных авторов в деле написания книг Священного Писания [7, с. 31–32].

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что Библия есть одновременно и Слово Божие и слово человеческое [8]. Божественное Откровение проходило через призму личности ее авторов, живых людей, которые принадлежали к определенным эпохам, испытали на себе влияние окружающей среды, мышления и взглядов современников. Основными этапами развития учения о богодухновенности Священного Писания в Древней Церкви являются эпоха мужей апостольских (I в. н.э.), эпоха апологетов II века, начало эпохи золотой святоотеческой письменности (зарождение александрийской и антиохийской богословской школ, III–IV вв. н.э.). Ключевая особенность учения о богодухновенности данного периода – постепенный переход от «вербального», механического понимания богодухновенности к признанию человеческого элемента в ней.

Литература

1. Александр (Милеант), епископ. Что такое Библия? История создания, краткое содержание и толкование Священного Писания / епископ Александр (Милеант). – М.: Издательство Даръ, 2008. – 528 с.
2. Августин блаженный. Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского: в 3 т., 11 ч. / блаженный Августин. – Киев: Типография Чоколова, 1906. – Т. 2, ч. 3: О граде Божием. – Кн. 17, гл. 6. – 394 с.
3. Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь: в 2 т. / А.П. Лопухин. – М.: Возрождение, 1992. – Т. 2. – 1232 с.
4. О боговдохновенности Священного Писания // Православная мысль. – Вып. 8. – Париж: Ymca-Press, 1951. – С. 121.
5. Мень, А., протоиерей. Исагогика. Курс по изучению Священного Писания. Ветхий Завет / протоиерей А. Мень. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2000. – 636 с.
6. Леонардов, Д.С. Теория богодухновенности в александрийской школе. Теория Оригена / Д.С. Леонардов // Вера и разум. – 1907. – № 4. – С. 443.
7. Юревич, Д. Учение о богодухновенности Священного Писания и его актуальность в современных библейских исследованиях / Д. Юревич // Материалы XV Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – М., 2005. – Т. 1.
8. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.

Поступила в редакцию 19.01.2017 г.

УДК 94(470)«1944/1947»(045)

Формирование кадрового состава руководителей и рабочих массовых профессий из числа партизан и демобилизованных воинов в БССР (1943–1948 гг.)

Пашуто А.В.
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Актуальность исследования деятельности партийных и государственных органов БССР по подбору и расстановке кадрового состава в народном хозяйстве республики в годы послевоенного восстановления из числа партизан и демобилизованных воинов состоит в том, что изучение данной проблемы позволяет раскрыть сложности этого процесса в первые послевоенные годы, сформировать целостное представление о происходящих в эти годы событиях в контексте современных взглядов.

Цель работы – анализ деятельности партийных и государственных органов БССР по формированию руководящих кадров, специалистов и рабочих массовых профессий из числа партизан и демобилизованных воинов.

***Материал и методы.** В статье использованы документальные материалы Национального архива Республики Беларусь и государственного архива Витебской области. При этом применялись как общенаучные, так и традиционные специально-исторические методы: историко-системный и историко-сравнительный.*

***Результаты и их обсуждение.** Рассматриваются вопросы формирования руководящих кадров и рабочих массовых профессий из числа демобилизованных воинов и участников партизанского движения в 1943–1948 гг., их деятельность по восстановлению народнохозяйственного комплекса республики в первые послевоенные годы. Автор анализирует содержание документов союзных и республиканских органов, определяющих пути трудоустройства демобилизованных воинов (партизан), их реализацию в сложные и сжатые сроки в регионах страны. Результатом исследования является вывод о том, что послевоенное трудоустройство демобилизованных воинов и партизан проводилось поэтапно. Первый этап определяется с октября-ноября 1943 г. до июня 1945 г., когда были намечены направления работы по формированию кадрового состава на освобожденной территории БССР из числа партизан. Второй этап – с середины 1945 г., основанный на принятии государственных законов о демобилизации личного состава Красной Армии после Победы над фашистской Германией.*

***Заключение.** На этапе 1943–1948 гг. партийные и государственные органы проводили активную работу по формированию, воспитанию руководящих кадров и комплектованию производственных коллективов рабочими массовых профессий из числа демобилизованных воинов и партизан. Впоследствии их трудоустройство происходило в плановом порядке, что позволило в значительной степени решить острый на то время вопрос подбора, расстановки и переподготовки кадров массовых профессий и руководящих работников для народного хозяйства республики.*

***Ключевые слова:** чрезвычайные условия, кадровая политика государства, система трудоустройства демобилизованных воинов Красной Армии.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 27–34)

Building up Management Personnel and Workers of Mass Jobs out of the Former Partisans and Demobilized Warriors in the BSSR (1943–1948)

Pashuto A.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The study of the Party and state bodies activities in the BSSR on selection and placement of personnel in the Republic economy in the post-War revival years out of the former partisans and demobilized warriors is topical because this study makes it possible to disclose the shortcomings of the process in the first post-War years and shape a wholesome picture of those processes in the contemporary context.

The purpose of the work is analysis of the Party and state bodies' activities in the BSSR on building up management personnel, specialists and workers of mass jobs out of the former partisans and demobilized warriors.

Адрес для корреспонденции: e-mail: apashyto2013@ya.ru – **А.В. Пашуто**

Material and methods. *National Archive of the Republic of Belarus and State Archive of Vitebsk Region documents are used in the article. General research as well as traditional special historical methods are used in the article: the historical and system and the historical and comparative.*

Findings and their discussion. *Issues of building up management personnel and workers of mass jobs out of the former partisans and demobilized warriors in 1943–1948 are considered in the article, their activities on reconstruction of the Republic economy in the first post-War years. The author analyzes contents of documents of the Union and the Republic bodies which established ways of employment of demobilized warriors (partisans) and their implementation in the complicated and short time in the country's regions. The research findings are the conclusion on the stages of post-War employment of demobilized warriors and partisans. The first stage, October-November 1943 – June 1945, was the time when the directions of personnel shaping out of partisans on the liberated territory of the BSSR were outlined. The second stage, from the mid 1945, was based on adopting state Red Army Personnel Demobilization laws after the Victory over fascist Germany.*

Conclusion. *Between 1943 and 1948 the Party and State bodies actively worked on building up, training management personnel and providing manufacture collectives with workers of mass jobs out of demobilized warriors and partisans. Later their employment was in a planned way, which made it possible to solve the urgent issue of selection, placement and training mass jobs specialists and management personnel for the Republic economy.*

Key words: *emergency conditions, state personnel policy, system of employment of demobilized Red Army warriors.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 27–34)

Опыт государственного управления экономикой и социальной сферой имеет особую значимость. Он постоянно находится в поле зрения исследователей. В предложенной статье анализируется проблема формирования кадрового состава руководителей и рабочих массовых профессий в БССР из числа партизан и демобилизованных воинов после продолжительной Великой Отечественной войны. Изучение и анализ источников, посвященных данной проблеме, показывает, что с 1943 по 1948 г. на фоне трудной экономической ситуации правительством БССР был принят ряд мер по комплектованию кадрового состава страны. Особая роль в этом процессе в послевоенное время отводилась партизанам и демобилизованным фронтовикам, из числа которых формировалась основная часть будущих руководителей. Именно на этом этапе, вопреки трудностям, партийные комитеты и государственные институты активно подбирали руководителей и укрепляли кадровый состав БССР. Благодаря слаженной работе советских, партийных органов и военных ведомств за короткий срок была в основном решена задача включения более 400 тысяч фронтовиков в трудовую и общественно-политическую деятельность. За счет трудоустройства фронтовиков росли рабочие коллективы, шло восстановление довоенных предприятий, возводились новые заводы и фабрики.

Цель работы – анализ деятельности партийных и государственных органов БССР по формированию руководящих кадров, специалистов и рабочих массовых профессий из числа партизан и демобилизованных воинов.

Материал и методы. В статье использованы документальные материалы Национального архива Республики Беларусь и государственного архива Витебской области. При этом применялись как общенаучные, так и традиционные специально-исторические методы: историко-системный и историко-сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Во время освобождения территории от немецко-фашистских оккупантов и перехода к мирной жизни перед белорусским народом встала задача поднять из руин разоренную войной республику, возродить отрасли народного хозяйства и социально-культурную сферу. Решение этой задачи потребовало быстрого восстановления партийных и советских организаций, комплектования их кадрами, способными к деятельности в экстремальных для того времени условиях. Следует отметить, что практическая работа по изучению кадров для партийной и государственной службы проводилась на территории всей республики еще до освобождения от немецких захватчиков. Так, находясь в подполье, Витебский обком КПБ наладил связь с партизанскими бригадами, действующими на территории области. В партизанские бригады были направлены руководящие сотрудники аппарата обкома – Жилянин, Позняков, Плисс, Шенделев, Рудаков, Богданов, Позняк, Радкевич, Адмиралов, Китица, Артеменко и другие. Здесь вместе с рассмотрением вопросов организации вооруженной борьбы обсуждались проблемы послевоенного восстановления региона, шло формирование резерва кадров. Как правило, в резерв зачислялись командиры и комиссары партизанских бригад и отрядов, а также проявившие свои лучшие качества, стойкость, мужество и отвагу в борьбе с оккупантами партизаны и подпольщики. Уже к августу

1943 г. были составлены списки людей, способных по своей профессиональной подготовке и политическим воззрениям возглавить партийные комитеты и организации советской власти. В каждом райкоме КП(б)Б (находившемся в подполье) был создан резерв (от 80 до 100 человек) для выдвижения на партийную, советскую и хозяйственную работу [1, л. 1].

В октябре-ноябре 1943 г. при успешном наступлении Красной Армии на Витебщине от немецко-фашистских захватчиков освобождены Меховский, Суражский, Дубровенский, Городокский и частично Лиозненский, Россонский, Полоцкий, Сиротинский районы. Партизанские бригады Шмырева, Дьячкова, Райцева, Захарова, Бирулина, Охотина, Марченко, частично Захарова и Герасимова, в которых насчитывалось свыше 7 000 человек, вышли на соединение с регулярными частями Красной Армии [2, л. 2]. Такие же события происходили и в освобожденных районах других областей. До июня 1944 г. от немецких захватчиков было освобождено около 20% временно оккупированной территории республики. Многие представители партизанского движения (их число определить не удалось) влились в ряды Красной Армии для участия в дальнейших боевых действиях. Из числа оставшихся появилась возможность укомплектовать партийные, советские и хозяйственные организации [2, с. 23]. Организаторы партизанского движения М.Ф. Шмырев, И.И. Прудников, А.М. Филиппов и др. уже в 1943 г. приступили к управлению ответственными участками советской работы [3, с. 477–478].

Сведения, представленные в табл. 1, подтверждают, что еще в марте 1944 г. назначение на руководящие должности на освобожденной территории Витебской области происходило преимущественно за счет бывших партизан.

Как видно, из 63-х направленных на партийную работу специалистов больше половины составили участники партизанского движения. Так, 16 были назначены на должность секретарей РК КП(б)Б, 16 – заведующих отделами РК КП(б)Б, 14 – инструкторами РК КП(б)Б.

Значительное число бывших партизан было направлено в аппарат восстанавливающихся советских организаций. Из 47 вакантных руководящих советских постов бывшие участники партизанского движения заняли двадцать семь. 8 из них назначены председателями райисполкомов, 7 – заведующими районными заготовительными отделами, 3 – районными финансовыми отделами, 4 – районными отделами здравоохранения и 5 – районными уполномоченными кормовых заготовок. Важным звеном кадровой политики на этом отрезке времени являлось поднятие уровня партийных и советских кадров. С этой целью создавалась сеть учебных учреждений по подготовке и повышению квалификации партийных и советских работников. В марте 1944 г. ЦК КП(б) Беларуси организовал в Гомеле

Таблица 1

Назначения на руководящие должности бывших партизан в количественном соотношении с другими категориями населения по состоянию на март 1944 г. [1, л. 3]

№ п/п	Занимаемая должность	Всего	Из партизан	Из советского тыла	Впервые
1.	Секретарь РК КП(б)Б	23	16	7	10
2.	Зав. отделом РК КП(б)Б	20	16	4	7
3.	Инструктор РК КП(б)Б	20	14	6	14
4.	Пред. райисполкома	10	8	2	7
5.	Зав райзо	9	7	2	9
6.	Зав. райфо	9	3	6	8
7.	Зав. райздравом	10	4	6	5
8.	Районный уполномоченный кормовых заготовок	9	5	4	2
9.	Редактор районной газеты	5	4	1	4
	Всего	115	77	38	76

курсы. Первый набор в составе 59 человек осуществлен в этом же месяце, через областные курсы обучение прошли 52 советских партийных активиста. В последующем переподготовка партийных и советских работников имела постоянную тенденцию к возрастанию.

Комплектование руководящих должностей за счет партизан происходило и на производственных участках. Особое внимание уделялось расстановке кадров в сельском хозяйстве. Только за март 1944 г. на должность директоров МТС из числа бывших партизан назначено 15 человек. Тем не менее руководящие кадры МТС, земельных органов и колхозов зачастую не имели должного практического опыта в работе. По этой причине в ряде освобожденных районов области были организованы курсы подготовки руководящих кадров – председателей колхозов, бригадиров, заведующих фермами и специалистов массовых профессий: трактористов, кузнецов и других работников сельского хозяйства. Это позволило к марту 1944 г. подготовить 80 председателей сельсоветов, 242 председателя колхоза, 346 счетоводов, 276 бригадиров полевых работ, 36 колхозных мерщиков, 18 бригадиров-овощеводов, 207 заведующих животноводческими фермами, 20 заведующих птицефермами, 19 заведующих фермами водоплавающей птицы, 10 бригадиров-садоводов, 176 ветеринарных санитаров, 67 трактористов, 12 колхозных кузнецов, 198 счетно-финансовых работников. Всего за зимний период 1944 г. было подготовлено 1 763 рабочих и специалиста. К началу весенне-полевых работ хотя и не были восполнены потребности в полном объеме, однако удалось снизить кадровый голод и более эффективно организовать на освобожденных территориях первую посевную, что в условиях послевоенной разрухи имело положительное хозяйственное и политическое значение [1, л. 4].

Приступившие к реализации намеченного руководители и специалисты стремились как можно лучше наладить работу по восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Отдельные из них имели приобретенный еще до войны практический опыт. В то же время на руководящие должности было выдвинуто большое число людей, которые впервые оказались в таком статусе. Все они нуждались в приобретении опыта работы по управлению коллективами трудящихся. Сложность задач, которые предстояло решать на местах в первые месяцы после освобождения, требовала системной подготовки и тех руководителей и специалистов, которые имели опыт работы в мирное довоенное время. Особенно остро эта проблема ощущалась в сельском хозяйстве, где специалистов сельскохозяйственного профиля и квалифицированных руководителей было крайне мало. Подобное положение обязывало центральный и областные партийные комитеты продуманно планировать и проводить работу по подготовке и переподготовке кадров. Так, Витебский обком партии обязал областные и районные организации, помимо работы курсов, готовить руководителей и иных квалифицированных специалистов в освобожденных районах по месту занятости с отрывом и без отрыва от производства. С этой целью областной комитет партии направил в освобожденные районы области своих сотрудников для оказания практической помощи. По результатам работы была создана сеть краткосрочных районных курсов при МТС, что позволило за весенне-летний период 1944 г. повысить квалификацию значительному количеству специалистов для села. За этот же период 1944 г. из числа партизан и населения подготовлен целый ряд остро востребованных работников (табл. 2).

Приоритетным направлением решения кадровых вопросов для народного хозяйства освобожденных территорий являлись специалисты-экономисты и руководители сельского хозяйства. Работа по их подготовке велась не случайно. В условиях военного времени необходимо было организовать строгий контроль и учет тех средств, которые поступали в промышленность и сельское хозяйство, с последующим их рациональным распределением по отраслям. По этой причине была начата подготовка специалистов среднего кадрового звена: бухгалтеров, счетоводов, кладовщиков. С другой стороны, следовало в кратчайшие сроки организовать эффективную работу колхозно-совхозного производства, что было бы невозможным без четкого руководства и организации. Поэтому еще одним приоритетным пунктом кадровой политики стала подготовка таких специалистов, как председатель колхоза, бригадир, агроном. Необходимо отметить, что выбранные направления показали свою эффективность. К началу весенне-полевых работ 1944 г. сельскохозяйственный сектор области был пополнен людьми, прошедшими обучение и получившими навыки руководителей-организаторов сельского хозяйства.

Таблица 2

Сведения о послевоенном трудоустройстве демобилизованных воинов и партизан на самые востребованные специальности (весна-лето 1944 г.)

№ п/п	Специальность	Количество
1.	Председатель колхоза	20
2.	Кладовщик	29
3.	Зав. нефтебазой	32
4.	Бригадир тракторной бригады	33
5.	Ст. бухгалтер	39
6.	Бухгалтер	22
7.	Счетовод	47
8.	Старший агроном	33
	Всего	255

С полным освобождением Красной Армией (28 июля 1944 г.) территории Беларуси потребность в кадрах в республике многократно возросла. Вновь, как и прежде, руководители партийных, советских и хозяйственных организаций подбирались из числа партизан и подпольщиков. На высокие посты в республике и областях выдвинуты П. Пономаренко, К. Мазуров, П. Машеров, Б. Калинин, В. Ливенцев, М. Шмырев, В. Лобанок, Д. Райцев, М. Бирулин и многие другие.

После Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне перед партийными и советскими организациями встала задача системно организовать трудоустройство демобилизованных воинов. Важнейшим документом о демобилизации воинов с последующим их трудоустройством являлся Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии 23 июня 1945 г.». Он был разработан и принят сессией Верховного Совета СССР как основной нормативно-правовой акт. Позже (25 сентября 1945 г.) Президиум Верховного Совета СССР принял решение о проведении второй очереди, затем 20 марта 1946 г. принято решение о проведении третьей очереди демобилизации защитников страны. Намечалось в 1948 г. завершить демобилизацию и провести трудоустройство вернувшихся воинов. Указывалось, что, несмотря на тяжелое экономическое состояние страны, демобилизованным будет оказана материальная помощь, а также поддержка в выделении и приобретении жилья. Постановлениями СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 20 марта и 30 сентября 1945 г. облисполкомам предлагалось передавать фронтовикам крупный рогатый скот, оказывать действенное содействие в трудоустройстве. По состоянию на 1 ноября 1946 г. в республику возвратились 317 422 демобилизованных воина. Они получили 28091 дом, 70913 квартир [4, с. 29]. Для бывших военнослужащих и партизан законодательством предусматривались послевоенная адаптация, получение профессии, специальности или рабочего места, которое хотя бы частично соответствовало положению, занимаемому фронтовиком в довоенные годы, выдвижение и введение в резерв для работы в партийных советских органах.

Вопросы о выполнении принятых центральными органами решений находились под постоянным контролем республиканских и областных организаций. При СНК БССР было создано управление, а при областных и районных исполнительных комитетах – отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству демобилизованных воинов, партизан и их семей.

Подбор, расстановку и воспитание кадров партия всегда рассматривала в качестве важнейшего участка работы. После освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков ЦК КП(б)Б и обкомы партии подбирали кадры для работы в партийных, советских и хозяйственных организациях главным образом за счет актива. В первую очередь было стремление расставить на руководящие посты людей с высшим образованием [5, с. 15–16]. Значительная нагрузка в подборе и расстановке кадров ложилась на ЦК ВКП(б) и ЦК Компартии Беларуси. Только в 1944 г. для работы в партийных и советских органах было направлено 53 000 партизан, значительная часть которых впервые была выдвинута на руководящие должности. Под особым контролем ЦК шло укрепление партийных комитетов во вновь образованных областях (Бобруйской, Барановичской, Полесской, Пинской, Полоцкой, Вилейской). До июня

1945 г. из восточных областей СССР сюда направлено, в основном на партийную и советскую работу, 1059 человек. К 1945 г. партийные, советские и хозяйственные органы на всей территории БССР были практически полностью кадрами укомплектованы. В дальнейшем кадровый состав укреплялся в основном за счет повышения квалификации на специально организованных курсах, где велась их переподготовка [6, л. 78]. К 1949 г. в республике в основном сложился крепкий кадровый состав партийных и советских организаций.

Немаловажную роль в укреплении кадров массовых профессий республики играли и городские военные комиссариаты, при которых были созданы пункты всеобуча, позволявшие получить демобилизованным новую специальность без отрыва от производства. К примеру, в Гродненском военном комиссариате при военном отделе в таком пункте прошли сборы по 120-часовой программе без отрыва от производства 253 призывника 1927–1928 гг. рождения [7, л. 55]. В дальнейшем велась работа по повышению квалификации уволенных в запас фронтовиков для последующего доукомплектования кадров [7, л. 41].

В порядке осуществления Закона «О демобилизации...» РК КП(б)Б и райисполкомами, обкомами КП(б)Б и облисполкомами на местах был проведен ряд организационных мероприятий, направленных на распределение демобилизованных фронтовиков на вакантные руководящие должности. С этой целью прошли совещания руководителей предприятий, учреждений, колхозов и секретарей первичных парторганизаций. По указанию партийных организаций отделы кадров предприятий и организаций произвели учет вакантных должностей. В результате принятых мер только по состоянию на 1 ноября 1945 г. из 83 206 демобилизованных было устроено на работу около 25 000 человек, а 237 уволенных в запас фронтовиков определены в средние и высшие учебные заведения. Такие меры в значительной степени положительно влияли как на обеспечение рабочими местами демобилизованных солдат и партизан, так и на их закрепление на руководящих постах и должностях в народном хозяйстве БССР [8, л. 23–34].

Вместе с тем в этой масштабной работе не удалось избежать и некоторых недостатков. В ряде областей (Могилевской, Пинской и др.) допускалась частая сменяемость руководителей, что объяснялось как непродуманностью назначений, так и необоснованными решениями по снятию работников с занимаемых должностей. Контролирующие партийные органы не всегда ответственно подходили к вопросам проверки лиц при назначении их на руководящие должности. Были случаи, когда некоторые демобилизованные в силу боязни ответственности в сложных условиях сталинского режима уклонялись от руководящей работы. К примеру, демобилизованный Андрей Викторчик из колхоза «Авангард» Островецкого сельского Совета Кличевского района, ранее работавший в этом колхозе председателем, получая неоднократные предложения со стороны парторганизации и сельского Совета приступить к прежней работе, категорически отказался от предлагаемой должности. Когда же его избрали бригадиром, к этой работе он также не приступил. Не согласился занять должность председателя колхоза «2-я пятилетка» того же сельского Совета и района Владимир Новиков (до войны он возглавлял этот колхоз). Оба они заявили о желании работать после отдыха рядовыми колхозниками [9, л. 127–148].

С целью устранения вышеупомянутых недостатков был разработан план по переподготовке всех руководящих кадров в течение 2–3 лет. Для этого при ЦК КП(б)Б была создана двухгодичная Республиканская партийная школа, которую в 1948 г. окончило 386 партийных и советских работников, в 1948 г. здесь обучалось 777 человек. Кроме того, кратковременными курсами в школе и межобластными партийными курсами было охвачено 386 партийно-советских работников, значительную часть из которых составляли бывшие партизаны и фронтовики [8, л. 79–80]. В Витебской области на двухмесячных курсах партийно-советского актива при обкоме и ЦК КП(б)Б только в июле-сентябре 1944 г. подготовили 143 человека, 400 человек прошли обучение на краткосрочных курсах и семинарах советских, прокурорских и судебных работников. На областных двухмесячных курсах подготовили 117 медицинских сестер, 393 учителя, 360 финансово-торговых специалистов, 73 финансово-банковских работника, 70 работников молочной промышленности, 283 специалиста для других отраслей. С широким размахом велась подготовка непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции.

Только за весенне-летний период 1944 г. на Витебщине для сельского хозяйства, в основном из числа демобилизованных, подготовлено более тысячи специалистов. В табл. 3 наглядно показано, каким рабочим профессиям при этом отдавался приоритет.

Таблица 3

Сведения о послевоенном трудоустройстве демобилизованных воинов и партизан на рабочие специальности в весенне-летний период 1944 г.

№ п/п	Специальность	Количество
1.	Старший механик МТС	41
2.	Зав. мастерской МТС	15
3.	Участковый механик	32
4.	Механик сельхозмашин	46
5.	Участковый агроном	55
6.	Тракторист	705
7.	Слесарь и кузнец	67
8.	Машинист к молотилкам	26
9.	Комбайнер	14
10.	Плотник-столяр	80
	Всего	1 001

[1, л. 5].

В районных и областных центрах для подготовки кадров организовывались специальные курсы и школы. Так, к примеру, в Лепельском педучилище обучался 361 человек по различным профессиям и специальностям, в Лужеснянской годичной школе полеводов – 120 человек, в Городокском техникуме механизаторских кадров – 60 человек, в Толочинской годичной школе ветфельдшеров – 58 человек [1, л. 6–7].

Конечно, при решении данных вопросов не все проходило гладко, возникало немало трудностей, встречались случаи бюрократического отношения. По прибытии фронтовиков по месту жительства им не всегда своевременно предоставлялись в обозначенный срок приемлемые варианты трудоустройства, несвоевременно организовывались обучение новым специальностям с учетом производственных потребностей и переквалификация. Особенно остро эта проблема ощущалась в работе с молодежью, теми, кто ушел на фронт, не успев получить какую-либо профессию или специальность [5].

Как видно, до завершения 1940-х гг. вопрос о вовлечении в трудовую деятельность демобилизованных воинов и партизан оставался важнейшим, поскольку большая часть мужского населения, возвратившегося с войны, составляла не только основу будущей рабочей силы, отстраивавшегося после войны государства, но и кадровый состав руководителей, специалистов для заводов, фабрик, транспорта, строительства [10, с. 47]. Трудоустройство фронтовиков по окончании демобилизации проходило достаточно быстрыми темпами, хотя также было не лишено трудностей. Задача укомплектования предприятий рабочим классом была очень сложной в исполнении. С началом войны на фронт ушло большое количество квалифицированных специалистов с высшим, средним и среднеспециальным образованием, значительная часть из которых не вернулась. Обучить за короткие сроки новых специалистов в нужном количестве (о чем прописывалось в документах) было нереально. По этой причине образовательный уровень руководителей и специалистов в изучаемом периоде оставался неудовлетворительным. Одновременно проведение демобилизации и работа партийных комитетов по трудоустройству воинов существенно улучшили положение с рабочей силой в промышленности и сельском хозяйстве. К концу сороковых годов нехватка рабочих рук уже ощущалась не столь остро, как до начала демобилизации [11, с. 114–115].

Заключение. Таким образом, на этапе 1943–1948 гг. партийные и государственные органы БССР проводили активную работу по формированию, воспитанию и укреплению кадрового состава руководителей и рабочих массовых профессий. Приоритетными группами населения, которым отдавалось предпочтение при отборе на руководящие должности в партийные, советские органы, в отрасли народного хозяйства, были демобилизованные фронтовики и партизаны. Работа по их подготовке была развернута еще в годы войны посредством

взаимодействия советских, партийных органов власти с командирами партизанских отрядов, подпольных групп и получила продолжение после освобождения территории БССР из-под оккупации. Ценный опыт по подбору и расстановке руководящих кадров в изучаемые годы принесло создание в районах и областях резерва. Были разработаны программы для повышения квалификации, создавались специальные школы и курсы. Значительную работу по реализации государственных решений по трудоустройству демобилизованных воинов и партизан провели в эти годы сотрудники военных отделов и органов социального обеспечения. Вместе с тем принятые меры не могли решить проблему одномоментно, вопрос укомплектования руководящим составом городских и сельских учреждений вызывал серьезные трудности. Решения, принимаемые руководством республики на высшем уровне, сдерживались как объективными, так и субъективными факторами. Несмотря на принимаемые меры по укреплению кадрового состава, достичь желаемого результата в первые послевоенные годы не удалось. В условиях послевоенных реалий это было трудно выполнимой задачей. По-прежнему не хватало квалифицированных специалистов, особенно на тех предприятиях, которые осваивали новое производство. Не лучше обстояли дела и в сельской местности. Некоторые председатели колхозов не имели даже среднего образования. Тем не менее в 1948 году имелись первые положительные результаты: остро обозначившийся во время освобождения республики кризис в обеспечении кадрами народного хозяйства был частично разрешен за счет трудоустройства демобилизованных воинов, которые составили кадровую основу БССР в послевоенный период.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1п. – Оп. 1. – Д. 321.
2. Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения / Ф.С. Мартинкевич [и др.]. – М.: Юридическая литература, 1963. – 217 с.
3. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945: док. и материалы / сост.: Н.В. Воробьев [и др.]. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Соврем. шк.: Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Н. Васілеўская [і інш.]. – 2011. – 727 с.
5. Мануйлова, Ю.Н. Социальная реабилитация инвалидов войны в РСФСР в 1941–1945 годах / Ю.Н. Мануйлова. – Челябинск: ЧГУ, 2003. – 136 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. – Оп. 2. – Д. 213.
7. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГрО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 26.
8. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 37. – Д. 156.
9. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 29. – Д. 814.
10. Хаяров, Д.Г. Социальная политика в отношении участников Великой Отечественной войны в 1940-е гг. [Электронный ресурс] / Д.Г. Хаяров // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2012. – № 6. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-v-otnoshenii-uchastnikov-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-1940-e-gg. – Дата доступа: 20.08.2016.
11. Социальное обеспечение в СССР / А.А. Забозлаев [и др.]. – М.: Профиздат, 1962. – 323 с.

Поступила в редакцию 05.04.2017 г.

УДК 94(476)

Беларускія медыкі-навукоўцы ў кантэксце развіцця еўрапейскай медыцыны ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.

Бездзель В.Я., Хаданёнак В.М.
Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт", Віцебск

2017 год аб'яўлены Годам навукі. Гэтая акалічнасць падштурхнула аўтараў звярнуцца да пытання станаўлення розных накірункаў айчыннай навукі, у тым ліку і медыцынскай. Тым больш, што многія медыкі – ураджэнцы беларускіх губерній, добра вядомыя адкрыццямі ў вобласці практычнай медыцыны.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць стан медыцынскай навукі ў беларускіх губернях у кантэксце еўрапейскіх тэндэнцый развіцця медыцыны.

Матэрыял і метады. *Даследаванне падрыхтавана па матэрыялах перыядычнага друку і аўтарэфератаў дысертацый, прысвечаных пытанням станаўлення медыцынскай адукацыі на беларускіх землях, артыкулаў энцыклапедычных даведнікаў і біяграфічных слоўнікаў пачатку XX ст. Для дасягнення пастаўленай мэты і задач выкарыстоўваліся такія спецыяльна-навуковыя метады, як гісторыка-генетычны, гісторыка-сістэмны, гісторыка-тыпалагічны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Увага надаецца станаўленню медыцынскай адукацыі на землях Рэчы Паспалітай. Першапачаткова выкладчыцка-прафесарскі кантынгент запрашаўся з еўрапейскіх краін. Аднак ужо ў першай палове XIX стагоддзя адбылося станаўленне ўласнай медыцынскай школы. Яе прадстаўнікі значна пашырылі веды еўрапейцаў у вобласці хірургіі, бальнеалогіі, таксікалогіі.*

Заключэнне. *Зроблены вывад аб паспяховасці працы медыцынскага факультэта спачатку Віленскага ўніверсітэта, потым Медыка-хірургічнай акадэміі, нягледзячы на кароткі час іх існавання.*

Ключавыя словы: *Віленскі ўніверсітэт, медыцына, А. Тызенгаўз, Ж. Жылібер, А.Ф.В. Адамовіч, А.І. Абіхт, В.В. Пелікан, Я.В. Пелікан, К.І. Грум-Гржымайла.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 35–39)

Belarusian Medical Scientists in the Context of the Development of European Medicine in the Late XVIIIth – early XIXth Centuries

Bezdel V.Ya., Khadanyonak V.M.
Education Establishment "Vitebsk State Technological University", Vitebsk

2017 year was declared the year of science. This motivated the authors to turn to the history of national science including medicine. More over many of the medical scientists born in Belarusian governorates, who made discoveries in applied medicine, remain unknown to Belarusians.

The purpose of this article is to describe the state of medical science in Belarusian governorates against the backdrop of European tendencies in medical science development.

Material and methods. *The article relies on scientific and media publications by Belarusian and Russian authors: dissertation abstracts on issues of medical education, encyclopedia articles and biography dictionaries of the early XXth century. To achieve the goal special research methods were used: the historical and genetic, the historical and system and the historical and typological.*

Findings and their discussion. *The establishment of medical education in Polish–Lithuanian Commonwealth is in the focus of this article. Initially lecturers and professors were invited from European countries. However in the first half of the XIXth century an independent medical school was formed. Its representatives made considerable contributions to the European knowledge in surgery, balneology, and toxicology.*

Conclusion. *It is concluded, that despite the short time of their operation, the work of Vilnius University Medical Faculty first, and later of the Medical and Surgery Academy was successful.*

Key words: *Vilnius University, medical science, A. Tyzengaus, Zh. Zhyliber, A.F.V. Adamovich, A.I. Abikht, V.V. Pelikan, Y.V. Pelikan, K.I. Grum-Grzhymayla.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 35–39)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: bez_4verona@mail.ru – **В.Я. Бездзель**

У XVIII–XIX стст. закладваліся асновы беларускай навукі. Не выключэннем была і медыцына. Нашы суайчыннікі шмат зрабілі для развіцця аховы здароўя не толькі на тэрыторыі беларускіх губерній, але і Расіі. На жаль, па прычыне адсутнасці ўласнай дзяржаўнасці многія беларускія навукоўцы лічыліся рускімі або палякамі.

Тэма развіцця медыцыны ў Заходняй Еўропе і на беларускіх землях у абазначаны перыяд атрымала асвятленне яшчэ ў савецкі час. У працах Г.Р. Кручка, В.Г. Міцельмахерыса, Л.А. Касцейка, В.С. Ялейнікавай, В.П. Грыцкевіча разглядаліся аспекты станаўлення арганізацыі аховы здароўя і медыцынскай дапамогі з пункту гледжання савецка-марксісцкай ідэалогіі, пры гэтым удзялялася значная ўвага пытанням удзелу ўрачоў у барацьбе з царызмам. У сучаснай беларускай і расійскай гістарыяграфіі вызначаную тэматыку распрацоўваюць Ф.І. Ігнатовіч, Л.І. Казей, В.А. Кульпановіч, М.Б. Мірскі, І.В. Панцюк, М.М. Піліпцэвіч, А.Г. Эльяшэвіч і інш.

Разам з тым, калі праблемы арганізацыі медыцынскай справы і медыцынскай адукацыі разгледжаны і прааналізаваны даследчыкамі, звесткі пра беларускіх навукоўцаў-медыкаў маюць фрагментарны, а часам і супярэчлівы характар.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць стан медыцынскай навукі ў беларускіх губернях у кантэксце еўрапейскіх тэндэнцый развіцця медыцыны. Для гэтага акрэслены дасягненні еўрапейскай медыцыны на працягу XVIII ст., разгледжана дзейнасць медыцынскіх устаноў на беларускіх землях, дадзена ацэнка дзейнасці беларускіх медыкаў і запрошаных замежных вучоных у справе станаўлення беларускай і ўзбагачэння еўрапейскай медыцынскай навукі.

Матэрыял і метады. Даследаванне падрыхтавана па матэрыялах перыядычнага друку і аўтарэфератаў дысертацый, прысвечаных пытанням станаўлення медыцынскай адукацыі на беларускіх землях, артыкулаў энцыклапедычных даведнікаў і біяграфічных слоўнікаў пачатку XX ст. Для дасягнення пастаўленай мэты і задач выкарыстоўваліся такія спецыяльна-навуковыя метады, як гісторыка-генетычны, гісторыка-сістэмны, гісторыка-тыпалагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. XVIII стагоддзе – гэта перыяд уступлення чалавецтва ў эпоху Новага часу, які характарызаваўся глабальнымі зменамі ў розных сферах жыцця людзей. Аснова працэсу мадэрнізацыі – асветніцтва, якое ў краінах Еўропы, у тым ліку і Беларусі, прывяло да свабодамыснасці, папулярызацыі навукі, вызвалення яе ад царкоўнага ўплыву.

Яшчэ ў XVII – першай палове XVIII ст. Ф. Бэкан, Р. Дэкарт, Б. Спіноза, Г. Лейбніц, І. Ньютан залажылі філасофскія асновы прыродазнаўства Новага часу. Так, Ф. Бэкан асновай усіх навук лічыў вопытныя веды, эксперымент і індуктыўны метад; захаванне здароўя, лячэнне хвароб і працяг жыцця чалавека – галоўнай задачай медыцыны. Згодна з Дэкартам, цела чалавека ўяўляла сабой па сутнасці машыну, якая падпарадкоўвалася законам механікі, дзе ўсе функцыі чалавечага арганізма ёсць рэфлексы, акрамя мыслення.

Такім чынам, навуковыя адкрыцці ў вобласці медыцыны XVIII – першай паловы XIX ст. немагчыма было б уявіць без змен у філасофіі і прыродазнаўстве. Закладзеныя асновы новай метадалогіі сталі штуршком, што запусціў працэс фарміравання медыцыны, якая абапіралася на веды аб чалавечым арганізме, а не на фантастычныя ўяўленні. У XVIII ст. у Еўропе пачалася маштабная рэформа медыцыны, паколькі да гэтага часу існаваў поўны разрыў паміж лячэбнай практыкай і тэарэтычнымі ўяўленнямі. На працягу мінулых стагоддзяў медыкі лічылі хваробы праяўленнем няправільнага змяшэння часціц ці проста нябачных жывых істот у арганізме чалавека. Новыя веды і ўяўленні зрабілі аб'ектам пошуку ўрача не міфічныя рэчы, а рэальна існуючыя з'явы, якія фіксаваліся пры дапамозе органаў пачуццяў. Аўтарамі новых ідэй з'яўляліся французскія клініцысты Ф. Пінэль, П. Кабаніс і Ж. Карвізар.

Дзякуючы намаганням еўрапейскіх медыкаў было дадзена азначэнне тэрміну "хвароба", пры лячэнні хворых выкарыстоўваліся новыя метады, унутраныя працэсы чалавечага арганізма сталі тлумачыць з пункту гледжання дасягненняў хіміі і фізікі. У. Гарвей апісаў працэс кровазвароту; Д.Б. Моргань устанавіў, што кожнай хваробе адпавядаюць змены ў канкрэтным чалавечым органе, заснаваў паталагічную анатомію; В. Раманцыні вывучаў уплыў навакольнага асяроддзя на стан здароўя чалавека, што стала падмуркам для станаўлення гігіены працы; вядомы філосаф-матэрыяліст Ж. Ламетры падтрымліваў і прапагандаваў выключна вопытны шлях развіцця медыцыны.

Новы метадалагічны падыход прапанаваў французскі анатам і ўрач М. Біш, які распрацаваў методыку клініка-анатамічных супастаўленняў. Л. Аўэнбругер, Ж. Карвізар і Р. Лаэнэк увялі ў практыку дыягнастычныя прыёмы (пальпацыю, перкусію,

аўскультацыю), якія дазвалялі выяўляць патамарфалагічныя змены ў пацыента. Г. Бурхан выкарыстоўваў тэрмометр пры аглядзе хворага.

Еўрапейскія ідэі і новаўвядзенні ў вобласці медыцыны пранікалі і на тэрыторыю Рэчы Паспалітай. Цэнтрам зараджэння медыцынскай адукацыі і медыка-біялагічных навук на беларускіх землях стаў Гродна. У 1774 г. з дазволу караля С.А. Панятоўскага А. Тызенгаўз запрасіў у горад вядомага французскага вучонага Жана Жылібера на кіраўніцтва створанай Гродзенскай медыцынскай акадэміяй, якая мела тры аддзяленні: вышэйшае лекарскае (на 10 юнакоў са шляхты) для працы ў гарадах; падрыхтоўкі правінцыяльных лекараў і хірургаў (20 чалавек); аддзяленне павітух (17 чалавек) [1, с. 498]. Навучэнцаў 2-га і 3-га аддзяленняў набіралі з ліку сялян каралеўскіх эканомій, дзе яны павінны былі працаваць пасля заканчэння вучобы.

У той час у Рэчы Паспалітай адсутнічала дзяржаўная сістэма аховы здароўя, не хапала ўрачоў і бальніц. Менавіта Тызенгаўзу належала ідэя стварэння дзяржаўнай медыцынскай службы.

У XVIII ст. медыцынскія факультэты, медыцынскія школы пры шпіталях у Заходняй Еўропе, Расіі, Рэчы Паспалітай займаліся толькі падрыхтоўкай кадраў. Дасягненнем А. Тызенгаўза і Ж. Жылібера было тое, што пры стварэнні медыцынскай акадэміі ў Гродна прафесарска-педагагічны састаў займаўся ўрачэбнай практыкай, кансультаваў дактароў медыцынскіх устаноў. Дзякуючы еўрапейскаму вопыту Ж. Жылібера, яго асветніцкім поглядам аснову навучальнага працэсу ў акадэміі складалі не схаластычнае кабінетнае навучанне, а падрыхтоўка, якая сумяшчала тэорыю і практыку. Вучэбная база акадэміі для таго часу была цудоўнай: анатамічны і фізічны кабінеты, бібліятэка на 3000 кніг, сярод якіх каля 500 рэдкіх і каштоўных [2, с. 88].

У 1781 г. у сувязі з банкруцтвам А. Тызенгаўза многія з яго дабрадзейных пачынанняў прыходзяць у заняпад. З-за матэрыяльных праблем медыцынская акадэмія пераведзена ў Вільню і аб'яднана з універсітэтам. Пры актыўным удзеле Ж. Жылібера на яе аснове адкрыты медыцынскі факультэт. З гэтага часу Віленскі ўніверсітэт становіцца цэнтрам медыцынскіх ведаў і адукацыі. Кіраўніцтва ўніверсітэта зацвердзіла "семь главных курсов и для оных семь профессоров": анатоміі, паталогіі, хірургіі, доктарскіх прыпасаў (веданне лекаў), клінікі, павятух ці акушэрства і скотнага лячэння.

У пачатку XIX ст. росквіту ўніверсітэта садзейнічаў А. Чартарыйскі, апякун Віленскай навучальнай акругі. На выкладчыцкую дзейнасць былі запрошаны вядомыя вучоныя: Ж.Э. Жылібер, Е. Снядэцкі, С.Л. Бізэа, Л.Г. Баянус, Я. Брыётэ, Н. Рэнье, І. Ланеменер, І. Лабенвейн, Ф. Шпіцнагель. Універсітэт стаў буйным цэнтрам навуковай медыцынскай думкі ва Усходняй Еўропе. Бібліяграфічныя спісы надрукаваных прац налічваюць тысячы найменняў. Навуковая ступень доктара медыцыны была прысуджана асобам у колькасці 240 чалавек, большасць з якіх – ураджэнцы Літвы і Беларусі [3, с. 73].

У 1804 г. з Вены ў Вільню запрасілі І.П. Франка. Ён фактычна рэарганізаваў медыцынскі факультэт, удасканаліў навучальны працэс: складаў планы, увёў новыя прадметы, заснаваў тэрапеўтычную клініку, пачалося чытанне лекцый па гігіене, фармакалогіі, анатоміі, паталогіі, фізіялогіі і г.д.

Рэарганізацыя медыцынскай справы, шырокае выкарыстанне новых методык, перайманне перадавога вопыту неўзабаве прынеслі плён. Са сцен Віленскага ўніверсітэта і медыка-хірургічнай акадэміі выйшла цэлае суквецце медыкаў-даследчыкаў, якія зрабілі ўнёсак не толькі ў беларускую, але і ў сусветную медыцынскую навуку і практыку: А.Ф.В. Адамовіч, І.В. Адамовіч, А.І. Абіхт, В.В. Пелікан, Я.В. Пелікан, Т.М. Аўгусціновіч, К.І. Грум-Гржымайла і інш. Паспрабуем больш пільна прыгледзецца да некаторых з іх.

А.Ф.В. Адамовіч. Адам Фердынанд Восіпавіч Адамовіч нарадзіўся ў Вільні ў 1802 г. У 1818 г. ён скончыў Віленскую гімназію, а ў 1822 г. – медыцынскі факультэт Віленскага ўніверсітэта. Быў адным з лепшых вучняў вядомага ва ўсёй Еўропе доктара медыцыны І. Франка [4, с. 159; 5]. Намаганнямі А.Ф.В. Адамовіча ў 1823 г. у Вільні была створана ветэрынарная школа [3, с. 59]. Гэта была адна з першых устаноў такога профілю ў Расійскай імперыі. Арганізацыйныя справы не заміналі Адаму працягваць займацца навуковымі даследаваннямі. У 1826 г. ён атрымаў ступень доктара медыцыны і ў якасці прафесара выкладаў параўнальную анатомію, заахірургію і заатэрапію ў Віленскім універсітэце і Ветэрынарным інстытуце Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі. А.Ф.В. Адамовіч паспрыяў стварэнню асобнага музея заатэрапеўтычных прэпаратаў, а з 1842 г. стаў галоўным урачом шпіталя ў Вільні. Адам Адамовіч з'яўляецца адным з пачынальнікаў бальнеалогіі (раздзел фізіятэрапіі, звязаны з лячэннем мінеральнымі водамі). Ён дасле-

даваў хваробы хатніх жывёл, у прыватнасці асаблівую ўвагу надаваў выяўленню прычын і наступстваў у іх шаленства, займаўся пытаннямі параўнальнай анатоміі, палеанталогіі і гісторыі медыцыны ў Беларусі. Апрача даследавання праблем медыцыны і ветэрынарыі, Адам Адамовіч актыўна працаваў над гісторыяй Вільні і выдаў сачыненне, прысвечанае лютэранскай царкве.

А.І. Абіхт. Адольф Іванавіч Абіхт нарадзіўся ў сям'і філосафа Іагана Абіхта, прафесара логікі і метафізікі Віленскага ўніверсітэта. Пасля заканчэння ўніверсітэта, дзе працаваў бацька, Адольф Іванавіч атрымаў званне магістра філасофіі і доктара медыцыны (1815 г.). Працяглы час кіраваў гінекалагічнай клінікай пры Віленскім універсітэце. Але прага да ведаў і імкненне самаўдасканальвацца не давалі Абіхту доўга сядзець на адным месцы. Тры гады ён падарожнічаў па Германіі і Францыі, слухаў лекцыі ў Вене і Парыжы, каб падрыхтавацца да прафесуры. Гэты каштоўны вопыт быў ім напоўніцу выкарыстаны ў навуковай і практычнай дзейнасці. У 1827 г. Абіхт прызначаны ардынарным прафесарам. Пасля закрыцця Віленскага ўніверсітэта з 1832 г. быў прафесарам Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі. Лічыўся найлепшым медыцынскім кансультантам у Вільні і Літве [6, с. 1]. Пасля закрыцця акадэміі займаўся лячэбнай практыкай у Вільні. Яго падручнік пра ўнутраныя хваробы, надрукаваны ў Вільні на лацінскай мове, доўгі час быў асноўным сродкам навучання. Адольф Іванавіч Абіхт з'яўляецца аўтарам прац "Пра атручэнні і спосабы іх лячэння", "Заўвагі адносна паталогіі як асновы медыцынскай сістэмы" і інш., якія ўзбагацілі медыцынскую думку Беларусі, а шмат у чым і апярэдзілі свой час.

В.В. Пелікан. Венцаслаў Венцаслававіч Пелікан нарадзіўся ў сям'і музыканта слонімскага аркестра. Пачатковую адукацыю Венцаслаў Пелікан атрымаў у школах Слоніма і Маладзечна, у 1809 г. праслухаў курс філасофскіх навук у інстытуце пры Віленскім універсітэце, затым паступіў у Пецярбургскую медыка-хірургічную акадэмію, якую скончыў у 1813 г. з залатым медалём. Яшчэ падчас вучобы ў акадэміі В. Пелікан напісаў і выдаў падручнік па мікалогіі. У 1816 г. В. Пелікан за працу "Аб анеўрызмах" атрымаў вучоную ступень доктара медыцыны і хірургіі, у тым жа годзе быў абраны прафесарам кафедры хірургічнай паталогіі і хірургічнай клінікі Віленскага ўніверсітэта. У першыя ж гады працы В. Пелікан здабыў славу выдатнага майстра хірургічнай справы. Выкладаў ва ўніверсітэце, займаўся хірургічнай практыкай, загадваў хірургічнай клінікай. За свой кошт В. Пелікан стварыў хірургічны кабінет з наборам інструментаў і бібліятэку. Апублікаваў некалькі навуковых артыкулаў, вынайшаў і ўдасканаліў некаторыя медыцынскія інструменты і прыстасаванні. У 1826 г. стаў рэктарам Віленскага ўніверсітэта [7, с. 462]. На гэтай пасадзе В. Пелікан паказаў сябе як здольны адміністратар і арганізатар, шмат зрабіў дзеля ўмацавання базы ўніверсітэта, павышэння якасці адукацыі. Быў старшынёю камітэта па складанні праекта Віленскай навучальнай акругі і новага статута Віленскага ўніверсітэта.

У 1851 г. Венцаслаў Венцаслававіч прызначаны прэзідэнтам імператарскай Санкт-Пецярбургскай медыка-хірургічнай акадэміі, дзе ўпершыню пачынае праводзіць акадэмічныя канферэнцыі, на якіх вядомыя дактары і навукоўцы чыталі свае даклады. В. Пелікан шмат зрабіў і ў галіне рэфармавання ваеннай медыцыны. Апроч чытання лекцый, В. Пелікан выдаваў навучальныя дапаможнікі, сабраў шмат матэрыялаў па анатамічнай медыцыне, стварыў новыя хірургічныя інструменты. Таленту В. Пелікана належыць з'яўленне ў медыцыне многіх анатамічных і хірургічных прылад: дугападобнай выгнутай пілы, якая пры перапілоўванні не траўміравала мяккіх тканак; металічных дужак для аперацыі заечай губы; фрэз для трэпанацыі чэрапа і інш. Шмат зрабіў В. Пелікан у галіне хірургіі сасудаў, вядомыя яго аперацыі на шыі і галаве. Асобныя віды аперацый і тэхнічныя дэталі насілі тады рэвалюцыйны характар.

Я.В. Пелікан. Яўген Венцаслававіч Пелікан нарадзіўся ў 1824 г. у Вільні ў сям'і прафесара анатоміі В.В. Пелікана. Пачатковую адукацыю атрымаў дома, дасканала валодаў французскай, нямецкай, англійскай і італьянскай мовамі. Скончыў медыцынскі факультэт Маскоўскага ўніверсітэта і абараніў доктарскую дысертацыю "Пераломы шыйкі сцягна". Пасля абароны працаваў у Расійскай імператарскай медыка-хірургічнай акадэміі, дзе чытаў лекцыі па дзіцячых хваробах. Я. Пелікан выкладаў у акадэміі судовую медыцыну і таксікалогію, удзельнічаў у распрацоўцы навуковых пытанняў па гэтых дысцыплінах, увёў у акадэміі навукова-даследны спосаб выкладання таксікалогіі. У 1854–1855 гг. ім было зроблена больш за 200 вопытаў, колькасць ускрыццяў даходзіла да 100 на год. У 1860 г. паводле праекта Яўгена Венцаслававіча ў Пецярбургу

быў адкрыты Камітэт грамадскага здароўя [8, с. 474–479]. У 1861 г. Я. Пелікан быў прызначаны дырэктарам Медыцынскага дэпартамента Міністэрства ўнутраных спраў Расіі. Навуковыя публікацыі Я. Пелікана былі прысвечаны развіццю таксікалогіі, судовай медыцыне, эпідэміялогіі і далі дастаткова новага матэрыялу па фізіялогіі і хіміі. Я.В. Пелікан лічыцца заснавальнікам навукова-эксперыментальнага напрамку ў таксікалогіі.

К.І. Грум-Гржымайла. Кандрат Іванавіч Грум-Гржымайла нарадзіўся ў 1794 г. у Магілёве. У 1820 г. ён скончыў медыцынскі факультэт Віленскага ўніверсітэта і атрымаў ступень медыка-хірурга. У 1821–1828 гг. Кандрат Іванавіч працаваў у ваенным шпіталі ў Магілёве, дзе напісаў дысертацыю "Наогул пра пахвінныя грыжы і новы спосаб іх лячэння шляхам аперацыі" [8, с. 139]. Ён дэталёва распрацаваў уласную методыку аперацыі пахвінных грыж. Свае навуковыя здабыткі былі абагульнены ім у працы "Манаграфія аб радыкальным лячэнні пахвінамашоначных грыж, асабліва па спосабе, заснаваным на 27 аперацыях, з падрабязным анатамічным, фізіялагічным і паталагічным разважаннем аб пахвінных грыжах наогул і практычным разборам найгалоўнейшых методык радыкальнага лячэння". Гэта была першая манаграфія па ваенна-палявой хірургіі ў Расійскай імперыі. У Магілёве К. Грум-Гржымайла правёў першую на тэрыторыі Расійскай дзяржавы пластычную аперацыю заечай губы. Таксама ён першым зрабіў аперацыю на мачавым пузыры.

Шмат увагі Кандрат Іванавіч надзяляў вывучэнню мінеральных вод і лекавай гразі Расіі. Свае меркаванні выклаў у кнізе "Поўнае сістэматычнае, практычнае апісанне мінеральных вод, лекавай гразі ў Расійскай імперыі", выдадзенай у 1855 годзе. У 1865 г. Грум-Гржымайла – аўтар першай працы па рэкрэацыйнай геаграфіі Расійскай імперыі, якая змяшчала і даведкі пра вядомыя замежныя курорты. За навуковыя працы Кандрат Іванавіч выбіраецца членам Санкт-Пецярбургскай медыка-хірургічнай акадэміі. У 1865 годзе ў Санкт-Пецярбургу выходзіць яго апошняя кніга "Фізіялогія паэзіі і шчасця". Жыццё Кандрата Іванавіча Грум-Гржымайлы было насычана актыўнай дзейнасцю і прасякнута любоўю да чалавека. Ён заслужыў павагу сучаснікаў, заняў дастойнае месца сярод самых прагрэсіўных людзей свайго часу [9].

Заключэнне. Такім чынам, за час існавання Віленскага ўніверсітэта (1803–1832) і Медыка-хірургічнай акадэміі (1832–1842; створана пасля паўстання 1830–1831 гг. і закрыцця Віленскага ўніверсітэта) было падрыхтавана 1,5 тыс. медыкаў – кожны пяты ўрач у Расіі [3, с. 73].

Калі першапачаткова для арганізацыі медыцынскай справы ў беларускія губерніі запрашаліся замежныя спецыялісты (Ж. Жылібер, І. Франк і інш.), то паступова фарміраваўся ўласны кантынгент урачоў-практыкаў і навукоўцаў з ліку выпускнікоў універсітэта. Яны не толькі выкарыстоўвалі дасягненні еўрапейскай медыцыны, але і сталі аўтарамі новых метадаў лячэння, у тым ліку хірургічнага, і медыцынскіх інструментаў.

Названыя ў артыкуле імёны толькі ў малой ступені адлюстроўваюць поспехі беларусаў у галіне медыцыны. Разам з тым А.Ф.В. Адамовіч, А.І. Абіхт, В.В. Пелікан, Я.В. Пелікан, К.І. Грум-Гржымайла заклалі падмурак беларускай медыцынскай навукі, садзейнічалі паляпшэнню стану аховы здароўя насельніцтва беларускіх губерній, а многія з іх адкрыццяў засталіся актуальнымі і ў наш час.

Літаратура

1. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш]. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 1: Абаленскі–Кадэнцыя. – 688 с.: іл.
2. Игнатович, Ф.И. Ж.Э. Жилибер и Гродненская медицинская академия / Ф.И. Игнатович // Журнал Гродн. гос. мед. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 85–90.
3. Абаев, Ю.К. У истоков отечественной медицинской науки / Ю.К. Абаев // Здравоохранение. – 2014. – № 6. – С. 67–75.
4. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 1: А–Алтай. – 1890. – 480, [8] с.: ил., цв. карт.
5. Русский биографический словарь: Аарон – император Александр II / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896 [4]. – Т. 1. – 892, II с.
6. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. – С. 338.
7. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5: М–Пуд. – 592 с.: іл.
8. Русский биографический словарь: Павел преподобный – Петр (Илейка) / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. – Т. 13. – 745 с.
9. Хамякоў, У.Г. Грум-Гржымайла Кандрат Іванавіч. Да 220 годдзя з дня нараджэння / У.Г. Хамякоў // Магілёўскі мерыдыян. – 2013. – № 3–4(22–23). – Т. 13. – Вып. 3–4.

Паступіў у рэдакцыю 22.05.2017 г.

УДК 398.87:94(460)«1810/1812»

Песенный фольклор (испанская копла) как источник по изучению французской осады Кадиса 1810–1812 гг.

Шейко Е.А.
Белорусский государственный университет, Минск

Историческая наука все чаще обращается к устным источникам, с помощью которых можно получить информацию не только о событиях прошлого, но и о том, как эти события отражаются в сознании общества. Устные источники же являются прямыми свидетелями мировоззрения людей, проживавших в эпоху войн и революций. Через песни выражается коллективная память, оставленная историческими событиями, что позволяет изучить малоизвестные фрагменты истории.

Цель статьи: определение потенциала песенного фольклора как источника по изучению истории военных событий во время осады г. Кадиса – последнего бастиона Пиренейского полуострова – французской армией (1810–1812 гг.).

***Материал и методы.** В исследовании использованы материалы, предоставленные Андалусийским центром фламенко (Andalusian Flamenco Centre) в Херес-де-ла-Фронтера (Испания). При этом применялись анализ исторической семантики, метафорический анализ, дискурс-анализ, сравнительно-исторический метод.*

***Результаты и их обсуждение.** Осада г. Кадиса была важной военной операцией по захвату всей Испании во время наполеоновских войн. В испанской копле XIX в. воспевается сила и несокрушимость города и подчеркивается тот факт, что именно под стенами испанского бастиона непобедимая во всей Европе французская армия встретила первое серьезное сопротивление. В это время война переплелась с народными волнениями по поводу государственного правления, именно в 1812 г. в осажденном городе была принята первая испанская конституция, которая установила конституционную монархию. Все эти события с эмоциональной окраской комментируются в песнях и представлены с точки зрения простого народа. Песни являются важным источником для анализа и дополнения существующих традиционных источников по истории Испании.*

***Заключение.** Таким образом, в испанской копле показываются мужество народных ополчений во время наступления вражеских войск, насмешливое отношение к французским генералам. Народом воспеваются любовь к своей стране и чувство долга перед соотечественниками. Выявлено, что в некоторых произведениях встречается вымышленный герой, созданный народом как символ свободы и независимости, а также чести и отваги. С помощью анализа литературных тропов установлены историческая действительность, позиция известных исторических личностей на происходящие события, а также определена их роль в истории. Песни являлись средством поднятия боевого духа испанских солдат. После поражения армии Наполеона воспевалась победа и в шуточной форме показывалось, как унизительно французы были изгнаны с полуострова. Вопрос дальнейшего политического устройства страны оставался открытым.*

***Ключевые слова:** произведения фольклора, исторический источник, Испания, песни, копла, осада Кадиса, Кадисская конституция, Наполеон, война за независимость.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 40–46)

Song Folklore (the Spanish Copla) as a Source of the Study of French Siege of Cadiz in 1810–1812

Sheiko E.A.
Belarusian State University, Minsk

Historical science more and more often refers to oral sources with the help of which one can get information not only about the past, but also about how the society percept those events. Oral sources are the very witnesses of people's views, those who lived in periods of wars and revolutions. Collective memory that is left after historic events is reflected through songs. It gives us the opportunity to study missing parts of history.

Адрес для корреспонденции: e-mail: kat-shejko@yandex.ru – **Е.А. Шейко**

The purpose of the article is to determine the potential of song folklore as a source for studying history of war events during the siege of the City of Cadiz (1810–1812) as the last bastion on the Iberian Peninsula by the French army.

Material and methods. *Materials that were given by Andalusian Flamenco Centre from Jerez de la Frontera in Spain are used in the article. We have applied the following methods: historical semantics analysis, metaphorical analysis, discourse analysis, the comparative-historical method.*

Findings and their discussions. *The siege of Cadiz was a significant military operation to capture the whole Spain during the Napoleonic Wars. Invincibility of the city is praised in this Spanish copla of the XIX century and the very fact is underlined that the French army met the first heavy resistance near the walls of the Spanish bastion. All that time the war was mixed with rebellions concerning the form of government. It was in 1812 when the first Constitution was adopted that established constitutional monarchy. All these events with emotional coloring are given from people's point of view and commented in lyrics. Songs are essential sources for analysis and can be wonderful addition to other traditional sources on Spanish history.*

Conclusion. *As the result, it is identified that courage of rebellions during enemy's attacks, mocking attitude towards French Generals are shown in this Spanish song genre. People praise love to their motherland and call of duty. It was featured that an imaginary character in some works means freedom and independence, courage and honor. With the help of the analysis of literary tropes it was possible to restore historic reality, position by some outstanding historical personalities regarding the events, and identify their role in history. Songs were a means to raise the military spirits of Spanish soldiers. After the defeat of the Napoleon army, the victory was celebrated, and in a comic form it was shown how humiliatingly the French were withdrawn from the peninsula. As for the further form of government the issue remained unsolved.*

Key words: *folk works, historical source, Spain, songs, copla, Cadiz' siege, Cadizian Constitution, Napoleon, War of Independence.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 40–46)

История Испании первых десятилетий XIX в. начинается войной за независимость против наполеоновских захватчиков. Частая смена политических режимов в XIX столетии привела к тому, что это время, насыщенное политическими событиями, стало периодом нашествий, революций, восстаний, голода и потрясений всякого иного рода, принесло много потерь, особенно среди беднейших слоев населения.

В народном творчестве первых десятилетий XIX в. присутствует страстное патриотическое рвение – выражение духа романтизма. Родина как синоним свободы, борьбы за независимость, выступающая против предательской буржуазии, которой приписывались высокомерие и надменность. В песнях рассказывается о врагах – французах и о героях – «мучениках». Традиционные источники предоставляют только факты, но не затрагивают эмоции и повседневное отношение простых людей, поэтому песенный фольклор (в качестве жанра – испанская копла) отображает взгляд народа на происходящие события.

Цель статьи: определение потенциала песенного фольклора как источника по изучению истории военных событий во время осады г. Кадиса – последнего бастиона Пиренейского полуострова – французской армией (1810–1812 гг.).

Материал и методы. В исследовании использованы материалы, предоставленные Андалусийским центром фламенко (Andalusian Flamenco Centre) в Херес-де-ла-Фронтера (Испания). При этом применялись анализ исторической семантики, метафорический анализ, дискурс-анализ, сравнительно-исторический метод.

Результаты и их обсуждение. Копла – малая форма песенного испанского фольклора, написанная восьмисложником с рифмовкой четных строк [1, с. 299]. Данный жанр сложился в Андалусии в Средние века в результате взаимодействия трех абсолютно разных культур – иберийской (испанской), арабской и еврейской [1, с. 300]. Копла – куплеты, в которых воспеваются любые житейские ситуации, это своеобразные пословицы и поговорки, отражающие коллективное сознание и психологию, а не только точку зрения отдельного человека. Андалузские куплеты можно встретить и в авторских текстах, а иногда авторские четверостишия теряли своего автора и входили в фольклорную песенную традицию [1, с. 300].

В 1799 г. во Франции Первым консулом, а впоследствии императором стал Наполеон I. В то время в правительствах разных стран Европы проявилось неэффективное управление экономикой, финансами и войсками, действовали старые порядки. Все эти причины стали благоприятной почвой для грандиозных захватнических планов Наполеона I, которые были связаны с политическим переделом Европы.

В период 1803–1810 гг. французская империя включала в себя почти всю Западную Европу. С 1807 г. французские военные силы вступили в Испанию, якобы

следуя в Португалию, но к 1808 г. началась французская оккупация самой Испании [2, с. 108] – и испанский монарх Карл IV был вынужден отречься от престола в пользу брата Наполеона Жозефа Бонапарта.

Все эти события произвели сильные волнения в народе и спровоцировали народные возмущения, которые были жестоко подавлены. Однако волна протестов прокатилась по всем провинциям Испании, и в течение десятка дней вся Испания поднялась против французов, положив начало партизанскому движению. Во всех провинциях образовались правительственные хунты [3, с. 219]. Везде испанцы взялись за оружие, получив подкрепление со стороны британцев и португальцев под командованием герцога Веллингтона.

После французской оккупации Мадрида 23 марта в 1808 г. Исла де Леон (остров, относящийся к городу Кадису) стал резиденцией испанского правительства. После снятия осады Кадиса остров был назван в память о короле Фердинанде VII – Сан-Фернандо. Здесь находилось войско из двух тысяч испанских солдат, которые отстояли Кадис против шестидесятитысячного французского войска. Осада Кадиса (5 февраля 1810 г. – 24 августа 1812 г.) была самый длинной и важной битвой во время французской захватнической войны на Пиренейском полуострове. Длительная оборона города помешала французским войскам завершить завоевание Андалусии и всей страны.

Первые дни осады представлены в копле: «No lo permitáis, que los franceses que están en La Isla se metan en Cai» («Не позволяйте, чтобы французы, находящиеся на острове, вторгались в Кадис») [4, p. 338]. Эти слова звучат словно призыв к ополчению всего местного населения для защиты города и независимости всей Испании, так как Кадис был последним бастионом, остававшимся свободным от французского владычества.

Baluarte invencible
Isla de León
Cómo ganaron los franceses, mare,
Por una traición [4, p. 338][1].

В словах песни подчеркивается непобедимость и стойкость крепостных стен города – резиденции Сан-Фернандо, а также упоминается первоначальное название города Исла де Леон. Одновременно указана предательская измена со стороны одного из членов хунты обороны города, который разработал план захвата города. Подобная версия изложена в легендах и показана в фильме «Лола-угольщица» (режиссер Луис Лусия, 1951 г.). В песне есть намек на измену в пользу французов «Cómo ganaron los franceses, mare, por una traición» («Как же победили французы, черт, из-за предательства») [4, p. 338]. В пьесе драматург Пеман изображает двух врагов: внешних – это французы и внутренних – это испанцы, те, которые хотят распространить французскую революцию в своей стране.

В фольклоре и массовой культуре иногда случается так, что реальные фигуры, участвовавшие в исторических событиях, становятся символами определенных понятий, идеологии масс. Например, Эрнесто Че Гевара в массовых представлениях о кубинской революции являлся символом свободы. Известно много случаев, когда некоторые группы людей порождают собирательный персонаж, который затем также становится символом. Этот вымышленный герой создан на основе реальных событий и отображает весь характер восприятия истории теми или иными социальными, этническими, политическими группами.

Похожая ситуация произошла с Лолой из Кадиса, Лолой ла Пиконерой (Lola la Piconera). Прозвище героини – «Пиконера» происходит от слова «пикон» – древесный уголь. Пиконерос – это угольщики, которые занимались его перевозкой и продажей. Люди этой профессии являются традиционными героями андалузского фольклора [5].

Дело в том, что песни на военные и революционные темы были весьма популярны в конце XIX в. среди певцов, выступавших в тавернах Андалусии. Вдохновленный текстами песен испанский драматург Хосе Мария Пеман написал пьесу «Когда Кадисские Кортесы» («Cuando las Cortes de Cádiz»), в которой отображается война за независимость против французских захватчиков. На основе пьесы на экран телевидения в середине XX в. вышли две киноработы, посвященные осаде Кадиса и любовной истории, связанной с Лолой, французским офицером и испанским партизаном [5].

Таким образом, рожденная фантазией драматурга героиня – Лола ла Пиконера стала восприниматься многими как реальная участница событий обороны Кадиса

[1] Непобедимый бастион / остров Леон / Как же победили французы / из-за предательства. (Перевод Е.П. Кукьян, старшего преподавателя кафедры романских языков БГУ).

в 1810–1812 гг. Лола – вымышленный герой. Это собирательный образ народа осажденного Кадиса, который дорожит своим городом и своей свободой, поэтому готов умереть во имя своей Родины. В испанской копле воспевается подвиг Лолы:

«Murió amaneciendo el día,
mártir de la patria era
muerte dieron los franceses
a Lola la Piconera» [4, p. 339][2].

В песне рассказывается история о «мученице» и одновременно о «героине», т.к. Лола ла Пиконера умирает на рассвете от рук французов. Ее смерть становится воплощением любви к Родине. В осажденном Кадисе имелись таверны, которые посещали ополченцы. В этих тавернах певцы поднимали боевой дух испанских солдат. Позже в фильме показано, что именно Лола – хозяйка таверны – своими песнями возвращала потерянный боевой дух испанцев. Безусловно, в испанском фольклоре фигура Лолы – символ горячей любви к своему городу, даже в фильме, когда французский офицер ждал ответа Лолы на его любовь, то героиня ответила: «Слышишь, ваши пушки отвечают за нас... Для меня нет французов плохих и хороших. Есть те, кто бросает бомбы на Кадис» [5]. Это также позволяет сделать вывод о самопожертвовании народа и его готовности умереть, защищая город.

Исходя из событий, описанных в традиционных источниках, 7 февраля 1810 г. французский парламентер передал хунте Кадиса послание с требованием признать власть «короля Испании Хосе I» (Жозефа Бонапарта). Кадис отказался принимать иного короля, кроме Фердинанда VII. С этого момента началась осада – самая длительная (и самая безуспешная для французов) в истории наполеоновских войн:

«Qué desgraciaíto fuiste,
barrio de Santa María
un barrio con tanta gracia,
qué de bombas recibiste» [4, p. 339][3].

В тексте песни описывается бомбардировка прекрасного «gracia» района Эль Пуэрто Санта Мария. Произошли эти события утром 15 декабря 1810 г., когда восемь бомб упали в разных частях города, но из них разорвались только две. Страх, охвативший жителей, вскоре сменился смехом и шутками, а на улицах распевали знаменитую коплу про «фанфаронов» (впервые опубликована 14 августа 1812 г.) [6]:

Con las bombas que tiran
Los fanfarrones
Se hacen las gaditanas
tirabuzones

Las murallitas de Cai
son de piedra y no se notan
pa que todos los franceses
se rompan la cabezota

Váyanse los franceses en hora mala.
Que Cai no se rinde,
Ni sus murallas [4, p. 339][4].

Эту задорную коплу, высмеивающую «фанфаронов» – французов, сочинили жители Кадиса во время осады (fanfarrones – хвастуны). Интересно выражение «Con las bombas que tiran los fanfarrones («Бомбы, которые бросают хвастуны»), «Se hacen las gaditanas tirabuzones» («женщины Кадиса носили как бигуди»). Слова в песне объясняются тем, что бомбы, которыми французы обстреливали город, внутри были заполнены свинцом, кусочки которого, разлетаясь при взрыве, сворачивались в форме спирали. Если верить местным рассказам, кадисские женщины использовали их в качестве «tirabuzones» – бигудей для завивки волос.

Еще один характерный пассаж из этой коплы: «Las murallitas de Cai / son de piedra y no se notan» («стены Кадиса сделаны из камня и они не заметят»), здесь подразумевается, что «Они» – это жители Кадиса, «pa que todos los franceses se rompan la cabezota» («что все французы поразбивают себе голову»), т.е. как бы сильны не были их бомбардировки, крепостные стены города не сломить, как и не сломить дух горожан. «Váyanse los franceses en hora mala. Que Cai no se

[2] Умер, на рассвете, / мученик родины, / французы погубили / Лолу Пиконеру. (Перевод Е.П. Кукьян, старшего преподавателя кафедры романских языков БГУ).

[3] Каким несчастным ты стал, / район Санта Мария, / район с таким изяществом, / которое ты получил от бомб.

[4] От бомб, которые сбрасывают / хвастуны, / женщины Кадиса носили как бигуди / Крепостные стены Кадиса / каменные и не замечают, / Чтобы все французы разбили свою упрямую голову. / Убирайтесь, французы, не в добрый час! / Кадис не сдается, / Не сдаются его крепости. (Перевод Е.П. Кукьян, старшего преподавателя кафедры романских языков БГУ).

rinde, Ni sus murallas» («Убирайтесь, французы, не в добрый час! Кадис не сдается, не сдаются его крепости») – уточнение про боевой дух местного населения.

Сравнение с «хвастунами» и «бигудями» самой мощной тогда во всей Европе армии и военной техники Наполеона подтверждает смелость испанцев и отвагу. Можно предположить, что данный литературный троп – это образное выражение, когда серьезные и опасные вещи преуменьшаются до ироничных бытовых явлений, и тем самым разрушается страх перед ними. Даже возможное лишение жизни не останавливало ополченцев в высказываниях, высмеивающих неспособность французов овладеть городом и закончить кампанию по захвату всей территории Испании, что подрывало авторитет «европейского владыки».

В это время вся страна была охвачена восстаниями, партизанские отряды распространялись по всему государству, весьма затрудняли действия французов и разрушали пути сообщения, коммуникации. Несмотря на огромные силы, введенные в Испанию со стороны британских войск, было мало надежды на скорое окончание войны. 19 марта 1812 г. на собрании парламента в Кадисе кортесами была представлена новая либеральная конституция (в историю вошла как Кадисская конституция), которая включала многие положения из американской и французской конституций. В ее основу были положены принципы народовластия, а также испанские традиции общинного самоуправления [3, с. 14].

Идеи либерализма в обществе набирали популярность. В песнях люди воспевают надежды на лучшее во время перехода от старого к новому режиму. Все чаще возникает конфликт между «нами» – кортесы Кадиса и «ими» – французами. Сочинители народных песен выражали протест против действий французских генералов, таких как Наполеон Бонапарт, Мюрат, Сульт, Дюпон и Жозеф Бонапарт.

Копла «Baluarte invencible, Isla de León, donde serindió el coloso Napoleón» («Непобедимый бастион остров Леон, там, где сдался величественный Наполеон») [4, p. 340] воспевает непобедимость города и подчеркивает тот факт, что именно под стенами испанского бастиона потерпел поражение знаменитый полководец Наполеон.

Следующая копла весьма интересна своими метафорами и символами:

«Que vengan pronto los francesitos
Pa que los desengañen los gitanitos.
Que venga pronto Napoleón
Pa que le den en Cádiz la extremaunción»
[4, p. 340][5].

В этом четверостишии народ выражает пренебрежение к «los francesitos», в андалузском диалекте концовка «-citos» обозначает уменьшительно-ласкательное обращение, дословно «французишки». В копле говорится о скором поражении армии Наполеона. Если внимательно разобрать слова, то «extremaunción» переводится как «соборование», а данный обряд в католической церкви включал в себя помазание святым елеем (маслом) христианина, который близок к смерти. Т.е. в песне жители Кадиса употребляют этот термин для усиления эмоциональной атаки: «Que venga pronto Napoleón Pa que le den en Cádiz la extremaunción» («Пусть скорее появится Наполеон, / Чтобы в Кадисе над ним совершили соборование»). Далее следует подтверждающее мнение горожан, что французы не захватят город: «Napoleón con su escolta No pasó del balneario de la Victoria» («Наполеон со своим сопровождением не прошел воды Виктории»). Побережье под названием Виктория считается одним из самых протяженных в Кадисе.

Тему бессилия французских войск при двухгодичной осаде города продолжает выражение «Con las bombas que tira El Mariscal Soult Se hacen las gaditanas mantillas de tul» («Из бомб, которые бросает маршал Сульт, женщины Кадиса создают тюлевые мантии»). В очередной раз высмеивается обстрел и сравнивается сила французских орудий с женской кружевной накидкой – мантильей. Особенно была популярна мантилья в Андалусии, изготавливалась из шелка и надевалась поверх высокого гребня, вколотого в прическу, и падала на спину и плечи.

Осада Кадиса продолжалась два с половиной года. Не надеясь взять город, французы принялись бомбардировать его из орудий. Однако сложность этой тактики была в том, что самая близкая точка (Ла Кабесуэла), с которой французы могли вести обстрел, находилась на расстоянии более 5 километров от центра Кадиса. Для

[5] Пусть прибудут поскорее французишки, / Чтобы их обманули цыгане. / Пусть скорее появится Наполеон, / Чтобы в Кадисе над ним совершили соборование. (Перевод Е.П. Кукьян, старшего преподавателя кафедры романских языков БГУ).

артиллерии того времени – дистанция недосягаемая [6]. Из нескольких тысяч бомб, выпущенных по Кадису, зоны в пределах крепостных стен достигли только 475 [7]. Остальные не долетели и упали в воды залива. Горожане с насмешкой воспевали попытки захвата в коплах «De las veinte granadas que Soult envíase quedan diecinueve en la Bahía» («Из двадцати гранат, запущенных маршалом Сультом, девятнадцать осталось в заливе Кадиса»).

Еще одно шуточное выражение – сравнение победоносного генерала французской армии Мюрата с «поваром»: «Dicen que el señor Murat es aficionado al fuego. Digo si tendrá costumbre quien ha sido cocinero» («Поговаривают, что господин Мюрат любит огонь. Я говорю, что появится привычка быть поваром»). «Любит огонь» – это высказывание тесно связано с приготовлением на огне, поэтому определение «повар» относится к персоне генерала в песне. Поскольку основная тема коплы – «человек в жизненных обстоятельствах», а обстоятельства эти – из числа тех, которые происходят с каждым человеком, то и лирический герой (или субъект этой ситуации) получает, как правило, наиболее обобщенные характеристики. В копле он часто обозначается при помощи относительного местоимения [1, с. 302]. Здесь же в глагольных конструкциях «dicen» переводится как «говорят», т.е. они (люди, народ), а «digo» означает «я говорю», иногда «я» не употребляется.

Следующие строки: «Yace aquí el grande Dupont Grande cuanto Dios quería. Que murió de un bofetón Que le diera Andalucía» («Здесь покоится великий Дюпон, Великий, насколько хотел этого Господь. Умер он от огромной оплеухи, которую получил от Андалусии»). В этом четверостишии говорится не о смерти генерала Дюпона, а о его капитуляции. Дело в том, что 4 июля 1808 г. наступление Дюпона на Андалусию, по планам Наполеона, должно было сыграть решающую роль в испанской кампании. 22 июля Дюпон с 18-тысячным войском сдался испанцам в поле возле Байлена [8, с. 265], нанеся сильный удар по репутации прежде непобедимой Великой армии. В ходе боевых действий Дюпон был серьезно ранен и оскорблен поражением, он не оправдал тех надежд, которые возлагал на него Наполеон. Узнав о капитуляции, Наполеон был в ярости, даже принял указ о расстреле Дюпона, но затем помиловал генерала. Позже Наполеон признавал, что поражение Дюпона было скорее военной неудачей, нежели преступлением [8, с. 265].

Английские войска под командованием Веллингтона 22 июля 1812 г. разбили французов при Саламанке. Веллингтон с войсками двинулся к Мадриду и занял его 12 августа 1812 г. Жозеф с центральной армией отступил к Валенсии и требовал поддержки Сульта, который повиновался и 24 августа 1812 г. снял осаду с Кадиса. Перед отступлением французы взорвали свои укрепления:

«El gran Pepe Botella
Puesto en un árbol
ha bailado esta noche
un buen fandango» [4, p. 340][6].

В ночь на 12 августа 1812 г. состоялся праздничный патриотический вечер с военным парадом и оркестром, люди Кадиса танцевали и пели до утра следующего дня. Жители Кадиса ликовали, празднуя свою защиту города от французской армии, т.к. официально Жозеф Бонапарт отозвал армию Сульта от Кадиса. Народ с издевкой относился к Жозефу, его прозвали Пепе Бутылка, намекая на его алкоголизм. В среде обычных людей король был непопулярен и после проигрышного сражения при Виттории 21 июня 1813 г. [3, с. 168] он покинул Испанию.

Либерализм имел место до ожидаемого возвращения желаемого короля, который был восстановлен на троне в 1813 г. Однако правление Фердинанда VII началось с репрессий как в отношении тех, кто поддерживал Жозефа Бонапарта, так и в отношении наиболее либеральных сторонников кортесов [3, с. 169, с. 221], что привело к революции 1820 г.

Заключение. Таким образом, испанская копла могла быть использована в политической борьбе внутри страны и представляла некий элемент смеховой культуры. В результате исследования выявлено, что в испанской копле показываются мужество народных ополчений во время наступления вражеских войск, насмешливое отношение к французским генералам. Народом воспевается любовь к своей стране и чувство долга перед соотечественниками. В некоторых произведениях встречается

[6] Величественный Пепе Бутылка, / повешенный на дереве, / здорово танцевал фанданго сегодня ночью. (Перевод Е.П. Кукьян, старшего преподавателя кафедры романских языков БГУ).

вымышленный герой, созданный народом как символ свободы и независимости, а также чести и отваги. С помощью анализа литературных тропов установлены историческая действительность, позиция известных исторических личностей на происходящие события, а также определена их роль в истории. Песни являлись средством поднятия боевого духа испанских солдат. После поражения армии Наполеона воспевалась победа и в шуточной форме показывалось, как унизительно французы были изгнаны с полуострова, но вопрос дальнейшего политического устройства Испании оставался открытым.

Литература

1. Панова, Л.Г. Испанская копла: между поговорками и книжной поэзией / Л.Г. Панова // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 299–308.
2. Всемирная история / М.Е. Жуков. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 6. – 830 с.
3. Пискорский, В.К. История Испании и Португалии / В.К. Пискорский. – 2-е изд. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. – 278 с.
4. Roldán, C.C. Las letras flamencas y los acontecimientos históricos / C.C. Roldán // Historia del flamenco / dirigida por José Luis Navarro García y Miguel Ropero Núñez. – Sevilla: Ediciones Tartessos, 1995. – P. 325–353.
5. Navarrete, G.R. Lola la piconera: del ideario reaccionario al mito folclórico [Electronic resource] / G.R. Navarrete. – Mode of access: https://pendientedemigracion.ucm.es/info/especulo/numero45/lolapico.html. – Date of access: 15.03.2017.
6. Origen de la letra «Con las bombas que tiran» [Electronic resource]. – Mode of access: https://ru.scribd.com/doc/112891603/Con-Las-Bombas-Que-Tiran-Origen-de-La-Letra. – Date of access: 15.03.2017.
7. El asedio a Cádiz (febrero 1810 – agosto 1812) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.batalladetrafalgar.com/2010/01/el-asedio-cadiz-febrero-1810-agosto.html. – Date of access: 15.03.2017.
8. Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого [и др.]. – СПб.: Т-во И.В. Сытина, 1912. – Т. 9. – С. 265.

Поступила в редакцию 18.05.2017 г.

УДК 94(470+571)«1920/1929»:353.5

К вопросу о передаче Велижского, Невельского и Себежского уездов Витебской губернии в состав Псковской в 1920-х годах

Барановский А.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

После Октябрьской революции северные уезды Витебской губернии вошли в состав РСФСР. В 1922 году рассматривали возможность передачи данных уездов БССР. Статья посвящена административно-территориальной принадлежности Велижского, Невельского и Себежского уездов в 20-е гг. XX в.

Цель работы – изучение процесса передачи Велижского, Невельского, Себежского уездов бывшей Витебской губернии в состав Псковской губернии.

***Материал и методы.** Источниками при написании исследования стали архивные документы, выявленные во время работы в Государственном архиве Псковской области, статьи, опубликованные в псковской губернской газете «Псковский набат». Автор опирался на традиционные исторические методы, такие как историко-генетический, позволяющий проводить реконструкцию исторического развития, характеризовать причинно-следственные связи и закономерности, историко-системный и историко-типологический методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Административная принадлежность Велижского, Невельского и Себежского уездов в 20-е гг. XX в. менялась несколько раз. Окончательное решение было принято 24 марта 1924 года, когда данные уезды вошли в состав Псковской губернии РСФСР. Процессом передачи уездов руководила Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия, которая решала все спорные моменты и приводила стороны к консенсусу. Комиссия создавалась на паритетных основах из представителей белорусской и псковской стороны.*

***Заключение.** Анализ источников позволил проследить процесс передачи трех северных уездов бывшей Витебской губернии в состав Псковской губернии в 1924 году.*

***Ключевые слова:** Велижский, Невельский, Себежский уезды, Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия, Витебская губерния, Псковская губерния.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 47–53)

On the Issue of the Transfer of Velizh, Nevel and Sebezh Districts (Uyezds) of Vitebsk Province into Pskov Province in the 1920s

Baranovsky A.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

After the October Revolution, the northern districts (uyezds) of the Vitebsk Province became part of the RSFSR. In 1922, they considered the possibility of transferring these districts into the BSSR. The article considers the administrative and territorial affiliation of Velizh, Nevel and Sebezh Districts (uyezds) in the 1920s.

The purpose of the article is to study the transfer of Velizh, Nevel, Sebezh Districts (uyezds) of the former Vitebsk Province to Pskov Province.

***Material and methods.** The sources for the article were archival documents revealed during work in the State Archive of Pskov Region, articles published in Pskov Province newspaper the «Pskov Nabat». The research is based on traditional historical methods, such as historical-genetic methods, which allow reconstructing historical development, characterizing cause-effect relationships and regularities. Historical-systematic and historical-typological methods are also used.*

***Findings and their discussion.** The administrative affiliation of Velizh, Nevel and Sebezh Districts (uyezds) in the 1920s changed several times. The final decision was made on March 24, 1924, when these Districts (uyezds) became part of Pskov Province of the RSFSR. The transfer process of the uyezds was directed by the Belarus-Pskov Conciliation Commission, which resolved all the disputable issues and helped the parties come to consensus. The Commission was created on a parity basis and included representatives on the Belarusian and Pskov sides.*

***Conclusion.** The analysis of the sources made it possible to trace the transfer process of the three northern uyezds of the former Vitebsk Province to Pskov Province in 1924.*

***Key words:** Velizh, Nevel, Sebezh uyezds, Belarus-Pskov Conciliation Commission, Vitebsk Province, Pskov Province.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 47–53)

Адрес для корреспонденции: e-mail: sasha9209@mail.ru – **А.В. Барановский**

Велиж, Невель и Себеж сегодня являются районными центрами Смоленской и Псковской областей Российской Федерации, однако так было не всегда. Почти столетие назад данные города были уездными центрами Витебской губернии. После Октябрьской революции они вошли в состав РСФСР. Однако в связи с предполагаемым увеличением территории БССР за счет земель с преобладающим белорусским населением в 1922 году было принято решение о передаче северных уездов Витебской губернии БССР. 24 марта 1924 года на основании решения Президиума ВЦИК к БССР отошли Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Оршанский, Полоцкий, Сенненский и Суражский уезды Витебской губернии. Велижский, Невельский, Себежский уезды данной губернии переданы БССР не были, так как по ним стороны не пришли к консенсусу. В итоге эти уезды оказались в составе Псковской губернии.

Цель работы – изучение процесса передачи Велижского, Невельского, Себежского уездов бывшей Витебской губернии в состав Псковской губернии.

Материал и методы. При написании исследования использовались архивные документы, выявленные во время работы в Государственном архиве Псковской области [1–4], статьи опубликованные в псковской губернской газете «Псковский набат» [5–9], а также монография С.Н. Хомича «Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo» [10]. При этом применялись общенаучные методы (описание, анализ, синтез и т.д.) и специальные методы исторической науки (историко-системный, историко-генетический и историко-типологический).

Результаты и их обсуждение. После Октябрьской революции Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии вошли в состав РСФСР. 15 сентября 1922 года Наркомат иностранных дел БССР заявил о необходимости объединения республики с Гомельской, Витебской губерниями и частью Смоленской [11, с. 185]. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение о передаче БССР ряда территорий, в том числе Велижского, Невельского и Себежского уездов Витебской губернии [11, с. 210]. В этой связи начался активный сбор данных, которые подтверждали или опровергали необходимость присоединения Витебской губернии к БССР.

В докладной записке Витебского губкома РКП(Б) «По белорусскому вопросу», датируемой декабрем 1923 года, приведена таблица, созданная на основании сопоставления данных демографической, подворной и учащихся школ I ступени переписей уездов Витебской губернии. Для нас особый интерес представляют сведения, касающиеся Велижского, Невельского и Себежского уездов [11, с. 216].

На основании приведенных данных в табл. 1, можно сделать вывод об отсутствии преобладания белорусского населения в этих уездах, так как все показатели составляют менее 50%. В дальнейшем подобными цифрами будут апеллировать для недопущения присоединения рассматриваемых уездов к БССР. Однако если обратиться к поволостным переписям населения 1920 года, на данных которых делает акцент С.Н. Хомич, то в границах районирования 1923 года белорусы преобладали в Суражской (97%), Велижской (61%) волостях, во всех северных уездах (от 74% до 97%) [10, с. 249].

Авторы докладной записки говорили о том, что Велижский уезд, по свидетельству Сапунова, считался белорусским, но по демографической переписи 1920 года в нем насчитывается лишь 34,42% белорусов. Однако и эта цифра не окончательная, так как крестьяне, которые пишутся белорусами, говорить по-белорусски не умеют

Таблица 1

Данные демографической, подворной и учащихся школ I ступени переписи уездов

Уезды	Белорус. по демографич. переп.	Крестьян-домохоз. с родным белорус. языком	Белорусов-учащихся
Велижский	38,12%	4,9%	7,7%
Невельский	34,32%	0,9%	7,1%
Себежский	32,50%	2,5%	22,3%

Таблица 2

Данные Центрального статистического управления (1923 год)

Уезды	Общее кол-во населения	Из них:			В проц. отн.		
		Великоруссов	Белорусов	Проч. народн.	Великоруссов	Белорусов	Проч. народн.
Велижский	112012	64419	38515	9078	58	34	8
Невельский	131812	79990	41312	10530	61	31	8
Себежский	101167	64537	32161	4469	63	32	5

и указали себя белорусами лишь потому, что раньше губерния называлась Белорусской. Что касается школы то, по мнению крестьян, преподавание должно вестись на том же языке, что и ранее. Они против введения белорусского языка и в советских учреждениях, опасаются, что это вызовет для них затруднения в сношениях с властью. Данная тенденция наблюдалась и в Невельском уезде. На собрании граждан Усь-Додысской волости все присутствующие единодушно высказывались против введения белорусского языка, местный житель Миронов отметил: «Мы не можем считать себя белорусами, т.к. белорусский язык нам незнаком, и если он появится в учреждениях, то для нас это будет затруднительным» [11, с. 221].

В заключении Наркомзема РСФСР от 12 декабря 1923 года «По вопросу о расширении границ» приводятся последние статистические сведения еще не опубликованных исследований. Для нас интерес представляют данные по трем выше обозначенным уездам, которые приведены в табл. 2.

Следует отметить, что сведения табл. 1–2 отличаются незначительно, лишь на четыре процента уменьшилось число белорусов в Велижском уезде. Поэтому неслучайно авторы документа приходят к выводу, что, если руководствоваться при установлении новых границ БССР принципом преобладания белорусского населения над прочими народностями, присоединение Велижского, Невельского и Себежского уездов к республике является нецелесообразным [11, с. 231–232].

С этим белорусские власти были категорически не согласны, поэтому 18 декабря А.Г. Червяков направил записку в ЦК РКП(б) «Об отношении Комиссии ЦИК СССР к постановлению Политбюро ЦК РКП(б) об укрупнении БССР», в которой указал, что комиссия ЦИКа СССР, несмотря на протест представителей Белоруссии, подвергла вторичному обсуждению вопрос об уездах и приняла ряд решений, противоречащих постановлению Политбюро. Так, из Витебской губернии по решению большинства Комиссии (3 против 2) не передаются БССР Велижский, Невельский и Себежский уезды [11, с. 235]. В этот же день в Москве состоялось заседание Комиссии ЦИК СССР по изменению границ между РСФСР и БССР. Белорусская сторона настаивала на присоединении Велижского, Невельского и Себежского уездов к БССР: «Хотя с точки зрения национального состава этих уездов они могли бы остаться за РСФСР, в экономическом отношении эти уезды должны быть присоединены к БССР». Однако решение было не в пользу белорусской стороны, данные уезды было решено оставить в пределах РСФСР [11, с. 237].

На следующий день, 19 декабря председатель Комиссии ЦИК СССР по изменению границ между РСФСР и БССР А.С. Енукидзе направил письмо в Политбюро ЦК РКП(Б) «О разногласиях между членами Комиссии», в котором говорилось, что члены Комиссии не пришли к единогласному решению по трем уездам Витебской губернии (Велижскому, Невельскому и Себежскому), которые по решению большинства Комиссии остаются в пределах РСФСР по двум основаниям: во-первых, население белорусов в этих уездах в среднем не превышает 33%, а во-вторых, экономически эти уезды тяготеют к Псковской губернии [11, 238–239].

13 февраля 1924 года Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Белорусского ЦИКа о передаче БССР Велижского, Невельского и Себежского уездов Витебской губернии, так как для этого нет оснований [11, с. 249]. Однако 22 февраля Президиум ЦИК СССР предложил Президиуму ВЦИК в 2-недельный срок вторично рассмотреть

вопрос о передаче 3-х уездов Витебской губернии в состав БССР [11, с. 263]. 4 марта Президиум ВЦИК постановил передать БССР восемь уездов Витебской губернии, Велижского, Невельского и Себежского уездов среди них не было [11, с. 265].

Окончательное решение по трем обозначенным уездам было принято 24 марта 1924 года на заседании Президиума ВЦИК. Велижский, Невельский и Себежский уезды Витебской губернии передавались в состав Псковской губернии. Передачу уездов Витебским Губисполкомом следовало произвести к 7 апреля 1924 года в порядке инструкции ВЦИК и СНК от 8 октября 1923 года.

Передачей Велижского, Невельского и Себежского уездов занималась Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия. Она была создана на паритетных основах из представителей белорусской и псковской стороны [1, л. 272]. Так, интересы БССР на первых ее заседаниях представляли Чернушевич и Шкубер, а затем Проферансов и Бородавский [1, л. 273]. Псковский Губисполком – Невернов и Копнин [11, с. 275]. Невельский уезд представлял Куликов, а затем Жгун [2, л. 32], а Себежский – Махаленок, а затем Козлов, Смирнов, Сивицкий, Подосиновик [3, л. 9].

Вопросами спорного характера, которые не были решены в процессе работы Согласительной Комиссии, занималась специальная Арбитражная Комиссия под председательством Белобородова [1, л. 272]. В ее состав от БССР входило два человека, среди них был Проферансов [1, л. 273].

28 марта состоялось заседание Президиума Невельского Усполкома. На повестке дня стоял вопрос о необходимости вынесения постановления Президиума Уисполкома о переходе Невельского уезда к Псковской губернии и о подчинении УИК с его отделами, учреждениями и предприятиями Псковскому Губисполкому. Особый интерес представляет выступление члена Президиума Эфроса: «Фактически мы переходим в состав Псковской губернии, но юридически мы такого постановления вынести не можем, за отсутствием официального постановления центра о присоединении уезда к Псковской губернии». Его коллега Смирнов в свою очередь указывает на то, что основанием к вынесению постановления о переходе в подчиненность к Псковскому Губисполкому может служить полученная телеграмма о делегировании Псковским Губисполкомом в Витебск комиссии для приема Невельского и Себежского уездов. Итог подвел Кулик: «Ликвидация Витебского Губисполкома 20 марта и прекращение связи с последним является для нас необходимым связаться с новым Губернским центром». Таким образом, заседание Президиума Невельского Усполкома закончилось принятием постановления – считать Невельский Уисполком со всеми его отделами и учреждениями отошедшим к Псковскому Губисполкому с 28 марта 1924 года [2, л. 22]. Следует отметить, что похожие документы по Велижскому и Себежскому уездам нам не встречались.

31 марта 1924 года назначенная Псковским Губисполкомом Комиссия, состоящая из трех членов и технических работников, прибыла в Витебск для участия в работе Согласительной Комиссии. В промежуток времени с 31 марта по 2 апреля, в ожидании представителей белорусской стороны, Псковской Комиссией изучались необходимые материалы, шло ознакомление с присоединенными уездами как административными единицами через специально вызванных в Витебск представителей УИК [4, л. 97].

2 апреля 1924 года ЦИК БССР принимает решение о необходимости присоединения к БССР южной части территории Невельского уезда, а к Псковской губернии Стайковской и часть Дубопрайской волости. После этого в Витебск отправляются представители БССР для участия в работе Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии. Белорусским представителям дано указание в случае несогласия псковской стороны с решением ЦИК БССР отстаивать свои позиции, ссылаясь на необходимость точного применения постановления Президиума ЦИК РСФСР от 3 марта 1924 года [1, л. 273].

2 апреля в Витебском Уездно-Городском Исполнительном Комитете состоялось первое заседание Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии, на котором была установлена правомочность Комиссии, регламент ее работы, заслушаны законодательные акты, которые должны были лечь в основу ее деятельности.

Началось обсуждение важного вопроса об установлении государственной границы между РСФСР и БССР. Окончательно он был решен к пятому заседанию Комиссии 5 апреля. Государственная граница для Велижского уезда устанавливалась по карте административного деления Витебской

губернии за 1920 год. Псковской стороне отошли все волости уезда, за исключением тех, которые составляли Суражский уезд, присоединенный к БССР.

Для Невельского уезда государственная граница устанавливалась по той же карте, причем волости, бывшие в ликвидируемом Городокском уезде и отошедшие в 1923 году к Невельскому уезду (Горковская, Руднянская, Старинская, Холомерская и Обольская), присоединялись к БССР. 26 апреля 1924 года член Невельско-Витебской Уездной Согласительной Комиссии Ф.И. Пузыня в своем рапорте, адресованном председателю Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии, сообщал: «Приемка территорий, отходящих от Псковской губернии к БССР, между уездами Невельским и Витебским закончена. Выкопировка границы будет представлена дополнительно к 1 мая 1924 г.» [12, с. 358]. Что касается Дубопрайской и Стайковской волостей, то они оставались в составе Невельского уезда. Таким образом, решение ЦИК БССР от 2 апреля 1924 года белорусским представителем воплотить не удалось [4, л. 97–97 об.].

При определении государственной границы для Себежского уезда возникли споры, которые окончательно так решены и не были. Белорусские представители были не согласны с решением оставить в составе уезда Освейскую волость и Юховический Райсовет Ленинской волости, на чем настаивала псковская сторона. Представители БССР, отстаивая границы 1920 года, указывали на отсутствие экономической связи Освейской волости с Себежем и тяготением последней к Полоцку, а также преобладанием среди населения белорусского элемента. Псковские представители приводили следующие доводы. Во-первых, с момента организации охраны границы участок, к которому прилегает Освейская волость, всегда охранялся из Себежского центра. Во-вторых, наблюдается тяготение населения Освейской волости к Себежу. При необходимости поехать в Витебск освейское население ездит обязательно через Себеж, а не через Дриссу–Полоцк. В-третьих, белорусское население в Освейской волости не преобладает, оно минимально и сгруппировано у самой границы по тракту Дрисса–Люцин. В связи с возникшими спорами о границе для Себежского уезда данный вопрос был передан на рассмотрение Арбитражной Комиссии в Москву [3, л. 9–10]. На этот раз спор был решен в пользу белорусской стороны. 12 мая 1924 года Себежский Уисполком принял решение о передаче Полоцкому уезду Освейской и бывшей Юхновической волости [3, л. 39].

С 3 апреля 1924 года в губернской газете «Псковский набат» появилась рубрика «По новым местам», в которой рассказывалось об уездных центрах, присоединяемых к Псковской губернии [5–6]. Также открылась рубрика «По Себежскому уезду» от специального корреспондента, в которой описывалась повседневная жизнь уезда [7].

5 апреля на заседании Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии принято решение об образовании Уездных Согласительных Комиссий при всех Уисполкомах для немедленной передачи и приема имущества, дел и прочего. Данным комиссиям предписывалась демаркация границ в пределах Велижского и Невельского уездов. Для подготовки материала по разделу имущества были образованы финансово-бюджетная, общая и земельная подкомиссии с равным представительством сторон. По окончании работ, срок которых был установлен на 14 апреля, подкомиссии представили необходимые материалы в виде протокольных постановлений. По вопросам, в которых не удалось прийти к консенсусу, было представлено два мнения, как с белорусской, так и с псковской стороны [4, л. 98].

5 апреля в губернской газете было опубликовано решение Президиума Псковского Губисполкома о необходимости установления связи с присоединяемым Невельским уездом [8]. 12 апреля появилась статья Л. Лутковского «На распутье», которая начиналась с таких слов: «От Витебска отстали, а Пскову не пристали». Автор пишет, что именно в таком плачевном состоянии находятся присоединяемые уезды. С Витебском связь потеряна уже почти месяц, а с Псковом еще не налажена. Под срывом находится весенняя посевная кампания, уезды своих семян не имеют, а Витебск отказывается что-либо дать. Да и неизвестно сможет ли что дать Псков. Не менее важной проблемой, по мнению автора, является сельская кооперация. «С Витебска уже взятки гладки», все, что имелось, приходит к концу. Население нуждается в товарах широкого потребления, но их как раз и не хватает. Лутковский приходит к выводу, что нужно во чтобы то ни стало дать директивы на места, указать тот или иной выход. Время не ждет, и от этого

зависит благополучие трех уездов, которые возлагают все надежды на Псков [9].

Отведенный срок на передачу уездов истек еще 7 апреля, однако работа в Комиссии активно велась в связи с несогласием сторон. Поэтому 14 апреля Президиум ВЦИК продлил срок передачи Велижского, Невельского и Себежского уездов на две недели [1, л. 2].

15 апреля Белорусско-Псковская Согласительная Комиссия вынесла ряд постановлений:

1. Все бюджетные обязательства по отношению к учреждениям, расположенным на отходящей к Псковской губернии территории и содержащимся на губернском и уездном бюджете с 1 апреля 1924 года, берет на себя Псковский Губисполком.

2. Дотация, утвержденная по смете для отходящих уездов и недоданная к настоящему моменту, покрывается Витебским Губфо, а в порядке преемственности Наркомфином БССР.

3. Отчисление в губернскую смету от фактически произведенных отходящими уездами расходов удерживается Витебским Угорфинотделом из суммы причитающихся к выдаче данным уездам.

4. Отчисление в уездный бюджет от натурального поступления единого сельскохозяйственного налога производится Витебским Губфо, а в порядке преемственности Наркомфином БССР.

5. Излишки отчислений от поступления единого сельскохозяйственного налога сверхгодовой суммы по отходящим уездам переводятся на счета Псковского Губисполкома.

6. Отчисление от промысловых поступлений по отходящим уездам за март месяц 1924 года переводится непосредственно в распоряжение соответствующих Уисполкомов.

7. Отчисление от поступления лесного дохода в местный бюджет до 1 апреля поступает в распоряжение БССР.

8. Задолженность по зарплате Витебский Угорфинотдел переводит непосредственно в распоряжение соответствующих Уисполкомов.

9. Задолженность Витебских Губернских учреждений по отходящим территориям Витебский Угорфинотдел обязуется покрыть путем удержания потребных сумм из кредитов названных учреждений и перевести таковые Уисполкомам.

10. Никакие отчисления от поступления налога и доходов по отходящим территориям после 1 апреля в губернскую смету бывшей Витебской губернии не производятся, а произведенные уже немедленно переводятся на счета Псковского Губисполкома.

11. Финансово-налоговые органы отходящих уездов со всем составом сотрудников, имуществом, кассовой наличностью и по состоянию на 1 апреля передаются в распоряжение Псковского Губфо.

12. Для погашения облигаций хлебного займа рабочих и служащих по Себежскому уезду Витебский Угорфинотдел при получении нарядов из центра обязуется немедленно потребное количество ржи направить в адрес Себежского УФО.

13. Все делопроизводство Витебского Губфо, касающееся присоединяемых к Псковской губернии Уфинотделов, передается Псковскому УФО.

Были приняты и другие постановления: о средствах Витторга, о разделе имущества и капитала книгоснава, о разделе имущества фармаправления, по Губздраву, по Губоно, по Горкоммунотделу, по бывшему ГСНХ, по земельным имуществам и управлению ими [4, л. 98–102].

Члены Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии проделали огромную работу по передаче трех уездов Псковской губернии. Однако все время возникали споры и конфликты. Так, на заседании Президиума Себежского Уисполкома от 8 марта 1924 года было заслушано более десяти претензий разного характера к бывшим властям. В качестве примера приведем претензию общего отдела к Губкоммунотделу о выдаче пожарной машины, уведенной в 1920 году из Себежа, взамен которой Губкоммунотдел должен был выдать две лошади и пожарную машину. Лошадей выделили, а машину нет [3, л. 11].

Продленный срок передачи уездов закончился 21 апреля 1924 года. Однако 10 мая Президиум Псковского ГИК ходатайствовал в ВЦИК о понуждении ЦИК БССР к немедленному выполнению обязательств, достигнутых во время работы Согласительной Комиссии. Так, все причитающиеся уездам суммы (отчисления от промналога, сельхозналога, дотации) до 1 апреля следовало давно передать уездам, но в мае их еще не возвратили [1, л. 59]. В ответ на ходатайство Псковского Губисполкома ВЦИК обратилось в ЦИК Союза ССР с прошением «воздействовать на БССР в смысле своевременного выполнения последним достигнутых соглашений» [1, л. 60]. Передача уездов затянулась еще надолго.

В 1926 году вновь встал вопрос о присоединении Велижского, Невельского и Себежского уездов к Витебскому округу. 25 июня 1926 года СНК БССР обратился в Северо-Западный облисполком в связи с необходимостью возбудить вопрос перед СНК СССР об уточнении границ БССР с Северо-Западной областью за счет уездов бывшей Витебской губернии, присоединенных к Псковской губернии [11, с. 334–335]. В начале августа была составлена докладная записка ЦК КП(б)Б в Политбюро ЦК ВКП(б) «О необходимости присоединения к БССР Гомельской и части Псковской губерний», в которой отмечалось, что ЦК КП(б)Б располагает положительным заключением Госплана СССР и товарища Рыкова [11, с. 344].

Чтобы доказать, что население Велижского, Невельского и Себежского уездов действительно является белорусским, в названные уезды летом 1926 года правительством БССР было организовано несколько этнографических и лингвистических экспедиций. Б.А. Архангельский в работе «Южные уезды Псковской губернии и БССР» проанализировал данные разных переписей, уровень развития сельского хозяйства, промышленности и сделал вывод о преобладании белорусского населения в этих бывших уездах Витебской губернии. П.А. Бузук отнес говоры Невельского и Велижского уезда к северным диалектам белорусского языка. Однако, несмотря на результаты изучения и обсуждения, три уезда бывшей Витебской губернии было решено оставить в составе РСФСР [10, с. 268–273].

Заключение. Таким образом, административно-территориальная принадлежность Велижского, Невельского и Себежского уездов в 20-е гг. XX века менялась несколько раз. Это было связано с борьбой между ВЦИК РСФСР и ЦИК БССР за данные территории. Представители РСФСР указывали на отсутствие большинства белорусского населения в обозначенных уездах. Белорусская сторона соглашалась, что, с точки зрения национального состава, названные уезды могли бы остаться за РСФСР, однако в экономическом отношении эти уезды необходимо присоединить к БССР. Окончательное решение об административной принадлежности Велижского, Невельского и Себежского уездов было принято 24 марта 1924 года, они передавались Псковской губернии РСФСР. Процесс передачи уездов, как и само решение, был долгим и затяжным, так, несколько раз продлялись официальные сроки вхождения уездов в состав Псковской губернии. Огромная заслуга в состоявшейся передаче уездов принадлежит Белорусско-Псковской Согласительной Комиссии, которая решала все спорные моменты и приводила стороны к консенсусу. Комиссия создавалась на паритетных основах из представителей белорусской и псковской стороны. Сегодня бывшие уездные центры Витебской губернии являются районными центрами Псковской и Смоленской областей Российской Федерации.

Литература

1. Государственный архив Псковской области. – Ф. р-590. – Оп. 1. – Д. 1560.
2. Государственный архив Псковской области. – Ф. р-590. – Оп. 1. – Д. 1533.
3. Государственный архив Псковской области. – Ф. р-590. – Оп. 1. – Д. 1548.
4. Государственный архив Псковской области. – Ф. р-590. – Оп. 1. – Д. 1495.
5. Лутковский, Н. По новым местам. Себеж – город пограничный / Н. Лутковский // Псковский набат. – 1924. – 3 апр. – С. 2.
6. Полоцкий, Л. По новым местам, г. Невель / Л. Полоцкий // Псковский набат. – 1924. – 12 апр. – С. 2.
7. Рубрика по Себежскому уезду от специального корреспондента // Псковский набат. – 1924. – 9 апр. – С. 2.
8. С Невельским уездом установить связь // Псковский набат. – 1924. – 5 апр. – С. 2.
9. Лутковский, Л. На распутьи / Л. Лутковский // Псковский набат. – 1924. – 12 апр. – С. 2.
10. Хомич, С.Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С.Н. Хомич. – Минск: Экономпресс, 2011. – 415 с.
11. Государственные границы Беларуси: сб. документов и материалов: в 2 т. / сост.: В.Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – Т. 1 (март 1917 – ноябрь 1926). – 495 с.
12. Витебская губерния: политические портреты в документах и материалах. 1917–1924 гг. – Витебск: Витебская областная типография, 2016. – 256 с.

Поступила в редакцию 05.04.2017 г.

УДК 94(476.5)«19/20»:271-788

Монашеская община Свято-Успенского Тадулинского монастыря в 1917–1920-е гг.

Василицына Л.А.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Значимость религиозного фактора в повседневной жизни общества обуславливает повышение научного интереса к проблемам конфессиональной истории. Изучение деятельности монашеской общины Тадулинского монастыря позволит отразить историю православных монастырей на местном уровне.

Цель статьи – осветить деятельность монашеской общины Свято-Успенского Тадулинского женского монастыря в 1917–1920-е гг.

Материал и методы. *Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Витебской области. Методологическая основа – принципы историзма и объективности. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и специально-исторические – историко-системный, сравнительный, ретроспективный.*

Результаты и их обсуждение. *Благодаря анализу архивных источников был сделан вывод, что осуществление первых декретов советской власти, изъятие церковных ценностей и денежных сбережений подорвало экономическое состояние монастырского хозяйства, лишило общину собственности и источников дохода. Попыткой сохранить монастырскую общину в сложившихся условиях стала регистрация монастырского храма как приходского и включение сестер в актив верующих. В годы новой экономической политики община монахинь зарегистрировалась как трудовая сельскохозяйственная артель, что позволило сохранять единство и осуществлять общинную трудовую деятельность. В 1929 г. постановлением окружной власти Тадулинская артель была ликвидирована.*

Заключение. *В период 1917–1920-х гг. руководству Тадулинского монастыря удалось на некоторое время сохранить монашескую общину, обеспечить ее деятельность в изменившихся общественно-политических условиях через регистрацию приходской общины и сельскохозяйственной артели.*

Ключевые слова: *православие, монашество, община, Тадулинский монастырь, артель.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 54–58)

Monastic Community of St. Uspenski Tadulin Monastery 1917–1920

Vasilitsyna L.A.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Significance of the religious factor in public everyday life preconditions the increase in research interest in issues of confession history. Description of Tadulin Monastic Community activities makes it possible to reflect Orthodox monastic history on the local level.

The purpose of the article is to describe the activities of St. Uspenski Tadulin Nunnery in 1917 – 1920.

Material and methods. *The research source base was made up by Vitebsk Region State Archive materials. Historicism and objectivity principles became the methodological basis. General research methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as special historical methods such as the historical and system, the comparative and the retrospective, were used.*

Findings and their discussion. *Following the analysis of archival sources we came to the conclusion that first Soviet Decrees and expropriation of the church valuables and money undermined the economic state of monasteries, deprived the Community of the property and sources of income. Registering the Monastery church as a Parish as well as including the nuns into the church goers was an attempt to preserve the monastery community in that situation. During the years of New Economic Policy the nun community was registered as an agricultural company which made it possible to preserve the unity and perform community business activity. In 1929 the local authority decree banned Tadulin farm.*

Conclusion. *In 1917–1920 Tadulin Monastery administration managed to preserve the community for a period of time, to provide its activity in the changing social and political conditions by registering the parish community and an agricultural farm.*

Key words: *Orthodoxy, nunnery, community, Tadulin Monastery, company.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 54–58)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lyubov.vasilicyna@mail.ru – **Л.А. Василицына**

Значимость религиозного фактора в повседневной жизни современного общества обуславливает повышение научного интереса к проблемам конфессиональной истории. В связи с этим видится актуальным исследование истории православных монастырей, которые оказывали заметное влияние на поддержание духовных традиций. Изучение деятельности монашеской общины Тадулинского монастыря позволит отразить эти аспекты на местном уровне.

История Свято-Успенского монастыря не являлась предметом самостоятельного исследования в советский период. В 1994 г. в газете «Жыццё Прыдзвіння» была опубликована статья известного витебского краеведа Д.Р. Газина «Вымнянская жамчужына» [1], в которой автор отразил основные этапы монастырской истории, привел воспоминания местных жителей об обстоятельствах разрушения Успенского собора в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, на сегодняшний день нерешенными остаются проблемы функционирования монастырской общины в послереволюционный период.

Цель статьи – осветить деятельность монашеской общины Свято-Успенского Тадулинского женского монастыря в 1917–1920-е гг.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Витебской области. Среди них особый интерес представляют протоколы заседаний местных и губернских органов советской власти, отражающие решение текущих вопросов, ежедневную практическую сторону работы, в частности процесс закрытия монастыря, регистрацию приходской общины (фонд 1821), процедуру изъятия церковных ценностей (фонд 123), выселение монахинь Тадулинской обители (фонд 10051). В документации, в которую входят уставы приходской общины и сельскохозяйственной артели, отражены цели и задачи организаций, определены их права, структура, порядок работы исполнительных органов (фонды 14 и 104). В статье также были использованы материалы Государственного архива Орловской области, УФСБ России по Орловской области, а также ГУ МВД по Новосибирской области [2–4].

Охарактеризовать положение церковных структур в исследуемый период помогают документы нормативно-правового характера. Это Декрет СНК РСФСР от 8 ноября 1917 г. «О земле» и Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [5]. В них содержатся положения, определяющие права религиозных объединений, порядок пользования культовыми сооружениями и пр.

Методологическая основа исследования – принципы историзма и объективности. В работе применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и специально-исторические – историко-системный, сравнительный, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение. К 1917 г. монашеская община Тадулинского женского монастыря состояла из 57 насельниц. Основу общины составляли уроженки Витебской и Орловской губерний. Большинство насельниц начинали свой иноческий путь непосредственно в Тадулинском монастыре. По происхождению это были в основном крестьянки. Некоторые из них до поступления в монастырь окончили сельские народные училища или церковно-приходские школы. Основными занятиями в монастыре были работы по хозяйству, клиросное послушание, преподавание пения и рукоделия в женском училище. Ряд монахинь выполняли административные (настоятельница, казначея, благочинная), а также хозяйственные (церковница, ризничная) функции, участвовали в совершении богослужений (уставщица, регент).

Приходская община. После Октябрьской революции 1917 г. произошло изменение государственно-церковных отношений. Декретами «О земле» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» все церковные структуры, в том числе православные монастыри, лишались всего движимого и недвижимого имущества и прав юридического лица. Религиозные организации, только зарегистрировавшись, могли получать по договору на условиях бесплатного пользования здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей. Не предназначенное для богослужебных целей имущество, земли и прочее предписывалось передавать Советам [5, с. 13, 25]. Специального законодательного акта о ликвидации монастырей советская власть не принимала, однако реализация первых декретов обозначила выразительное экономическое и административное давление на церковь, нацеленное на решительный подрыв ее экономической основы. Именно это направление, а не антирелигиозная пропаганда, стало доминантой церковной политики на начальном этапе [6].

В условиях потери собственности руководство Тадулинского монастыря искало пути сохранения монашеской общины. Выходом стала регистрация монастырского храма в качестве приходского и включение в состав актива сестер обители. В июле 1923 г. Витебский уездный исполком зарегистрировал приходскую общину Успенской церкви, которая состояла из 151 члена, включая 48 монахинь. Деятельность приходской общины регламентировалась Уставом. Община имела право устраивать молитвенные собрания, управлять имуществом, получаемым по договорам от местных органов, участвовать в съездах религиозных обществ, назначать священнослужителей для совершения религиозных обрядов. Управление общиной поручалось общему собранию членов и президиуму, который состоял из председателя, секретаря, члена президиума и двух кандидатов. Председателем церковно-приходского совета была избрана настоятельница монастыря монахиня Есфирь (Вяль), секретарем – монастырский священник Николай Пригоровский. Все вопросы функционирования общины решались общим голосованием. Финансовые средства общины составляли членские взносы и пожертвования [7, л. 33–34 об.]. Нам крайне мало известно о богослужебной и приходской деятельности Тадулинской общины этого периода. В годы активности обновленческого движения община придерживалась патриаршей церкви. Об этом косвенно свидетельствует обращение к местным властям с просьбой разрешить приезд на престольный праздник епископа Иннокентия (Ястребова), которое не было удовлетворено [8, л. 215–215 об.].

Советские школы на территории монастыря. 18 октября 1918 г. на территории духовного училища и монастырской приходской школы была открыта «Тадулинская трудовая советская школа» первой ступени. В 1918/19 учебном году там обучалось 111 учеников. Среди 6 преподавателей были учителя бывшего женского училища, монастырские послушницы. С 25 августа 1920 г. работала школа имени III Интернационала с детским пансионатом. В школу принимались дети красноармейцев и «беднейшего населения» [9, л. 16].

Гражданская война, продразверстка и сильная засуха вызвали летом 1921 г. голод в Поволжье, жертвы которого исчислялись сотнями тысяч. Осенью 1921 г. в монастырских помещениях был организован детский дом детей Поволжья. Монахиням было предписано выселиться в фольварок Зайбужье, однако достоверно известно, что часть сестер оставались на территории монастыря и принимали участие в жизни Тадулинского интерната [10, л. 68, 147].

Изъятие церковных ценностей. В рамках помощи голодающим Поволжья проходила кампания по изъятию церковных ценностей. В мае 1922 г. представители Витебской уездной комиссии помощи голодающим Поволжья составили инвентарную опись наиболее ценных монастырских предметов, а месяцем позже провели их изъятие. В числе изъятого – богослужебная утварь, украшения с икон и оклады с книг [11, л. 254–258]. Одновременно прошли обыски и изъятие денежных средств и наградных крестов у игуменьи Анфисы (Кузмицкой), настоятельницы монахини Есфири (Вяль) и монастырского священника Николая Пригоровского [12, л. 119, 121].

Тадулинская сельскохозяйственная артель. Переход к новой экономической политике на общероссийском уровне предоставил возможность монашеским общинам организовывать трудовые коллективы. 4 октября 1922 г. Тадулинская община на общем собрании приняла решение основать трудовую артель и обратилась с заявлением в Губернское земельное управление. В обращении указывалось на то, что члены общины совместно личным трудом обрабатывают землю, имеют общие доходы и в срок выполняют продналог, а также выполняют различные «изящные кустарные работы и хотят быть полезными государству».

Земельный отдел Витебского губисполкома зарегистрировал артель и утвердил «Устав сельскохозяйственной артели Тадулинская». По Уставу артель имела в пользовании 20 десятин земли, огород размером 1/4 десятины и сад размером 3/4 десятины. Делами артели управляли общее собрание и коммунальный совет, в который входили монахиня Есфирь (Вяль), М. Левина, А. Шпаковская, А. Саутченкова, С. Иванова. Всего состав артели насчитывал 50 человек в возрасте от 25 до 70 лет.

В первые годы существования Тадулинская артель смогла добиться закрепления за собой прав на пользование монастырским садом и огородом, которые оспаривала образованная в части бывших монастырских построек Тадулинская школа.

Кроме обработки земли члены артели занимались кустарным производством

тканей и ниток, рукоделием. Интересно, что среди экспонатов, представленных в 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставке от Витебской губернии, присутствовали предметы, произведенные Тадулинской артелью [13, л. 63–66].

Помимо организационных вопросов, связанных с земледелием и ремеслом, артели приходилось решать проблемы с жилыми помещениями, так как все пригодные к использованию монастырские постройки были переданы школе. Уполномоченная артели Есфирь (Вяль) обращалась в Витебский уисполком с просьбой предоставить для проживания 2-этажный полуразрушенный монастырский флигель, пустующий после выселения из него детей Поволжья. Тем не менее районные власти, имея целью ликвидацию артели, предприняли попытку распределить недвижимость монастырского комплекса и в августе 1925 г. вынесли решение продать некоторые здания [14, л. 55–57].

14 марта 1928 г. Витебский окружной исполком подготовил документ о ликвидации Тадулинской сельскохозяйственной артели. В нем отмечалось, что под видом артели существует и действует женский монастырь. На этом основании было решено ее распустить, руководящие органы и монахинь выселить из округи, больных и нетрудоспособных насельниц передать в Собез или отправить к родственникам. Имущество следовало передать райисполкому, а земельный фонд – в пользование крестьянам, с поручением организовать новую трудовую артель [15, л. 72–73]. Вероятно, принятое решение не было исполнено и монастырская артель просуществовала еще более года, так как на заседании окрисполкома 12 июня 1929 г. было решено подтвердить постановление от 14 марта 1928 г. «О ликвидации Тадулинской артели монахинь и организации новой артели из бедняков» [8, л. 12].

Дальнейшая судьба насельниц Свято-Успенского Тадулинского монастыря нам не известна. По воспоминаниям, некоторые остались проживать в этой местности, кто-то переселился к родственникам. В фондах Государственного архива Орловской области содержатся сведения о том, что бывшая настоятельница монастыря, монахиня Есфирь (Вяль) с 1930 г. проживала в г. Орел и работала одеяльщицей на фабрике имени Парижской коммуны. В 1937 г. она была арестована и приговорена к 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. В УФСБ России по Орловской области находится архивное уголовное дело, из которого следует, что монахиня Есфирь (Вяль) умерла 23 декабря 1940 г., отбывая наказание в ИТЛ Новосибирской области [2, л. 101 об.; 3; 4].

Последние упоминания об Успенском соборе как о действующей приходской церкви датируются 1929 г. По воспоминаниям местных жителей в Успенском Тадулинском соборе богослужения и таинства крещения совершались вплоть до 1939 г., однако документального подтверждения этих слов не имеется. Накануне Великой Отечественной войны на стенах в храме еще сохранялись фресковые росписи, но богослужение уже не совершалось и здание храма пустовало. Осенью 1943 г. при отступлении немецких войск храм был взорван. Уцелевшие при взрыве остатки кирпичных стен после войны разобрали и вывезли на укладку дороги до центра сельсовета в г.п. Яновичи. На сегодняшний день частично сохранились фундамент и подвальные помещения монастырского комплекса.

Заключение. Таким образом, период 1917–1920-х гг. характеризуется для Тадулинского монастыря попытками сохранить монашескую общину, реорганизовать богослужебную и приходскую жизнь в изменившихся общественно-политических условиях. В это время при Успенском соборе Тадулинского монастыря была зарегистрирована приходская община из числа монахинь и активных прихожан. Насельницам удавалось поддерживать общинную и богослужебную жизнь в монастыре. Проведенная национализация земельного фонда и имущества лишила монастырскую общину источников существования.

В помещениях, ранее принадлежавших обители, поочередно располагались разные виды новообразованных советских детских учебных заведений. В связи с этим насельницам предписывалось покинуть территорию. Однако часть сестер остались и принимали участие в работе Тадулинского детского дома, организованного для детей, прибывших из голодающих районов Поволжья.

В период проведения кампании по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья из монастырских храмов было реквизировано все ценное имущество, включая богослужебную утварь и денежные средства. Настоятельницу и священника подозревали в сокрытии, поэтому производились обыски.

В годы реализации новой экономической политики для сохранения организованной жизни общины в рамках действующего законодательства была создана трудовая артель, впоследствии преобразованная в сельскохозяйственную, которая занималась обработкой земли и кустарными промыслами. Вместе со свертыванием нэпа и переходом к политике сплошной коллективизации в конце 1920-х гг., которая в том числе отметилась усилением репрессивной политики в отношении религиозных обществ, Тадулинская сельскохозяйственная артель была распущена.

Литература

1. Газін, Д. Вымнянская жамчужына / Д. Газін // Жыццё Прыдзвіння. – 1994. – 30 ліп. – С. 4; 30 жн. – С. 3; 6 вер. – С. 4; 10 вер. – С. 2; 17 вер. – С. 2.
2. УФСБ России по Орловской области. – Уголовное дело № 6794-П.
3. Государственный архив Орловской области. – Ф. Р-15. – Оп. 5. – Д. 2. Списки лиц, лишенных избирательных прав.
4. Архивная справка Государственного Управления МВД по Новосибирской области № 10/9423 от 19 августа 2014 г.
5. Первые декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979. – 78 с.
6. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): документы и материалы / редкол.:М.В. Пишуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В.П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.
7. ГАВО. – Фонд 1821. – Оп. 1. – Д. 693а. Дело о регистрации религиозных общин Витебского уезда. 1923 г.
8. ГАВО. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 352. Пратаколы пасяджэнняў прэзыдыуму АВК. 1929 г.
9. ГАВО. – Ф. 1656. – Оп. 1. – Д. 9. Протокол заседаний Витуревкома и доклад о результатах обследования школ Вымнянской волости. Переписка с уездными учреждениями и школами по хозяйственным вопросам.
10. ГАВО. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 36. Постановления и протоколы заседаний президиума и пленумов Витебского уисполкома за 1922 г. Копии.
11. ГАВО. – Ф. 2458. – Оп. 1. – Д. 1. Витебская уездная комиссия помощи голодающим Поволжья.
12. ГАВО. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 761. Акты по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих по Витебской губернии.
13. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 992. Дело об организации сельскохозяйственных производительных артелей по Витебскому уезду.
14. ГАВО. – Ф. 1019. – Оп. 1. – Д. 28. Протоколы заседания Президиума Суражского райисполкома за 1926 г.
15. ГАВО. – Ф. 10051. – Оп. 1. – Д. 660. Протоколы заседаний фракции КП(б)Б при Витокрисполкоме и президиуме окрисполкома.

Поступила в редакцию 09.02.2017 г.

УДК 930:316

Российская внешнеполитическая мысль о феномене глобализации в современном мире

Косов А.П.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Феномен глобализации является одним из самых обсуждаемых вопросов современности. Среди российских политиков и экспертов ведутся оживленные дискуссии относительно роли и места глобализации в современном мире.

Цель статьи – рассмотреть взгляды представителей политико-академического сообщества России на феномен глобализации в контексте трансформации современного миропорядка.

Материал и методы. *Данное исследование основывается на взглядах российских политиков и ученых на развитие глобализационных процессов в современном мире.*

Методологическая основа статьи – совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для ее написания использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический) методы исследования, а также нарративный и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность российской внешнеполитической мысли.

Результаты и их обсуждение. *Автором рассматриваются российские интерпретации глобализационных процессов в современном мире. Во внешнеполитической мысли России выделяется два подхода к трактовке сущности глобализации. Первый объединяет тех, кто считает глобализацию объективным процессом, напрямую связанным с развитием капиталистической системы. Второй – тех, кто убежден, что глобализация – это инструмент Запада по установлению своего влияния на планете. Среди них выделяются политики и эксперты, утверждающие, что за ней стоит Вашингтон, стремящийся установить «мир по-американски»; политики и эксперты, уверенные, что за глобализацией находится «мировая закулиса»; политики и эксперты, подчеркивающие единство действий США и мировой олигархии. Одновре-менно российские исследователи указывают на издержки и риски глобализации для человеческой цивилизации, подчеркивая существенные проблемы в мировой политике и экономике и призывая к созданию альтернативных проектов.*

Заключение. *Представителями российского политико-академического сообщества уделяется большое внимание глобализации. Во внешнеполитическом дискурсе России встречаются как объективные, так и субъективные оценки данного феномена. Если первые связываются с эволюцией капиталистической системы, то последние объясняются стойким антизападничеством и антиамериканизмом большой части российского политико-академического сообщества.*

Ключевые слова: *глобализация, Запад, «мировая закулиса», миропорядок, российское политико-академическое сообщество, США.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 59–67)

Russian Foreign Political Thought on the Globalization Phenomenon in the Contemporary World

Kosov A.P.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The phenomenon of globalization is one of the most discussed issues nowadays. Russian politicians and experts debate the role and the place of globalization in the contemporary world.

The purpose of the work is to consider ideas by representatives of the Russian political and academic community of the phenomenon of globalization in the context of the transformation of the contemporary world.

Material and methods. *The article under consideration is based on Russian politicians and scholars' ideas on the development of globalization processes in the contemporary world using general scientific and special historical methods.*

Findings and their discussion. *The author considers Russian interpretations of globalization processes in the contemporary world. Two approaches to the interpretation of globalization are singled out in Russian foreign policy thought. The first one*

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – **А.П. Косов**

unites those who think globalization to be an objective process, directly linked with the development of the capitalist system. The second – those who think that globalization is an instrument of the West to establish its influence on the planet. Among them there are politicians and experts who state that Washington stands behind globalization, which strives to establish «American like world»; political and experts, who are sure that there is «behind stage world» behind globalization; politicians and experts who stress the unity of actions of the USA and world oligarchy. Simultaneously, Russian scholars indicate shortcomings and risks of globalization for human civilization, stressing serious problems in the world policy and economy and calling for creating alternative projects.

Conclusion. *Representatives of Russian political and academic community pay great attention to globalization. Both objective and subjective assessments of this phenomenon can be observed in the Russian foreign political discourse. If the former ones are connected with the evolution of the capitalist system, the latter are explained by stable anti West and anti American attitude on the part of the majority of Russian political and academic community.*

Key words: *globalization, West, «behind stage world», world order, Russian political and academic community, the USA.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 59–67)

В конце XX – начале XXI в. глобализация стала одной из наиболее обсуждаемых тем в мировом внешнеполитическом дискурсе. Считается, что первыми о ней заговорили экономисты, обратившие внимание на факт формирования единого мирового рынка. Авторство самого термина «глобализация» приписывают американцу Т. Левиту, который еще в 1983 г. писал о слиянии рынков отдельных продуктов, производимых крупными транснациональными корпорациями [1, с. 194]. Однако уже с 1970-х гг. некоторые исследователи обращали внимание на глобальные проблемы, часто признавая за ними статус «общечеловеческих» [2, с. 5]. Позднее появились другие определения глобализации, которые раскрывали не только экономические, но и политические, социальные и культурные аспекты этого феномена. Многие стали определять ее как процесс глобальной политической, социальной, экономической и культурной интеграции на унифицированной капиталистической основе [3, с. 9; 4, с. 38–39]. Тем не менее сегодня термин «глобализация» по-прежнему остается расплывчатым. Так, в энциклопедии «Глобалистика», изданной в 2003 г., глобализация определялась как «процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими их от неупорядоченных внешних воздействий». В издании «Глобалистика» 2006 г. уже сказано: «Глобализация – процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества» [цит. по: 2, с. 4].

Интерес к осмыслению феномена глобализации характерен и для российского политико-академического сообщества. В последние годы о ней говорят и пишут достаточно много. Разумеется, при рассмотрении масштабных мировых явлений политики, ученые, журналисты высказывают субъективное мнение.

Цель статьи – рассмотреть взгляды представителей политико-академического сообщества России на феномен глобализации в контексте трансформации современного миропорядка.

Материалы и методы. Данное исследование основывается на взглядах представителей российского политико-академического сообщества (С.Н. Бабурина, А.П. Барышева, Ан.А. Громыко, М.Г. Делягина, А.Г. Дугина, А.А. Зиновьева, Г.А. Зюганова, В.В. Жириновского, Л.Г. Ивашова, В.Ю. Катасонова, Н.А. Нарочницкой, В.А. Никонова, А.С. Панарина, А.И. Уткина и др.) на развитие глобализационных процессов в современном мире.

Методологическая основа статьи – совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для ее написания использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический) методы исследования, а также нарративный и метод системного анализа, которые позволили раскрыть сущность российской внешнеполитической мысли.

Результаты и их обсуждение. Сегодня глобализация часто определяется как модель мироустройства, утвердившаяся в международных отношениях на неопределенно долгое время. Ее понимают как систему взаимоотношений, порожденную быстрым научно-техническим прогрессом, гигантским ростом инвестиций, интеграцией хозяйственных усилий в масштабах, которые ранее не наблюдались [2, с. 13]. В российском политико-академическом сообществе есть как сторонники, так и противники современной глобализации.

Глобализация как объективный процесс исторического развития. Многие российские исследователи считают глобализацию вполне объективным процессом. Так, профессор МГУ В.Б. Кувалдин отмечал, что данный феномен напрямую связан с развитием промышленного капитализма на протяжении последних двухсот лет [5, с. 63]. Согласно мнению члена-корреспондента РАН Ан.А. Громыко история глобализации насчитывает несколько менее продолжительный период: «Глобализация ... выросла из середины XX в., из либерализации мировой торговли и снижения тарифных барьеров. ... Глобализация как современная модель укрепления влияния стран капитализма на международной арене основывается на взаимозависимости политики, экономики и финансов» [6, с. 20]. Академик С.Л. Тихвинский подчеркивал: «Процесс глобализации остановить нельзя; важно лишь, чтобы способы и методы практического осуществления этого процесса не наносили ущерба людям и окружающей среде, обеспечили человечеству достойные условия существования и процветания» [7, с. 54]. Профессор МГИМО А.А. Ахтамзян уверен: «Глобализацию, видимо, надо рассматривать как естественный исторический процесс». Тем более, что «глобализация и интернационализация – это один и тот же процесс» [5, с. 24]. При этом согласно ученому глобальные процессы в их современном виде несут огромную угрозу странам, не принадлежащим Западу. По мнению Е.Г. Кутового, из Дипломатической академии МИД РФ, глобализация, которая активизирует процессы инновационного развития и интеграции, сближая национальные экономики в рамках мирового хозяйства и делая мир более взаимозависимым, играет ключевую роль в мировой политике и экономике [5, с. 17–18]. Другими словами, для многих исследователей глобализационные процессы являются неотъемлемым элементом капиталистической системы. Так, российский востоковед О.А. Арин указывал, что главным субъектом международных отношений является капитализм как система отношений. Он подчеркивал, что «вся система мировых отношений подчиняется законам капитализма и будет подчиняться до тех пор, пока эту систему не сменит другая система, предположительно, социалистическая». Поэтому исследователь отверг факт существования какого-либо мирового правительства, поскольку в настоящий момент это невозможно в принципе, ведь в современном мире имеется слишком много противоречий не только между государствами с различными идеологиями, как, например, между США и КНР, но и внутри самого Запада как с точки зрения их стратегических интересов, так и с точки зрения способов решения данных противоречий [8].

В 2011 г. группа исследователей из Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН оценила глобализацию как благо для всего человечества. По их словам, в условиях растущей глобализации роль военной силы в мировой политике будет уменьшаться относительно других факторов силы [9, с. 71]. Как видим по последним событиям в мире, авторитетные эксперты несколько ошиблись в своих предположениях.

Глобализация как инструмент Запада по установлению мирового господства. В российском политико-академическом сообществе достаточно много тех, кто крайне критически относится к глобализационным процессам в современном мире. Они рассматривают глобализацию как геополитическую экспансию Запада в интересах крупного финансового капитала, авангардом которого являются США. По их мнению, 1990-е гг. оказались весьма благоприятными для усиления позиций Вашингтона в постбиполярном мире в условиях неспособности других центров силы бросить вызов западному влиянию на планете. Неудивительно, что успехи Соединенных Штатов и их союзников на фоне серьезных внутри- и внешнеполитических проблем Российской Федерации, а также все более усиливающийся диктат Запада, поймавшего «головокружение от успехов», по навязыванию своей модели политического и социально-экономического развития всему остальному человечеству (под прикрытием глобализации), вызвали у ряда представителей политико-академического сообщества резко негативную реакцию, что нашло свое отражение в многочисленных публикациях и выступлениях [10–12].

Характерной чертой осмысления российскими исследователями процесса глобализации стало наличие трех основополагающих суждений: 1) глобализация – инструмент в руках США по обеспечению мирового господства; 2) глобализация – инструмент «мировой закулисы» по обеспечению мирового господства; 3) глобализация – инструмент Запада по обеспечению мирового господства.

Глобализация – инструмент США по созданию «мира по-американски». Среди представителей российской внешнеполитической мысли достаточно много тех, кто считает, что глобализация – это один из основных внешнеполитических инструментов Вашингтона по созданию «мира по-американски». Так, по мнению секретаря ЦК РКРП-КПСС, профессора Дипломатической академии А.П. Барышева, характерной чертой мира начала XXI века стало стремление США осуществить глобализацию по-американски и укрепить свое доминирование [13, с. 335]. Именно на волне глобализации резко усилилась экспансия американского капитала. «Вашингтонский консенсус» стал знаменем неолиберализма – корпоративной системы экономики и политики, олицетворяющей тиранию богатого меньшинства в постбиполярном мире [13, с. 295]. Известный консервативный деятель С.Н. Бабурин под глобализацией подразумевал не что иное, как установление нового мирового порядка на основе «унификации человечества по северо-американским стандартам» [14]. Подобная точка зрения характерна и для других представителей российского политико-академического сообщества. О том, что основным двигателем глобализации и главным получателем выгод от ее реализации являются США, писал и известный экономист М.Г. Делягин, подчеркивавший факт обеспечения американцами своих интересов в мире при помощи доминирования в ряде формально независимых международных организаций – НАТО, МВФ, ВТО и Мировом банке [15].

Авторитетный российский ученый А.С. Панарин, негативно оценивая процесс глобализации, указывал, что современная американоцентричная глобализация носит паразитарный характер [16, с. 26]. Усилиями глобалистов целенаправленно конструируется мир политического и экономического монополизма Запада, в котором «нормальная соревновательность и партнерство подменены делением на расу господ и расу неприкасаемых, на “золотой миллиард” и бесправную периферию» [16, с. 10]. При этом элиты освобождаются от национальной привязки и связанных с ней обязательств, тем самым разрушая национальные пространства и государственные суверенитеты [16, с. 26]. С точки зрения А.С. Панарина, однополярность, при которой Соединенные Штаты становятся мировым гегемоном, несовместима с существованием крупных суверенных государств, в том числе и России [16, с. 55]. Одновременно ученый подчеркивал, что американцы обыграли своих партнеров по глобализации именно потому, что сохранили в отличие от них приверженность Америке. «Оказывается, в глобальных играх уверенно себя чувствуют те, кто умело пользуется двойными стандартами: партнерам предлагают играть исключительно по правилам “последовательного глобализма”, а себе позволяют архаику служения собственному Отечеству» [16, с. 65]. Другими словами: «Американский глобализм – это тоталитарная экономическая власть (финансовой олигархии в первую очередь), преследующая планетарные амбиции» [16, с. 130].

По словам известного политолога В.А. Никонова, в конце XX – начале XXI века Америка доминировала в ведущих международных финансово-экономических институтах (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация), определявших «правила игры» в мировой экономике. Бюджет Пентагона составлял около половины мировых военных расходов. Все это давало США основания претендовать на роль единственной сверхдержавы в однополярной системе международных отношений [17, с. 251]. Тем не менее Вашингтон непродуманными действиями подорвал свою мощь, чем окончательно предопределил переход к многополярному миропорядку.

Глобализация – инструмент «мировой закулисы». Второе суждение, высказываемое российскими конспирологами, заключается в том, что сами США являются инструментом мировых финансовых кругов, так называемой «мировой закулисы», по установлению нового мирового порядка в интересах узкой группы лиц, стремящейся стереть национальные границы. Как справедливо подчеркивал О.А. Арин, в последнее время у целого ряда российских представителей марксистской и национал-патриотической ориентации весьма популярными стали различного рода теории заговоров, на основе которых объясняются те или иные аспекты мировой политики и международных отношений. Они придерживаются убеждения, что миром правит или стремится к управлению некое мировое правительство, отражающее интересы «нового глобального управляющего класса» [8]. Например, такая точка зрения характерна для известного мыслителя

А.А. Зиновьева [18]. Он отмечал, что сущность и особенности современной глобализации определила победа Запада в «холодной войне» [19, с. 16–18]. В начале XXI в. ученый с сожалением констатировал уверенное движение Америки и их союзников к мировому господству, указывая, что Запад ведет целенаправленную борьбу за господство в современном мире, маскируя это процессом глобализации [20, с. 496–498; 21]. При этом А.А. Зиновьев выделил три этапа глобализации как геополитической борьбы за мировое доминирование между США и их соперниками. Первый этап – это разгром Западом в ходе «холодной войны» Советского Союза. Второй этап заключается в борьбе Соединенных Штатов с миром ислама. Третий этап – это будущая война Запада против Китая и азиатского коммунизма [22, с. 274–276]. Исходя из этого, А.А. Зиновьев определил глобализацию как мировую войну нового типа. По его мнению, то, что происходит в постбиполярном мире – это стадия «теплой войны», пришедшая на смену «холодной войне». «"Теплая" война – это когда к средствам "холодной" войны стали присоединяться средства горячей войны, новые средства, в особенности такие, как диверсионные операции глобального масштаба. И сейчас после событий 11 сентября в США эта мировая война открыто вступила в третью стадию – горячую войну» [18]. Поэтому он назвал администрацию Буша-мл. марионеткой западнического глобального сверхобщества, которое и ведет мировую войну против человечества в виде глобализации [18].

Профессор МГИМО В.Ю. Катасонов рассматривает США как ведущий элемент глобальной политико-экономической системы под названием Pax Americana. По мнению исследователя, прикрываясь глобализацией, узкая группа олигархов посредством военно-политического и финансово-экономического влияния Вашингтона в мире стремится подчинить своему влиянию всю планету, включая Россию. Однако инструменты их мирового доминирования крайне нестабильны. В любой момент Pax Americana может рухнуть. Понимая это, представители крупных финансовых кланов пытаются предотвратить подобное развитие событий, тем самым создавая своими действиями угрозы всему человечеству, в том числе и Российской Федерации [23].

Известный публицист консервативных взглядов Н.В. Стариков уверен, что все важные решения в современном мире принимаются за кулисами мировой политики владельцами МВФ, ФРС, Банка Англии, Европейского центробанка – частных эмиссионных структур, не подчиняющихся государству, а наоборот, контролирующих государство. Поэтому «видимые народу фигуры являются по большей части лишь зиц-председателями» [24, с. 9]. Исходя из этого, он называет глобализацию – процессом «собирания людей и направления их не в ту сторону» [24, с. 15].

По мнению ученого и общественного деятеля Н.А. Нарочницкой, придерживающейся также консервативных взглядов, современную глобализацию подменяют глобальным управлением, в котором не заинтересован никто, кроме мировой финансовой олигархии [25, с. 44].

Лидер КПРФ Г.А. Зюганов обратил внимание на стремление ТНК подменить собой суверенные государства и установить свою власть во всем мире. Именно данной тенденцией политик и характеризовал в начале XXI века новый мировой порядок [26, с. 45]. По его словам, глобальная экспансия Запада во главе с США в интересах крупного мирового капитала стала основным содержанием постбиполярного периода [26, с. 55].

По словам российских националистов А.Н. Савельева, И.И. Калядина и С.П. Пыхтина, мировая олигархия и ее сторонники среди политических кругов ведущих держав мира пытаются обеспечить свое доминирование, подавляя нации и разрушая государственный суверенитет. Они прямо подчеркнули, что сегодня ведется мировая война с целью утверждения, сохранения и усиления господства олигархии руками американцев, отказавшихся от национальных интересов государства в пользу крупного мирового капитала. «Ради ублажения интересов олигархии по всему миру американская олигархия организует войны и революции, в которых применяют самое современное оружие, внедряют идеологические вирусы, проводят массированные информационные кампании. Ложь и аморализм – вот главные составляющие успеха этой политики. И причины ее неизбежного краха» [27].

Глобализация – инструмент Запада по установлению нового мирового порядка. Следует отметить, что у многих представителей российского политико-академического сообщества вышеназванные суждения сосуществуют, дополняя друг друга. Например,

по мнению генерала Л.Г. Ивашова, известного своими консервативными взглядами, развал СССР дал США и ТНК возможность установления однополярного миропорядка под себя, под американские и олигархические интересы. При этом исследователь поясняет свою позицию: и в том, и в другом случае речь идет о мировом господстве, «разница лишь в том, кто будет выступать в роли глобального диктатора: государство по имени США или финансовый капитал через всесильную власть доллара» [28, с. 734]. Л.Г. Ивашов указал на две конкурирующие между собой концепции мирового господства: первая – это мировая империя во главе с США; вторая – претензии мирового финансового капитала на установление своего миропорядка и контроля планеты. При этом, по его мнению, соперничество двух олигархических систем – национальной американской и мировой наднациональной – создает мощную напряженность в мире [29, с. 159–160]. Тем не менее главной целью политических и финансовых кругов Запада стало закрепление однополярности в мире. Для этого активно расширялось военное присутствие американцев на планете, а также были отработаны варианты придания американским военным авантюрам характера международных операций против СРЮ, Афганистана, Ирака, Ливии [28, с. 735]. Л.Г. Ивашов подчеркнул: «С распадом СССР запускается сложный механизм переустройства мира, где НАТО постепенно переформатируется из региональной военно-политической структуры в глобальную силовую систему, обслуживающую интересы англосаксонской элиты, мировой финансовой олигархии, ТНК» [28, с. 748]. При этом генерал указал на то, что Запад далеко не монолитен, как это было в годы «холодной войны». Он назвал три конкурирующие между собой силы: альянс США, Великобритании, Канады и Мексики; союз западноевропейских государств во главе с Германией (условно ЕС); финансово-родовое сообщество. Пока доминирует подконтрольная финансовым домам Америка. Однако уже отмечается (пока не явно) ослабление британско-американского родства и сближение Великобритании с еврейским капиталом и Государством Израиль [28, с. 762].

С точки зрения лидера неоевразийского движения А.Г. Дугина, наблюдаемая глобализация является процессом навязывания человечеству западного политического, экономического, культурного, технологического и информационного кода. Другими словами, это форма «нового капитализма» «золотого миллиарда» над остальными. Запад, являющийся меньшей частью человечества, диктует остальным странам и народам свою модель развития [30, с. 174]. В одной из своих работ А.Г. Дугин писал: «Стратегически такая глобализация означает прямой контроль ВС США и их партнеров (сателлитов) по глобализации (Англия) над всем пространством планеты». По его мнению, такая глобализация «подразумевает переход от системы суверенных стран к единому мировому государству с Мировым Правительством во главе». При этом исследователь назвал ее и «однополярной глобализацией», поскольку ведущей движущей силой является Запад, одержавший победу в «холодной войне» и сохраняющий свое могущество. «Стратеги США мыслят такое мироустройство, как перенос американской политико-экономической и культурной модели на пространство всей планеты. Эта идея заложена в концепции “Соединенных Штатов Мира”» [30, с. 114–115].

Лидер ЛДПР В.В. Жириновский, характеризуя ситуацию в постбиполярном мире, также подчеркивал, что в эпоху глобализации Запад стремится не допустить модернизации других стран, навязывая им концепцию «допустимого развития» [31, с. 79–80].

По мнению авторитетного российского международника А.И. Уткина, ТНК и НПО стали с невиданной прежде легкостью осуществлять власть над населением менее развитых стран, поскольку «ни национальные правительства, ни локальные власти не смогут собственными силами справиться с проблемами, порожденными растущей взаимозависимостью» [3, с. 16; 4, с. 41]. Таким образом, в начале 2000-х гг. эксперт подчеркнул неизбежность глобализации, но при этом раскритиковал современный однополярный мир и действия США по навязыванию остальным членам мирового сообщества своих правил игры [3, с. 248]. Глобализация ведет к консолидации мира на условиях наиболее развитой его части, усиливая мировое неравенство [4, с. 47, 59]. При этом мировой порядок уже основывается не на суверенных государствах, а на наднациональных структурах, например, ТНК [4, с. 52–53]. В то же время А.И. Уткин указал на захват США мировой экономики [4, с. 58].

Следовательно, многими представителями политико-академического сообщества

Запад, будь то США или финансовая олигархия, воспринимается как наиболее заинтересованная сторона в осуществлении глобализации.

Российские исследователи об издержках и рисках глобализации. Одновременно многие ученые обращают внимание на издержки и риски глобальных процессов в современном мире. Так, по словам профессора Л.Н. Доброхотова, попытка под маркой «глобализации» навязать всему миру американскую власть и американский стандарт жизни вне зависимости от традиций и культур разных народов, вызывает растущий протест и отпор во всем мире, в том числе и в союзной американцам Западной Европе [32]. С точки зрения А.С. Панарина, в результате действий Вашингтона и их союзников на мировой арене над человечеством, в том числе и над самим Западом в долгосрочной перспективе, нависла угроза существования [33, с. 21]. Поэтому западному глобализму необходима альтернатива [16, с. 10]. Исходя из этого, А.С. Панарин обосновал альтернативу американскому новому мировому порядку («глобальной власти» или «наднациональному тоталитаризму») через сосуществование множественности человеческих цивилизаций [34, с. 203].

Политолог В.А. Лепехин подчеркивал, что глобализация стала визитной карточкой XXI века. При этом ее американская модель не является аксиомой. Это лишь становящаяся все менее привлекательной версия. По его словам, американский тип глобализации, выраженный в формуле «Из разного – одно» (девиз на гербе США), не устраивает многих. «Отсюда и третья мировая война, причина которой – стремление США навязать миру не только свое политическое доминирование, с чем некоторые государства, наверное, могли бы согласиться, но и свою далеко не идеальную ценностную модель». Нарастающий в мире антиглобализм сдерживает амбиции Вашингтона. Однако, по словам В.А. Лепехина, в нем нет позитивного содержания. Антиглобализм не является альтернативой глобализму. Таковой может стать только другой, отличный от предлагаемого Вашингтоном глобальный проект – альтерглобализм, связанный с принципиально новой постановкой вопроса о грядущем мироустройстве. Поэтому с точки зрения политолога, вопрос стоит так: либо в результате глобализации будет закреплено планетарное доминирование США, либо в результате глобализации сформируется гармоничный многополярный мир, в котором заинтересовано большинство стран и народов, кроме США и их ближайших союзников вроде Великобритании [35].

Учитывая изменения в мировой политике XXI века, связанные с подрывом американской мощи и подъемом других центров силы, Г.А. Зюганов считает одним из главных противоречий современности противоборство многополярности и глобализации. Именно от того, каким путем оно разрешится, во многом зависит судьба мирового сообщества в XXI веке [36, с. 282].

По мнению известного международника А.П. Цыганкова, глобализация далека от реализации обещанных человечеству гармонии и мира. Она не сопровождается большей стабильностью. Гонки вооружений сохранились, хотя и изменили свою территориальную конфигурацию [37, с. 120–121]. По словам В.А. Никонова, «глобализация сама по себе нисколько не упорядочивает систему межгосударственных отношений. Напротив, она ведет к распространению принципов, граничащих с анархией» [38]. С точки зрения Ан.А. Громыко: «Глобализация показала, что взаимозависимость и процессы интеграции в мировой экономике не помогают противостоять кризисным явлениям, особенно в финансовой сфере, а лишь их усиливают. Налицо растущая опасность структурных кризисов, упадка глобализации как опоры для развития капитализма» [2, с. 5]. Ученый утверждает: международное сообщество переживает не просто тревожное время, оно вошло во время смутное, осаждается многочисленными вызовами, как природными, так и техногенными [5, с. 10]. Исследователь обратил внимание и на то, что глобализация в ее нынешнем виде не обеспечивает человечеству устойчивое развитие. «У нее другие цели – нажива с помощью транснационального капитала». К тому же влияние глобализации на мировую политику довольно скромное. По его мнению, это проявляется в нерешенности многих проблем международной стабильности, в региональных и локальных конфликтах, раскрученной гонке вооружений, пассивной политике по охране окружающей среды и человеческой жизни. При этом большой риск для глобализации представляют размывание и ослабление таких опор по поддержанию мира и стабильности, как ООН и вся система прав, осуществляемых на основе международного права

[6, с. 20]. Известный ученый и дипломат В.Ф. Петровский также подчеркивал, что в ходе осуществления глобализации одни страны получают колоссальные выигрыши, а другие оказываются в проигрыше [39, с. 45]. Видим, что многие политики и эксперты весьма озабочены развитием глобализационных процессов и возможными негативными последствиями от их реализации.

Заключение. Таким образом, представители российского политико-академического сообщества уделяют большое внимание процессу глобализации в современном мире. Свидетельством этому является огромное количество публикаций и выступлений, появившихся за последние два с половиной десятилетия, в которых с различных позиций рассматривается данный феномен. Значительная часть исследователей считает глобализацию объективным процессом, напрямую связанным с развитием капиталистической системы. Однако для многих она является инструментом Запада по установлению своего влияния на планете. При этом одни представители политико-академического сообщества считают, что за ней стоит Вашингтон, стремящийся установить «мир по-американски», а другие уверены, что за глобализацией стоит «мировая закулиса». Поэтому первые считают американцев самостоятельным игроком, пытающимся путем глобализации установить свою гегемонию на планете; а вторые называют США всего лишь инструментом в руках узкой группы мировых олигархов. При этом отдельные представители российской внешнеполитической мысли не видят в этом никакого противоречия, считая правящие круги Соединенных Штатов тесно связанными с крупным мировым капиталом. Поэтому, критикуя современную глобализацию, они сходятся во мнении, что ее осуществление выгодно в первую очередь правящим кругам Запада. Одновременно многие российские исследователи указывают на издержки и риски глобальных процессов в современном мире, подчеркивая существенные проблемы в мировой политике и экономике и призывая к созданию альтернативных проектов.

На наш взгляд, с целым рядом утверждений представителей политико-академического сообщества России относительно развития глобализационных процессов в современном мире можно полностью согласиться. Однако у многих политиков и экспертов осмысление глобализации носит скорее субъективный, нежели объективный характер, поскольку в их оценках проявляются антизападничество и антиамериканизм. Они «грешат» чрезмерной идеологизацией международных отношений, их рассмотрением в черно-белых тонах, обращением к различным «теориям заговора», гиперболизацией влияния «мировой закулисы» на принятие внешнеполитических решений правящими кругами США и других западных стран. Правда, Запад своими действиями на мировой арене сам нагнетает антизападные настроения у значительной части политико-академических кругов и общественности во всем мире, поэтому в критике западной глобализации нет ничего удивительного.

Литература

1. Тойганбаева, А.Е. Методологические основы глобализации в развитии мировой экономики / А.Е. Тойганбаева, З.С. Кенжебаева // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 194–198.
2. Громыко, Ан.А. Глобализация и глобальное управление: возможности и риски / Ан.А. Громыко // Вестн. Моск. ун-та. Сер., Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 3. – С. 3–26.
3. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. – М.: Логос, 2001. – 254 с.
4. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2002. – 512 с.
5. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы = Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches / А.А. Ахтамзян [и др.]; под ред. Ал.А. Громыко. – М.: Ин-т Европы РАН: Нестор-история, 2013. – 100 с.
6. Громыко, Ан.А. Глобализация и глобальное управление / Ан.А. Громыко // Вестн. МГИМО. – 2013. – № 5. – С. 16–23.
7. Тихвинский, С.Л. Век стремительных перемен / С.Л. Тихвинский. – М.: Наука, 2005. – 544 с.
8. Арин, О.А. Является ли «Мировое правительство» субъектом мировых отношений? [Электронный ресурс] / О.А. Арин // Персональный сайт Олега Арина. – 05.02.2015. – Режим доступа: http://olegarin.com/olegarin/Avlaetsa_li_Mirovoe_pravitelstvo_subektom_mirovyh_otnosenij.html. – Дата доступа: 21.04.2016.
9. Россия в полицентричном мире / А.Г. Арбатов [и др.]; под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь Мир, 2011. – 580 с.
10. Косов, А.П. Внешнеполитическая мысль России о трансформации современной системы международных отношений / А.П. Косов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Е.А. Достанко; редкол.: А.М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2015. – Вып. 3. – С. 152–168.
11. Косов, А.П. Российские исследователи о внешней политике США после окончания «холодной войны» / А.П. Косов // Журнал международного

права и международных отношений. – 2007. – № 2. – С. 50–55.
12. Косов, А.П. США в современном мире: оценки российских консерваторов / А.П. Косов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – Т. 21. – С. 75–83.
13. Барышев, А.П. Идеология и мировая политика / А.П. Барышев. – М.: ОГИ, 2015. – 1368 с.
14. Бабурин, С. Мировой порядок как система обладания территориями [Электронный ресурс] / С. Бабурин // Наш современник. – 2006. – № 7. – Режим доступа: http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2006&n=7&id=3. – Дата доступа: 21.04.2016.
15. Делягин, М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с. – Режим доступа: http://www.imperativ.net/iprog/th06.html. – Дата доступа: 25.04.2016.
16. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: Эксмо, 2002. – 416 с.
17. Никонов, В.А. Современный мир и его истоки / В.А. Никонов. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 880 с.
18. Зиновьев, А.А. Глобализация есть новая мировая война [Электронный ресурс] / А.А. Зиновьев // Антиглобализм: сб. материалов. – М., 2002. – Режим доступа: http://www.anti-glob.narod.ru/sbornik/zin1.htm. – Дата доступа: 25.04.2016.
19. Зиновьев, А.А. Глобальный человейник / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. – 448 с.
20. Зиновьев, А.А. Запад / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2000. – 509 с.
21. Зиновьев, А.А. Идеологическая глобализация [Электронный ресурс] / А.А. Зиновьев // Библиотека думающего о России. – Режим доступа: http://www.patriotica.ru/actual/zinoviev_glob.html. – Дата доступа: 21.04.2016.
22. Зиновьев, А.А. Несостоявшийся проект: сб. / А.А. Зиновьев. – М.: АСТ, 2009. – 542 с.
23. Катасонов, В.Ю. Америка против России. Холодная война 2.0 / В.Ю. Катасонов. – М.: Книжный мир, 2015. – 448 с.
24. Стариков, Н. Лаконизмы: Политика. Власть. Общество / Н. Стариков. – СПб.: Питер, 2016. – 176 с.
25. Нарочницкая, Н. Русский код развития / Н. Нарочницкая. – М.: Книжный мир, 2015. – 416 с.
26. Зюганов, Г.А. Глобализация: тупик или выход? / Г.А. Зюганов. – М.: ИТРК, 2001. – 104 с.
27. Савельев, А. Национальный манифест [Электронный ресурс] / А. Савельев, И. Калядин, С. Пыхтин // АПН. – 2009. – 9 июля. – Режим доступа: http://www.apn.ru/publications/article21786.htm. – Дата доступа: 01.05.2016.
28. Ивашов, Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Л.Г. Ивашов; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 800 с.
29. Ивашов, Л. Я горд, что русский генерал / Л. Ивашов. – М.: Книжный мир, 2013. – 416 с.
30. Дугин, А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 382 с.
31. Жириновский, В. Прошлое, настоящее и будущее русской нации / В. Жириновский. – М.: Издание Либерально-демократической партии России, 1998. – 88 с.
32. Доброхотов, Л.Н. Всемогущество и невежество Америки. Не в этом ли «коктейле» искать причину трагедии 11 сентября? [Электронный ресурс] / Л.Н. Доброхотов // Антиглобализм: сб. материалов. – М., 2002. – Режим доступа: http://www.anti-glob.narod.ru/sbornik/dobr.htm. – Дата доступа: 29.04.2016.
33. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
34. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2003. – 560 с.
35. Лепехин, В. Суть и смысл глобального противостояния России и США [Электронный ресурс] / В. Лепехин // Zinoviev.info. – 2015. – 9 октября. – Режим доступа: http://zinoviev.info/wps/archives/1284. – Дата доступа: 29.04.2016.
36. Зюганов, Г.А. Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-американски» / Г.А. Зюганов. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
37. Цыганков, А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли: учеб. пособие / А.П. Цыганков. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2013. – 336 с.
38. Никонов, В.А. Куда растет Земля [Электронный ресурс] / В.А. Никонов // Стратегия России. – 2012. – № 5 (101). – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1338353739&archive=1338353933&start_from=&ucat=14&. – Дата доступа: 17.02.2017.
39. ООН в начале XXI века / А.И. Бельчук [и др.]; под ред. Ан.А. Громыко [и др.]. – М.: Институт Африки РАН, 2008. – 232 с.

Поступила в редакцию 12.06.2017 г.

УДК 355.41(476)

Мобилизационная готовность гражданских организаций Витебской области по поставкам в войска транспорта и лошадей накануне Великой Отечественной войны

Кривчиков В.М.
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

Возрастание в настоящее время роли материального обеспечения войск в общей тенденции развития вооруженных сил определяет актуальность анализа транспортного обеспечения войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси.

Цель работы – рассмотреть состояние мобилизационной готовности различных гражданских организаций и структур Витебской области по транспортному обеспечению войск.

***Материал и методы.** Исследование осуществлялось на основе документов Государственного архива Витебской области и проводилось с использованием методов логического, количественного анализа, классификации, что позволило определить уровень состояния мобилизационной готовности по поставкам транспорта и лошадей в войска.*

***Результаты и их обсуждение.** Анализ архивных источников свидетельствует о низком уровне мобилизационной готовности по вопросам транспортного обеспечения войск накануне Великой Отечественной войны. Это относилось к поставкам легковых и грузовых автомобилей, тракторов, лошадей с повозками из организаций Витебской области в войска. Планируемый к поставкам транспорт зачастую был технически неисправен, хранился в основном без запасных частей и принадлежностей. Количество приписанных лошадей постоянно уменьшалось, их физическое состояние не соответствовало требованиям.*

***Заключение.** Проблемы с транспортным обеспечением войск, к чему можно отнести планирование и поставки автомобилей, тракторов и лошадей с повозками из народного хозяйства, оказали негативное влияние на ход боевых действий в начале Великой Отечественной войны на территории Беларуси.*

***Ключевые слова:** Витебская область, мобилизационная готовность, Фонд «Обороне – повозка с упряжью».*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 68–73)

Mobilization Readiness of Civil Society Organizations of Vitebsk Region on Delivering Vehicles and Horses to the Army on the Eve of the Great Patriotic War

Kryvchykov V.M.
Educational Establishment «Grodno Yanka Kupala State University», Grodno

The increase in the role of the material support for the army within the general trend of development of the armed forces determines the relevance of the analysis of transport support for the troops stationed on the territory of Belarus.

The purpose of the work is to analyze the level of mobilization readiness of various civil organizations and structures of Vitebsk Region for transport provision of the army.

***Material and methods.** The study was carried out on the basis of documents of the State Archives of Vitebsk Region. The study was conducted with the use of logical methods of quantitative analysis, classification, which allowed the state to determine the level of mobilization readiness for vehicle and horses supplies to the troops.*

***Findings and their discussion.** An analysis of archival sources indicates a low level of mobilization readiness for transport support of troops on the eve of the Great Patriotic War. This applied to the supply of cars and lorries, tractors, horses with carts from organizations of Vitebsk Region to the army. Planned to supply transport was often technically defective, was kept largely without spare parts and accessories. The number of assigned horses constantly decreased, their physical condition did not meet the requirements.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: k.vlad68@mail.ru – **В.М. Кривчиков**

Conclusion. *Problems with the transport provision of the army, to which we can attribute planning and delivery of cars, tractors and horses with carts from the national economy, had a negative impact on the course of combat operations at the beginning of the Great Patriotic War on the territory of Belarus.*

Key words: *Vitebsk Region, mobilization readiness, Fund «A Cart with a Harness – to Defense».*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 68–73)

Материальное обеспечение войск в ходе мобилизации всегда играло важную роль. Способность войск к быстрому и качественному переходу со штатов мирного на штаты военного времени составляет основную часть государственной безопасности. В настоящее время в связи с экономическими проблемами Вооруженные Силы Республики Беларусь, Внутренние войска Министерства внутренних дел, войска Государственного пограничного комитета не в состоянии иметь положенные запасы материальных средств в полном объеме. Содержание таких запасов полностью экономически нецелесообразно. Поэтому значительная часть запасов материальных средств (техника, продовольствие, вещевое имущество, горюче-смазочные материалы) содержится в различных гражданских учреждениях и организациях или спланирована к поставке из них с объявлением мобилизации.

Опыт истории показывает, что только слаженные действия вооруженных сил и предприятий и организаций в мирное время по организации материального обеспечения с началом возможной мобилизации позволят подготовиться к агрессии противника и защитить нашу Родину.

Вопросы мобилизационной готовности гражданских организаций по материально-техническому обеспечению войск не получили достаточного освещения в трудах советских, белорусских и российских ученых. В основном это работы по истории тылового обеспечения Красной Армии. В данном плане хочется отметить диссертации Е.А. Бочкова [1], Н.С. Бардыго [2], Е.Е. Степановой [3]. В этих исследованиях обзорно рассматриваются проблемы тылового обеспечения войск, практически не затрагивая тему мобилизационной готовности местной экономической базы по организации поставок в войска различных материальных средств.

В последнее время вышел ряд научных статей и изданий, посвященных организации тылового обеспечения войск в межвоенный период (Е.А. Бочков [4–8], П.И. Вещиков [9], Н.С. Бардыго [10], Ю.Г. Боев [11], М.А. Гареев [12]). Но все они освещают проблематику тылового обеспечения Красной Армии, практически не раскрывая особенностей материального обеспечения войск на территории Беларуси.

Цель статьи – рассмотреть состояние мобилизационной готовности различных гражданских организаций и структур Витебской области по транспортному обеспечению войск. Исходя из цели, предполагается проанализировать степень готовности материально-технических ресурсов различных гражданских структур по обеспечению боевой готовности войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси, а именно на территории Витебской области, накануне Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе документов Государственного архива Витебской области и проводилось с использованием методов логического, количественного анализа, классификации, что позволило определить уровень состояния мобилизационной готовности по поставкам транспорта и лошадей в войска.

Результаты и их обсуждение. С нарастанием военной угрозы с западного направ-

Таблица 1

Ведомость наличия транспорта по Витебской области за 1940 г. [18, л. 2]

Транспорт	Автомашины				Тракторы	
Числилось, поставлялось	Числилось легковых	Поставлялось при мобилизации	Числилось грузовых	Поставлялось при мобилизации	Числилось гусеничных	Поставлялось при мобилизации
Количество (ед.)	466	94	3 496	1 074	546	182
В %	100	20	100	30,7	100	33,3

ления в конце 1930-х – начале 1940-х годов возрастало значение мобилизационной готовности предприятий и организаций местной экономической базы по организации материального обеспечения войск в угрожаемый период. Это в полной мере относилось и к Витебской области [13–17].

Одним из вопросов, которые решали местные органы власти по обеспечению войск различными материальными средствами при объявлении мобилизации, были поставки автомобильного и гусеничного транспорта. Эта задача была важной, так как автомобильного транспорта в войсках не хватало. С другой стороны, она была трудновыполнимой, так как в различных организациях самим не хватало транспорта. По состоянию на конец 1940 г. всего по Витебской области числилось 466 легковых, 3 496 грузовых машин и 546 гусеничных тракторов (табл. 1).

Из табл. 1 видно, что всего подлежало к поставкам в войска около 20% легковых машин, 30% грузовых машин и гусеничных тракторов от общего количества, состоявшего на учете. Однако указанное количество автотранспорта не гарантировалось поставить в войска, т.к. техническое состояние транспорта желало быть лучшим. В отчете об организации оборонной работы в Витебской области за 1940 г. отмечалось, что автотранспорт г. Витебска содержался в неудовлетворительном состоянии и большинство машин не эксплуатировалось из-за отсутствия резины. Многие предприятия (маслозавод, мясокомбинат и др.) эксплуатировали автомашины на вредном виде топлива (керосине). Автотранспорт в большинстве своем находился под открытым небом [19, л. 32]. Так, в постановлении Бюро Дриссенского РК КП(б) от 11 января 1941 г. отмечалось: «Автопарк МТС района находится в недопустимом состоянии. Из имеющихся в МТС 7 автомашин, технически исправна только одна. Не имеется ни одного гаража» [20, л. 19]. Даже если автотранспорт и был исправным, то к нему практически полностью отсутствовали запасные части и инструменты. Например, на фабрике «Днепровская мануфактура» г. Дубровно по состоянию на февраль 1941 г. было занаряжено для поставки в Красную Армию 4 автомашины, которые содержались в «полной исправности». Запасными частями поставляемые машины были обеспечены на 10%, инструментом – на 5–6% [18, л. 36].

Существовавшие различные мастерские планировались к использованию в военный период. Например, витебские автотракторные мастерские Гушосдора НКВД СССР были предназначены для производства капитального ремонта тракторов и машин системы Главного управления шоссейного строительства НКВД, а в военное время – для ремонта автомашин и тракторов по спецзаданию, как из НКВД, так и из других ведомств. Пропускная мощность мастерских в год составляла 360 капитальных ремонтов. Штат мастерских насчитывал 135 чел. В 1940 г. мастерские прошли масштабную реконструкцию [21, л. 72].

Еще одним важным вопросом, который решали местные органы власти по обеспечению войск различными материальными средствами при объявлении мобилизации, были поставки конского поголовья в войска.

Таблица 2

Динамика наличия конского поголовья по Витебской области за период с 1.1.1935 по 1.1.1941 г. [21, л. 56]

Наименование секторов	На 1.1.1935 г.	На 1.1.1936 г.	На 1.1.1937 г.	На 1.1.1938 г.	На 1.1.1939 г.	На 1.1.1940 г.	На 1.1.1941 г.
По колхозам	114 266	133 776	131 766	126 351	Нет данных	127 512	124 757
По единоличникам	29 352	10 304	5 480	6 586	Нет данных	1 683	960
Прочие	14 161	14 708	14 515	12 855	Нет данных	9 808	9 371
Всего по секторам	157 779	158 788	151 771	145 792	Нет данных	139 003	135 088

Таблица 3

Ведомость наличия лошадей и повозок по Витебской области за 1940 г. [18, л. 2]

Лошади, повозки	**Лошади**			**Повозки**	
Числилось, поставлялось	Общее поголовье	Годных для службы в Красной Армии	Поставлялось при мобилизации	Числилось	Изымалось при мобилизации
Всего:	137 045	22 411	9 995	13 949	2 670

Таблица 4

Сведения по выделению лошадей в Фонд Красной Армии по Витебской области по состоянию на 1.1.1941 г. [21, л. 59]

Показатели	**Всего (голов)**	**В том числе (голов):**			
		по возрасту	**по росту (данные на лошадей 3 года и старше)**	**по сорту**	**по полу**
Лошади	1 274	До 3 лет – 506 3 года – 397 4 года – 178 5 лет – 111 6 лет – 52 7 лет – 30	142–144 см – 237 144–147 см – 264 147–149 см – 147 151–153 см – 85 153–156 см – 28 Выше 156 см – 7	Верховые – 517 Тяжарт – 63 Легарт – 53 Обозные – 641	Жеребцы – 526 Кони – 242 Кобылы – 506

Лошади в конце 1930-х – начале 1940-х годов широко использовались в народном хозяйстве Беларуси. Однако если проанализировать динамику наличия конского поголовья по Витебской области за период с 1935 по 1941 г., то можно отметить неуклонное уменьшение поголовья (табл. 2).

В абсолютных числах конское поголовье по области уменьшилось за 6 лет с 157 779 до 135 088 голов, т.е. на 14%. Это вело к уменьшению поставок лошадей в войска. Так, например, поголовье лошадей в Дубровенском районе за 1938–1939 гг. в значительной мере сократилось. Если в 1938 г. в нем насчитывалось 9 678 лошадей, то в 1939 г. – 7 467 лошадей, т.е. уменьшилось на 2 211 голов (23%). На 1.10.1940 г. имелось 7 137 лошадей, т.е. уменьшение составило 330 голов или 4,5% [22, л. 5].

В целом возможности поставок в войска лошадей по мобилизации по Витебской области за 1940 г. показаны в табл. 3.

Из табл. 3 видно, что годных лошадей для службы в Красной Армии от общего количества было всего 16%, а планировалось поставить при объявлении мобилизации 9 995 голов (7,3% от общего количества).

Различные учреждения и организации Витебской области выделяли лошадей для службы в Красной Армии в мирное время (табл. 4).

Одной из проблем, характерной практически для всех районов Витебской области, было плохое физическое состояние лошадей. Имелись факты варварского отношения и чрезмерной их эксплуатации, отсутствия концентрированных кормов и заботы о коне со стороны председателей колхозов, сельсоветов. По этой причине, например, по Дубровенскому району на начало 1941 г. имелось 327 голов истощенных лошадей, 856 голов – ниже средней упитанности, которые не способны были выполнять даже внутриколхозные работы, не говоря уже о службе в Красной Армии [20, л. 50]. Как отмечалось в постановлении бюро Витебского обкома КП(б)Б от 10.2.1941 г. «О состоянии конского поголовья, повозок и упряжи», в колхозах Городокско-

го района в 1940 г. план коневодства был выполнен на 80,3%. Количество лошадей уменьшилось за год на 6,3%. Пало 288 лошадей. В районе 26,5% всех лошадей были ниже средней упитанности, с травматическими повреждениями и были истощены. В районе не уделялось внимания созданию необходимого фонда лошадей для сдачи в Красную Армию, вместо 5% лошадей отобрано в фонд Красной Армии только 0,7%. Большинство лошадей содержалось плохо и не соответствовало стандарту. [23, л. 6].

Кроме лошадей, в войска Красной Армии планировалось поставить и повозки с упряжью. С октября 1935 г. в колхозах создавался Фонд «Обороне – повозка с упряжью», который должен был выделить следующее:

- колхозы до 50 дворов – по одной повозке с упряжью;
- колхозы от 51 до 100 дворов – по две повозки с упряжью;
- колхозы свыше 101 двора – по три повозки с упряжью.

Всего по Витебской области числилось 13 949 повозок на начало 1941 г. Планировалось к поставкам по мобилизации 2670 шт. (табл. 3).

Фактически на 1.04.1941 г. в Фонд «Обороне – повозка с упряжью» по Витебской области выделили:

- колхозы до 50 дворов – 868 шт. (62% от плана);
- колхозы от 51 до 100 дворов – 908 шт. (73,2% от плана);
- колхозы свыше 101 двора – 169 шт. (77,5% от плана).

Не выделивших в фонд насчитывалось 913 колхозов.

Согласно требованиям надо было выделять парные повозки на железных осях с комплектом кожаной парной упряжи. Фактически же выделяли, как требовалось, до 40%, а остальное – одноконные повозки на железных осях или даже на деревянных осях с одноконной упряжью [24, л. 90]. Качество повозок также желало быть лучшим. Так, например, в феврале 1941 г. было проверено состояние транспорта, повозок и упряжи в 28 колхозах Дриссенского района. Всего проверили повозок 598, из них исправных оказалось 285, неисправных – 313 (52%). Упряжи было проверено 718 комплектов, из них оказалось 658 исправных, 60 (8,4%) неисправных [18, л. 19].

Однако командование Западного Особого военного округа и руководство Витебского обкома партии не стояли в стороне от решения явных проблем с поставками лошадей и повозок в войска Красной Армии. В конце апреля 1941 г. положение дел с выполнением нарядов на поставку лошадей при мобилизации значительно улучшилось, т.к. часть нарядов Штаб округа переложил на Вилейскую и Смоленскую области. Также значительная часть сортовых лошадей была завезена хозяйствами из западных областей через Кооперационную базу. По-прежнему оставался сложным вопрос по автотранспорту, несмотря на то, что был принят целый ряд мероприятий по ремонту машин, отчего результаты к улучшению ожидались через 3–4 месяца, т.е. к августу 1941 г. [18, л. 26].

Заключение. Экономическая ситуация в государстве, как в недалеком прошлом, в настоящее время не позволяет содержать в войсках в полном объеме все положенные материальные средства для отмобилизования и ведения боевых действий. Это экономически нецелесообразно. Поэтому определенная часть транспортных средств для подачи в войска приписана и содержится в различных учреждениях и организациях. В конце 1939-х – начале 1940-х годов в войсках, дислоцировавшихся на территории Беларуси, в частности на территории Витебской области, испытывался недостаток автомобильного транспорта и тракторов. Всего планировалось поставлять в войска около 20% легковых машин, 30% грузовых машин и гусеничных тракторов от общего количества, состоявшего на учете. Однако различные организации указанные объемы транспорта не могли поставить, т.к. самим не хватало машин и тракторов для обеспечения хозяйственной деятельности, а те, что были, часто являлись технически неисправными или не укомплектованными.

Накануне войны зависимость вооруженных сил от поставок из народного хозяйства лошадей и повозок с упряжью оставалась довольно сильной, несмотря на проводимые мероприятия по механизации войск. На поставки лошадей в войска сильно влияла тенденция по уменьшению поголовья лошадей в различных организациях. Можно отметить и плохое физическое состояние подлежащих поставке лошадей. Созданный еще в 1935 году Фонд «Обороне – повозка с упряжью» так и не справился с задачей содержания в колхозах, а также отправки в войска исправных повозок.

В итоге проблемы с транспортным обеспечением войск, к чему можно отнести

планирование и поставки автомобилей, тракторов и лошадей с повозками из народного хозяйства, оказали негативное влияние на ход боевых действий в начале Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

Литература

1. Бочков, Е.А. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в межвоенный период (1921–1941 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Бочков. – СПб., 2007. – 45 с.
2. Бардыго, Н.С. Деятельность органов Советского государства и военного управления по созданию и совершенствованию формы одежды армии в 1918–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.С. Бардыго. – СПб., 2009. – 265 с.
3. Степанова, Е.Е. Культура быта начальствующего состава Красной Армии (1921 – июнь 1941 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Е. Степанова. – М., 2006. – 257 с.
4. Бочков, Е.А. Вооруженные конфликты и локальные войны с участием РККА (конец 1930-х – начало 1940-х гг.): тыловое обеспечение войск / Е.А. Бочков. – СПб., 2007. – 175 с.
5. Бочков, Е.А. Обеспечение РККА вещевым и обозным имуществом в первой половине 1920-х годов / Е.А. Бочков // Воен.-ист. журнал. – 2005. – № 6. – С. 49–52.
6. Бочков, Е.А. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в период военной реформы 1921–1929 гг. / Е.А. Бочков. – СПб., 2005. – 370 с.
7. Бочков, Е.А. Развитие системы тылового обеспечения РККА накануне Великой Отечественной войны / Е.А. Бочков, В.Г. Капшитар // Военная мысль. – 2005. – № 9. – С. 58–67.
8. Бочков, Е.А. «Тяжелые условия быта, необеспеченность создают подавленное настроение нач.состава...». Как экономили на содержании командного состава РККА в 20-е годы прошлого столетия / Е.А. Бочков // Воен.-ист. журнал. – 2003. – № 6. – С. 32–35.
9. Вещиков, П.И. Военное хозяйство – тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.) / П.И. Вещиков. – М.: Воениздат, 2003. – 460 с.
10. Бардыго, Н.С. Российский военный мундир / Н.С. Бардыго // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 11. – С. 55–57.
11. Боев, Ю.Г. От конюшенного приказа – к государственной ветеринарно-санитарной службе / Ю.Г. Боев, В.П. Ветров // Воен.-ист. журн. – 2007. – № 6. – С. 57–60.
12. Гареев, М.А. И.В. Сталин: «Армия должна не только обороняться, она должна наступать, защищать интересы государства всеми способами» / М.А. Гареев // Воен.-ист. журн. – 2007. – № 3. – С. 3–9.
13. Кривчиков, В.М. Мобилизационная готовность гражданских организаций по материальному обеспечению войск Белорусского военного округа (1924–1941 гг.) / В.М. Кривчиков // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2012. – Т. 13. – С. 77–86.
14. Кривчиков, В.М. Формирование системы тылового обеспечения войск Красной Армии на территории БССР (1924 – 22 июня 1941 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.М. Кривчиков. – Минск, 2013. – 174 с.
15. Основы организации войскового хозяйства воинской части: учеб. пособие / В.М. Кривчиков. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 311 с.
16. Кривчиков, В.М. Состояние запасов продовольствия, предназначенных для войск Западного Особого военного округа, накануне Великой Отечественной войны / В.М. Кривчиков // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2014. – Т. 18. – С. 53–89.
17. Кривчиков, В.М. Мобилизационные запасы горюче-смазочных материалов для нужд Красной Армии на территории БССР в середине 1930-х гг. / В.М. Кривчиков // Вестн. Брянск. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 63–67.
18. Докладные записки и сведения горкомов и райкомов обкому КП(б)Б о состоянии мобилизационной готовности в районах области // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 175.
19. Отчеты, докладные записки, информации горкомов и райкомов обкому КП(б)Б о проведении оборонной работы // ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 169.
20. Постановления и выписки из постановлений бюро райкомов КП(б)Б о состоянии оборонной работы в районах области // ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 168.
21. Материалы о результатах проверки мобилизационной готовности предприятий, учреждений, колхозов и совхозов области // ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 167.
22. Докладные записки инструкторов обкому КП(б)Б о состоянии оборонной работы и о проверке мобилизационной готовности в районах области // ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 170.
23. Постановления бюро обкома КП(б)Б о проведении оборонно-массовой работы в области, о необходимости выделения лошадей для Красной Армии // ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 174.
24. Докладные записки и информации горкомов и райкомов обкому КП(б)Б о ходе строительства спецобъектов, о состоянии конского поголовья в области, об охране важных промышленных объектов и др. // ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 171.

Поступила в редакцию 20.01.2017 г.

УДК 620.9(4):341.1:327.7(476)

Республика Беларусь в энергетической политике Европейского союза в 2006–2014 гг.

Чиж А.М.
Белорусский государственный университет, Минск

Республика Беларусь наряду с Украиной является одним из ключевых государств, обеспечивающих транзит энергоносителей из Российской Федерации в Европейский союз. В 2006–2014 гг. Беларусь сохранила за собой важный статус страны-транзитера, но формирование энергетической политики ЕС, предполагающей поиск альтернативных путей доставки нефти и газа в обход транзитных стран, способно повлиять на роль Беларуси в обеспечении европейской энергетической безопасности.

Цель статьи – определение места Республики Беларусь в энергетической политике Евросоюза в 2006–2014 гг.

***Материал и методы.** Исследование основано на анализе политико-правовых документов в сфере энергетической политики Европейского союза и Республики Беларусь, а также статистических данных, подтверждающих место и роль белорусского государства в транзите углеводородов из России в ЕС. В нем были использованы нарративный, сравнительный, историко-генетический и системный методы.*

***Результаты и обсуждение.** В 2006–2014 гг. в белорусско-российских отношениях произошло два значительных спора, поставивших под угрозу поставки нефти и природного газа в Европейский союз. Но при этом в рассматриваемый период поставки углеводородов через белорусскую территорию оставались на достаточно высоком уровне, а Европейская комиссия неоднократно подчеркивала важную роль Беларуси в обеспечении стабильных поставок энергоносителей. В 2009 г. Республика Беларусь присоединилась к инициативе «Восточное партнерство» и стала принимать участие в работе ее энергетической платформы, однако в целом это не привело к углублению взаимодействия Беларуси и ЕС в энергетической сфере.*

В 2006–2014 гг. сформировались благоприятные предпосылки для укрепления положения Республики Беларусь в нефте- и газотранспортной системе Европы. Евросоюз, признавая роль Беларуси в обеспечении энергетической безопасности государств-членов, инициировал взаимодействие с белорусским государством в энергетической сфере в рамках «Восточного партнерства», однако в 2006–2014 гг. оно ограничивалось консультациями и предоставлением технической помощи по линии программы INOGATE.

***Заключение.** Нереализованный потенциал энергетической платформы «Восточного партнерства» и слабо выраженный интерес белорусской стороны к соответствующим проектам может объясняться сложным характером политических отношений ЕС и Беларуси и отсутствием политической воли к активизации сотрудничества в энергетической сфере.*

***Ключевые слова:** «Восточное партнерство», транзитные государства, энергетическая безопасность, энергетическая политика.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 74–79)

The Republic of Belarus in the Energy Policy of the European Union in 2006–2014

Chyzh A.M.
Department of International Relations of the Faculty of International Relations of BSU, Minsk

The Republic of Belarus along with Ukraine represents one of the key states, providing transit of energy sources from the Russian Federation to the European Union. In 2006–2014, Belarus retained an important status of a transit country, but the development of the EU's energy policy, stipulating search for alternative oil and gas supply routes that bypass transit countries, could affect the role of Belarus in providing European energy security.

The goal of the article is to identify the role of the Republic of Belarus in the EU's energy policy in 2006–2014.

***Material and methods.** This article is based on the analysis of a wide range of political and legal documents related to the energy policy of the European Union and Republic of Belarus as well as statistical data, confirming the role and place of the Belarusian state in the transit of hydrocarbons from Russia to the EU. The following methods were applied: narrative, comparative, historical-genetic and system.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: alexander.m.chizh@gmail.com – **А.М. Чиж**

Findings and their discussion. *In 2006–2014, Belarus-Russia relations were marked by two significant disputes that jeopardized oil and gas supplies to the European Union. However, during this period hydrocarbon supplies through the Belarusian territory remained at quiet a high level, and the European Commission repeatedly highlighted the important role of Belarus in providing security of supply. In 2009 the Republic of Belarus joined the «Eastern Partnership» initiative and started to participate in its energy platform, however, in general it did not result in intensification of interaction between Belarus and the EU in the field of energy.*

In 2006–2014, the Republic of Belarus faced a number of favourable factors that could contribute to its position in the oil and gas transport system of Europe. The European Union, having acknowledged the role of Belarus in the provision of the energy security of the Member States, initiated cooperation with the Belarusian state in the energy area under the «Eastern Partnership», although in 2006–2014 it was limited to consultations and technical assistance as part of the INOGATE programme.

Conclusion. *The untapped capacity of the «Eastern Partnership» energy platform and weak Belarusian interest in the corresponding projects could be attributed to the complicated nature of political relations between the EU and Belarus as well as the lack of political will to intensify cooperation in the field of energy.*

Key words: *«Eastern Partnership», transit states, energy security, energy policy.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 74–79)

Республика Беларусь занимает стратегическое положение между Россией и Европейским союзом и обеспечивает транспортировку по своей территории российской нефти и природного газа в государства-члены Евросоюза. Несмотря на периодическое возникновение споров вокруг поставок нефти и природного газа между Минском и Москвой, которые ставили под угрозу стабильное энергоснабжение ЕС, Беларуси удавалось сохранять статус надежного партнера в сфере транзита энергоносителей. Однако формирование энергетической политики Евросоюза, направленной на диверсификацию поставщиков и источников энергии, а также снижение зависимости от транзитных государств, ставит под угрозу место Республики Беларусь в европейской системе обеспечения энергетической безопасности и требует от нее адаптации к меняющимся условиям.

Хотя Беларусь играет важную роль в сфере транзита углеводорода на европейском пространстве, для отечественной историографии тематика энергетической политики и энергетической безопасности является новой и практически неизученной. В контексте национальной безопасности энергетическая безопасность Республики Беларусь рассматривается в двух коллективных работах: «Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы» [1] и «Национальная безопасность Республики Беларусь» [2]. В рамках анализа экономической безопасности Беларуси такие исследователи, как С.С. Полоник [3], В.Н. Шимов, Л.М. Крюков и А.В. Бондарь [4], изучили энергетическую составляющую данного вида безопасности. Среди зарубежных публикаций необходимо отметить материалы Оксфордского института энергетических исследований, в которых рассматривается конфликт 2010 г. между Беларусью и Россией, связанный с поставками российского природного газа [5]. Наиболее подробным исследованием энергетической политики Беларуси, Литвы и Украины и влияния на нее взаимоотношений данных государств с Российской Федерацией является работа, подготовленная американским ученым М. Бальмаседой [6]. Следует отметить, что ни в белорусской, ни в зарубежной исторической науке и науке о международных отношениях данная проблема не была еще подробно изучена. В связи с этим возникает необходимость в более подробном анализе роли, которая отводилась Республике Беларусь в ходе реализации энергетической политики Европейского союза.

Цель статьи – определение места Республики Беларусь в энергетической политике Евросоюза в 2006–2014 гг.

Материал и методы. Настоящее исследование основано на рассмотрении широкого круга политико-правовых документов в сфере энергетической политики Европейского союза и Республики Беларусь, а также статистических данных, подтверждающих место и роль белорусского государства в транзите углеводородов из России в ЕС. При этом использовались принципы историзма и объективности, а также нарративный, сравнительный, историко-генетический и системный методы, которые позволили дать комплексную оценку взаимодействия ЕС с Беларусью в рамках энергетической политики.

Результаты и их обсуждение. Республика Беларусь наряду с Украиной обеспечивала существенные объемы транзита российских энергоносителей в ЕС. По данным компании «Газпром», в 2013 г. по

территории Беларуси в страны ЕС было транспортировано 48,8 млрд куб. м газа, или 30,2% от общего объема, в 2014 г. – 45,1 млрд куб. м, или 30,8%. Транзит российского природного газа осуществлялся по белорусскому участку газопровода «Ямал–Европа», оператором которого выступало дочернее предприятие российского монополиста «Газпром трансгаз Беларусь» (до ноября 2011 г. – ОАО «Белтрансгаз»). Что касается поставок нефти, то через Беларусь проходят северная и южная ветка магистрального нефтепровода «Дружба» (операторы – ОАО «Полоцктранснефть Дружба» и ОАО «Гомельтранснефть Дружба» соответственно). Экспорт российской нефти в Евросоюз осуществлялся по южной ветке. В 2013 г. транзит нефти составил 50,26 млн т, а в 2014 г. достиг 61 млн т, что в 3–4 раза превышало объемы транзита по украинской территории.

Споры между Беларусью и Россией и энергетическая безопасность Евросоюза. В 2006–2014 гг. в белорусско-российских отношениях произошло два значительных спора, поставивших под угрозу поставки нефти и природного газа в Европейский союз. 8 января 2007 г. Россия полностью прекратила транзит нефти по трубопроводу «Дружба» в связи с введением Беларусью сбора за транзит в размере 45 долл. США за тонну. Отключение затронуло Польшу и другие пункты доставки нефти на Западе и стало первым и единственным в истории российских (советских) поставок нефти в страны Западной Европы [6]. 10 января Минск отменил транзитный сбор, а Москва снизила экспортную пошлину для Беларуси со 180 долл. США до 53 долл. США за тонну.

В июне 2010 г. между белорусской стороной и «Газпромом» возникли разногласия из-за неоплаты Минском поставок газа на сумму в 187 млн долл. США. В свою очередь Беларусь потребовала от «Газпрома» выплатить долг за транзит газа в размере 260 млн долл. США. 23 июня 2010 г. «Газпром» на 60% сократил поставки природного газа в Беларусь. В тот же день еврокомиссар по энергетике Г. Эттингер заявил о падении объемов экспорта газа в Литву на 50% [7]. После выплаты долга за поставленный газ 24 июня экспорт в Беларусь возобновился в полном объеме, а «Газпром» согласился повысить плату за транзит по белорусской территории с 1,55 долл. США до 1,88 долл. США за 1 тыс. куб. м на 100 км. Европейская комиссия рассматривала данный конфликт как угрозу для всего ЕС, однако не стала вмешиваться в урегулирование белорусско-российских споров.

Несмотря на опасения относительно потери Беларусью статуса транзитного государства в связи со строительством новых путей доставки российских энергоносителей в ЕС (газопровод «Северный поток», нефтепровод «Балтийская транспортная система II»), в рассматриваемый период поставки углеводородов через белорусскую территорию оставались на достаточно высоком уровне. Более того, в апреле 2013 г. между ОАО «Газпром» и польской компанией «ЕвРоПол ГАЗ», владеющей польским участком газопровода «Ямал–Европа», был подписан Меморандум о взаимопонимании в отношении строительства газопровода «Ямал–Европа-2», который должен был транспортировать газ от границы Беларуси через территорию Польши в Словакию. Однако в связи с украинским кризисом и введением Евросоюзом санкций против Российской Федерации данный проект был заморожен на неопределенное время.

Республика Беларусь в энергетической политике Европейского союза. Значимость Беларуси как транзитного государства подтверждалась и Европейской комиссией. Так, в стратегическом документе Европейского инструмента соседства (ЕИС) для Беларуси на 2007–2013 гг. [8] подчеркивалась ключевая роль страны в сфере транзита природного газа и необходимость оказать республике поддержку в таких областях, как энергоэффективность и энергосбережение, а также развитие возобновляемой энергетики. Европейская комиссия также признавала наличие общих интересов восточных партнеров и Евросоюза в укреплении энергетической безопасности в рамках инициативы «Восточное партнерство», выдвинутой Еврокомиссией в декабре 2008 г. и направленной на развитие отношений с Беларусью, Молдовой, Украиной, Арменией, Азербайджаном и Грузией, в первую очередь через реализацию проектов INOGATE (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe). В рассматриваемый период по программе INOGATE Республика Беларусь получала поддержку Европейского союза в процессе разработки и усовершенствования законодательства в сфере возобновляемой энергетики, реализации мер для обеспечения энергосбережения и повышения энергоэффективности. Беларуси удалось добиться значительных

успехов в энергосбережении и внедрении технологий энергоэффективности. В период 2010–2015 гг. потребление газа в стране снизилось с 12,03 до 11,03 млрд куб. м. Закон о возобновляемых источниках энергии 2010 г. внес определенность в новый для государства сектор энергетического комплекса.

Беларусь официально присоединилась к «Восточному партнерству» на Пражском саммите в мае 2009 г. и стала принимать участие во встречах специальной платформы по энергетике. Там же была заключена Декларация о сотрудничестве между Правительством Республики Беларусь и Комиссией Европейских сообществ в области энергетики, которое указывалось в качестве одной из основных целей в рамках инициативы «Восточное партнерство». В декларации стороны признали, что Беларусь и ЕС связывали общие интересы в энергетическом секторе и что интеграция их энергетических рынков может принести обоюдную выгоду и тем самым послужить укреплению энергетической безопасности европейского континента. Кроме того, с 2007 г. Беларусь вела секторальный диалог в области энергетики по таким вопросам, как транзит углеводородов в страны Европейского союза, энергоэффективность, энергосбережение, использование альтернативных источников энергии и атомная энергетика. В 2011 г. республика наладила с Еврокомиссией взаимодействие по проведению стресс-тестов на атомных объектах.

Необходимо отметить, что энергетическая платформа «Восточного партнерства», как подготовительный этап на пути к членству в Энергетическом сообществе, предполагала такую перспективу для всех партнеров инициативы. Более того, предусматривалась возможность их подключения к единой электроэнергетической сети ЕС и, следовательно, к единому энергетическому рынку.

Однако для Беларуси участие в «Восточном партнерстве», несмотря на заложенный в него потенциал сотрудничества в энергетической сфере, свелось к предоставлению технической помощи и разработке законодательства в отдельных секторах энергетики. Ограниченная реализация запланированных мер была в первую очередь обусловлена сложным характером политических отношений Республики Беларусь и Европейского союза. В сентябре 2011 г. Беларусь заявила о том, что не примет участие в Варшавском саммите «Восточного партнерства», поскольку его организаторы отказались направить приглашение Главе государства [9].

Но в 2013 г. на фоне общей интенсификации контактов с Европейским союзом Беларусь приняла участие в Вильнюсском саммите «Восточного партнерства», проходившем 28–29 ноября. В декларации, подписанной по итогам встречи, особо подчеркивался вклад республики в укрепление энергетической безопасности ЕС через обеспечение существенных объемов транзита энергоносителей [10]. Вместе с тем в условиях отсутствия двустороннего сотрудничества между Беларусью и Евросоюзом в рамках «Восточного партнерства» произошла фактическая приостановка секторального диалога по вопросам энергетики и окружающей среды, хотя консультации в сфере экономики по-прежнему проводились.

Атомная энергетика в белорусско-литовских отношениях. Беларусь столкнулась с негативной реакцией со стороны Литвы на строительство белорусской АЭС в районе г. Островец Гродненской области. В марте 2011 г. литовский премьер-министр А. Кубилюс заявил, что его страна «будет бороться против атомных электростанций, которые планируют построить рядом с ее границей, через Европейский союз и Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе» [11]. В августе того же года президент Литвы Д. Грибаускайте направила в Еврокомиссию письмо с призывом принять всевозможные меры для обеспечения безопасности строящихся или планируемых к строительству АЭС вблизи границ Евросоюза.

Основные претензии, выдвинутые литовской стороной, связаны с выполнением положений Конвенции Эспо (Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте). Как утверждал Вильнюс, Республика Беларусь в процессе проведения оценки подобного воздействия Островецкой АЭС допустила многочисленные нарушения названной конвенции.

Однако данная проблема, как представляется, выходила далеко за рамки экологической безопасности, если рассматривать ее с точки зрения энергетических проектов в Балтийском регионе. Речь идет о строительстве Балтийской АЭС в Калининградской области и Висагинской – в Литве. Согласно изначальным планам Вильнюса,

из трех электростанций литовская должна быть запущена в эксплуатацию только в 2022 г., т.е. после АЭС в Калининграде и Островце. Учитывая, что часть электроэнергии, которая будет производиться на Балтийской и Островецкой атомных электростанциях, предполагалось экспортировать, у Вильнюса были все основания полагать, что Висагинская АЭС окажется экономически нецелесообразной. В то же время Россия в 2013 г. приостановила строительство Балтийской АЭС в силу отсутствия потенциальных покупателей электроэнергии. По данным Всемирной ядерной ассоциации, Литва не добилась прогресса в реализации проекта Висагинской АЭС, который все еще находится на стадии согласования и разработки совместно с компанией GE Hitachi Nuclear Energy, выступившей стратегическим инвестором. В таких условиях белорусской стороне может потребоваться прибегнуть к гибкой ценовой политике, которая позволит стимулировать интерес партнеров из стран Европейского союза к электроэнергии, производимой на Островецкой АЭС.

Энергетическая безопасность Беларуси и ЕС. Хотя в своих программах и заявлениях Европейский союз неоднократно отмечал важную роль Республики Беларусь в обеспечении энергетической безопасности Европы, взаимодействие сторон ограничивалось проведением консультаций. В рамках такого сотрудничества Беларуси не удалось укрепить свою энергетическую безопасность. В рассматриваемый период сохранялись актуальные для страны угрозы энергетической безопасности, которые нашли свое отражение в Концепции энергетической безопасности Республики Беларусь, утвержденной 23 декабря 2015 г. Советом Министров постановлением № 1084 [12]. В ней даны определения основным понятиям, в том числе энергетической безопасности и энергетической самостоятельности, проанализированы ключевые угрозы в энергетической сфере, указаны ведущие направления развития ТЭК в долгосрочной перспективе.

Необходимо отметить, что наряду с внутренними мерами укрепления энергетической безопасности (повышение энергоэффективности, использование собственных топливно-энергетических ресурсов и т.д.) концепция придает большое значение международной составляющей обеспечения энергетической безопасности белорусского государства. Так, одним из принципов его энергетической безопасности названы сотрудничество с сопредельными странами, основными торгово-экономическими партнерами и международными организациями и принятие коллективных мер по укреплению энергетической безопасности. Среди национальных интересов Беларуси в топливно-энергетической сфере на первое место в концепции поставлены интересы, связанные с деятельностью республики на мировой арене:

– обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов;

– обеспечение широкого участия и интеграции в мировой ТЭК от добычи до продажи топливно-энергетических ресурсов конечным потребителям;

– создание энергетических компаний, способных конкурировать с крупными транснациональными корпорациями.

Данные интересы конкретизированы в разделе «Интеграция в мировой ТЭК, развитие сотрудничества с основными торгово-экономическими партнерами, расширение экспорта». Предполагается, что Беларусь совместно с партнерами, в первую очередь в рамках Союзного государства Беларуси и России и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), будет разрабатывать программы укрепления энергетической безопасности. В качестве перспективного направления также рассматриваются активное участие в международных проектах, связанных с производством, торговлей и транспортировкой энергоресурсов, эксплуатацией транспортных коридоров, и сотрудничество с Международным энергетическим агентством (МЭА).

Важное место в концепции отведено созданию оптового рынка электроэнергии и его интеграции в оптовый рынок электроэнергии государств-членов ЕАЭС. Предложенные меры повторяют положения Третьего энергетического пакета Европейского союза, а в результате их реализации должны сформироваться механизмы интеграции в энергетический рынок стран ЕС и государств-участников ЕАЭС и СНГ.

Однако Европейскому союзу, несмотря на наметившиеся в 2007–2014 гг. рамки сотрудничества в энергетической сфере, в концепции не отведено особых позиций в энергетической политике Беларуси, а укрепление энергетической безопасности страны предполагало взаимодействие по соответствующим вопросам с соседними государствами, но не Евросоюзом в целом.

Заключение. Таким образом, в 2006–2014 гг. Республика Беларусь сумела сохранить статус стабильного государства-транзитера российских энергоносителей в Европейский союз и, несмотря на имевшие место в этот период отдельные споры с Россией по вопросам поставок нефти и газа, зарекомендовала себя надежным и предсказуемым партнером в энергетической сфере. Это создало благоприятные предпосылки для укрепления ее положения в нефте- и газотранспортной системе Европы. Евросоюз, признавая роль Беларуси в обеспечении энергетической безопасности государств-членов, инициировал взаимодействие с белорусским государством в энергетической сфере в рамках «Восточного партнерства», однако в 2006–2014 гг. оно ограничивалось консультациями и предоставлением технической помощи по линии программы INOGATE. Нереализованный потенциал энергетической платформы «Восточного партнерства» и слабо выраженный интерес белорусской стороны к соответствующим проектам может объясняться сложным характером политических отношений ЕС и Беларуси и отсутствием политической воли к активизации сотрудничества в энергетической сфере.

Литература

1. Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы: монография / М.В. Мясникович [и др.]. – Минск: Изд-во «Экономика и право», 2003. – 451 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.]; под ред. М.В. Мясниковича и Л.С. Мальцева. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 557 с.: ил.
3. Полоник, С.С. Экономическая безопасность Республики Беларусь в условиях финансового кризиса: внешнеэкономические и финансовые аспекты / С.С. Полоник. – Минск: НИЭИ М-во экономики Респ. Беларусь, 2009. – 372 с.
4. Шимов, В.Н. Некоторые аспекты актуализации критериев и показателей экономической безопасности Республики Беларусь / В.Н. Шимов, Л.М. Крюков, А.В. Бондарь // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 1. – С. 4–14.
5. Yafimava, K. The June 2010 Russian-Belarusian Gas Transit Dispute: a surprise that was to be expected [Electronic resource] / K. Yafimava // Official Website of the Oxford Institute for Energy Studies. – Mode of access: http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/NG43-TheJune2010RussianBelarusianGasTransitDisputeASurpriseThatWasToBeExpected-KatjaYafimava-2010.pdf. – Date of access: 11.01.2015.
6. Balmaceda, M. Politics of Energy Dependency: Ukraine, Belarus, and Lithuania between Domestic Oligarchs and Russian Pressure (Studies in Comparative Political Economy and Public Policy) / M. Balmaceda. – 3rd rev. ed. – Toronto: University of Toronto Press, 2013. – 464 p.
7. Russia-Belarus gas dispute: Commission strongly concerned about gas cuts in Lithuania [Electronic resource] // European Commission Press Release Database. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-10-797_en.htm?locale=en. – Date of access: 22.05.2015.
8. European Neighbourhood and Partnership Instrument. Belarus: Country Strategy Paper 2007–2013 and Indicative Programme 2007–2011 [Electronic resource] // Official Website of the European External Action Service. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/enpi_csp_nip_belarus_en.pdf. – Date of access: 20.11.2016.
9. Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b9843f846435be1c.html. – Дата доступа: 15.11.2016.
10. Eastern Partnership: the Way Ahead. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit, Vilnius, 28–29 November 2013 [Electronic resource] // Official Website of the Council of the European Union. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/139765.pdf. – Date of access: 20.11.2016.
11. Юршите, Ю. Литва будет бороться с АЭС у себя на границе через ЕС и ОБСЕ [Электронный ресурс] / Ю. Юршите // Информационное агентство «Delfi». – 21 марта 2011 г. – Режим доступа: http://ru.delfi.lt/news/politics/litva-budet-borotsya-s-aes-u-sebya-na-granice-cherez-es-i-obse.d?id=43420307. – Дата доступа: 22.05.2015.
12. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1084 [Электронный ресурс] // Совет Министров Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.government.by/upload/docs/file5a034ca617dc35eb.PDF. – Дата доступа: 03.04.2016.

Поступила в редакцию 16.02.2017 г.

УДК 94(476):364.4:61-058«1861–1914»

Приказы общественного призрения на территории белорусских губерний (1861–1914 гг.)

Моторова Н.С.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В Российской империи система приказов общественного призрения начала создаваться с 1775 г. На эти учреждения были возложены функции оказания медицинской помощи и поддержки уязвимых слоев населения.

Цель статьи – анализ основных направлений деятельности приказов общественного призрения на территории белорусских губерний в 1861–1914 гг.

Материал и методы. *Исследование подготовлено на основе рассмотрения законодательных актов, справочных и статистических материалов. Для достижения поставленной цели использовались анализ, синтез, сравнение, историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *На территории белорусских губерний деятельность приказов общественного призрения регулировалась «Уставами о общественном призрении». В их подчинении находились различные социальные объекты: приюты, богадельни, больницы. После введения в 1903 г. Положения об управлении земским хозяйством в Витебской, Минской и Могилевской губерниях приказы были ликвидированы. Однако в Гродненской и Виленской губерниях они продолжали работать до 1914 г.*

Заключение. *На территории белорусских губерний приказы общественного призрения функционировали на основании общеимперского законодательства. Главным приоритетом в их деятельности стала организация доступной медицинской помощи.*

Ключевые слова: *приказы общественного призрения, белорусские губернии, приюты, богадельни, больницы.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 80–84)

Departments of Public Care on the Territory of Belarusian Provinces (1861–1914)

Motorova N.S.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the Russian Empire the system of departments of public care began to develop from 1775. These institutions were entrusted with the provision of health care functions and support for vulnerable segments of the population.

The purpose of the article is to analyze the main directions of activity of the departments of public care on the territory of Belarusian provinces in 1861–1914 years.

Material and methods. *The article was prepared on the basis of legislative acts, reference and statistical materials. The analysis, synthesis, comparison, historical and genetic, historical and comparative methods were used to achieve this purpose.*

Findings and their discussion. *On the territory of the Belarusian provinces activity of departments of public care was regulated by the «Statutes of Public Care». Various social objects (orphanages, almshouses, hospitals) were in their submission. In 1903 the Regulations on the management of the local economy were introduced in Vitebsk, Minsk and Mogilev Provinces. As a result departments of public care were liquidated. However, in Grodno and Vilna Provinces they continued to function until 1914.*

Conclusion. *On the territory of Belarusian provinces departments of public care functioned on the basis of general imperial legislation. The main priority in their activity was the organization of affordable medical care.*

Key words: *departments of public care, Belarusian provinces, orphanages, almshouses, hospitals.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 80–84)

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru – **Н.С. Моторова**

Приказы общественного призрения в системе губернской администрации начали создаваться в Российской империи на основании закона от 7 ноября 1775 г. На них были возложены функции оказания медицинской помощи и поддержки уязвимых слоев населения. Приказы располагали собственными средствами и недвижимым имуществом. В их ведении находились различные социальные объекты – больницы, богадельни, приюты. После проведения земской реформы в 1864 г. приказы были ликвидированы в центральных губерниях Российской империи, их функции были переданы земствам. Однако на территории белорусских губерний они сохранялись до начала XX в. и играли важную роль в реализации государственной социальной политики в регионе.

В отечественной историографии деятельность приказов общественного призрения на территории белорусских губерний остается малоизученной темой. Отдельные аспекты данной проблемы косвенно затрагиваются в исследованиях, посвященных истории здравоохранения (в этой связи можно отметить монографии Г.Р. Крючка [1] и Е.М. Тищенко [2]) и истории социальной работы (монография А.Д. Григорьева [3]).

Цель статьи – анализ основных направлений деятельности приказов общественного призрения на территории белорусских губерний в пореформенный период, выявление правовых и финансовых условий ее реализации.

Материал и методы. Работа подготовлена на основе рассмотрения уставов общественного призрения, опубликованных в «Своде законов Российской империи», законодательных актов, представленных в «Полном собрании законов Российской империи», а также справочных и статистических материалов. Методологической базой исследования являются как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравни-тельный).

Результаты и их обсуждение. В Российской империи система приказов общественного призрения начала функционировать в последней четверти XVIII в. на основании Закона от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» [4, с. 229, 271]. В нем были обозначены основные принципы и направления деятельности приказов общественного призрения. Именно этот закон с различными дополнениями и уточнениями лег в основу «Устава о общественном призрении» [5; 6], который вошел в состав «Свода законов Российской империи». На его основании осуществлялась деятельность приказов общественного призрения на территории белорусских губерний в пореформенный период.

Согласно закону 7 ноября 1775 г. приказы общественного призрения создавались в каждой губернии. В их состав входили представители судов различных инстанций: по два человека от верхнего земского суда, губернского магистрата и верхней расправы. Функции председателя были возложены на губернатора. В случае необходимости для участия в заседаниях приказов могли приглашаться уездный предводитель дворянства и городской голова [4, с. 271]. Однако после отмены крепостного права полностью изменился подход к формированию этих учреждений. С 1861 г. в состав приказов общественного призрения избиралось по одному представителю от дворянства, губернского городского общества и сельских жителей [6, с. 91]. Кроме того, в белорусских губерниях в их состав входили губернские предводители дворянства [5, с. 4]. Если приказ общественного призрения располагал крупными капиталами или доходами, в его ведении находились значительные благотворительные заведения, тогда губернатор имел право дополнительно назначить для заведования ими по одному непременному члену [6, с. 91]. Единообразных штатных расписаний для канцелярий приказов общественного призрения не существовало. Они составлялись и утверждались в каждом отдельном случае в Министерстве внутренних дел, позже эти полномочия были переданы начальнику Главного управления по делам местного хозяйства [5, с. 5; 6, с. 91].

Как правило, приказы общественного призрения обладали значительным имуществом: недвижимостью и неприкосновенным капиталом, который хранился в ценных бумагах [6, с. 83]. Суммы последних могли достигать значительных размеров. Так, к началу XX в. приказы общественного призрения белорусских губерний обладали капиталами на общую сумму более 3 млн руб. В то же время стоимость недвижимого имущества, находившегося в их распоряжении, составляла всего 15 695 руб. [подсчитано по: 7, с. 308–309].

Доходы приказов включали в себя проценты с капиталов, пособия от казны и

органов городского самоуправления, подаяния, пожертвования и завещания частных лиц в пользу конкретных благотворительных заведений, штрафные суммы, хозяйственные доходы и случайные поступления. Городские власти могли по своему желанию направить на содержание заведений общественного призрения часть прибыли городских общественных банков в виде единовременного или ежегодного пособия [6, с. 83–84]. Кроме того, с 1887 г. в неземских губерниях (в том числе Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской) расходы по содержанию благотворительных учреждений и уездных больниц, которые находились в ведении приказов, но не покрывались их доходами, были отнесены на счет сумм губернских земских сборов. Они должны были вноситься в сметы губернских земских повинностей, рассчитанные на трехлетний период. Одновременно должна была прекратиться выплата пособий из казны на содержание перечисленных учреждений [7, с. 195].

Для сбора добровольных пожертвований приказы общественного призрения имели право устанавливать кружки при соборах и крупных церквах. При этом отдельно собирались деньги для нищих и убогих и отдельно – для благотворительных заведений. Этот сбор получил название «кружечного». Из его сумм приказы назначали пособия уездным городам для раздачи нищим, а также для укрепления средств местных благотворительных заведений [6, с. 85].

Хозяйственные доходы приказов формировались за счет средств, поступавших от содержания в подведомственных им заведениях состоятельных людей, нижних военных чинов, чиновников других ведомств. Сюда же относились доходы, вырученные от деятельности приказных аптек, работных домов, различных хозяйственных заведений (фабрик, заводов, ремесленных мастерских) [6, с. 88]. Случайные доходы формировались за счет пошлин с грамот на потомственное почетное гражданство и свидетельств на личное почетное гражданство, а также средств, вырученных от продажи имений умерших банкротов после уплаты их долгов и конкурсных расходов, поступлений от продажи «пригульного» скота [6, с. 88].

В начале XX в. доходы приказов общественного призрения белорусских губерний составляли 219 736 руб. Они формировались преимущественно за счет полученных с капиталов процентов (116 097 руб. или 52,8%) и сумм земских сборов (89 978 руб. или 40,9%). Поступления от эксплуатации недвижимого имущества составляли всего 1 261 руб. (0,6%), пени и штрафы – 1 764 руб. (0,8%), пособия от казны – 7 436 руб. (3,4%), прочие доходы – 3 195 руб. (1,5%) [подсчитано по: 7, с. 308–309]. При этом в структуре доходов приказов общественного призрения белорусских губерний полностью отсутствовали добровольные пожертвования частных лиц и пособия от органов городского самоуправления.

В подчинении приказов находились различные заведения: сиротские и воспитательные дома, богадельни, больницы, дома для душевнобольных, смирительные и работные дома [5, с. 71]. В 1884 г. смирительные дома были ликвидированы [9, с. 261], а потому они не упоминались в последней официальной редакции «Устава о общественном призрении» 1892 г. [6, с. 81].

К началу XX в. на территории белорусских губерний приказам общественного призрения подчинялись воспитательный дом в Вильно, сиротский дом в Могилеве, а также богадельни и больницы (с родильными отделениями и отделениями для душевнобольных). В ряде случаев эти благотворительные заведения располагали собственными капиталами и недвижимостью, получали дополнительные доходы из собственных источников.

Воспитательный дом «Иисус-младенец», подчиненный Виленскому приказу общественного призрения, был одним из крупнейших благотворительных заведений, оказывавшим помощь несовершеннолетним всего региона. Он был ориентирован на прием подкидышей. На 1 января 1900 г. в воспитательном доме находилось 572 ребенка. К сожалению, в этом благотворительном учреждении был очень высокий уровень детской смертности: в течение 1899 г. в приют поступило 197 младенцев, в то же время умерло 186, что составило 94% [10, с. 76]. Это было обусловлено тем, что поступившие дети зачастую были истощены, серьезную проблему составляла организация их питания. Воспитательный дом не мог обеспечить своих питомцев необходимым числом кормилиц, а искусственных смесей для вскармливания грудных младенцев в то время не существовало. Кроме того, приют обладал ограниченными средствами. По данным за 1901 г. соб-

ственные доходы приюта составили всего 2 089 руб., а расходы достигли 21 823 руб. Из этой суммы около 54% было затрачено на содержание воспитанников [подсчитано по: 7, с. 308–309]. Образовавшийся дефицит покрывался за счет средств Виленского приказа.

На территории белорусских губерний единственный сиротский дом, подчинявшийся приказу общественного призрения, находился в Могилеве. Он был учрежден по инициативе могилевского губернатора С.П. Энгельгардта, выступившего с соответствующим предложением еще в 1839 г. Штат сиротского дома был утвержден 22 мая 1846 г., согласно которому число воспитанников составило 45 человек. Изначально это благотворительное заведение располагалось в нескольких зданиях, разбросанных по городу. В 1883 г. Могилевский приказ общественного призрения приобрел для него собственный дом на Дворянской улице. С 1894 г. воспитанницы сиротского дома (20 человек) были переведены в Николаевский приют с ежегодной уплатой из приказных сумм 100 руб. за их содержание. В сиротском доме остались только мальчики [11, с. 18].

В каждом губернском центре на территории белорусских губерний располагались богадельни, подчинявшиеся приказам общественного призрения. По данным на 1901 г., в них было 315 штатных мест. Доходы богаделен к началу XX в. составляли всего 14 406 руб., а расходы достигли 25 465 руб. Большая часть средств направлялась на содержание призреваемых (10 969 руб. или 43%), аренду помещений и хозяйственные расходы (8 696 руб. или 34,1%), жалованье персоналу (2 959 руб. или 11,6%) [подсчитано по: 7, с. 310–311]. Самая крупная приказная богадельня располагалась под Могилевом – в Печерске. По штату 1846 г. она была рассчитана на 200 человек, но с 1894 г. в ней постоянно находилось 150 человек, а остальные 50 получали ежемесячное пособие в размере 3 руб. [11, с. 17].

Из всех учреждений, подчиненных приказам общественного призрения белорусских губерний, наиболее значительными были больницы, которые располагались в губернских и уездных центрах. Количество штатных мест в них к началу XX в. составляло 2 022. Лечение в больницах было бесплатным для неимущих больных и платным для состоятельных. Только за 1901 г. в условиях стационара в них получили помощь 21 271 человек, амбулаторно – 40 410 человек [подсчитано по: 7, с. 310–311].

Приказные больницы обладали собственными средствами. Так, сумма капиталов, принадлежавших им, составляла 54 283 руб., а стоимость недвижимого имущества превышала 1 млн руб. По данным на 1901 г., их совокупный доход достиг 281 578 руб. Он формировался следующим образом: 134 246 руб. (47,7%) составили пособия из сумм земского сбора, 67 454 руб. (24%) было получено в качестве платы за лечение, 28 543 руб. (10,1%) – от органов городского самоуправления. Однако расходы больниц почти в 1,5 раза превосходили доходы и достигли 439 872 руб. Они распределялись следующим образом: на содержание и лечение больных было затрачено 207 292 руб. (47,1%), на жалованье персоналу – 114 438 руб. (26%), на аренду помещений и хозяйственные расходы – 95 660 руб. (20,8%) [подсчитано по: 7, с. 310–311].

Процесс ликвидации приказов общественного призрения на территории белорусских губерний начался в 1903 г. после принятия Положения об управлении земским хозяйством. Оно было распространено на Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии. Здесь приказы общественного призрения ликвидировались, а их капиталы, недвижимое имущество, доходы, а также находившиеся в их ведении благотворительные учреждения передавались губернским комитетам по делам земского хозяйства [12, с. 334]. Однако эта реформа не коснулась Гродненской и Виленской губерний, где приказы сохранялись вплоть до начала Первой мировой войны.

Заключение. На территории белорусских губерний система приказов общественного призрения была создана на основании закона от 7 ноября 1775 г. Они входили в структуру губернской администрации и в их ведении были сосредоточены функции по оказанию помощи уязвимым слоям населения и организации доступной медицинской помощи. Приказы осуществляли свою деятельность в рамках общеимперского законодательства. Они обладали собственными неприкосновенными капиталами и недвижимым имуществом, в их распоряжении были собственные доходы. При этом на территории белорусских губерний большая часть доходов приказов формировалась за счет поступлений из сумм земских сборов. В их ведении находились различные бла-

готворительные заведения: воспитательные и сиротские дома, богадельни и больницы. На территории белорусских губерний главным приоритетом в деятельности приказов общественного призрения стала организация доступной медицинской помощи, о чем свидетельствуют значительное число больниц и масштабы их финансирования.

Литература

1. Крючок, Г.Р. Очерки истории медицины Белоруссии / Г.Р. Крючок. – Минск: Беларусь, 1976. – 264 с.
2. Тищенко, Е.М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е.М. Тищенко. – Гродно: Изд-во Гродн. гос. мед. ун-та, 2003. – 269 с.
3. Григорьев, А.Д. Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX вв.): монография / А.Д. Григорьев. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2000. – 218 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). [Собрание первое]. Том XX: 1775–1780. [От № 14233 до 15105]. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1034, 7, [3] с.
5. Устав о общественном призрении // Свод законов Российской империи, повелением государя Николая Первого составленный. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. XIII. – С. 1–294.
6. Устав о общественном призрении // Свод законов Российской империи: полный текст всех 16 т., соглас. с последн. продолж., постановлениями, изд. в порядке ст. 87 Зак. осн., и позднейшими узаконениями: в 5 кн. / сост. Н.П. Балканов [и др.]; под ред. и с примеч. И.Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неоф. – СПб.: Деятель, 1912–[1913]. – Кн. 5, т. XIII. – [1913]. – С. 81–175.
7. Сведения о средствах и деятельности Приказов и Советов Общественного Призрения и состоящих в их ведении заведений за 1901 год // Благотворительность в России: сост. по высочайшему повелению Собств. Его Императ. Величества Канцеляриею по учреждениям Императрицы Марии: [в 2 т.]. – СПб.: Типо-лит. Н.Л. Ныркина, [1907]. – Т. 1. – С. 307–316.
8. ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. VII: 1887. От № 4138–4932 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1889. – 1146 с. разд. паг.; 27 л. ил.
9. ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. IV: 1884. От № 1934–2642 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1887. – 1267 с. разд. паг.; 20 л. ил.
10. Обзор Виленской губернии за 1899 г. – Вильно: Губ. тип., 1900. – 4, 100, 81 с.
11. Краткий обзор деятельности земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ.: Губ. тип., 1911. – 31 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIII: 1903. Отделение первое. От № 22360–23838 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1905. – 1167, 136 с.

Поступила в редакцию 31.03.2017 г.

УДК 94(476)"1922/1923":364.692(470.4):368.9

Агульнаграмадзянскі падатак як надзвычайная мера дапамогі галадаючым Паволжа ў 1922–1923 гг.

Базарэвіч Г.Х.
Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Для аказання дапамогі галадаючаму насельніцтву Паволжа ўсё працаздольнае насельніцтва РСФСР і саюзных рэспублік абкладалася агульнаграмадзянскім падаткам. Жыхары Беларускай ССР, а таксама Гомельскай і Віцебскай губерняў былі прыцягнуты да спагнання падатку.

Мэта артыкула – паказаць механізм спагнання агульнаграмадзянскага падатку ў савецкай Беларусі як надзвычайнай меры для аказання дапамогі галадаючым Паволжа ў 1922 годзе.

***Матэрыял і метады.** Даследаванне падрыхтавана на падставе архіўных матэрыялаў з фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, а таксама справаздачных выданняў Віцебскага і Гомельскага выканаўчых камітэтаў і сакратарыята Беларускай ССР. Дакументы нарматыўна-прававога характару дазваляюць устанавіць парадак вызначэння мэтавага пласта насельніцтва і парадак спагнання падатку.*

Метадалагічную аснову даследавання склалі прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. Пры гэтым падчас працы выкарыстоўваліся гісторыка-апісальны, гісторыка-генетычны і гісторыка-параўнальны метады.

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Савецкая Беларусь як саюзная рэспубліка далучылася да кампаніі па спагнанню выплат са сваіх грамадзян. Таксама ўсё працаздольнае насельніцтва ўраджайных Гомельскай і Віцебскай губерняў, якія ў той час уваходзілі ў склад РСФСР, абкладалася прамым падаткам. Механізм вызначэння плацельшчыкаў не выключаў спрэчных момантаў, таму ўдасканальваўся на працягу ўсёй кампаніі. Агульнымі тэндэнцыямі першага і другога агульнаграмадзянскага падатку з'яўляліся нізкая актыўнасць у пачатку кампаніі і спешка напрыканцы тэрмінаў аплаты. Неразвітая сістэма фінансавых органаў у сельскай мясцовасці абумовіла замаруджанасць збору падатку на вёсцы.*

***Заключэнне.** Прырода агульнаграмадзянскага падатку паказала, што гэта была надзвычайная мера, да якой звярнуўся ўрад РСФСР, каб пераадолець цяжкія наступствы голаду ў Паволжы. Савецкая Беларусь далучылася да гэтай кампаніі як саюзная рэспубліка, а Віцебская і Гомельскія губерні прынялі ўдзел як суб'екты РСФСР. Падчас збору падатку ў савецкай Беларусі назіраліся наступныя тэндэнцыі: нягледзячы на разгортванне буйной агітацыйнай кампаніі, у гарадах насельніцтва не спяшалася аплочваць падатак, а ў сельскай мясцовасці працэс быў вельмі вельмі марудным. Тым не менш абмежаваны тэрмін унясення падатку і пагроза павелічэння яго памераў стымулявалі насельніцтва спяшацца з аплатай.*

***Ключавыя словы:** голад, Паволжа, савецкая Беларусь, агульнаграмадзянскі падатак.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 85–90)

General Civil Tax as an Extraordinary Measure of Assistance to the Hungry Population of the Volga Region (1922–1923)

Bazarevich G.H.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

To assist the starving population of the Volga region all the able-bodied population of the RSFSR and the Union Republics was subject to general civil tax. Residents of the Belarusian Soviet Socialist Republic, as well as Gomel and Vitebsk Regions were involved in the collection of the tax.

The purpose of the article is to show the mechanism of collection of the civil tax in Soviet Belarus as an emergency measure to assist the starving Volga region in 1922.

***Material and methods.** The study was prepared on the basis of archival materials from the collections of the National Archives, the State Archives of Vitebsk Region, as well as accounting books of Vitebsk and Gomel Executive Committees*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: anna_bazarevich@mail.ru – **Г.Х. Базарэвіч**

(Administrations) and the Secretariat of the Belarusian Soviet Socialist Republic. Regulatory and legal documents allow us to determine the procedure for determining the target segment of the population and the procedure for levying the tax.

Findings and their discussion. *Soviet Belarus joined the campaign to collect payments from its citizens. In addition, all the able-bodied population of crop abundant Gomel and Vitebsk Regions, which at that time were part of the RSFSR, was subject to direct taxation. The mechanism for determining taxpayers did not exclude controversial issues, and therefore improved throughout the campaign. The general trend of the first and second operations for civil taxation is low in the early stages of the campaign and the rush at the end of the payment period. An undeveloped system of financial authorities in rural areas has led to a slow collection of taxes in rural areas.*

Conclusion. *The nature of the civil tax showed that this was an extraordinary measure, to which the government of the RSFSR applied to overcome the severe consequences of famine in the Volga region. Soviet Byelorussia joined the company as a Union Republic, and the Vitebsk and Gomel Regions, as successful, participated as subjects of the RSFSR. During the tax collection in Soviet Belarus the following trends were observed, despite the fact that the dismantled large campaign in the city's population was slow to pay taxes, and this process slowed down very much in the countryside. However, the introduction of a limited duration of the tax and the threat of an increase in its size prompted the population to rush to pay.*

Key words: *hunger, the Volga region, Soviet Belarus, general civil tax.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 85–90)

Харчовая бяспека краіны з'яўляецца асноўным фактарам яе ўстойлівага эканамічнага развіцця, умовай падтрымкі нацыянальнага рынку і здольнасці дзяржавы забяспечыць дастатковы ўзровень збалансаванага харчавання насельніцтва. Дасягненне бяспекі ў харчовай сферы мае значную ролю і для аказання падтрымкі насельніцтву краін, якія апынуліся ў крызісным стане. У сувязі з гэтым даследаванне гісторыі ўдзелу Беларусі ў гуманітарных місіях бачыцца актуальным. Асвятленне працэсу спагнання ў савецкай Беларусі агульнаграмадзянскага падатку 1922 г. на карысць галадаючых Паволжа дазволіць адлюстраваць ход і вынікі надзвычайнай меры па выратаванні пацярпелых.

Правядзенне агульнаграмадзянскага падатку 1922 г. у савецкай Беларусі раней не з'яўлялася прадметам самастойнага даследавання. Аднак беларускія і расійскія навукоўцы часта звяртаюцца да гэтай тэмы ў кантэксце станаўлення падатковай палітыкі ў гады нэпа і рэалізацыі яе праграм [1; 2].

Мэта артыкула – паказаць механізм спагнання агульнаграмадзянскага падатку ў савецкай Беларусі як надзвычайнай меры для аказання дапамогі галадаючым Паволжа ў 1922 годзе.

Матэрыял і метады. Даследаванне падрыхтавана на падставе архіўных матэрыялаў з фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, а таксама справаздачных выданняў Віцебскага і Гомельскага выканаўчых камітэтаў і сакратарыята Беларускай ССР. Дакументы нарматыўна-прававога характару дазваляюць устанавіць парадак вызначэння мэтавага пласта насельніцтва і парадак спагнання падатку.

Метадалагічную аснову даследавання склалі прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. Пры гэтым падчас працы выкарыстоўваліся гісторыка-апісальны, гісторыка-генетычны і гісторыка-параўнальны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. На дапамогу галадаючым Паволжа былі прыцягнуты як дзяржаўныя, так і грамадскія рэсурсы. У хуткім часе стала відавочна, што рэзерваў краіны будзе недастаткова, каб накарміць галодных, аднавіць разбураныя бедствам гаспадаркі і засеяць палі. Поспех кампаніі па выратаванні пацярпелых у першую чаргу вызначаўся актыўнасцю грамадства. Былі распаўсюджаны разнастайныя спосабы ўключэння насельніцтва савецкай Беларусі ў справу аказання дапамогі галадаючым Паволжа. На першым этапе, для якога быў характэрны добраахвотны ўдзел, грамадзяне далучаліся шляхам ахвяраванняў падчас публічных збораў у грамадскіх месцах, давалі згоду на адлічэнне пэўнай колькасці заробку. Але гэтых мер было недастаткова, таму ўвосень 1921 г. з'явілася рашэнне аб пераходзе ад выпадковай да рэгулярнай дапамогі, які ўстанаўліваў новы парадак збораў харчовых ахвяраванняў у гарадах і сельскай мясцовасці.

Пачатак абавязковай дапамогі галадаючым прыпадае на канец 1921 г. Асноўным прынцыпам гэтага парадку сталі абавязковыя адлічэнні. Падобнае рашэнне было абумоўлена негатыўнымі праявамі, што мелі месца ў гарадскім асяроддзі. Напрыклад, некаторыя ўстановы і прадпрыемствы сабраныя сродкі своечасова не здавалі, а трымалі ў сябе па некалькі месяцаў, што ва ўмовах інфляцыі мела вельмі негатыўныя наступствы. Грошы страчвалі сваю каштоўнасць, а гэта было недапушчальным. Канешне, вінаватыя караліся ў адпаведнасці з законам і кампенсавалі ўсе выдаткі па новым курсе. Мера пакарання

Табліца

Дынаміка пасяўных плошчаў у Паволжы (у тысячах дзесяцін)

Раёны	1901–1905	1906–1910	1913	1916	1917	1920	1921
Сярэдне-Волжскі	9,956	10,585	10,890	9,779	10,437	8,128	6,789
Ніжне-Волжскі	4,906	4,841	5,271	4,662	4,317	3,399	2,075
Прыўральскі	5,088	5,328	5,521	5,222	4,713	3,703	3,467

за такія парушэнні рэгламентавалася 107 артыкулам Крымінальнага кодэкса РСФСР. Бяздзейнасць ці невыкананне абавязкаў службовай асобай маглі прывесці да пазбаўлення волі ці прымусовых работ тэрмінам на 1 год альбо да звальнення з пасады [3, арк. 8 зв.]. Трэба адзначыць, што з 1922 г. па 1928 г. на тэрыторыі Беларускай ССР дзейнічаў Крымінальны кодэкс, аналагічны КК РСФСР.

Абавязковае забеспячэнне з боку насельніцтва пэўнай колькасці едакоў з галадаючых раёнаў рэгулярным пайком было асноўнай задачай усталяваных формаў дапамогі. У паёк уваходзіла 3 фунты мукі і 6 фунтаў рознага прыварку на чалавека [4, арк. 7].

Трэба нагадаць, што гэты намер суправаджаўся лозунгам "10 сытых накормяць аднаго галадаючага". Важна было дамагчыся, каб працоўныя добраахвотна адлічвалі 3 фунты ў месяц, каб кожныя 30 працоўных і служачых горада і 10 двароў на вёсцы ўзялі пад сваю апеку адно дзіця з Паволжа.

Фінансавыя сродкі патрабаваліся не толькі на забеспячэнне галадаючых харчаваннем, але і на медыцынскае абслугоўванне, адзенне і рэчы побыту, а больш за ўсё на аднаўленне гаспадаркі і засеў пасяўных плошчаў, якія знаходзіліся ў крызісным стане. Лічбавыя паказчыкі ў некаторых выпадках знізіліся больш чым у два разы (табл.).

Такім чынам, у параўнанні з 1913 г. агульная плошча пасеву да 1921 г. скарацілася: у Сярэдне-Волжскім раёне на 36%, у Ніжне-Волжскім – на 61%, а ў Прыўральскім – на 38%. Як бачна з табл., на працягу 1920–1921 г. плошчы зменшыліся асабліва рэзка. Напрыклад, у галадаючых раёнах, што былі замацаваны за Беларускай ССР і беларускімі губернямі РСФСР, пасяўная плошча скарацілася больш чым у два разы. У Саратаўскай губерні з 2 188 400 да 1 507 500, у Самарскай – з 2 916 900 да 1 355 400 дзесяцін [5, арк. 187]. Такое рэзкае скарачэнне пасяўных плошчаў тлумачыцца шэрагам прычын: стратай працоўнай сілы, змяншэннем агульнай колькасці працоўнай жывёлы і інвентару, нястачай насення. Крызіс чалавечага рэсурсу быў выкліканы не толькі смяротнасцю, але і масавым рухам сялянскага насельніцтва з галадаючых раёнаў у больш паспяховыя.

Для аказання дапамогі галадаючым, барацьбы з эпідэмічнымі хваробамі і паляпшэння жыцця дзяцей, што знаходзіліся на дзяржаўным утрыманні ва ўсіх мясцовасцях РСФСР і рэспублік, быў усталяваны аднаразовы агульнаграмадзянскі падатак. Памер падатку для працоўных і служачых да 9 разраду складаў 50 капеек, для астатніх працоўных і служачых пасля 9 разраду і сялян, што вялі гаспадарку без наёмнай працы, – 1 руб. з чалавека. Усе астатнія павінны былі здзейсніць унёсак у памеры 1 руб. 50 кап [6].

Па той прычыне, што ў савецкай Беларусі па некаторых установах, якія засталіся на дзяржаўным забеспячэнні (арганізацыі народнай адукацыі, аховы здароўя і інш.), стаўкі служачых да 9 разраду былі ніжэйшыя за 9 разрад ставак працоўных. Таму тады ўлады вырашылі прыраўняць гэтых работнікаў да групы плацельшчыкаў 9 разраду [7, арк. 8].

Падаткам абкладалася ўсё працаздольнае насельніцтва РСФСР і саюзных рэспублік. Так, Беларуская ССР, а таксама Віцебская і Гомельская губерні падлягалі пад выкананне дэкрэта ЦВК і СНК ад 11 лютага 1922 г. [8, с. 416]. Гэтым тэрыторыям даводзіліся вызначаныя сумы. Віцебскай губерні быў даведзены збор 85 млн рублёў, Гомельскай –130 млн рублёў, а Беларускай ССР – 100 млн рублёў у грашовых знаках 1922 г. [9, арк. 33].

Ад выплат вызваляліся чырвонаармейцы і міліцыянеры, што знаходзіліся на дзеючай службе [8, с. 417]. Аднак апошнія

падзяляліся на 4 разрады: камандны склад, міліцыянеры, адміністрацыйна-гаспадарчы склад і канцылярскі персанал. Першыя дзве групы, што неслі цяжкую ўзброена-ахоўную службу, падатку не падлягалі, астатнія ж абкладаліся на агульных умовах [10, арк. 43]. Ад выплаты падатку вызваляліся навучэнцы дзяржаўных установ, асобы, што знаходзіліся на сацыяльным утрыманні, а таксама маці, якія мелі на сваім утрыманні аднаго ці болей дзяцей да 14 гадоў ці іншых непрацаздольных членаў сям'і. Натуральна, ад падатку вызваляліся і жыхары тэрыторый, ахопленых голадам [8, с. 417]. Для працоўных і служачых розных разрадаў вызначаліся адпаведныя памеры падатку. Дзейнічала сістэма зніжак па адмысловым крытэры.

Падатак належала заплаціць адзін раз і зрабіць гэта патрабавалася не пазней за 31 мая 1922 г. Такім чынам, з даты апублікавання дэкрэта для выплаты падатку грамадзянам давалася 3,5 месяцы. Першапачаткова рыхтаваліся спісы плацельшчыкаў, пасля чаго апошнія інфармаваліся аб памеры належнага падатку. З працоўных і служачых падатак утрымліваўся непасрэдна ва ўстановах і на прадпрыемствах, дзе яны працавалі. Трэба адзначыць, што ў большасці арганізацый практыкаваліся з лета 1921 г. добраахвотныя адлічэнні на карысць галадаючых. Таму мясцовым рашэннем дазвалялася залічваць у лік агульнаграмадзянскага падатку адлічэнні за адзін месяц на карысць галадаючых, калі гэтага было недастаткова, то за два папярэднія месяцы.

Адной з праблем, якая патрабавала вырашэння, было вызначэнне крытэрыю, па якім даваліся ільготы ці поўнае вызваленне ад падатку. Таму Упраўленнем падаткамі і дзяржаўнымі даходамі Наркамфіна выпрацоўваліся дадатковыя інструкцыі, што рэгламентавалі механізм спагнання падатку, пры гэтым улічваліся пэўныя акалічнасці. Напрыклад, тыя асобы, якія павінны былі ўнесці падатак, але не знаходзіліся на службе ў дзяржаўных установах і не занятыя працай у дзяржаўных ці прыватных прадпрыемствах, абкладаліся не вышэй за стаўку, якая прызначалася галаве сям'і [10, арк. 48].

Распрацоўка шматлікіх інструкцый не забяспечыла ідэальнай сістэмы спагнання падатку, назіраліся шматлікія парушэнні, што былі звязаныя не толькі з затрымкай унясення грошай, афармленнем дакументацыі. Адбівалася на сітуацыі і псіхалогія насельніцтва, якое адкладала ўнёсак на апошні дзень [11, арк. 46]. Такім чынам, у канцы тэрміну аплаты ўтваралася чарга, што выклікала збоі ў працы падатковага апарату. У сукупнасці гэтыя акалічнасці сталі фактарамі, якія замаруджвалі збор падатку, што ва ўмовах абясцэньвання грошай зніжала аб'ёмы закупак харчавання і насення для галадаючых.

Тым не менш у пачатку чэрвеня 1922 г. было прынята рашэнне аб павелічэнні тэрміну спагнання падатку, што быў усталяваны дэкрэтам 11 лютага. Такім чынам, тэрмін аплаты падоўжыўся на 1 месяц – да 30 чэрвеня. У сувязі з гэтым зменнем пераносіліся і іншыя прадугледжаныя дэкрэтам тэрміны. Пры выплаце падатку са спазненнем у тэрмін з 1 па 30 ліпеня пеня складала 100%, такім чынам, стаўка павышалася ў два разы. Адпаведна пры выплаце ў жніўні падатак браўся ў трайным памеры, а з верасня гэтая сума спаганялася ў прымусовым парадку [10, арк. 49].

Увядзенне агульнаграмадзянскага падатку паказала недасканаласць падатковага механізму. На практыцы ўзнікалі пытанні прыцягнення да падатку грамадзян, што стаялі на ўліку сацыяльнага забеспячэння, але апошнім фактычна не карысталіся. І грамадзяне, што не стаялі на ўліку, але па стане здароўя з'яўляліся поўнымі інвалідамі. Рашэннем Наркамфіна ад выплаты падатку вызваляліся інваліды, што зарэгістраваныя аддзеламі сацыяльнага забеспячэння, і асобы, якія былі цалкам няздольныя да працы і патрабавалі дапамогі для задавальнення неабходных жыццёвых патрэб. Вызваляліся таксама і інваліды, якія не патрабавалі дагляду, а таксама тыя, якія здольныя да лёгкай працы. Што датычыцца тых грамадзян, якія не стаялі на ўліку, то пры прадстаўленні медыцынскага пасведчання, якое б пацвярджала інваліднасць, гэтыя грамадзяне маглі таксама разлічваць на вызваленне ад выплаты падатку [10, арк. 53].

У Беларускай ССР, таксама як і ў Віцебскай і Гомельскай губернях РСФСР, існавала праблема правільнасці ўліку плацельшчыкаў, што было выклікана адсутнасцю адзінай сістэмы справаздачнасці. Толькі ў канцы чэрвеня 1922 г. былі выпрацаваны агульныя формы справаводства для падачы звестак аб агульнаграмадзянскім падатку.

Агульнаграмадзянскі падатак складаў значную частку ад усіх прамых падаткаў. Напрыклад, у перыяд з 1 студзеня па 1 лістапада 1922 г. сярод такіх паступленняў па Віцебскай губерні, а іх было пяць (патэнт-

ны, ураўняльны, гербавы і канцылярскі, працоўны і гужавы і агульнаграмадзянскі падаткі і зборы), агульнаграмадзянскі падатак склаў 41,5% адносна агульнай сумы паступленняў [12, с. 322]. Гэта тлумачылася тым, што падатак быў масавым, ён упершыню ахапіў трэцюю частку насельніцтва губерні. Стаўкі былі досыць нізкія, але галоўная мэта – дапамога галадаючым Паволжа – была дасягнутая.

Паступленне агульнаграмадзянскага падатку першыя два месяцы ішло дастаткова марудна, а ўзрасло толькі ў маі-чэрвені. Колькасць плацельшчыкаў падатку па Віцебскай губерні налічвала 376 589 чалавек, сума акладу падатку складала 40 872 789 рублёў, а на 1 лістапада нядоімка дасягнула 10 986 659 рублёў, што прыблізна склала 1/4 частку ад даведзенага плана [12, с. 323]. Час паказаў, што своечасовае выкананне выплат немагчыма. У большай ступені такія праблемы ўзнікалі ў сельскай мясцовасці. Гэта тлумачылася адсутнасцю фінансавага апарату на месцах, а ўсімі грашовымі справамі займаўся мясцовы выканкам. Па гэтай прычыне адбылася затрымка выплат па падатку сярод сялянства і ў лістападзе 1922 г. склала толькі 25% ад запланаванай сумы [12, с. 321]. Часта, каб заахвоціць даўжнікоў да хутчэйшай аплаты, праводзіліся адмысловыя праверкі і аблавы ў грамадскіх месцах, а ў дзяржаўных установах патрабаваліся даведкі аб выплаце падатку.

Па Гомельскай губерні тэндэнцыі ў спагнанні агульнаграмадзянскага падатку былі падобныя. Кіраўніцтва губерні пазітыўна ацэньвала гэтую надзвычайную меру, таму што аказанне дапамогі галадаючым павінна было быць неадкладным, а збор добраахвотных ахвяраванняў мог расцягнуцца на многа месяцаў. Сума спагнання па агульнаграмадзянскім падатку для губерні была вызначана ў 100 мільёнаў рублёў. Улічваючы плацежаздольнасць, яна была падзелена паміж усім насельніцтвам губерні; стаўка агульнаграмадзянскага падатку ў горадзе складала 450 рублёў, у сельскай мясцовасці – 150 рублёў. Спагнанне праводзілася праз падатковую інспекцыю губернскага фінансавага аддзела [13, с. 53]. Дзякуючы шырокай агітацыі ў гарадах правядзенне збору было паспяховым, але значна адставала на вёсцы. Гэта тлумачылася слабасцю фінансавага апарату, які не меў магчымасці ахапіць усіх падаткаплацельшчыкаў. Вынікі збору на Гомельшчыне склалі 71 596 559 рублёў, а гэта 71,5% выканання плана [14, с. 33].

Аднаўленне сялянскай гаспадаркі было магчымым толькі пры ўмове наяўнасці неабходнай колькасці інвентару і ў першую чаргу працоўнай жывёлы. Таму са зборам ураджаю ў 1922 г. асноўная задача – аднаўленне разбуранай гаспадаркі – была яшчэ не вырашаная. Без дапамогі звонку дасягнуць нават мінімальных вынікаў было немагчыма. Нягледзячы на тое, што са зборам новага ўраджаю напружанне ў галадаючых месцах знізілася, голад не быў цалкам ліквідаваны, бо не пераадолены яго разбуральныя наступствы. Таму неўзабаве ўводзіцца другі агульнаграмадзянскі падатак, мэтай якога было аднаўленне разбуранай сельскай гаспадаркі.

Механізм спагнання другога агульнаграмадзянскага падатку быў аналагічны першаму і разніўся толькі мэтамі. Для аднаўлення разбуранай гаспадаркі патрабаваліся вялікія сродкі на правядзенне меліярацыі, аднаўленне транспарту, забеспячэнне сельскагаспадарчымі машынамі і прыладамі, развіццё жывёлагадоўлі, садаводства і землеўладкаванне.

У Беларускай ССР першы агульнаграмадзянскі падатак на аказанне дапамогі галадаючым Паволжа праводзіўся ў спешцы, што выклікала пэўныя цяжкасці і збоі ў працы. Гэтая акалічнасць была ўлічаная пры правядзенні другога агульнаграмадзянскага падатку на карысць Цэнтральнай Камісіі па ліквідацыі наступстваў голаду. Папярэдні вопыт першага падатку дазволіў больш эфектыўна праводзіць работу па аблажэнні яшчэ да атрымання інструкцый з цэнтра. Для паляпшэння вынікаў у фінансавыя органы паветаў камандзіраваліся партыйныя служачыя, якія актывізавалі выкананне працы па збору падатку.

Канчатковае складанне спісаў плацельшчыкаў і ўнясенне другога агульнаграмадзянскага падатку ў Беларускай ССР было запланавана наступным чынам: з гарадскога насельніцтва – да 15 снежня 1922 г., па сельскай мясцовасці – да 1 лютага 1923 г. Агульная сума па краіне павінна была скласці 1 000 000 рублёў (грашовымі знакамі 1923 г.). Як і падчас збору першага падатку, пры спазненні аплаты на месяц пеня складала 100% і сума ўзрастала ў два разы.

Параўнанне вынікаў выкананай працы па спагнанні першага і другога агульнаграмадзянскіх падаткаў за 1922–1923 гг. у Беларускай ССР вызначаецца наступнымі лічбамі: усіх плацельшчыкаў першага агульнаграмадзянскага падатку было ўлічана 310 833 чалавекі, якім быў даведзены план

збору 522 120 рублёў, па другім агульнаграмадзянскім падатку назіралася павелічэнне колькасці плацельшчыкаў да 372 124 чалавек і адпаведна сумы ў 1 386 982 рублі. На рахунак налічанага акладу паступіла 1 210 066 рублёў [15, с. 256]. Павелічэнне колькасці плацельшчыкаў адбылося, як адзначалася вышэй, дзякуючы накіраванню адказных супрацоўнікаў з цэнтра на вёску.

Заключэнне. Такім чынам, увядзенне першага і другога агульнаграмадзянскіх падаткаў стала надзвычайнай мерай, што была прынята для аказання дапамогі пацярпелым у Паволжы. Добраахвотныя ахвяраванні і рашэнне пераходу ад выпадковай да пастаяннай дапамогі не здолелі задаволіць усе патрэбы. Увядзенне падатку было абумоўлена неабходнасцю атрымаць сродкі на барацьбу з эпідэмічнымі хваробамі і паляпшэнне жыцця дзяцей, што знаходзіліся на дзяржаўным утрыманні. Савецкая Беларусь далучылася да гэтай кампаніі як саюзная рэспубліка, а Віцебская і Гомельскія губерні прынялі ўдзел як суб'екты РСФСР.

Механізм спагнання падатку вызначаўся адмысловымі інструкцыямі Народнага камітэта Міністэрства фінансаў. Ахоп плацельшчыкаў быў настолькі шырокі, што ўпершыню ўключыў трэцюю частку насельніцтва. Падчас збору падатку ў савецкай Беларусі назіраліся наступныя тэндэнцыі: нягледзячы на разгортванне буйной агітацыйнай кампаніі, у гарадах насельніцтва не спяшалася аплочваць падатак, а ў сельскай мясцовасці працэс быў вельмі марудным. Тым не менш абмежаваны тэрмін унясення падатку і пагроза павелічэння яго памераў стымулявалі насельніцтва спяшацца з аплатай.

Літаратура

1. Миллер, Н.В. Особенности налоговой политики государства в период нэпа / Н.В. Миллер // Вест. Омского ун-та. Сер., Экономика. – 2003. – № 1. – С. 100–104.
2. Мурашка, М. Нэп і эканамічнае развіццё Рэчыцкага павета / М. Мурашка // VII Міжнародныя Доўнараўскія чытанні: матэрыялы міжнар. навук. канф., Рэчыца, 1–2 кастр. 2010 г. / ГДУ імя Ф. Скарыны; рэдкал.: В.М. Лебедзева (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2010. – С. 326–334.
3. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей ДАВВ). – Ф. 570. – Воп. 2. – Спр. 13. – Арк. 8 зв.
4. ДАВВ. – Ф. 570. – Воп. 1. – Спр. 58. – Арк. 7.
5. ДАВВ. – Ф. 1319. – Воп. 1. – Спр. 14. – Арк. 187.
6. Общегражданский налог в пользу голодающих [декрет ВЦИК и СНК] // Известия Витебского губисполкома и Губкома Р.К.П. (б). – 1922. – 21 февр. – С. 1.
7. ДАВВ. – Ф. 221. – Воп. 1. – Спр. 173. – Арк. 18.
8. Итоги борьбы с голодом 1921–1922 гг.: сб. ст. и отчетов. – М., 1922. – 499 с.
9. ДАВВ. – Ф. 123. – Воп. 1. – Спр. 552. – Арк. 33.
10. ДАВВ. – Ф. 137. – Воп. 1. – Спр. 140. – Арк. 43.
11. ДАВВ. – Ф. 570. – Воп. 1. – Спр. 57. – Арк. 46.
12. Отчет Витебского губернского исполнительного комитета к X съезду Советов за время с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. – Витебск, 1922. – 674 с.
13. Отчет Гомельского губернского исполнительного комитета, декабрь 1921 г. – ноябрь 1922 г. – Гомель, 1922. – 417 с.
14. Итоги помощи голодающим по Гомельской губернии в кампанию 1921–1922 гг. – Гомель: Издание Гомельской губернской комиссии помощи голодающим, 1922. – 35 с.
15. Белорусская Социалистическая Советская Республика в 1922–1923 гг. / сост. под общ. ред. Секретариата ЦИК и СНЕКБ. – Минск: [б.и.], 1924. – 420 с.

Паступіў у рэдакцыю 22.05.2017 г.

УДК 947.8

Влияние материально-технического обеспечения на динамику численности партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны

Ивицкий А.М.
Учреждение образования «Витебская ордена "Знак Почета" государственная академия ветеринарной медицины», Витебск

Исследование посвящено изучению материально-технического снабжения формирований народных мстителей, которое оказывало непосредственное влияние на численный рост партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Цель статьи – дать оценку материально-техническому снабжению как одному из важнейших факторов, обеспечивавших численный рост партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

***Материал и методы.** Для написания работы использовались сведения, содержащиеся в мемуарах начальника Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинина, а также документы Национального архива Республики Беларусь. При этом применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** С начала войны численный рост партизанских отрядов напрямую зависел от материально-технического снабжения. Уже в 1942 г. из-за нехватки вооружения партизанские формирования были вынуждены ограничить прием новобранцев. Это привело как к появлению партизанского резерва, так и возникновению недостаточно вооруженных или вовсе невооруженных бойцов в формированиях народных мстителей. В последующих 1943 и 1944 гг. проблему дефицита вооружения в партизанских формированиях полностью решить не удалось, что, в свою очередь, не позволило вооружить и включить в состав отрядов и бригад всех желающих. Однако, даже находясь в условиях дефицита вооружения и боеприпасов, к 1944 г. партизаны превратились в силу, по численности и боевым возможностям сравнимую с подразделениями регулярной армии.*

***Заключение.** В ходе исследования было установлено, что организация полноценного материально-технического снабжения народных мстителей являлась одним из важнейших условий расширения масштабов партизанской войны, так как своевременное обеспечение боеприпасами, вооружением и снаряжением оказывало непосредственное влияние на численный рост партизанских формирований.*

***Ключевые слова:** белорусский штаб партизанского движения, материально-техническое снабжение, партизаны, партизанский резерв.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 91–96)

Influence of Material and Technical Supply on the Dynamics of Strength of Belarusian Partisans during the Great Patriotic War

Ivitsky A.M.
Educational Establishment «Vitebsk "Order of the Badge of Honor" State Academy of Veterinary Medicine», Vitebsk

The study highlights the research of the material and technical supply of the formations of the people's avengers, which directly influenced the numerical growth of the partisan movement on the territory of Belarus during the Great Patriotic War.

The purpose of the article is to assess the material and technical supply as one of the most important factors ensuring the numerical growth of the partisan movement on the territory of Belarus during the Great Patriotic War.

***Material and methods.** The information contained in the memoirs of the Head of the Belarusian Headquarters of the partisan movement P.Z. Kalinin, as well as documents of the National Archive of the Republic of Belarus was used in the article. Both general scientific and special historical methods were used in the course of work.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: IvitskyA@yandex.by – **А.М. Ивицкий**

Findings and their discussion. *The numerical growth of partisan detachments directly depended on material and technical supplies since the beginning of the war. Partisan formations had to restrict the admittance of recruits due to the shortage of weapons already in 1942. This led to both the emergence of the partisan reserve, and the emergence of a layer of under-armed or unarmed fighters in the formations of the national avengers. In the subsequent 1943 and 1944 the problem of the deficiency in armaments in partisan formations was not completely solved, which, in its turn, did not allow the arming and including of all volunteers in the detachments and brigades. However, even in conditions of the deficit of weapons and ammunition, by 1944 the guerrillas had become a force comparable in number and combat capability to those of the regular army.*

Conclusion. *It was determined in the course of the work that the organization of a full-scale material and technical supply of the national avengers was one of the most important conditions for the expansion of the scope of Partisan warfare, since timely provision of ammunition, weapons and equipment had a direct impact on the numerical growth and strengthening of the combat capabilities of partisan formations.*

Key words: *The Belarusian Headquarters of the partisan movement, material and technical supply, partisans, partisan reserve.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 91–96)

Партизанское движение, развернувшееся в годы Великой Отечественной войны на территории БССР, по праву считается одним из самых многочисленных среди всех советских республик. С начала войны вплоть до полного освобождения республики в партизанских отрядах сражались с оружием в руках, вели разведку и несли караульную службу, а также оказывали помощь, выполняя функции связных, занимались хозяйственными работами, сбором оружия и продовольствия 374 тыс. человек. Столь масштабное участие населения в борьбе с оккупантами является несомненным свидетельством не только высокого патриотического духа местных жителей, но и огромных усилий, затраченных партийными и советскими органами, спецслужбами, партизанским командованием и командованием Красной Армии для решения проблемы снабжения народных мстителей, ставшего одним из важнейших факторов, влиявших на их численный рост.

Цель статьи – дать оценку материально-техническому снабжению как одному из важнейших факторов, обеспечивавших численный рост партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Для написания работы использовались сведения, содержащиеся в мемуарах начальника Белорусского штаба партизанского движения П.З. Калинина, а также опубликованные документы по проблеме и материалы Национального архива Республики Беларусь. Методологической основой статьи являются принципы историзма, объективности и системности. Применялись общенаучные (анализ, сравнение, индукция, аналогия) и специально-исторические (историко-генетический, историко-типологический) методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Как свидетельствуют документы, проблема полноценного оснащения первых партизанских отрядов и групп оружием, боеприпасами и снаряжением возникла уже в первые месяцы войны. При этом наибольшие сложности в развертывании партизанской борьбы наблюдались в западных областях БССР, где из-за быстрого продвижения противника «не был продуман вопрос о том, кто ... должен ... остаться в тылу у врага для ... создания партизанских отрядов» [1, с. 401]. Поэтому организация первых отрядов народных мстителей в данном регионе осуществлялась преимущественно стихийно, а их руководителями являлись оказавшиеся на оккупированной территории офицеры и рядовые Красной Армии, отдельные работники партийных структур и просто сознательные граждане. Их деятельность усложнялась отсутствием заранее налаженной агентурной сети, настороженным отношением местных жителей, лишь недавно ставших гражданами Советского Союза, и, в немалой степени, отсутствием заранее подготовленных баз снабжения. В то же время партизаны восточных областей Беларуси могли опереться на существенную помощь военных, советских и партийных органов, а также органов государственной безопасности. Так, народные мстители не только обеспечивались оружием и продовольственными пайками, но и по указанию ЦК КП(б)Б в Витебской, Гомельской, Могилевской областях еще до подхода гитлеровцев для них были организованы базы с вооружением и продовольствием. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что большая часть из 231 партизанского отряда, приступившего к боевой работе по со-

стоянию на 1 августа 1941 г. (по данным ЦК КП(б)Б), действовала именно в восточных областях БССР [1, с. 433; 2, с. 14].

Однако партизаны оказались не готовыми к трудностям, с которыми они столкнулись в первый год войны. В итоге с 1 августа 1941 г. по 1 января 1942 г. численность народных мстителей сократилась с более чем 12 до приблизительно 10 тыс. бойцов [1, с. 433; 3, с. 96]. Причинами снижения количества партизан на территории БССР были не только активные действия оккупационной администрации по подавлению сопротивления, но и нехватка боевого опыта и знаний по тактике партизанских действий, а также отсутствие постоянной связи с советским тылом и надежных источников материально-технического снабжения. Так, в условиях ограниченности имевшихся боеприпасов и продовольствия жизнеспособность партизанских формирований во многом зависела от успешности решения проблемы снабжения, справиться с которой, к сожалению, удалось далеко не всем. Таким образом, под воздействием указанных причин личный состав многих избежавших разгрома отрядов, израсходовав имевшиеся боеприпасы, расходился по домам или оставлял занимаемые районы и уходил на соединение с войсками Красной Армии. Лишь наиболее стойкие и опытные командиры решались остаться в тылу, осуществляя самостоятельные попытки решить проблему снабжения за счет ресурсов, доступных на оккупированных территориях.

Ситуация стала меняться с декабря 1941 г. в связи с начавшимся наступлением Красной Армии под Москвой. Под влиянием успехов советских войск население, преодолев страх перед террором захватчиков, отказалось от пассивно выжидательной позиции, встав на путь борьбы с оккупантами. В результате в партизанские отряды начали массово вступать добровольцы. Так, отряд под командованием Иванова, действовавший в Могилевском и Шкловском районах Могилевской области, с 15 апреля по 1 июня 1942 г. вырос с 65 до более чем 120 человек [4]. Быстрыми темпами шло увеличение численности действовавшего в Минской области партизанского отряда под командованием Р.А. Дьякова. В марте 1942 г. отряд насчитывал всего 20 человек, в сентябре – 97, а на 31 октября, после реорганизации в бригаду «Железняк», – уже 330 [5]. Всего за 1942 г. численность народных мстителей выросла в 5,6–5,8 раза: с приблизительно 10000 до почти 56000–57700 человек [3, с. 96; 6; 7].

Однако выяснилось, что снабжение партизан вооружением как из источников, доступных на оккупированных территориях, так и из советского тыла не успевает за высокими темпами численного роста партизанского движения, поэтому было невозможно вооружить всех желающих вступить в отряды. Тем не менее прием новобранцев был продолжен, что привело к появлению в партизанских формированиях значительной прослойки недостаточно вооруженных (оснащались только пистолетами или другими видами личного оружия) или вовсе безоружных людей, которые были задействованы, в первую очередь, для несения караульной службы и в хозяйственных работах. К ним можно отнести обозных, поваров и работников кухни, медицинский персонал, работников мастерских и т.д.

Анализ данных личного состава и вооружения 29 партизанских бригад и отрядов показал, что в июне-июле 1942 г. количество невооруженных или недостаточно вооруженных бойцов находилось в пределах от 17 до 20%[1] [8]. В то же время факты свидетельствуют о том, что в отдельных регионах и отрядах ситуация с вооружением была еще более сложной. Так, командир партизанского отряда № 752 В.И. Ливенцев сообщал в Центральный штаб партизанского движения, что в декабре 1942 г. в Бобруйском районе во многих партизанских отрядах безоружные составляли 30 и более процентов [9, с. 202]. В 1-й Белорусской партизанской бригаде в конце июня 1942 г. от 43% до 50% бойцов не имели оружия. В начале августа в трех отрядах, действовавших в Бегомльском районе под общим командованием Кузина и комиссара С.С. Манковича, 92 единицы стрелкового оружия приходились на 196 партизан [8, л. 1, 12]. По состоянию на конец сентября – начало октября 1942 г. в партизанском отряде Петрова, действовавшем в Вилейской области, невооруженными или недостаточно вооруженными числились около 30% личного состава [10]. Наличие в партизанских подразделениях невооруженных бойцов снижало боевые возмож-

[1] Погрешности в результатах, полученных во время работы с документами, были вызваны сложностями учета отдельных видов вооружения. Например, пистолет в регулярной армии обычно выдавался в дополнение к основному оружию, но в отрядах народных мстителей он зачастую мог являться единственным вооружением партизан.

ности отрядов и бригад. Так, по данным Белорусского штаба партизанского движения (далее БШПД), зимой 1942 г. бригада «Железняк», действовавшая в Бегомльском районе Минской области, из-за нехватки оружия «крупных операций проводить не может, а большее время тратит на поиски боеприпасов и вооружения» [5, л. 74 об.]. В итоге к концу 1942 г. в отдельных районах партизанские отряды стали принимать новобранцев только при наличии у последних оружия, а то и вовсе прекращали прием добровольцев [10, л. 2–2 об.]. Подобными мерами партизанские командиры стремились сохранить боеспособность партизанских формирований и не допустить их превращения в некое подобие семейных лагерей.

Именно в связи с отсутствием возможности вооружить всех желающих вступить в отряды партизаны приступили к созданию партизанского резерва. Виды его организационного оформления варьировались от неорганизованной массы людей, проживавших у себя дома, но готовых вступить в ряды народных мстителей, до специально созданных в партизанских бригадах групп и отрядов, а также рот, взводов и дружин, состоящих из невооруженных резервистов. На территории БССР партизанские резервы ограниченно начали возникать еще в период лета-осени 1941 г. – зимы 1941–1942 гг., однако наиболее активно народные мстители приступили к организации резервных структур в рамках партизанских формирований во второй половине 1942 г. [11, с. 483]. Огромное влияние на этот процесс оказал приказ Народного комиссара обороны И.В. Сталина № 00189 от 05.09.1942 г. «О задачах партизанского движения», поставивший задачу «...создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды» [12]. На резервные группы и отряды возлагалась задача по набору и первоначальному обучению новобранцев тактике и методам партизанской борьбы, а также владению оружием. По мере завершения обучения и появления оружия бойцов резервных формирований вооружали и включали в состав боевых подразделений.

Начиная с весны 1943 г., благодаря активизировавшейся работе советской военно-транспортной авиации, улучшилось обеспечение партизанских формирований оружием и боеприпасами. Это позволило вооружить и включить в отряды новых бойцов, что обеспечило достаточно высокие показатели роста численности народных мстителей, составивших в среднем за год, по проведенным нами подсчетам, около 8 тыс. человек в месяц[2] [6, л. 8–8 об.; 7, л. 9, 73; 13]. При этом наиболее интенсивный рост численности партизанских формирований происходил в конце лета – осенью 1943 г. Этому способствовали как успехи Красной Армии в битве под Курском, так и активизировавшиеся поставки грузов с «Большой земли», достигшие в этот период своего максимального за год значения. Так, за август, сентябрь и октябрь 1943 г. только авиация дальнего действия произвела 289 успешных самолетовылетов, что составило более 46% от общего количества успешных вылетов, совершенных за период с 1 января по 20 декабря 1943 г.[3] [14]. В итоге за период с 30 июля по 20 октября 1943 г. количество народных мстителей в отрядах и бригадах увеличилось на 25422 человека [7, л. 13, 33]. Однако уже осенью 1943 г. на рост численности белорусских партизан повлияло приближение линии фронта к границам БССР, вследствие чего начался их массовый выход в советский тыл. В результате только за период с 01.10.1943 по 01.01.1944 г. в составе партизанских формирований за линию фронта вышло 30800 человек [13, л. 15]. Однако, несмотря на это, численность народных мстителей за 1943 г. выросла в 2,7 раза [15, с. 497].

В то же время, несмотря на достигнутые в 1943 г. успехи в организации снабжения, количество невооруженных и недостаточно вооруженных бойцов в партизанских отрядах продолжало оставаться существенным. Так, по данным БШПД, на 01.07.1943 г. в Гомельском партизанском соединении под командованием И.П. Кожара не менее 18% партизан были недостаточно вооружены или вовсе не имели оружия. По состоянию на 01.08.1943 г. в Полесской области этот показатель составил не менее 30–37% [7, л. 27–30]. Осенью 1943 г. только в восьми бригадах, действовавших в районе Селявщинского сельского Совета Россонско-Освейской партизанской зоны (в документе – Селявщинской зоны), общей численностью 6560 человек невооружен-

[2] С учетом партизан, впоследствии вышедших в советский тыл.

[3] Учет велся в вылетах самолетов Ли-2 с загрузкой в 1 т. При этом вылеты самолетов СИ-47 засчитывались за два, по тоннажу их загрузки.

ные составляли более 16% [16]. В ноябре 1943 г. из 1866 бойцов военно-оперативной группы при Могилевском подпольном районном комитете КП(б)Б не имели достаточного вооружения от 28 до 33% личного состава[4] [17]. В том же месяце в партизанских отрядах, действовавших в Полоцком, Ушачском, Лепельском, Чашникском, Бегомльском районах, а также районах Шарковщизны, Орша–Сенно–Толочин и озера Нарочь, нехватка оружия наблюдалась у не менее чем 27% бойцов [18]. В свою очередь, нехватка вооружения привела к расширению рядов партизанского резерва, который вплоть до конца ноября – декабря 1943 г. превосходил по численности личный состав боевых подразделений в партизанских формированиях [7, л. 9, 44].

Зимой-весной 1944 г. проблемы, возникшие с доставкой грузов авиатранспортными подразделениями Красной Армии, а также выход в советский тыл многих партизанских отрядов и бригад из восточных районов БССР сказались на динамике численности партизанского движения. В отдельных районах даже наблюдалось снижение численности личного состава формирований народных мстителей под влиянием эпидемии тифа, карательных операций противника и других факторов. В результате с 1 января по 1 июля 1944 г. количество народных мстителей на территории Беларуси увеличилось лишь приблизительно на 21 тыс. бойцов: с 122688 до 143631 человека [7, л. 9, 82]. Однако одновременно с численным ростом партизанского движения происходило и увеличение количества невооруженных бойцов. Можно предположить, что это было связано с попыткой спасти мирное население от масштабных карательных операций, развернутых противником для защиты от партизан своих тыловых коммуникаций. Партийное руководство и советское командование разрешили максимально расширить численность народных мстителей, даже за счет включения в их число невооруженных резервистов. К примеру, весной 1944 г. постановлением Белостокского подпольного обкома КП(б)Б разрешалось «...иметь три бойца на одну винтовку и не менее 5 чел. на один пулемет», а «...в каждом отряде и бригаде допустить наличие до 30–40% невооруженных партизан» [19, с. 73]. В результате, по проведенным нами подсчетам, основанным на документах партизанских отрядов за период с января по май 1944 г., в среднем в это время количество невооруженных партизан в отрядах и бригадах Вилейской и Минской областей, Полоцко-Лепельской, Ушачской и Борисовской зон составляло около 29–35% [10, л. 212–239; 16, л. 59, 62–62 об., 81, 138; 20]. Основываясь на этих результатах, можно предположить, что и в остальных регионах Беларуси количество невооруженного личного состава примерно соответствовало полученным данным.

Всего, по приведенным начальником БШПД П.З. Калининым данным, в партизанском движении за время войны участвовало 374 тыс. человек, из них 283 тыс. находилось непосредственно в боевых подразделениях, еще 91 тыс. партизан охраняла деревни и семейные лагеря, выполняла обязанности связных, обеспечивала снабжение и т.д. [11, с. 14; 21, с. 357]. Однако, несмотря на широкое участие населения в борьбе с врагом, из-за нехватки вооружения и боеприпасов мобилизационные возможности белорусских партизанских формирований не были до конца исчерпаны. Так, по данным на 1 июля 1944 г., в партизанском резерве числилось еще 123 тыс. человек, готовых по первому зову вступить в ряды народных мстителей и не принятых только из-за отсутствия необходимого для их оснащения оружия [7, л. 82].

Заключение. С момента возникновения первых партизанских отрядов (лето 1941 г.) их численный рост напрямую зависел от успешности решения проблемы организации материально-технического снабжения. Особенно ярко эта тенденция проявилась в 1942 г., когда из-за нехватки вооружения партизанские формирования впервые были вынуждены ограничить прием новобранцев, включая в отряды только принесших с собой оружие. Необеспеченные вооружением добровольцы либо приписывались к партизанскому резерву и отправлялись по домам, либо включались в отряды в качестве обслуживающего персонала или бойцов резервных подразделений. В результате с 1942 г. в партизанских отрядах возникла прослойка недостаточно вооруженных или вовсе невооруженных бойцов, численность которых из года в год только увеличивалась. В последующих 1943 и 1944 гг. проблему дефицита вооружения в партизанских формированиях полностью решить не удалось. В итоге нехватка оружия не позволила вооружить и включить

[4] Без учета пистолетов иностранного производства и револьверов системы Нагана.

в состав отрядов и бригад многочисленный партизанский резерв, а также привела к увеличению численности необеспеченных оружием партизан в боевых подразделениях народных мстителей. Таким образом, отставание темпов роста объемов материально-технического снабжения от темпов расширения мобилизационного потенциала партизанского движения стало одним из важнейших факторов, замедливших увеличение численности личного состава белорусских партизанских формирований. Однако, даже находясь в условиях постоянного дефицита вооружения и боеприпасов, к моменту освобождения Беларуси партизаны превратились в силу, по численности и боевым возможностям сравнимую с подразделениями регулярной армии.

Литература

1. 1941 год. Страна в огне: ист.-докум. изд.: в 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории [и др.]; редкол.: А.А. Коваленя, В.А. Смолий, А.О. Чубарьян. – М.: Олма Медиа Групп, 2011. – Кн. 2: Документы и материалы. – 717 с.
2. Якубовский, Н.А. Помощь советского тыла партизанам: материально-техническое обеспечение / Н.А. Якубовский. – Минск: Беларусь, 1973. – 204 с.
3. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А.М. Литвин [и др.]; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 495 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1263. – Л. 104.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1262. – Л. 74.
6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 8–8 об.
7. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1059. – Л. 73.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1268. – Л. 1–7.
9. Памяць: Бабруйскі раён: гіст.-дакум. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; рэд.-склад. У.А. Салановіч. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1998. – 604 с.
10. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 68. – Л. 160.
11. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыклапедыя / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1990. – 679 с.
12. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 173. – Л. 1 об.
13. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1007. – Л. 15.
14. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 930. – Л. 87–90.
15. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Соврем. шк.: Экоперспектива, 2000–2011. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэд. тома М. Касцюк. – 2006. – 615 с.
16. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 901. – Л. 6.
17. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 117. – Л. 7–7 об.
18. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 87.
19. Черепица, В. Уходили в поход на врага: партизанская бригада имени Кастуся Калиновского в 1943–1944 гг. (по документам и материалам архива начальника штаба С.В. Чудинова) / В. Черепица. – Гродно: Гродн. тип., 2012. – 479 с.
20. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 158. – Л. 84–188, 220.
21. Калинин, П.З. Партизанская республика / П.З. Калинин. – Минск: Беларусь, 1973. – 368 с.

Поступила в редакцию 12.05.2017 г.

УДК 1(091):929(470)«18/190»:1(091)(430)

История немецкой философии в трудах П.В. Тихомирова (по материалам «Богословского вестника»)

Затовский Б.О.
Учреждение образования «Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова», Одесса (Украина)

В начале XX в. российские и немецкие философы стремились к переосмыслению философских учений предшествующих поколений. Они обратились к изучению и популяризации достижений философской мысли. Наибольшее влияние на развитие российской философии оказала немецкая философская традиция. Труды немецких философов оказывали также влияние на общественную мысль Российской империи. Философы и богословы России на страницах «Богословского вестника» и других изданий активно рассматривали основные направления и достижения немецкой философии. В этом плане интересна и познавательна позиция светского ученого, тесно связанного в силу своей профессиональной деятельности с церковными кругами, Павла Васильевича Тихомирова.

Цель исследования – на основе опубликованных в «Богословском вестнике» статей проанализировать оценку Павлом Васильевичем Тихомироввм немецкой философии XVIII–XIX вв.

***Материал и методы.** Работа написана на основе публикаций П.В. Тихомирова в «Богословском вестнике», посвященных немецкой философии. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, системности, объективности и метод контент-анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** На мировоззрение П.В. Тихомирова, и в дальнейшем на становление его как светского ученого, значительное влияние оказала немецкая философия. П.В. Тихомиров считал, что главной особенностью развития немецкой философской мысли в начале XX в. была ее свобода. «Академическая свобода», как считал П.В. Тихомиров, имела два положения: «свободу преподавания» и «свободу учения». Он указывал, что влияние «академической свободы» на развитие немецкой философии конца XIX – начала XX в. было двойным: оно простиралось 1) на выработку философских воззрений или создание философских систем и 2) на их распространение. По его мнению, немецкой философии по преимуществу подходит название «школьная философия», чего нельзя сказать ни об английской, ни о французской философии. Рассматривая юбилейные даты жизни философов, П.В. Тихомиров определял основные тенденции развития немецкой философии. Он считал, что стремление к абсолютной истине сделало историю философии настоящей ареной, на которой может во всей полноте раскрыться истинная сущность этой науки.*

***Заключение.** П.В. Тихомиров на страницах «Богословского вестника» активно изучал основные направления развития немецкой философии. Он рассматривал не только учения представителей немецкой философии, но и определял методологию и принципы, на которых базировалось их мировоззрение. Обучение в Тульской духовной семинарии и Московской духовной академии определило занятие П.В. Тихомирова религиозной философией. Религия была одним из основных направлений в его творчестве. Однако изучение П.В. Тихомировым немецкой философии способствовало формированию его как светского ученого.*

***Ключевые слова:** немецкая философия, университет, журнал, командировка, Германия, методология.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 97–104)

History of German Philosophy in P.V. Tikhomirov's Research Papers (Based on «Bogoslovski Vestnik» («Theological Journal»))

Zatovsky B.O.
Educational Establishment «Odessa I.I. Mechnikov National University», Odessa (Ukraine)

At the beginning of the 20th century Russian and German philosophers were longing for the reconsideration of the doctrines of the previous generations. They appealed to studying and popularizing the achievements of the philosophical thought. The biggest impact on the development of Russian philosophy belonged to German philosophical tradition. The

Адрес для корреспонденции: e-mail: bodya@newmail.ru – **Б.О. Затовский**

works of German philosophers were popular among Russian scientists. Besides, their doctrines had a great influence on public thought and opinion of the Russian Empire. Russian philosophers and theologians researched and described actively in their articles in the «Богословский вестник» and other editions the main branches and achievements of German philosophy. In this respect, the point of view of Russian secular scientist, P.V. Tihomirov, who was tightly connected with the ecclesiastical society, is of great interest and importance.

Purpose of the article – to analyze P.V. Tihomirov's assessment of German philosophy of 18th–19th centuries based on the articles of the «Богословский вестник».

***Material and methods.** The paper is based on P.V. Tihomirov's articles in the «Богословский вестник», which are devoted to German philosophy. The methodological background of the research is made up of historical method, system analysis, objectivity, and the method of context analysis.*

***Findings and their discussions.** German philosophy had a great impact not only on P.V. Tihomirov's world-view, but on his becoming a secular scientist as well. P.V. Tihomirov believed that the main peculiar feature of the development of German philosophy at the beginning of the 20th century was its freedom. «Academic freedom», as P.V. Tihomirov thought, had two main aspects: «the freedom of teaching» and «the freedom of learning». He mentioned that the influence of «academic freedom» on the development of German philosophy of the end of 19th – the beginning of 20th century had two sides: it influenced 1) the process of working out philosophical doctrines and the development of philosophical systems; and 2) their dissemination. In his opinion, German philosophy mainly could be called «school philosophy», while this term couldn't be used dealing with French or English philosophies. Investigating the main ideas of different philosophers P.V. Tihomirov determined the main trends in the development of German philosophy. He believed that striving for the absolute truth made the history of philosophy a real field of action, where the very essence of the philosophy could be shown completely.*

***Conclusion.** In the «Богословский вестник» P.V. Tihomirov actively studied the main branches of German philosophy. He researched not only the doctrines of the representatives of German philosophy, but he also defined the methodology and the principles, on which their world-view was based. His studying at the theological seminary in Tula, followed by studying at Moscow theological academy, determined his wish to devote his life to religious philosophy. Religion was one of the main spheres in his creative work. However, P.V. Tihomirov's studying of German philosophy enabled him to become a secular scientist.*

***Key words:** German philosophy, university, journal, assignment, Germany, methodology.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 97–104)

Российский журнал «Богословский вестник» в 1892–1918 гг. проявил глубокий интерес к истории развития европейской философской мысли. Рассмотрение данной темы позволяет выявить эволюцию философских взглядов российских философов и богословов на основе их публикаций. Наибольшее влияние на развитие российской философии оказала немецкая философская традиция. Труды немецких философов оказывали также влияние на общественную мысль Российской империи. Философы и богословы России на страницах «Богословского вестника» и других изданий активно рассматривали основные направления и достижения немецкой философии. В этом плане интересна и познавательна позиция светского ученого, тесно связанного в силу своей профессиональной деятельности с церковными кругами, Павла Васильевича Тихомирова.

Биография и научная деятельность Павла Васильевича Тихомирова проанализирована в российской и украинской историографии. В украинской исторической науке он известен как преподаватель Киевского Императорского университета святого Владимира и Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. В конце XIX – начале XX в. он был преподавателем Московской духовной академии, а затем в Московском университете.

Хотя российские журналы начала XX века в настоящее время нередко используются для освещения вопросов внутренней и внешней политики европейских государств, журналы религиозного характера и ведомственные периодические издания только начинают изучаться. Поэтому привлечение подобных источников дает возможность изучить эволюцию философских взглядов российских философов и богословов на материалах их публикаций.

П.В. Тихомиров был активным проводником знаний по истории немецкой философии в научных кругах Российской империи. Он родился 3 января 1868 г. в Тульской губернии в семье священника. Окончил Тульскую духовную семинарию, а затем, в 1893 г., и Московскую духовную академию. В ней он был оставлен при кафедре еврейского языка и библейской археологии для подготовки к профессорскому званию. Посещал лекции по естественным наукам в Московском университете. Параллельно в 1897 г. был переведен на кафедру философии Московской духовной академии, на которой находился до сентября 1906 г. С осени 1905 г. П.В. Тихомиров – приват-доцент кафедры философии в Московском университете.

Российские ученые проанализировали главным образом период его работы в Московской духовной академии и зарубеж-

ных университетах. Статья Р.К. Лесаева «Выпускники Тульской духовной семинарии П.В. Тихомиров и С.С. Глаголев в зарубежных научных командировках (конец XIX – начало XX в.)», изданная в 2012 г., посвящена командировке П.В. Тихомирова в немецкие университеты в 1903–1904 учебном году [1]. В ней также было рассмотрено влияние немецкой философской мысли на П.В. Тихомирова. В период деятельности в Московской духовной академии П.В. Тихомиров стремился изучить методы и приемы преподавания, научные традиции.

Научная деятельность П.В. Тихомирова после его ухода из Московской духовной академии была подробно исследована в украинской историографии. Это связано с тем, что в 1906–1922 гг. он преподавал в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине, где, поочередно занимая должности экстраординарного и ординарного профессора философии, читал курсы по логике, истории философии, психологии. Одновременно преподавал философские курсы в различных учебных заведениях Киева, в том числе в университете святого Владимира в 1907–1918 гг. В дальнейшем в 1922 г. он переехал в Одессу, где небольшой период времени работал профессором и деканом (сентябрь – 13 октября 1922 г.) факультета социального воспитания Одесского института народного образования. После этого он уехал из Одессы. О дальнейшей его биографии информация отсутствует. Но известно, что он был осужден в Харькове 25 августа 1937 г. к высшей мере наказания.

Про этот период его биографии свидетельствует ряд публикаций. В статьях Д. Гордиенко «Гурток шанувальників класичної філології при Історико-філологічному інституті князя Безбородька в Ніжині» [2], П.П. Моцияка «П.В. Тихомиров: останній директор і перший ректор Ніжинської вищої школи» [3] освещаются годы преподавания П.В. Тихомирова в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине.

В исследованиях И. Валявко «Історія кафедри філософії Університету св. Володимира в контексті європейської інтелектуальної традиції» [4], И.В. Хоменко «Логика в киевской академической и университетской философии XIX – начала XX в.» [5] и Н.Г. Филиппенко «Киевское религиозно-философское общество (1908–1919): неизвестные страницы истории. Организация, люди, судьба (по материалам архивов и дореволюционной периодики)» [6] была рассмотрена преподавательская и научная деятельность П.В. Тихомирова в Киевском Императорском университете святого Владимира.

В работах И.П. Печеранського «Історіографія історії філософії в контексті вітчизняної “академічної” філософії 2 половини XIX – початку XX ст. (П. Тихомиров, С. Гогоцький і Е. Радлов)» [7] и «Павло Тихомиров про психологічний аспект історико-філософського дослідження» [8] изучены вопросы, посвященные философскому мировоззрению П.В. Тихомирова и его научной методологии.

Период его научной деятельности после прихода к власти большевиков был изложен в статьях С.Ю. Зозули «К вопросу развития системы научных учреждений в Советской Украине в 1920-х гг.: создание научно-исследовательской кафедры в Нежине» [9] и В.В. Левченко «Ротація професорсько-викладацького складу з гуманітарних дисциплін в Одеському інституті народної освіти» [10].

Цель исследования – на основе опубликованных в «Богословском вестнике» статей проанализировать оценку Павлом Васильевичем Тихомировым немецкой философии XVIII–XIX вв.

Материал и методы. Работа написана на основе публикаций П.В. Тихомирова в «Богословском вестнике», посвященных немецкой философии. Это духовный журнал, издаваемый с 1892 г. при Московской духовной академии, в котором публиковались материалы по богословию, в том числе и сведения о развитии философской мысли. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, системности, объективности и метод контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. На мировоззрение П.В. Тихомирова, и в дальнейшем на становление его как светского ученого, значительное влияние оказала немецкая философия. Он ей заинтересовался еще до поездки в немецкие университеты. В 1899 г. П.В. Тихомиров писал, что под философией он понимает научное исследование общих вопросов миропознания и мировоззрения [11, с. 60]. Ученый указывал на то, что это определение относится к сформулированному немецким философом-идеалистом В. Виндельбандом в своей работе «История философии», изданной в 1892 г., понятию [12, с. 11].

В конце XIX – начале XX в. научные зарубежные командировки преподавателей

российских учебных заведений были одним из стимулов для развития российской философской мысли. В 1903–1904 учебном году П.В. Тихомиров совершил поездку в Германию. Он посетил лекции и семинары по философии в университетах Берлина, Лейпцига и Галле [1, с. 101]. П.В. Тихомиров изучал учебно-методические вопросы немецкой философии. На лекциях немецких профессоров обращал внимание на мастерство в обработке научного материала.

В мае 1905 г. он опубликовал в «Богословском вестнике» статью «Академическая свобода и развитие философии в Германии» о результатах своей поездки. Он сравнивал позиции различных авторов о сущности самой философии, ее положение в немецких университетах, устанавливал различия во взглядах философов, указывал на их ошибки.

По мнению П.В. Тихомирова, главной особенностью развития немецкой философской мысли в начале XX в. была ее свобода. Он писал, что почти все немецкие философы – люди с университетским образованием, из них большинство – университетские преподаватели. По его убеждению, немецкой философии по преимуществу подходит название «школьной философии», чего нельзя сказать ни об английской, ни о французской философии. Этому не препятствовало даже то обстоятельство, что некоторые крупные немецкие философы, например, И. Кант, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, были противниками «школьной» философии. Традиция и жизненный уклад немецкой школы (университета) образовывали ту плодоносную почву, на которой расцветала философия [13, с. 67].

«Академическая свобода», как считал П.В. Тихомиров, имела два положения: «свободу преподавания» и «свободу учения». Главной ее особенностью было предоставление возможности проводить те или иные идеи в области преподаваемой науки [1, с. 101]. П.В. Тихомиров писал, что в Германии в начале XX в. профессор при назначении на службу получал право преподавания определенного круга наук; но то, как он воспользуется этим правом, это было почти исключительно его личное дело: он вполне самостоятельно определял те курсы, какие он собирался читать. Обыкновенно считалось обязательным, чтобы профессор читал в семестр два курса, один публичный и другой приватный; но и эта обязанность, заключал П.В. Тихомиров, была далеко не безусловной, а скорее – только обычаем. Какого-либо контроля над деятельностью профессора, ревизии его, отчетности с его стороны и т.п. тоже не было [13, с. 72].

«Академическая свобода» в начале XX столетия в Германии предусматривала признаваемое право профессора оставаться на занимаемой им кафедре, сколько ему будет необходимо. У руководства, таким образом, не оставалось возможности оказывать давление на профессора [13, с. 72].

Другой важной особенностью «академической свободы», по мнению П.В. Тихомирова, была «свобода учения» – право учиться, где угодно, чему угодно и у кого угодно. Принятый в университет студент обязывался избрать факультет и записаться на один приватный (платный) курс; публичных (бесплатных) курсов он мог записать себе сколько угодно, по своему усмотрению, мог ограничиться даже только одним. Этим все его обязательства и исчерпывались [13, с. 73].

По поводу учебной программы в немецких университетах в начале XX в. ученый писал, что «в том и другом случае они избирают себе известный, довольно значительный, круг наук (гораздо меньший, однако-же, чем обязательно изучаемый нашими студентами – в университетах и, например, в нашей академии) и занимаются ими, сообразно с преследуемой целью, довольно усердно: посещают лекции, участвуют в семинарах (практические занятия), пишут рефераты, готовятся к прениям, работают в лабораториях и т.п. Подбор такого или иного круга наук всецело предоставляется вкусам и интересу самих учащихся» [13, с. 74].

Понятие «академической свободы» студента не ограничивалось только свободой учения. Немецкое студенчество в начале XX в. было свободно и во внеучебное время. Никаких прямо воспитательных целей со стороны университета не было [13, с. 75].

П.В. Тихомиров указывал, что влияние «академической свободы» на развитие немецкой философии конца XIX – начала XX в. было двойным: оно простиралось 1) на выработку философских воззрений или на создание философских систем и 2) на их распространение [13, с. 77]. Он считал, что принятый в немецких университетах порядок изучения наук, предусматривавший отсутствие каких-либо обязательных программ, курсов, экзаменов и пр., дал возможность более качествен-

но студентам овладевать своей специальностью. Строй университетской жизни в Германии в начале XX в. обусловил самое разностороннее взаимодействие между лицами, так или иначе принадлежащими к университету [13, с. 82].

По мнению П.В Тихомирова, приват-доцентура – это прямое порождение академической свободы. Рассуждая о ее значении, он привел позицию по данному вопросу немецкого философа профессора Ф. Паульсена, который писал, что «благодаря приват-доцентам академическая карьера в большей степени, чем всякий другой род службы, запечатлена характером свободной профессии» [13, с. 92].

Исследуя учения немецких философов, он показывал важность для ученых кругов Германии обращения к философам XVIII–XIX вв., считал, что актуальность учений этих философов не потеряла своего значения и в начале XX в.

Рассматривая юбилейные даты жизни философов, П.В. Тихомиров определял основные тенденции развития немецкой философии. В 1904–1905 гг. в Германии отмечались 100-летние юбилеи со дня смерти двух немецких философов И. Канта и Ф. Шиллера [14; 15]. П.В. Тихомиров опубликовал статьи, посвященные их деятельности. Он писал, что в немецких университетах проводились мероприятия, посвященные Кантовским торжествам. По инициативе Галльского университета было основано международное Кантовское общество [16, с. 317]. Также П.В. Тихомиров опубликовал статью, посвященную юношеским идеалам Ф. Шиллера. Он писал, что его юбилей торжественно отпраздновали в крупных центрах Германии и других стран. Тем самым его помнили и ценили в начале XX в. не только как одного из величайших художников, но и как философа и вместе с тем пламенного борца за идеалы свободы, за права личности [15, с. 279]. Анализируя деятельность этих немецких философов, он также рассматривал современные тенденции в их исследованиях в Германии.

Размышляя о значении истории философии, П.В. Тихомиров противопоставил точки зрения двух известных философов, живших в разное время, – Р. Декарта и К. Фишера. Он указывал, что отец новой философии Р. Декарт не придавал никакого значения изучению истории философии. По его мнению, причиной этого было то, что «позади Р. Декарта, в прошлом, лежало то, от чего скрылся его свободолюбивый и горячо преданный истине дух» [11, с. 57]. Его интересовало изучение схоластики средневековья. В противовес ему П.В. Тихомиров приводит позицию известного немецкого историка философии К. Фишера, который в своих многочисленных трудах настойчиво проводил мысль о том, что «история философии включает в себя сущность философии» [11, с. 57].

Автор публикации считал, что К. Фишер в двухсотлетнем прошлом новой философии видел рост и изменение больших систем, которые, уступая место друг другу, однако не умирали, а продолжали жить в том непрерывном влиянии, которое они оказывали и оказывают на всех новейших мыслителей. Как указывал П.В. Тихомиров, «целостный образ настоящей философии, по мнению К. Фишера, раскрывался только ее историей» [11, с. 58]. По его мнению, это было связано с тем, что в прошлом были вдохновляющие этого философа образы великих мыслителей.

П.В. Тихомиров считал, что стремление к абсолютной истине сделало историю философии настоящей ареной, на которой может во всей полноте раскрыться истинная сущность философии. Размышляя об истории философии, он привел слова немецкого философа Г. Фалькенберга, который писал в своей работе «История новой философии», что «каждый философ видит только часть мира и смотрит на нее своими глазами и поэтому любая система односторонняя. Именно благодаря многочисленности и разнообразию философских систем может достаточно хорошо достигаться цель философии – то есть всестороннее познание большой картины мира и духа. История философии является философией человечества, большого индивидуума, более дальнозоркого, чем органы, с помощью которых он действует, способного одновременно осмыслить вещи одна другой противоположные, примирять противоречия и открывать новые и стремиться, в необходимом и надежном развитии познания, на встречу всеобъемлющей истины, которую нельзя мыслить бедной и разделенной на несовместимые части» [17, с. 224–225].

История философии в научной работе XIX в. получила такое распространение и такое значение, которых не было ранее. Интерес к ней начался накануне самого продуктивного философского развития в Германии. По мнению П.В. Тихомирова, принципиальным идеалом «романтики», которая была распространена в немецкой философской

мысли, было глубокое осмысление достижений прошлых поколений и на основе этого создание нового [18, с. 647].

Он отмечал, что первым, кто начал активно обращаться к истории философии, был немецкий философ Ф. Шлеермахер, который своими классическими трудами по переводу Платона и вообще исследованиями по античной философии показал важность ее изучения. Написанные впоследствии труды Х.Д. Бека открыли целую серию работ, посвященных древней философии. Но, по мнению автора, наиболее способствовало установлению отношений между системой и историей философии учение немецкого философа Ф. Гегеля. Он видел в философских доктринах, которые исторически сменяли друг друга, шаги постепенного приближения к истинной системе [18, с. 648].

В «Богословском вестнике» П.В. Тихомиров указывал, что Ф. Гегель стремился в своей «Логике» развить такую же систему категорий, которую представляет собой историческое развитие философских принципов. По его мнению, Ф. Гегель в разработке своего учения пошел дальше, чем следовало – утверждая, что история философии сама должна быть философской наукой. В своей «Логике», в интересах своей системы, он давал довольно сомнительные объяснения фактическим отношениям исторически известных доктрин. Но, несмотря на это, сама мысль Ф. Гегеля о широком использовании истории философии в целях философской системы не должна игнорироваться [18, с. 648].

П.В. Тихомиров писал, что ошибки Ф. Гегеля были исправлены его известными учениками, Э. Целлером, И.Е. Эрдманном и К. Фишером. Их поправки состояли в том, что отводилась значительная роль задачам точного, которое использует все средства критики, установления исторических фактов. Однако, как считал автор, предоставляя главное место эмпиризму, свою основную цель философия не может ограничивать только в историческом знании. Он писал, что можно подробно изучать математику, физику или химию, не зная историю этих наук, и никакого вреда это не несет для их понимания. Но мало кто так утверждал по отношению к философии. По мнению П.В. Тихомирова, это связано с тем, что история предостерегает от неправильных путей, и это справедливо и по отношению к другим наукам, по примеру философии [18, с. 648].

Как отмечалось в «Богословском вестнике», некоторые авторы справедливо указывали на то, что философия является личным делом мыслителя, и углубление в мир идей великих философов прошлого может для конгениального философа поздней эпохи иметь положительное значение. П.В. Тихомиров указывал, что этой проблеме посвящена монография Р. Эйкена «Мировоззрение крупных мыслителей», которая была издана в 1904 г. [18, с. 649]. Но, как писалось в журнале, это не создает принципиальной разницы между философией и другими науками, ибо великими мыслителями могут восхищаться представители разных наук, не только философии [18, с. 649].

П.В. Тихомиров говорил, что К. Фишер во вступлении к своей «Истории новой философии» определял философию как самопознание человеческого духа и утверждал, что она, подобно ему, подлежит развитию в истории. Он считал, что этот взгляд коренится в кантовском новом понятии о философии, согласно которому задачу философии составляло не метафизическое соревнование с другими науками, не долговая система в них; она имеет свою собственную сферу в критическом исследовании ума и его нормативных определений. П.В. Тихомиров подчеркивал, что предметом философии не является человеческий разум, им выступает мировой разум [19, с. 128].

Он отмечал, что методология всегда получает мотивы для своей разработки от меняющегося развития отдельных наук, от усиления или ослабления тех или иных научных интересов. Поэтому и в логике поочередно обращалось наибольшее внимание на разработку методов: математического, индуктивно-естественного, психологического, историко-диалектического, эволюционного. В конце концов в этом отношении определились два превосходящих интереса: естественнонаучный и исторический. Преобладание это несомненно сказалось и на философии [18, с. 626].

По мнению П.В. Тихомирова, подчеркивание методологической стороны логики соответствовало общему состоянию науки в последние десятилетия XIX в., когда философия всячески стремилась развиваться в возможной тесной связи с опытными науками. Он писал, что «никогда не было так много ученых, которые, начав работами по своей специальной науке, все больше и больше склонялись-бы в общих вопросах, то есть к философии. Математики и физи-

ки, физиологи и биологи, историки и психологи пережили этот процесс» [18, с. 626]. Подобная интеллектуальная эволюция почти неизбежно приводила каждого мыслителя к вопросам гносеологии и к философскому осмыслению методологий специальных наук. По свидетельству П.В. Тихомирова, в логике крупнейшим выразителем этого движения был В. Вундт [18, с. 626].

П.В. Тихомиров проанализировал сущность учения о категориях и считал, что они – это единственная синтетическая форма, в которых только предметы могут быть мыслимые и, следовательно, узнаваемые [18, с. 630]. В «Богословском вестнике» П.В. Тихомиров отмечал, что книга немецкого философа Э. Гартмана «Kategorienlehre», изданная в 1896 г., относится к числу значительных явлений в философской литературе после Ф. Гегеля; но она, в конце концов, опирается на метафизические предположения. Система же категорий должна основываться на чисто логических принципах [18, с. 630].

В выпуске «Богословского вестника» за май 1896 г. П.В. Тихомировым был проведен обзор новостей западной философской литературы, в котором он проанализировал монографию немецкого философа Ф. Кирхнера, изданную в 1890 г. П.В. Тихомиров утверждал, что данная работа принадлежала к большой серии «катехизисов» по разным наукам, выданных лейпцигским книжным издательством Вебера, которые имели целью широчайшую популяризацию научных знаний [20, с. 323].

Ф. Кирхнер пытался соединить «общедоступность изложения с научной основательностью», не обходя ни одного трудного вопроса и только избегая схоластического формализма. Он ссылался на новые научные труды по предмету (А. Тренделенбург, Р.Г. Лотце, Х. Зигварт, В. Вундт, Э. Навилль и т.д.). При этом Ф. Кирхнер не игнорировал и прежних достижений (Аристотель, схоластики, Г.В. Лейбниц, И. Кант и т.д.) [20, с. 323].

Вместе с тем П.В. Тихомиров критически объяснял менее основательные претензии автора на новизну и самостоятельность в решении по таким вопросам, как «разногласия понятие от логического представления о категории, о различии противоположных и противоречивых понятий; о суждениях аналитических, синтетических, априорных и апостериорных и т.д.» [20, с. 323–324].

П.В. Тихомиров приводит и близкую по тематике к монографии Ф. Кирхнера работу немецкого философа Г. Глогау, которая была издана в 1894 г. В своем научном труде Г. Глогау сделал анализ не только логики, но и теории знания и метафизики [20, с. 325–326]. Г. Глогау говорил о различии природного и философского понимания вещей и о значении философии для оценки принципов и выводов специальных наук. В его монографии проводилось исследование вопросов об основных понятиях физики (материя и сила), химии (сцепление, прилипание, родство, атом, молекула и т.п.), физиологии, психологии, этики и теоретической деятельности духа в искусстве, науке и религии, о пространстве и времени, и о взаимоотношениях природы и духа, Бога и мира [20, с. 326–327].

Большое влияние на российскую философскую мысль произвела Международная мирная конференция, которая была открыта в Гааге 6 мая 1899 г. Так, П.В. Тихомиров в журнале за март 1899 г. рассматривал важный на тот период времени вопрос: «Вечный мир в философском проекте Канта». Автор статьи писал, что идеалом, к которому ведут все эти добрые начинания, есть вечный мир народов [16, с. 404]. По его мнению, осуществления такого идеала является культурной задачей будущего. В виду этого стремления, как указывалось в журнале, вполне своевременно вспомнить одного из самых горячих сторонников и пропагандистов идеи вечного мира, великого философа И. Канта [16, с. 405]. Этот вопрос особенно важен потому, что в конце XIX в. в мире уже складывались военные блоки, начался передел мира. В этот период звучали призывы к всеобщему разоружению.

И. Кант считал, что проект вечного мира должен определить: 1) условия, без которых вечный мир между народами невозможен, 2) в какой форме может быть осуществлен между народами вечный мир, что необходимо для возможности и прочности постоянных мирных отношений государств друг к другу [16, с. 406].

Нужно отметить, что И. Кант признавал обстоятельства, при которых война имеет законное основание. Таким обстоятельством он считал только опасность, угрожающую существованию народа. При этом И. Кант не мог примириться с тем состоянием народов, при котором возможны войны между ними. Как отмечал П.В. Тихомиров, идеал вечного мира, по мнению И. Канта, не должен оставаться пустой мечтой [16, с. 406].

Заключение. Таким образом, П.В. Тихомиров на страницах «Богословского вестника» активно изучал основные направления развития немецкой философии. Он рассматривал не только учения представителей немецкой философии, но и определял методологию и принципы, на которых базировалось их мировоззрение. Он сравнивал позиции различных авторов на сущность самой философии, устанавливал различия во взглядах философов, указывал на их ошибки. Нередко рассматривалась связь философии с другими науками. П.В. Тихомиров стремился актуализировать учения немецких мыслителей в российской философии при помощи освещения в «Богословском вестнике» памятных дат известных немецких философов.

Обучение в Тульской духовной семинарии и Московской духовной академии определило занятие П.В. Тихомирова религиозной философией. Религия была одним из основных направлений в его творчестве. Однако изучение П.В. Тихомировым немецкой философии имело далеко идущие последствия. Он стал больше интересоваться достижениями европейской философской мысли. Доминирующей для него явилась светская направленность научных знаний.

Литература

1. Лесаев, Р.К. Выпускники Тульской духовной семинарии П.В. Тихомиров и С.С. Глаголев в зарубежных научных командировках (конец XIX – начало XX в.) / Р. Лесаев // Тульский краеведческий альманах. – 2012. – Вып. 9. – С. 100–108.
2. Гордієнко, Д. Гурток шанувальників класичної філології при Історико-філологічному інституті князя Безбородька в Ніжині / Д. Гордієнко // Ніжинська старовина. Ніжинознавчі студії: зб. регіональної історії та пам'яткознавства. – К., 2015. – Вип. 19(22). – № 12. – С. 105–126.
3. Моціяка, П.П. П.В. Тихомиров: останній директор і перший ректор Ніжинської вищої школи / П.П. Моціяка // Література та культура Полісся: зб. наук. праць / Ніжин. держ. ун-т ім. М. Гоголя. – Ніжин: Вид-во НДУ імені М. Гоголя, 2009. – Вип. 55: Проблеми філології, історії та культури України у сучасних дослідженнях. – С. 159–177.
4. Валявко, І. Історія кафедри філософії Університету св. Володимира в контексті європейської інтелектуальної традиції / І. Валявко // Українознавчий альманах. – 2014. – Вип. 17. – С. 119–123.
5. Хоменко, И.В. Логика в киевской академической и университетской философии XIX – начала XX в. / И.В. Хоменко // Эпистемология и философия науки. – 2012. – № 4. – С. 179–190.
6. Филиппенко, Н.Г. Киевское религиозно-философское общество (1908–1919): неизвестные страницы истории. Организация, люди, судьба (по материалам архивов и дореволюционной периодики) / Н.Г. Филиппенко // Практична філософія. – 2005. – № 4. – С. 143–157.
7. Печеранський, І.П. Історіографія історії філософії в контексті вітчизняної «академічної» філософії 2 половини XIX – початку XX ст. (П. Тихомиров, С. Гогоцький і Е. Радлов) / І.П. Печеранський // Українознавство. – 2007. – № 2. – С. 64–71.
8. Печеранський, І.П. Павло Тихомиров про психологічний аспект історико-філософського дослідження / І.П. Печеранський // Українознавство. – 2007. – № 1. – С. 83–86.
9. Зозуля, С.Ю. К вопросу развития системы научных учреждений в Советской Украине в 1920-х гг.: создание научно-исследовательской кафедры в Нежине / С.Ю. Зозуля // Вестн. Брянск. гос. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 55–59.
10. Левченко, В.В. Ротація професорсько-викладацького складу з гуманітарних дисциплін в Одеському інституті народної освіти / В.В. Левченко // Науковий вісник. Одеський державний економічний університет. – 2006. – № 17(37). – С. 149–150.
11. Тихомиров, П.В. История философии как процесс постепенной выработки научно обоснованного и истинного мировоззрения / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1899. – № 1. – С. 57–76.
12. Виндельбанд, В. История философии / В. Виндельбанд. – К., 1997. – 560 с.
13. Тихомиров, П.В. Академическая свобода и развитие философии в Германии / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1905. – Т. 2. – № 5. – С. 65–94.
14. Тихомиров, П.В. К столетию со смерти Канта (1804–1904): [1. Личность Канта в изображении его современников] / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1904. – № 2. – С. 317–335.
15. Тихомиров, П.В. Из юношеских идеалов Шиллера. К столетию со дня его смерти 27 апреля 1805 г.: [Дружба в изображении Шиллера. Философский комментарий к трагедии «Дон Карлос»] / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1905. – № 6. – С. 279–292.
16. Тихомиров, П.В. Вечный мир в философском проекте Канта: (По поводу международной мирной конференции) / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1899. – № 16. – С. 402–434.
17. Тихомиров, П.В. История философии как процесс постепенной выработки научно обоснованного и истинного мировоззрения / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1899. – № 2. – С. 221–238.
18. Тихомиров, П.В. Состояние философии к началу XX столетия: [По кн.: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. <...> Bde. I–II. Heidelberg, 1904–1905] / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1905. – № 7/8. – С. 619–650.
19. Тихомиров, П.В. Состояние философии к началу XX столетия: [По кн.: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. <...> Bde. I–II. Heidelberg, 1904–1905] / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1905. – № 9. – С. 128–134.
20. Тихомиров, П.В. Новости западной философской литературы: (Статья 2-я) Логика и теория знания / П.В. Тихомиров // Богословский вестник. – 1896. – № 5. – С. 322–338.

Поступила в редакцию 26.12.2016 г.

УДК 94(476)«1946/1954»:364.682:394-055.2

Послевоенная женская повседневность в документах женотдела ЦК КП(б)Б 1946–1954 гг.

Николаева И.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность нового прочтения традиционных документальных источников.

Цель статьи – анализ информационной и отчетной документации женотдела ЦК КП(б)Б 1946–1954 гг. как источника по истории послевоенной женской повседневности.

***Материал и методы.** Исследование осуществлялось на основе делопроизводственных материалов женотдела ЦК КП(б)Б, содержащихся в Национальном архиве Республики Беларусь. Использованы такие методы исторического познания, как историко-сравнительный, историко-генетический, историко-описательный и метод исторической ретроспекции.*

***Результаты и их обсуждение.** Докладные записки, сообщения и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б освещают деятельность партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики, направленной на развитие различных сфер повседневной жизни женщин, дают возможность проследить влияние политических решений органов власти на женскую повседневность, позволяют исследовать социальную и производственную активность женского населения, в определенной степени реконструировать поведенческие настроения самих женщин.*

***Заключение.** Документы женотдела ЦК КП(б)Б включают разнообразную по своему содержанию информацию, характеризующую женскую повседневность в первые годы после Великой Отечественной войны, критическое их осмысление способствует воссозданию картины повседневной послевоенной действительности женщин как в западных областях страны, так и в республике в целом.*

***Ключевые слова:** архивные документы, источники, повседневность, война, женщина, женотдел, КП(б)Б, делегатское собрание, западные области.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 105–109)

Post War Women's Everyday Routine in the Documents of the Women Department of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1946–1954

Nikolayeva I.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The contemporary research approach to studying history through the prism of human factor determined the necessity and topicality of a new interpretation of traditional documentary sources.

The purpose of the study is to analyze information and reporting documents of the Women Department of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1946–1954 as a source on the history of the post War women's everyday routine.

***Material and methods.** The research was based on materials of the Women Department of the Central Committee of the Communist Party of Belarus (CC of CPB) stored in the National Archive of the Republic of Belarus. Such methods of historical research as the historical and comparative, the historical and genetic, the historical and descriptive as well as the method of historical retrospection were used.*

***Findings and their discussion.** Reporting notes, reports of CC, Regional Committees and District Committees Women Department workers present the activities of the Party and Soviet bodies on the implementation of the state policy which was*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviimk@vsu.by – **И.В. Николаева**

directed at the development of different spheres of everyday life of women. They make it possible to trace the influence of political decisions of authorities on women everyday routine, to study social and working activity of women population and, to some extent, reconstruct behavioral moods of women themselves.

Conclusion. *Documents of the Women Department of the Central Committee of the Communist Party of Belarus include various information which characterizes women everyday routine in the first post Great Patriotic War years. Their critical interpretation makes it possible to reconstruct the picture of everyday post War reality of women both in the Western Regions and in the country on the whole.*

Key words: *archive documents, sources, everyday routine, war, woman, Women Department, CPB, delegate meeting, Western Regions.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 105–109)

В последние десятилетия в исторической науке наблюдается возросший интерес к социальной истории, в частности к одному из ее новейших направлений – истории повседневности. Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность нового прочтения традиционных документальных источников, привлечение архивных данных, которые в силу своей специфики не были введены в научный оборот. В частности, определенным потенциалом для исследования женской истории первых послевоенных лет обладают документы женотдела ЦК КП(б)Б 1946–1954 гг.

После окончания Великой Отечественной войны объектом пристального внимания руководящих партийных органов стали западные области БССР, так как здесь дольше всего сохранялось западное влияние, существовали традиции культуры и быта, отличавшиеся от советских. Власти предпринимали меры по интеграции населения этих регионов в состав БССР, восстанавливая зарекомендовавшую себя в восточных районах практику политико-воспитательной работы. Для усиления влияния на женщин западных областей, с учетом опыта 1920-х годов, 18 декабря 1945 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение создать в райкомах, горкомах и обкомах партии западных областей и ЦК КП(б)Б отделы по работе среди женщин [1]. Основным содержанием работы женотделов, начавших свою деятельность в январе-марте 1946 г. и просуществовавших до 1954 г., стало вовлечение женщин западных областей в общественное производство и политико-моральное воспитание в духе социалистической идеологии, что нашло отражение в информационной и отчетной документации соответствующего отдела ЦК КП(б)Б.

Информационная документация, представленная в материалах женотдела, свидетельствует, что вновь востребованными в западных областях Беларуси в послевоенное время стали также делегатские собрания как одна из проверенных форм приобщения женщин к активной общественной и политической жизни в 1920-е – начале 1930-х гг. Работу по организации делегатских собраний проводили женотделы, приступившие уже с лета 1946 г. к подготовке выборов делегаток по всем районам западных областей [2].

Цель статьи – анализ информационной и отчетной документации женотдела ЦК КП(б)Б 1946–1954 гг. как источника по истории послевоенной женской повседневности.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе делопроизводственных материалов женотдела ЦК КП(б)Б, содержащихся в Национальном архиве Республики Беларусь (ф. 4-п, оп. 49). Докладные записки, сообщения и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б позволяют в определенной степени реконструировать некоторые черты послевоенной женской повседневности. Хотя структура этих документов, вполне очевидно, отвечает предписанной сверху схеме, они оставляют место для индивидуального содержания и предоставляют возможность не только проследить деятельность партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики в отношении женщин, но и дают некоторое представление о проблемах, протестных настроениях и выступлениях женщин против мероприятий советской власти. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности. Были использованы такие методы исторического познания, как историко-сравнительный, историко-генетический, историко-описательный и метод исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. Согласно архивным документам, первоочередной задачей женотделов и созданных под их руко-

водством делегатских собраний стало привлечение женщин к активному участию в решении всех хозяйственно-политических вопросов: восстановления разрушенных фабрик и заводов, выполнения всех видов трудовых повинностей, сдачи госпоставок, и особенно проведения коллективизации в западных областях. Общеизвестно, что в условиях борьбы с разрухой, когда ощущался большой дефицит в рабочих кадрах, тысячи женщин пришли на предприятия и стройки. В 1945 г. они составляли 48% рабочих и служащих БССР. Несмотря на большой приток на производство демобилизованного мужского населения, некоторое снижение удельного веса женщин в общей численности занятых в народном хозяйстве в последующие годы (в 1950 г. составил 45%), количество женщин среди рабочих и служащих за первое послевоенное пятилетие выросло более, чем в 1,5 раза, и в дальнейшем наблюдался постоянный их численный рост среди кадрового состава предприятий республики [3, с. 115–117].

Женщины в первые послевоенные годы составляли большую половину населения, занятого в сельском хозяйстве, они работали на личных подсобных участках и в колхозах [4]. Деятельность по организации колхозного строительства в западных областях БССР была самой сложной и тяжелой в практике отделов по работе среди женщин. Докладные записки и сообщения по ситуации в районах констатировали, что женотделы и делегатские собрания в своей деятельности по созданию колхозов сталкивались с рядом трудностей. Несмотря на проведение активной пропаганды колхозного строя, реакция женщин на социалистическое переустройство деревни была неоднозначной. Если отдельные крестьянки демонстрировали пассивность, равнодушие к мероприятиям советской власти, высказывая в ряде случаев недоверие убеждениям женорганизаторов «в преимуществах колхозного строя перед единоличным хозяйством», то применение методов грубых приказов, случаи администрирования и в целом организация колхозов «сверху» порождали не только негативную реакцию к колхозному строю, но и активное противодействие женщин села. Присутствующая в архивных материалах информация свидетельствует, что в созданных колхозах имели место многочисленные случаи выступления женщин против коллективной уборки урожая, распространенной была ситуация, когда вступившие в колхоз женщины на работу не выходили и не вырабатывали ни одного трудодня [5; 6]. Как отмечалось в докладных записках по состоянию работы среди женщин, даже среди делегаток встречались «антиколхозно настроенные», которые сами «не хотят вступать в колхоз и на собраниях шумят больше всех против колхозов» [7]. Характерным является случай в д. Смоничи Молодечненской области, где свыше 40 женщин, всячески проклиная колхоз и советы, ложились под трактор, который выехал провести общую вспашку поля [7, л. 11].

Несмотря на то, что женщины составляли основную рабочую силу в колхозах, их представительство на руководящей работе в сельском хозяйстве было незначительно и, как показывают документы, после войны из года в год только уменьшалось. Если в 1946 г. женщины составляли 4,7%, то в 1950 г. всего 1,1% председателей колхозов, при этом удельный вес женщин среди руководителей колхозов западных и восточных областей был примерно одинаков: 1,2% и 0,9% соответственно [4, л. 38; 8]. В то же время, как свидетельствуют архивные материалы, если отделы по работе среди женщин оценивали такое представительство женщин среди председателей колхозов и сельских советов как «совершенно недостаточное», то со стороны мужчин-руководителей сложившаяся ситуация имела типичное объяснение: «особой нужды в укомплектовании руководящих кадров за счет женщин не было, т.к. у нас хватает мужчин» [5, л. 141; 9, с. 273].

В условиях массового вовлечения женского населения в производство и сельское хозяйство отделами по работе среди женщин уделялось большое внимание удовлетворению запросов работающих матерей в детских садах и яслях. До Великой Отечественной войны в Беларуси насчитывалось 1 006 детсадов, в которых воспитывалось 54 800 детей дошкольного возраста. Кроме того, в летний период действовали детские площадки, которыми было охвачено 84 тысячи детей колхозников. К концу 1944 г. в Беларуси был восстановлен 201 детсад с количеством детей 11 538 [10]. Несмотря на дальнейший рост сети детских учреждений на протяжении послевоенного восстановительного периода, к 1950 г. сеть детских садов была восстановлена только на 20%, яслей – на 45%, в селах – на 1% к довоенному уровню [11]. В сложившейся ситуации многие матери

вынуждены были брать детей с собой на работу или оставлять их дома без присмотра [5, л. 142–143]. Как свидетельствуют аналитические отчеты, рассматриваемые на совещаниях женотделов, высокий процент осужденных женщин по отдельным видам преступлений, таким как невыработка установленного минимума трудодней в колхозах (71% к числу всех осужденных в республике по этой категории), совершение прогула без уважительной причины (35,3%), стал следствием, главным образом, отсутствия на многих предприятиях и в подавляющем большинстве колхозов яслей и детских садов [5, л. 150]. Основная часть женщин-колхозниц, привлекавшихся к ответственности из-за невыполнения обязательного минимума трудодней, – это матери-одиночки, имевшие на иждивении малолетних детей [12].

Одним из направлений деятельности женотделов стала работа по проблемам материнства и охране детства. Женотделы всячески пропагандировали решение Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства" [11, л. 158–159]. Организация точного учета многодетных и одиноких матерей, выплата им пособий, представление многодетных матерей к наградам, разъяснение населению западных областей советских законов по охране материнства и младенчества и контроль за выполнением всех этих указаний стали неотъемлемой частью работы женотделов. Справки и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б свидетельствуют, что на местах как со стороны финансовых органов, так и торгующих организаций имелся ряд недостатков в выполнении указа. С одной стороны, несвоевременное оформление документов на получение госпособия многодетным и одиноким матерям и задержка выплат, случаи невыдачи продуктов питания торгующими организациями пайка беременным и кормящим в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита, что зачастую было вызвано объективными причинами, связанными с нехваткой людей, транспорта, товаров и продуктов на местах. В то же время имели место прецеденты, когда при выплате матерям госпособий погашались недоимки по разным налогам, числящимся за их хозяйствами; наблюдалась практика принудительного зачисления на вклады в сберкассы сумм, причитающихся матерям по госпособиям [1, л. 10–11].

Анализ архивных источников позволяет отметить, что находящиеся под жестким контролем и работавшие по выполнению четко поставленных задач женотделы все-таки пытались обратить внимание на проблемы женщин, о которых партийное руководство вряд ли задумывалось. Известно, что в 1936 г. в СССР аборты, которые оставались одним из основных способов регулирования рождаемости, были запрещены и разрешались только в исключительных случаях по решению врачебной комиссии. Проблемой послевоенного советского общества стали криминальные аборты. Как свидетельствуют документы, в работе женотделов нашла отражение широкая кампания, направленная на разъяснение вредности аборта для здоровья, которая была созвучна с пропагандой материнства и отвечала потребностям страны в рождении детей после тяжелых демографических потерь. Одновременно архивные источники показывают, что, изучив ситуацию, сложившуюся в этой сфере и констатируя большое количество внебольничные абортов, после которых женщины длительно болели, оставались инвалидами или даже умирали, женотделы выступили с инициативой поставить данный вопрос перед правительством. Они внесли предложения о расширении прав абортных комиссий на те случаи, когда беременные женщины уже имели большие семьи, находились в тяжелых семейных, материальных и жилищных условиях [5, л. 152, 155].

Среди важных вопросов, которыми занимались отделы по работе среди женщин, было шефство над детьми-сиротами: учет детей, находящихся на патронате, проверка условий жизни сирот в детских домах, организация практической помощи женщинам, нуждающимся через Красный Крест и другие общественные организации [8, л. 26]. Информационные сообщения и отчеты, собранные в названном фонде, показывают, что женотделы выявляли недостатки и злоупотребления в работе персонала детских домов, делали максимально возможным обеспечение детей-сирот продуктами питания и промтоварами, но отсутствие своих финансовых возможностей и тяжелые материальные условия по всей

стране не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся.

Важным направлением деятельности женотделов стала политико-воспитательная работа среди женщин западных областей, так как здесь, как указывалось в информационных сообщениях, были «живучие буржуазно-националистические, антиколхозные и антисоветские настроения». Архивные документы подробно раскрывают содержание политико-массовой работы с женским населением, в основе которого было разъяснение преимуществ социалистического строя, проведение активной и систематической пропаганды системы ценностей советского общества, а также атеистическое воспитание. Одним из важнейших вопросов культурной и идеологической работы стала ликвидация неграмотности женщин-западниц. За период с 1945 по октябрь 1950 г. в западных областях республики были обучены 159 732 неграмотные и 224 180 малограмотных женщин, что составляло 80% от числа неграмотных женщин [11, л. 8]. Основной формой идеологического воздействия являлись женсоветы и делегатские собрания, которые одновременно играли большую роль в развитии общественной активности женщин. К концу 1950 г. в западных областях республики было создано 1 258 делегатских собраний с охватом в них 41 899 женщин-делегаток [6, л. 172]. Докладные записки, сообщения и отчеты женотдела ЦК КП(б)Б свидетельствуют, что вопрос «О выдвижении женщин на руководящую работу» неоднократно становился предметом специального обсуждения совещаний областных и районных женотделов [5, л. 141; 11, л. 5]. Деятельность ЦК КП(б)Б и самих женотделов давала свои результаты. В то же время архивные материалы констатируют озабоченность советского руководства малочисленностью женщин на руководящих должностях и ответственных постах и указывают, насколько медленно, несмотря на попытки административного стимулирования, шло выдвижение женщин на руководящую работу. В частности, как отмечается в справке женотдела об итогах работы в 1950 г., «за три месяца после принятия постановления ЦК КП(б)Б от 8 августа 1950 г. "О мерах улучшения политико-массовой работы среди женщин и выдвижения их на руководящую работу" количество женщин-руководящих работников не увеличилось, а даже уменьшилось» [6, л. 171].

Заключение. Таким образом, документы женотдела ЦК КП(б)Б за 1946–1954 гг. включают разнообразную по своему содержанию информацию, характеризующую женскую повседневность в первые годы после Великой Отечественной войны как в западных областях страны, так и в республике в целом. Докладные записки, сообщения и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б освещают деятельность отделов по работе среди женщин, партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики, направленной на развитие различных сфер повседневной жизни женщин, дают возможность проследить влияние политических решений органов власти на женскую повседневность в первые послевоенные годы. Соответствующая информационная и отчетная документация позволяет всесторонне исследовать социальную и производственную активность женского населения, в определенной степени реконструировать поведенческие настроения самих женщин. Критическое осмысление этого корпуса архивных источников, сопоставление и сравнительный анализ с материалами устной истории способствуют воссозданию достаточно полной картины повседневной послевоенной действительности женщин.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 16. – Л. 14.
2. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 11. – Л. 1.
3. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И.Е. Марченко. – Минск: Наука и техника, 1977. – 248 с.
4. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 14. – Л. 14.
5. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 32. – Л. 155.
6. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 25. – Л. 175.
7. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 21. – Л. 7.
8. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 27. – Л. 1, 22.
9. Николаева, И.В. Женщины Беларуси в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24 апр. 2014 г. / ВГУ имени П.М. Машерова; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.] – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 272–274.
10. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 20. – Л. 73.
11. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 30. – Л. 7.
12. НАРБ. – Ф. 4-п. – Оп. 49. – Д. 18. – Л. 150–151.

Поступила в редакцию 19.05.2017 г.

УДК 304.2:008:316.42

Социокультурная среда и феномен «пограничного человека»

Слемнев М.А.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Современный мир рассечен множеством границ: политических, экономических, этнических, культурных и др. Это способствует возрастанию философско-методологического интереса к исследованию поведения людей, оказавшихся в зоне пересечения различных социальных практик.

Цель статьи – определить системные элементы социокультурной среды и раскрыть влияние ее пограничного состояния на жизнедеятельность человека.

Материал и методы. *Материал исследования – человек культурного пограничья. Использованы традиционные общелогические и теоретические методы познания (абстрагирование, обобщение, анализ и синтез, идеализация и др.).*

Результаты и их обсуждение. *Проведен компаративный анализ понятий «социокультурная реальность» и «социокультурная среда». Выделены важнейшие системные элементы социокультурной среды. Исследованы различные типы «пограничного человека». В контексте социокультурных реалий современного белорусского общества рассмотрен феномен «положительной маргинальности».*

Заключение. *В глобализирующемся мире человек либо по своей воле, либо в силу объективных обстоятельств все чаще оказывается в культурном пограничье. Некоторые же народы, в том числе и белорусский, находятся в нем длительное историческое время. Учет социокультурных особенностей пограничных ситуаций является необходимым условием для разработки оптимальной стратегии поведения и развития как отдельного человека, так и целых историко-культурных общностей.*

Ключевые слова: *социокультурная реальность, социокультурная среда, культурное пограничье, маргинальность, пограничный человек.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 111–118)

Social and Cultural Environment and the Phenomenon of «Borderline Man»

Slemnev M.A.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Contemporary world is intersected by multiple borders: political, economic, cultural etc. This promotes the increase in the philosophical and methodological interest in studying the behaviour of people who find themselves in the area of intersection of different social practices.

The purpose of the article is to identify system elements of social and cultural environment and to reveal the influence of its borderline state on human life activity.

Material and methods. *The object material is the man of cultural borderline area. Traditional general logical and theoretical methods of cognition (abstraction, generalization, analysis and synthesis, idealization etc.) are used.*

Findings and their discussion. *Comparative analysis of the concepts of social and cultural reality and social and cultural environment is made. Most important system elements of the social and cultural environment are singled out. Different types of the borderline man are studied. In the context of social and cultural realities of the contemporary Belarusian society the phenomenon of positive marginality is considered.*

Conclusion. *In the globalized world the man, whether he wants it or not, more and more often finds himself in cultural marginality. While some of the people, like Belarusian, have lived historically long time in it. Consideration of social and cultural features of marginal situations is a necessary condition for the elaboration of optimal strategy of the behavior and development of both an individual and whole historical and cultural communities.*

Key words: *social and cultural reality, social and cultural environment, cultural borderline area, marginality, borderline man.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 111–118)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mihail_slemnev@mail.ru – **М.А. Слемнев**

Современный мир рассечен множеством самых различных границ: этнических, политических, экономических, культурных и др. Некоторые из них в условиях глобализации подвергаются радикальной переконфигурации или стираются вовсе. Но под влиянием процессов регионализации и локализации, которые в известном смысле представляют оборотную сторону глобализирующегося мира, вместо исчезнувших границ появляются новые, еще более многочисленные и разнообразные. Это способствует возрастанию философско-методологического интереса к исследованию поведения людей, оказавшихся в зоне пересечения различных социальных практик.

Цель статьи – определить системные элементы социокультурной среды и раскрыть влияние ее пограничного состояния на жизнедеятельность человека.

Материал и методы. Материал исследования – человек культурного пограничья. Использованы традиционные общелогические и теоретические методы познания (абстрагирование, обобщение, анализ и синтез, идеализация и др.).

Результаты и их обсуждение. Понятие «социокультурная среда» пока что не получило строгого научного статуса. Помочь в этом может его сравнение с другим, родственным по смыслу – «социокультурной реальностью» [1; 2]. Оба они имеют общий конъюнктивный член – «социокультурное». Именно это подчеркивает их семантическую близость.

В концепте «социокультурное» обращено внимание на органическое единство социальной и культурной граней общества. Социальное указывает на объективную потребность совместной человеческой активности, которая и как процесс, и как результат обладает над-биологической значимостью. Культурное – на искусственный характер способов, средств и результатов всех видов деятельности, поведения и общения людей как социальных существ. Социальное и культурное органически проникают друг в друга: социальное имеет культурное измерение, а культурное – социальное.

Анализируемые понятия различаются третьим членом. В первом случае это «реальность», во втором – «среда». Термин «реальное» подчеркивает факт бытийности социокультурного, его присутствие в мире. «Среда» – наличие особого локуса, места социокультурного обитания людей, где они осуществляют свою деятельность, выстраивают социальные отношения и общаются друг с другом. Разумеется, все это происходит в соответствующей природной среде.

Понятие «социокультурная реальность» является мировоззренческой универсалией. Ее назначение заключается, прежде всего, в том, чтобы обеспечить интегрально-схематическое видение социального бытия, дать его обобщенный абстрактно-понятийный образ. Можно сказать, что это философская категория предельно широкого субъект-объектного звучания. Поэтому всякие «попытки описать социокультурную реальность как таковую имеют смысл в рамках философии, но нецелесообразны в социальных науках» [2, с. 163]. И, думается, что не только нецелесообразны, но и вряд ли осуществимы.

В социогуманитарном дискурсе актуализируется другое понятие – «социокультурная среда». Масштаб и сфера его эвристико-методологического действия несколько скромнее, чем у родственного с ним. Оно является более конкретным, заземленным, привязанным к непосредственному жизненному миру человека, к природным, социальным и культурным условиям его существования.

Абстрактная диадическая связка «общество–культура», зафиксированная в концепте «социокультурная реальность», наполняется здесь эксплицитным личностным смыслом и принимает форму монолитной антропосоциокультурной триады «человек–общество–культура», погруженной в соответствующий природный и культурный ареал жизнедеятельности людей.

Социокультурная среда и в малых, и в больших локусах структурирована. При системном подходе в ней можно выделить два взаимосвязанных уровня организации.

Первый, фундаментальный (его можно условно назвать внутренним) формируется стихийно в процессе групповых взаимодействий людей друг с другом и окружающей их природой с целью удовлетворения простейших жизненных потребностей. Главным его содержанием являются традиции, которые передаются из поколения в поколение с помощью сложных механизмов биосоциального наследования. Устоявшиеся привычки, нравы и обычаи принимаются обыденным сознанием без особого ментального напряжения и критического осмысления. Это наиболее консервативная часть социокультурной среды. Любые но-

вации, которые затрагивают историческую память и сложившийся код национальной культуры, встречают активное сопротивление со стороны «коллективного бессознательного».

Второй (внешний), институциональный уровень социальной среды является достаточно динамичным и рефлексируемым. Он призван организовать на основе специальных категориально-понятийных матриц хозяйственно-экономическую, политическую, религиозную, научную, технико-технологическую и другие виды совместной жизнедеятельности с учетом внутренних проблем социума и внешних цивилизационных вызовов.

На социетальные структуры общества возложен ряд функций, важнейшими из которых являются жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая и регулирующая. Как подчеркивает Н.И. Лапин, жизнеобеспечивающая функция ответственна прежде всего за производство, обмен и распределение материальных благ; интегрирующая – социализацию индивидов; дифференцирующая – сохранение и изменение структуры статусов и ролевых позиций субъектов социальных действий и взаимодействий; регулирующая – эффективное использование создаваемых обществом материальных и иных ресурсов [3, с. 7–11]. Эти функции поочередно выполняют экономика, духовная культура, социальные институты и властно-политическая система. Каждое социетально-функциональное образование пользуется своими специфическими средствами. Для жизнеобеспечивающей главное среди них «деньги; для интегрирующей структуры – ценностные ориентации, способы действий (технологий), образцы; для дифференцирующей структуры – социальные требования, нормы, престиж; для регулирующей структуры – власть, социальные программы» [3, с. 10].

В социокультурной среде нередко выделяют вещные, материальные и духовные, идеальные образования. Компонентами первого типа являются представители материальной культуры, техносферы. Предметы материальной культуры играют двоякую роль. Во-первых, они служат практическим целям и в таком качестве их можно считать социальными сущностями, во-вторых, являются феноменами культуры, особыми текстами, которые хранят и транслируют социально значимую информацию. Органическое соединение социального и культурного в «искусственной природе» очевидно. К компонентам второго типа обычно относят традиции, образцы деятельности и поведения, верования, нормы и идеалы, социальные ценности и др. Если воспользоваться известной марксистской терминологией, это все то, что присутствует на различных уровнях общественного сознания, которое не только производно от общественного бытия, но в силу своего креативного характера в определенном смысле творит его и регулирует историческую динамику.

Значительный интерес представляет предложенное И.Я. Левяшем структурирование социокультурной среды путем фиксации в ней следующих системных блоков:

а) одухотворенная материя (трудовая, демографическая, экологическая культура);

б) духовная культура (языковая, образовательная, этносоциальная и конфессиональная);

в) культура регионального управления (экономическая, политическая, правовая, идеологическая) [4, с. 5–12]. Разобраться в содержании и особенностях функционирования указанных системных элементов помогает обращение к историко-цивилизационным началам их формирования, к фундаментальному, базовому уровню организации социокультурных структур общества.

В своем диалектическом единстве отмеченные вертикальные и горизонтальные, внутренние и внешние социокультурные схематизмы, с одной стороны, есть результат, а с другой – необходимое условие устойчивого функционирования и развития социума.

Социокультурная среда, как и любая качественная определенность, имеет свои темпоральные и топологические границы. Они задаются, в первую очередь, разделяемыми людьми социальными символами, ценностями и нормами поведения и общения. В итоге появляется множество локализованных социокультурных пространств, каждое из которых очерчивает контуры социокультурного окружения человека. За их пределами вместо привычных «Мы» и «Свои» живут уже «Они» и «Чужие» с соответствующей степенью ментального, языкового, ценностно ориентированного и других видов социокультурного удаления друг от друга. Зона пересечения сопряженных социокультурных пространств – это место взаимодействия людей, прошедших социали-

зацию в различной социокультурной среде и в той или иной степени укоренившихся в ней.

Для исследования социального поведения как отдельного человека, так и различных социальных общностей, осуществляющих свою жизнедеятельность в культурном пограничье, активно используется понятие «маргинальность» (от латинского margo – край, граница). Семантическая многомерность термина «маргинальность», равно как и образованных с его помощью словосочетаний «маргинальный человек», «маргинальная культура», «маргинальное состояние», нередко вносит путаницу в оценивание соответствующих явлений по шкале «негативное–позитивное».

Логико-семантический анализ работ, в которых используется термин «маргинальное» (Р. Парка, У. Самнера, Э. Стонквиста, А. Шлюца, Э. Хьюза и др.), позволяет указать на существование, по меньшей мере, трех разных значений этого термина и, соответственно, столько же типов маргинального, «пограничного человека».

1. Маргинальность как нахождение на краю, периферии, границе, удалении от некоторого центра, который считается нормой культурного облика человека, социальной группы, народа, страны и даже целых цивилизаций. Причем, «независимо от того, говорится ли о таких маргиналах с презрением или сочувствием, коннотация этого слова – негативная вплоть до пейоративной» [5, с. 354]. Подобный маргинал может чувствовать себя нормально только в одном месте – в своем «социокультурном доме».

2. Маргинальное состояние понимается не как нахождение социального субъекта на обочине, на краю определенной культуры, а между различными культурными мирами, один из которых был добровольно или принудительно покинут (по терминологии Р. Парка, совершился «уход из дома»). Яркий пример – мигранты. Пограничная ситуация в предельном варианте здесь такова, что маргинал данного типа отторгается и новой культурой («куда пришел»), и старой («откуда вышел»). Он везде «чужой», ибо по ряду основных параметров своего социокультурного существования (языку, традициям, религиозной вере, манерам поведения и общения и др.) не вписывается в сопряженные с ним культурные комплексы, «зависает» между ними. Это «несчастная личность, мечущаяся между несовместимыми культурными мирами, нигде не чувствуя себя "как дома", раздираемая внутренними противоречиями и мучительным самоконтролем» [5, с. 371]. Такое состояние не может быть продолжительным. В перспективе оно завершается полной ассимиляцией и манкуртизацией индивида.

3. Третий тип маргинальности касается тех естественных социальных общностей, которые, начиная со своего генезиса, были «зажаты» между различными культурными мирами. Для сохранения своей этнической самобытности им приходилось в процессе длительной исторической эволюции вырабатывать защитные социокультурные механизмы. В итоге формировался своеобразный «бикультурный», «гибридный», «андрогинный» тип человека [6]. В отличие от маргиналов первых типов последний является носителем существенных признаков двух культур одновременно. Это позволяет ему успешно осуществлять жизнедеятельность в «буферной» пограничной зоне. Специфику такого раздвоенного человека, пожалуй, наиболее точно характеризует слово «андрогин». Известно, что андрогинами назывались персонажи древнегреческой мифологии, в которых мужское начало и женское находились в устойчивом равновесии. Если проводить аналогию, то ситуация чем-то напоминает созданный физиками дуалистический, квантово-волновой образ элементарной частицы, описать поведение которой можно только с позиций принципа дополнительности.

В реальной жизни «чистых» социальных субъектов (и отдельных индивидов, и социальных общностей) андрогинного образца не бывает. Это всего лишь идеальный конструкт. Но он позволяет в общих чертах выразить транснациональный, кросскультурный дух «позитивного маргинала».

Наиболее часто маргинальность андрогинного типа встречается в регионах, непосредственно примыкающих к политической границе. Ее историческая подвижность и длительные культурные диффузии приводят к возникновению уникального социокультурного пространства, в котором живет «пограничный человек» как особый культурно-антропологический тип. На его этнопсихологический, духовно-нравственный и, в целом, социокультурный облик влияют история взаимоотношения народов, которая откладывается в их социальной памяти, разделяющая их языковая дистанция, менталитет, религиозная вера, степень прозрачности админи-

стративных границ в прошлом и настоящем и др. Но при любых обстоятельствах люди приграничья острее других ощущают экономическое, идеологическое и культурное дыхание сопредельной стороны.

Примером наличия процессов исторически длительной «андрогинизации» населения смежных территорий может служить социокультурная ситуация, сложившаяся в современном белорусско-российском приграничье. Государственная граница между Беларусью и Россией в ее нынешнем виде может быть лишь с известной долей условности названа таковой. К ней более подходит проникшее в современный социогуманитарный лексикон английское слово «фронтир», которое в свободном переводе означает «мост», «ворота», «контактная область». В отличие от классической границы «фронтир» является зоной комплементарного взаимодействия во многом схожих политических, экономических и социокультурных практик. Как результат, белорусско-российский «пограничный человек», несмотря на образование после распада СССР двух суверенных государств, оказался, а точнее говоря, остался «психологически, социокультурно, этноконфессионально, лингвистически в равной степени адаптирован к Белоруссии и России» [7, с. 134]. В равной степени, возможно, сильно сказано, а что хорошо – это несомненно.

Постепенному формированию подобной адаптированности способствовали сложное переплетение исторических судеб родственных народов и мобильность разделяющих их административных границ. Взять, к примеру, северный белорусско-российский приграничный регион, который образуют Псковская и Витебская области. Границы между ними часто менялись. Последняя радикальная перестройка произошла в 1924 году, когда территория Псковской губернии была увеличена за счет присоединения трех уездов Витебской губернии: Себежского, Невельского и Велижского.

Включение белорусского населения в русскую социокультурную среду не изменило его конфессиональной принадлежности (здесь доминировало православие), но со временем сказалось на этническом составе и языковой культуре. Так, сегодня в Себежском районе только каждый десятый из опрошенных отметил, что может хорошо говорить по-белорусски, еще 8% – не совсем свободно, 19% – в целом понимают язык, но не все слова. При этом 10% респондентов Псковского региона сообщили, что имеют белорусские этнические корни (скорее всего их больше, только не знают об этом). На наличие ближних и дальних родственников в Беларуси указало 18%, а друзей и хороших знакомых – 27%. Иными словами, тесные родственно-дружеские связи с жителями соседней страны поддерживают 45% [8, с. 235–249].

Примерно такая же ситуация сложилась в Смоленско-Витебском приграничном регионе. В 1859 году семь западных уездов Смоленской губернии, включая и Смоленский, были почти полностью белорусскими по своему этническому составу. Доля белорусского и смешанного белорусско-российского населения в них превышала 90%. Согласно переписи 1897 года сохранился лишь один преимущественно белорусский уезд – Краснинский.

В остальных доля русского населения уже превысила 90%. Сегодня этот процент характеризует практически все белорусское приграничье Смоленщины. Оно в принципе не отличается от Псковского и по количеству родственно-дружеских связей с жителями сопряженной белорусской территории, и по знанию белорусского языка, и по доминированию православия. Что касается белорусской стороны, то русским языком здесь в той или иной мере совершенства владеют все. И хотя 80% опрошенных жителей белорусско-российского приграничья назвало белорусский язык родным, в быту, общении с друзьями и на работе они обычно пользуются русским языком. Поэтому для переведения билингвизма, законодательно оформленного 20 лет назад, в практическую плоскость необходимо усиливать его белорусскую составляющую, прежде всего, с помощью системы образования и культуры. Следует также помнить о том, что реальное двуязычие в приграничье (да и не только в нем) весьма далеко от литературной нормы. Оно, особенно в сельской местности, часто имеет вид известной белорусской «трасянки».

Этноязыковое родство населения, его принадлежность к православно-славянскому миру, множество смешанных браков, схожие традиции, образ жизни и стиль поведения дают возможность «бикультурному», «андрогинному» человеку белорусско-российского приграничья свободно осуществлять свою жизнедеятельность в современной «стыковой» социокультурной среде, а при пересечении границы не чувствовать себя «чужаком».

Одним из подтверждений подобной социокультурной амбивалентности может служить следующий факт. Удельный вес белорусов в Витебской области составляет примерно 85%, русских – 12%. Социологические исследования показали, что около 40% респондентов-русских отождествляют себя с белорусским народом. Как отмечает И.Я. Левяш, это свидетельствует о существовании процессов, противоположных русификации-белорусизации русского населения. Русские, живущие в Беларуси, не просто демонстрируют «лояльность и близость к белорусскому народу, но и общую с ним социокультурную самоидентификацию» [4, с. 10].

Не ощущают себя отторгаемыми маргиналами и белорусы, которые постоянно или временно проживают в российско-белорусском приграничье. И не только потому, что они попадают в привычную для них социокультурную среду. Очень важно и сложившееся здесь общественное мнение о белорусах. Российские социологи установили, что «образ белоруса в представлении всех респондентов носит исключительно положительный характер, ни одна из выборок не включила в число модальных характеристик белоруса каких бы то ни было недостатков» [9].

Безусловно, традиционная оппозиция «Мы – Они» в белорусско-российском приграничье имеет место. Но она не носит конфронтационного характера и, тем более, не является жесткой демаркационной линией социопсихологического, религиозного и языкового отчуждения. Все это является хорошей основой для развития и углубления интеграционных процессов в белорусско-российском приграничном регионе.

Следует, однако, иметь в виду, что достаточно продолжительное нахождение братских народов в различных политических, правовых и идеологических полях, известная разнокачественность экономических укладов не смогли не повлиять на сознание людей, особенно молодежи, которая прошла социализацию после распада СССР уже в разных государствах. Очагов приграничного межнационального напряжения сегодня не наблюдается. Но полностью исключать возможность их возникновения нельзя. Этому, в частности, способствуют так называемые газовые, нефтяные и продуктовые «войны», предвзятые оценки в одиозных СМИ внутренней и внешней политики двух государств. Нельзя забывать и о том, что в кризисные времена, когда становится неуютно жить в настоящем, виновников всех бед нередко ищут в историческом прошлом, акцентируя при этом внимание на далеко не лучших страницах взаимоотношений народов и государств. Ведь при желании их всегда можно найти в любой стране. Активисты же радикальных национальных движений, которые стоят на страже своих этнических рубежей, охраняя их чистоту от внешних заимствований, в такие моменты способны нарушить устоявшееся национальное согласие. Можно надеяться, что белорусско-российским отношениям такое вряд ли грозит. Тем не менее процессы, происходящие в социокультурной среде приграничья, нуждаются в тщательном изучении, отслеживании динамики и, при необходимости, аккуратной корректировке.

Социокультурный ареал проживания маргинального человека третьего типа было бы неправильно ограничивать только зоной приграничных территорий. Как уже отмечалось, в силу сложившихся историко-цивилизационных и иных обстоятельств пограничным в рассматриваемом здесь смысле может оказаться целый народ. Примеров предостаточно: византийско-турецкое культурное взаимодействие в Анатолии XIV–XV вв., двуименность представителей династии Великих Комнинов в Трапезундской империи, многие из которых имели как греческое, так и тюркское имя, секта алавитов в Сирии, в которой в равной степени почитаются и пророк Мохаммед, и Иисус Христос и др. [6].

Нам представляется, что «андрогинная» модель «пограничного человека» хорошо резонирует с социокультурными реалиями современного белорусского общества. С определенными оговорками можно считать, что такие известные ментальные качества белорусов, как этноконфессиональная толерантность, умение ладить с соседями, ориентация на «минимум страданий», а не на «максимум удовольствий», относительная гармония между материальной и духовной сторонами жизни, индивидуализмом и коллективизмом, соборностью, имеют под собой латентно-бессознательную, архетипичную основу, имя которой – пограничность западно-восточного образца.

Можно ли такой тип маргинальности применительно к белорусскому обществу назвать положительным? Очень распространенным, да, пожалуй, наиболее распространенным является мнение, что ни

в коем случае нельзя. Так, многочисленные отечественные «славянофилы» и «западники» считали и считают сегодня длительное балансирование белорусов между Востоком и Западом самым существенным изъяном их жизненной стратегии. Они настаивают на необходимости занять прочное место на каком-то одном из «геополитических стульев»: одни – на восточно-славянском, другие – на западно-европейском. С грустью о вечно «срединном» положении белорусского народа пишет известный польский поэт и филолог, этнический белорус из Белосточчины Ян Чиквин: «Мы заўсёды паміж» (из эссе «Мы зрабілі памылку»). Часто цитируемый в последнее время талантливый белорусский историк и культуролог И. Абдиралович также отмечал, что в вынужденном лавировании между Востоком и Западом у белорусского народа четко просматривается «шчырая няпрыхільнасць ні да аднаго, ні да другога...» [10]. Такое отторжение, «няпрыхільнасць», действительно имело и имеет место. Но оно всегда сопровождалось селективным заимствованием жизненного опыта соседей. Как следствие, «чужое» постепенно трансформировалось в «свое» и становилось, говоря словами Гегеля, «своим другим», а пограничье превращалось в место рождения новых и удержания старых смыслов. Такая «социальная мимикрия» очень востребована в наши дни.

В современную эпоху «маргинальный минус» белорусского народа оборачивается большим общецивилизационным плюсом. Маргинальность как способность обеспечивать «мирное сосуществование» различных культур на одном носителе является признаком не ущербности, а цивилизованности народа. Ранее перечисленные ментальные качества позволяют белорусам органически вписаться в стремительно глобализирующийся мир. Как справедливо отмечает Ю.В. Чернявская, страны адаптивного типа (Китай, Япония и др.), умеющие аккуратно ассимилировать новейшие достижения современной цивилизации без перестройки ментального кода своей культуры, оказались в более выигрышном положении, чем замкнутые, ограничивающие себя узконациональными рамками традиционные этносы. Но, к сожалению, феномен «положительной маргинальности» до сих пор «не расценен должным образом – не как повод для бессмысленных причитаний, а как перспектива развития» [11]. Думается, что без признания решающей роли пограничного фактора культурное развитие Беларуси, в том числе и формирование национального самосознания ее народа, успешным сегодня быть не может.

Промежуточное положение Беларуси между Востоком и Западом таит в себе не только огромный геополитический, но и социокультурный потенциал. Его реализация возможна лишь в рамках поликультурной парадигмы. Белорусская культура может быть полной и целостной лишь в том случае, если окажется способной выразить противоречивый пограничный дух народа как реально существующей социально-исторической общности. Что касается существующего практического неравенства двух государственных языков – белорусского и русского, то такое положение дел следует признать ненормальным. Его надо непременно исправлять, и делать это необходимо последовательно и настойчиво, но, как заявил председатель комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке Национального собрания Республики Беларусь Игорь Марзалюк, «без насилия и принуждения» [12]. Языковая политика в стране должна соответствовать социокультурным реалиям и ментальному духу народа.

Заключение. В глобализирующемся мире человек либо по своей воле, либо в силу объективных обстоятельств все чаще оказывается в культурном пограничье. Некоторые же народы, в том числе и белорусский, находятся в нем длительное историческое время. Учет социокультурных особенностей пограничных ситуаций является необходимым условием для разработки оптимальной стратегии поведения и развития как отдельного человека, так и целых историко-культурных общностей.

Работа выполнена в рамках научной темы ГПНИ (договор ГПНИ № 08/16, 2016–2018 гг.).

Литература

1. Слемнев, М.А. Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики / М.А. Слемнев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2016. – Т. 22. – С. 99–106.
2. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А. Орлова // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. II, вып. 1(2). – С. 161–175.
3. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 3–12.

4. Левяш, И.Я. Теоретические вопросы регионологии / И.Я. Левяш // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 22. – С. 3–17.
5. Николаев, В.Г. Человек маргинальный / В.Г. Николаев // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 354–372.
6. Кочан, В.М. Формирование человека приграничья: маргинализация, интеграция, андрогинизация [Электронный ресурс] / В.М. Кочан. – Режим доступа: http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/1912-formirovanie-cheloveka-iogranichja-marginalizatsija- iintegratsija-androginizatsija.html. – Дата доступа: 12.05.2017.
7. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – С. 70–138.
8. Манаков, А.Г. Историко-культурная детерминация и социокультурная специфика белорусско-российского приграничья (на примере Псковского региона) / А.Г. Манаков // «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2012. – С. 235–249.
9. Сикевич, З.В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З.В. Сикевич // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 59–69.
10. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам [Электронный ресурс] / І. Абдзіраловіч. – Режим доступа: http://knihi.com/Ihnat_Kanceuski/Adviecnym_slacham.html. – Дата доступа: 03.01.2017.
11. Чернявская, Ю.В. Пять парадоксов национального самосознания белорусов [Электронный ресурс] / Ю.В. Чернявская // Журнал Индекс. – 2001. – № 15. – Режим доступа: http: index.org.ru/journal/15/15-chern.html. – Дата доступа: 24.12.2016.
12. Равенство государственных языков будет устанавливаться без насилия и принуждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://house.gov.by/ru/interview-ru/view/ravenstvo-gosudarstvennyx-jazykov-budet-ustanavlivatsja-bez-nasilija-i-prinuzhdenija-991/. – Дата доступа: 15.05.2017.

Поступила в редакцию 16.05.2017 г.

УДК 316.42:316.75

Глобализация и региональное сотрудничество

Рудковский Э.И.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В условиях глобализации нарастает интенсификация трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей. Одновременно идет процесс развития регионализации международных отношений.

Цель статьи – анализ соотношения глобализации и регионализации, их влияния на процессы приграничного сотрудничества.

Материал и методы. *Материалом исследования являются процессы глобализации и регионализации, принципы приграничного сотрудничества. Использованы общелогические и общепринятые методы теоретического познания.*

Результаты и их обсуждение. *В современных условиях роль регионального сотрудничества, включая приграничное, резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, нарастающей миграцией населения. Приграничное сотрудничество предполагает учет особенностей региональной идентичности, его основных принципов, социокультурных и идеологических факторов.*

Заключение. *Углубление интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровне предполагает системное решение стратегических вопросов, создание единого духовного пространства наряду с экономическим.*

Ключевые слова: *глобализация, глокализация, регионализация, региональная идентичность, приграничье, идеология.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 119–125)

Globalization and Regional Cooperation

Rudkovski E.I.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the conditions of globalization intensification of trans-border economic, political, social and cultural links increases. Simultaneously there is a process of the development of regionalization of international relations.

The purpose of the article is analysis of the correlation of globalization and regionalization, their influence on processes of borderline cooperation.

Material and methods. *The material of the research is processes of globalization and regionalization, principles of borderline cooperation. General logical as well as general methods of theoretical cognition are used.*

Findings and their discussion. *The role of regional cooperation, including the borderline one, increases in the contemporary world. This is conditioned by growth of trans-border transfer of goods, the increasing migration of population. Borderline cooperation presupposes consideration of regional identity features, consideration of its basic principles, social and cultural as well as ideological factors.*

Conclusion. *Deepening integration processes on the regional and subregional levels means system solution of strategic issues, creation of united spiritual space alongside with the economic one.*

Key words: *globalization, regionalization, regional identity, borderline regions, ideology.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 119–125)

Процессы глобализации стали в наши дни сущностной характеристикой человечества, накладывают отпечаток на все сферы общественной жизни, изменяют их динамику, направленность и содержание развития. Планета превращается в унифицированное пространство, глобальную систему, в которой каждый ее элемент испытывает влияние процессов, происходящих в других регионах, и, наоборот, региональные процессы часто имеют мировые последствия.

Цель статьи – анализ соотношения глобализации и регионализации, их влияния на интеграционные процессы в приграничье. Внимание уделено принципам приграничного сотрудничества в социогуманитарной сфере.

Адрес для корреспонденции: e-mail: edw.ru@yandex.ru – **Э.И. Рудковский**

Материал и методы. Материалом исследования являются процессы глобализации и регионализации, принципы приграничного сотрудничества. Использованы общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Индикатор глобализации – формирование единого, целостного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира. Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодостаточность. Происходит трансформация понятия «государственный суверенитет» в условиях растущей взаимозависимости стран, неспособности отдельно взятых государств решить экономические, экологические проблемы и проблемы войны и мира. Заходит речь о «конце географии», отмирании института государства. С. Перегудов отмечает, что в современном мире управляют ТНК, ВТО, ВБ, идеология «минимального государства» обретает свое законченное «идеальное воплощение» [1]. Нарастает интенсификация трансграничных экономических, политических, социальных связей. В сфере культуры наблюдается вовлечение национальных культур в качественно новое мировое единство, по самой своей природе являющееся транснациональным, лежащим поверх границ отдельных государств, наций, цивилизаций и имеющим свои собственные, качественно специфические черты функционирования. Часто характерными чертами культурных процессов в условиях глобализации исследователи называют гибридизацию, поляризацию, вестернизацию. Однако можно не говорить, что имеет место только распространение западной культуры. Наблюдается взаимопроникновение и соревнование культур. Идет процесс переработки «чужого» под себя. Нельзя не согласиться с мнением, что глобализация «...более не тождественна вестернизации. Напротив, по мере того, как материальные блага и технологии распространяются на Восток и на Юг, она в возрастающей степени происходит на условиях, устанавливаемых незападными культурами» [2, с. 7].

Можно сказать, что глобализация предстает не только как формирование единой общечеловеческой культуры. Одновременно идет процесс разделения человеческого общества по качественно новым основаниям: имеет место усиление локальных культур. Данный процесс Р. Робертсон называл глокализацией. Речь идет о том, что унификация в различных сферах общественной жизни сопровождается локализацией, ростом культурного разнообразия, конструктивным сотрудничеством и взаимообогащением культурных регионов.

Глокализация – противоречивое явление. С одной стороны, отмечается связь глобальных характеристик жизни людей и их локальных проявлений, с другой – нельзя не видеть известного противопоставления глобального и локального.

Общечеловеческие ценности могут реализоваться лишь в локальной форме. Для человеческой цивилизации как единого целого важен опыт локальных культур.

Глобализация не может не затронуть культурные, идентификационные коды нации. Существует проблема адаптивной трансформации идентичности. Многое в духовных приоритетах не может не меняться. При этом очень важно «не потерять себя» в глобальных процессах.

Таким образом, глобальное развивается за счет локального, а последнее, в свою очередь, оказывает ему противодействие в силу своего потенциала. Глокализация выражает стремление этносов и отдельных регионов, попавших в «жернова» глобализации, сохранить свою идентичность. Глобализация не исключает плюрализма, многообразия культур. Это – единство многообразия. В более широком плане процессы глокализации связаны с регионализацией международных отношений. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений. Регионы способствуют защите общества, его устоев, ценностей от негативных последствий глобализации и выступают постепенно в качестве самостоятельных субъектов международного сотрудничества. Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точечно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегацивилизации, с другой – часто реги-

ональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, обеспечения государственного суверенитета, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия «девятого вала» глобализации.

Нельзя негативно определять регионализм как «...образ мышления и действия, исходящий из приоритетности региональных интересов над государственными» [3]. Необходимо использовать потенциал регионов, проводить конструктивную региональную политику. При этом регионализацию не следует сводить лишь к экономическим ее аспектам. Важно учитывать политические и социокультурные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что регионализация выступает как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион...», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона» [4].

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни, как государства. Примером подобной регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. Отметим, что положение приграничных регионов в условиях глобализации двойственна. С одной стороны, глобализация ведет к унификации и стандартизации многих форм человеческой жизнедеятельности, а с другой – «тесная близость с другим позволяет расширить горизонты устоявшегося, привычного, заимствовать положительный опыт отличного от своего, тем самым способствует качественному обновлению социальной среды, способствует реконструированию социальной реальности на новых началах» [5].

Роль приграничных регионов в современных условиях резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, расширением туристических потоков, нарастающей миграцией населения и т.д. Как следствие – нарастают контрольные функции регионов. Возникают региональные интеграционные образования, в рамках которых приграничное сотрудничество емко описывается словом «сращивание».

Сегодня приграничные регионы – это не просто «оборонительный вал», обеспечивающий безопасность государства, как это было несколько десятилетий назад. Сегодня это те зоны, где происходит «сращивание» социумов во всех сферах общественной жизни. Да и сейчас приграничные регионы обеспечивают безопасность государств, но на другой основе – за счет создания на границе полосы добрососедства.

Приграничное сотрудничество помогает смягчить отдельные болевые вопросы межгосударственных отношений, в том числе и такие, которые в силу тех или иных причин затруднительно или пока невозможно урегулировать на более высоком уровне, а также укрепляет и развивает исторически сложившиеся связи [6, с. 50].

Государство должно создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обусловливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб. Сотрудничество субрегионов не может ограничиваться лишь экономической интеграцией. Важную роль играют взаимосвязи в социокультурной сфере и создание необходимых духовных предпосылок всех иных взаимодействий.

Актуальной проблемой для населения приграничных регионов является, как уже отмечалось, сохранение своей идентичности, традиционных ценностей и уклада жизни, при этом не происходит отделения китайской стеной от процессов, происходящих на глобальном уровне, имеющих транснациональный и транслокальный характер. Процессы глобализации и регионализации так или иначе направлены на сохранение региональной идентичности, включая и приграничье. Глобализации противостоит «идентичность места». Реальной общностью приграничье становится тогда, когда люди идентифицируют себя с ним.

В литературе встречаются различные подходы к определению понятия «ре-

гиональная идентичность». К примеру, Е.В. Еремина понимает региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самотождественности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [7]. Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена являются и социальные группы. Региональная идентичность отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами» [8, с. 177]. Это отождествление себя по жизненным интересам, социальным предпочтениям и симпатиям с определенным региональным и социокультурным сообществом людей, осознание своего единства с конкретным местом общественного бытия во всех его проявлениях. Понятие «идентичность» не тождественно понятию «идентификация». Под идентичностью следует понимать некоторое состояние самоотождествления; идентификация – это процесс, ведущий к данному состоянию.

Феномен региональной идентичности имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же речь идет о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

– устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;

– совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценки места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;

– стиль жизни, совокупность типичных форм жизнедеятельности людей;

– характер духовных ценностей, особенности культуры и межконфессиональных отношений. Важную роль здесь играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, ценностное освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п. Все это обереги, культурные коды, по которым мы узнаем друг друга, видим себе подобных. Символическая система так или иначе формирует общественное сознание. Не случайно Э. Кассирер представлял символы как некий универсум, способный самостоятельно контролировать действительность [9];

– доминирующий уклад хозяйственной жизни, структуру экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.);

– референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них;

– общность исторических судеб, историческую память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [10, с. 15].

Названные выше элементы региональной идентичности важно эффективно использовать в управленческой деятельности властным структурам с целью повышения привлекательности регионов, разработки принципов приграничного сотрудничества.

В официальных документах стран дальнего зарубежья, государств, входящих в СНГ, публикациях, посвященных данной проблеме, выделяются различные принципы приграничного сотрудничества. К примеру, в рамках Объединения европейских приграничных регионов приняты следующие основные принципы: субсидиарности, партнерства и равноправия, солидарности территорий, совместной разработки стратегии развития приграничных территорий.

В Постановлении Совета межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 29–18 «О модельном законе "О приграничном сотрудничестве"» (31 октября 2007 г.) выделены такие принципы:

– равенство и взаимная ответственность;

– уважение суверенитета и территориальной целостности;

– неприкосновенность государственных границ;

– мирное разрешение пограничных споров;

– взаимное уважение законодательства государств, выполнение международных договоров и соглашений о приграничном сотрудничестве;

– учет особенностей приграничных регионов, прав и интересов участников приграничного сотрудничества;

– устранение политических, экономических, правовых, административных препятствий для взаимного сотрудничества;

– добровольность и взаимовыгодность сотрудничества;

– обеспечение безопасности жизни граждан, ненанесение ущерба окружающей среде, экономическим и иным интересам сопредельных государств, уважение прав и свобод граждан приграничных государств.

Белорусский исследователь данной проблемы А.И. Литвинюк выделяет две группы принципов приграничного сотрудничества:

1) организационно-правовые: субсидиарности, суверенитета и территориальной целостности, равенства участников, добровольности, законности, самостоятельности, солидарности;

2) организационно-экономические: общности интересов, учета потребностей, иерархичности, ротации, комплексности, дополняемости, системности [11, с. 82].

Безусловно, вышеперечисленные принципы важны и не могут вызвать возражений. Это – общедемократические принципы, которые регулируют отношения как приграничных регионов, так и отдельных государств, а также принципы, ориентирующие на повышение экономической эффективности сотрудничества. На наш взгляд, данные принципы целесообразно дополнить принципами, которые относятся к социокультурной сфере, особенно, если речь идет о сотрудничестве в белорусско-российском приграничье:

– гармонизация гуманитарных, экономических и политических факторов и показателей приграничного сотрудничества;

– учет социокультурных особенностей региона, характера сложившихся исторических связей;

– максимальное использование образа и имиджа региона, его идентичности в углублении экономического, социокультурного и гуманитарного сотрудничества;

– формирование единого духовного и правового пространства;

– формирование союзного патриотизма;

– учет менталитета населения приграничных регионов;

– идеологическое обеспечение интеграционных процессов, выработка общих идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров;

– информационное взаимодействие регионов и их населения.

Учет социокультурных факторов в приграничном сотрудничестве чрезвычайно важен. Безусловно, экономическое сотрудничество носит базисный и приоритетный характер. Однако нельзя уповать только на экономические интересы и получаемую хозяйственную выгоду. Сотрудничество предполагает «наличие высокого уровня культурного развития местных сообществ приграничных регионов, позволяющего гражданам адекватно оценивать и защищать как свою культурную самобытность, так и степень восприятия ценностей и культурных паттернов заграничных "соседей"» [12, с. 19].

Более того, в строительстве Союзного государства, проекте будущего двух стран необходимо определить идеологические ориентиры.

Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология формулирует ориентиры того, как обустраивать наш общий дом, включая и экономику. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев хозяйственного механизма и экономической интеграции. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской

интеграции в целом и приграничного сотрудничества в частности весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

Вопросы места и роли идеологии в жизни современного общества находятся в центре острейших дискуссий политиков, философов, историков. Диапазон мнений весьма широк: от неприятия всяких идеологий до обоснования ее важности и необходимости. К примеру, С. Новопрудский считает, что «постановка вопроса об установленной законом единой государственной идеологии изначально ущербна и даже оскорбительна для людей страны. Выходит, жители такой страны сами не знают, зачем они здесь живут» [13].

Дело вовсе не в юридической, а фактической стороне вопроса. Идеология – это атрибут любого государства. Обычно некоторые российские исследователи данной проблемы ссылаются на Конституцию РФ, которая не предусматривает, как известно, какой-то государственной идеологии. Но не следует ли из этого, что не может быть в обществе ведущей идеологии? К примеру, в Беларуси и России не закреплена в Конституции ведущая роль какой-то религиозной конфессии, однако понятно, что такой конфессией является православие. Как бы мы ни отказывались от идеологии, мы находимся внутри нее. Вопрос только в том, о какой идеологии идет речь. После распада СССР очень часто идеологию стали сводить к жизненному успеху, деньгам, комфорту. Господствующей стала потребительская идеология. Так проще: не надо задумываться о судьбах страны, общества, их целях, задачах, путях решения проблем. Конечно, следует учитывать, что при помощи идеологии можно манипулировать массами. Только какой идеологии? Идеология – это духовное явление, которое может быть обоюдоострым оружием, как, к примеру, обычный нож. Ссылаясь на опыт СССР, можно ли вообще говорить о позитивном значении идеологии в жизни общества? Н. Кофырин справедливо отмечает, что человеку «нужна идеология, потому что он хочет знать смысл своего существования на земле. Идеология – это не только объяснение общественного устройства, но и смысла жизни человека и человечества» [14].

Не может быть потребительской идеологии не только между людьми, но и государствами. В противном случае неизбежны торговые войны. Так и будем считать, кто кого кормит. В основе идеологических приоритетов могут лежать, на наш взгляд, идеи социальной справедливости, безопасности, процветания стран, сохранения населения, уважение к традиционным ценностям, патриотизм. Полагаем, что патриотизм может стать одной из важнейших идеологических предпосылок единения двух стран. Но что такое союзный патриотизм? Данное понятие нуждается в уточнении, до сих пор нет его единого толкования. Патриотизм будет носить абстрактный характер без ответа на вопрос: какое объединение государств мы строим? Без определения духовных, идеологических приоритетов общества, обращения к исторической памяти никакие призывы к патриотизму не могут принести практических результатов.

В этой связи нельзя не согласиться с Н. Нарочницкой, которая отмечает, что «...появление духовного стержня, объединяющего нацию лучше, чем любая отметка в паспорте, ...пробудило бы историческое сознание, интерес народа к исторической жизни» [15, с. 84]. Сказанное всецело относится к многоплановому белорусско-российскому сотрудничеству.

Заключение. Духовные ценности, идеологические принципы влияют не только на историческую память (интерпретации прошлого), но и на весь комплекс общественных отношений. Общность исторических судеб не может не сказываться на динамике регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Пока в сотрудничестве России и Беларуси основной акцент сделан на макроэкономических и финансовых показателях. Но одними материальными стимулами стоящие перед народами стран проблемы интеграции не решить. Без духовных проектов, ценностей, идеологии нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию и реализовать ее.

Работа выполнена в рамках научной темы ГПНИ (договор ГПНИ № 08/16, 2016–2018 гг.).

Литература

1. Перегудов, С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? / С. Перегудов // МЭиМО. – 2002. – № 4. – С. 22–28.
2. Дынкин, А. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / А. Дынкин,М. Барроуз // МЭиМО. – 2016. – Т. 60, № 8. – С. 5–25.

3. Марченко, Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности / Г.В. Марченко. – М., 1996. – С. 45.
4. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1994. – С. 827.
5. Шершнева, О.А. Феномен границы и статус белорусского пограничья / О.А. Шершнева // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 2 февр. 2017 г. / ВГУ имени П.М. Машерова. – Витебск, 2017. – С. 132.
6. Черная, И.П. Приграничный регион в условиях глобализации / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. – 2005. – № 2. – С. 46–60.
7. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа [Электронный ресурс] / Е.В. Еремина. – Режим доступа: http://regionsar.ru/node/781. – Дата доступа: 16.02.2016.
8. Пеньковцев, Р.В. Компаративный анализ феномена «региональной идентичности» (Россия – ЕС – США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Ученые записки Казан. гос. ун-та. Кн. 3, Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – С. 175–190.
9. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Феномен человека. Антропология. – М., 1993. – С. 143–198.
10. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
11. Литвинюк, А.И. Формирование организационно-экономического механизма трансграничного сотрудничества Республики Беларусь / А.И. Литвинюк // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2014. – № 1. – С. 77–82.
12. Бибажанова, Э.К. Приграничье как объект исследования / Э.К. Бибажанова // Вестник института социологии. – 2014. – № 4(11). – С. 12–20.
13. Новопрудский, С. Ахмед Петрович Рабинович [Электронный ресурс] / С. Новопрудский. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/ 10385681.shtml. – Дата доступа: 05.12.16.
14. Кофырин, Н. Идеология нашего времени [Электронный ресурс] / Н. Кофырин. – Режим доступа: http://blog.nikolaykofyrin.ru/?p=511. – Дата доступа: 25.04.17.
15. Нарочницкая, Н. Россия. Портрет в национальном интерьере / Н. Нарочницкая // Русский журнал. – 2007. – № 10. – С. 82–85.

Поступила в редакцию 02.05.2017 г.

УДК 930.1

Современные тенденции в исследованиях исторической памяти: философско-методологические аспекты

Капитонова Т.А., Белокрылова В.А.
Государственное научное учреждение
«Институт философии Национальной академии наук Беларуси», Минск

Одно из ведущих мест в современном социогуманитарном знании занимают исследования феномена исторической памяти. При этом проблематика памяти выходит далеко за пределы узкого академического сообщества, формируя повестку дня широких общественных дискуссий и претендуя на статус новой парадигмы нашей эпохи, названной Пьером Нора «эрой коммеморации».

Цель статьи – выявление важных тенденций в современном изучении исторической памяти, задающем методологические рамки интерпретации культурных феноменов прошлого и настоящего.

Материал и методы. *Источниковая база исследования представлена современными социогуманитарными теориями и концепциями, посвященными анализу актуального содержания исторической памяти, факторов ее естественного и/или искусственного воспроизводства, модификации и т.п. При этом используются методы системного и компаративного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Показана диалектическая взаимодополняемость историографического и биографического подходов к изучению содержания и механизмов воспроизводства исторической памяти, которая репрезентируется как нарратив идентичности социума, конструируемый на основе ценностной интерпретации исторических событий. Выявлено, что демонстрируемый акцент на ценности в оценке событий прошлого непосредственно связан с глобализацией исторического нарратива.*

Заключение. *Сформулированы основные тренды в современных исследованиях исторической памяти: комплементарность историографического и биографического подходов, социально конструируемый характер исторической памяти, глобализация исторического нарратива.*

Ключевые слова: *исследования исторической памяти, индивидуальная память, коллективная память, биографический метод, устная история, социальное конструирование памяти.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 126–130)

Current Trends in Historical Memory Studies: Philosophical and Methodological Aspects

Kapitonova T.A., Belokrylova V.A.
State Scientific Institution
«Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk

Studies of historical memory occupy one of the main points on the agenda of contemporary social and humanitarian knowledge. Memory research goes far beyond the narrow academic community; it forms an agenda for broad public debate and claims the status of a new paradigm of our era, which Pier Nora called the «era of commemoration».

The purpose of the article is to identify important trends in contemporary studies of historical memory that set the methodological framework for the interpretation of cultural phenomena of the past and present.

Material and methods. *Sources of research are represented by modern sociohumanitarian theories and paradigms devoted to the analysis of the topical content of historical memory, the factors of its natural and/or artificial reproduction, modification, etc. The conducted research is based on methods of system and comparative analysis.*

Findings and their discussion. *The dialectical complementarity of historiographic and biographical approaches to the study of content and mechanisms of historical memory reproduction is showed. Historical memory is re-presented as a narrative of social identity, which is constructed on the base of the moral interpretation of historical events. It is revealed that the emphasis on values in the interpretation of past events is directly related to the globalization of the historical narrative.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: drkapitonova@gmail.com – **Т.А. Капитонова**

Conclusion. *The main trends of contemporary studies of historical memory are formulated: the complementarity of historiographical and biographical approaches; socially constructed character of historical memory; globalization and focus on the values of historical narrative.*

Key words: *historical memory studies, individual memory, collective memory, biographical method, oral history, social construction of memory.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 126–130)

Исследования феномена исторической памяти (в англоязычной литературе используется термин «memory studies») претендуют на одно из ведущих мест в повестке дня современного социогуманитарного знания. При этом под исторической памятью, как правило, понимается система представлений о прошлом, подтверждающая для членов общества их коллективную идентичность и символически репрезентирующая их единство во времени и пространстве [1–3].

Оценка актуального содержания исторической памяти, факторы ее естественного и (или) искусственного воспроизводства, модификации вызывают значительный резонанс в общественно-политических дискуссиях и практиках. Внимание к данной проблематике настолько велико, что ряд исследователей заявляет о рождении новой мемориальной парадигмы в гуманитарных науках, позволяющей с иного ракурса взглянуть на различные явления в сфере культуры [4; 5]. Концептуальные основы мемориальной парадигмы сформулированы такими авторами, как М. Хальбвакс, Ж.Ле Гофф, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, П. Рикер, Я. Ассман, П. Нора и др. На постсоветском пространстве систематические исследования проблематики памяти проводят И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, Н.Е. Копосов, А.Ф. Смоленчук, Г.Н. Саганович, А.Л. Ластовский и др.

Цель статьи – выявление наиболее важных тенденций в современном изучении исторической памяти, задающем методологические рамки интерпретации культурных феноменов прошлого и настоящего.

Материал и методы. Источниковая база исследования представлена современными социогуманитарными теориями и концепциями, посвященными анализу актуального содержания исторической памяти, факторов ее естественного и/или искусственного воспроизводства, модификации и т.п. При этом используются методы системного и компаративного анализа.

Результаты и их обсуждение. В современных исследованиях можно выделить такие базисные аналитические уровни репрезентации изучаемого предмета, как коллективная и индивидуальная историческая память. Коллективная историческая память (термин, введенный М. Хальбваксом в работе «Социальные рамки памяти» [6]) в значительной своей части конструируется властным дискурсом и представляет собой четко структурированный и упорядоченный набор описаний, идей и образов прошлого. Это знание передается из поколения в поколение и воспроизводит себя в различных социальных и институциональных практиках, коммуникациях.

В свою очередь индивидуальная историческая память формируется как медиатор, посредник, соединяющий индивида с группой в процессах повседневной коммуникации. Если коллективная историческая память опосредует восприятие прошлого при помощи институциональных каналов, то индивидуальная память обращается непосредственно к личному опыту прошлого.

Диалектическая природа взаимодействия индивидуального и коллективного начал исторической памяти выступает одной из тем, активно разрабатываемых исследователями. Так, приверженцы социологической школы Э. Дюркгейма, разделяя точку зрения о существовании социальных механизмов организации памяти членов общества, полагают, что коллективная память включает в себя индивидуальную, будучи при этом не механической суммой представлений отдельных личностей, а обобщенным образом этих представлений, принимаемым и узнаваемым всеми членами данного сообщества. В рамках подобной традиции предполагается, что индивидуальная историческая память в силу своей фрагментарности и уникальности не может составлять основу, базис коллективной исторической памяти. Скорее она должна вписываться определенным образом в общественное историческое пространство, тем самым выполняя функции контроля и верификации.

Стоит отметить, что указанная точка зрения не является общепризнанной. В специальной литературе активно дискутируется вопрос об онтологическом статусе концепта коллективной памяти: можно ли говорить о существовании над- или

внеиндивидуальной коллективной памяти (memory collective) или же более корректным будет вести речь о совокупной памяти (memory collected) вместе взятых отдельных воспоминаний членов общества (Ш. Линд) [7].

Одной из методологических проблем теории коллективной исторической памяти является, по мнению В. Канштайнера, неоправданный перенос на понятие коллективной памяти существующих нейрофизиологических и психологических представлений об индивидуальной памяти, что препятствует построению внеиндивидуального измерения данной теории [8, p. 179]. Другая проблема – излишняя эмоциональность и политизированность изучения механизмов коллективной памяти. Например, в случае исследования тем Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида изучаемый материал, как отмечает А. Васильев, «активно сопротивляется холодному и объективному исследовательскому взгляду, требует эмоциональной вовлеченности, сопереживания» [9], что, в свою очередь, мешает беспристрастному раскрытию механизмов работы нарративов памяти о травматических событиях в жизни сообществ.

Диалектика взаимовлияния индивидуального и коллективного начал в формировании актуального «контента» исторического сознания находит свое непосредственное отражение в диалектике методологически полярных концептуальных систем, в рамках которых разворачивается теоретическая репрезентация механизмов исторической памяти. Так, представленные в литературе методы исследования исторической памяти можно условно разделить на две основные группы, зачастую противопоставляемые и в то же время диалектически дополняющие друг друга. Одна из них, условно назовем ее *историографической* традицией, выстраивая хронологические нарративные структуры, делает акцент на восстановлении содержательно-фактической канвы событий прошлого, используя в числе прочих методы контент- и дискурс-анализа. Ее приверженцы (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) постулируют, что историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого [4; 6]. Так, Пьер Нора, противопоставляя память и историю, пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делигитимизация пережитого прошлого» [4, с. 20].

В то время как альтернативный – *биографический* подход включает в себя помимо объективного, содержательно-фактического каркаса, выступающего базовым фоном для разворачивания ленты личностных событий, прежде всего, субъективные, экзистенциально-смысловые компоненты. Так, наиболее влиятельная парадигма биографического подхода, именуемая *«устной историей»* или «oral history», подразумевает «сбор научно организованной устной информации от непосредственных свидетелей исторических событий» [10]. Отличительной чертой биографического подхода является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания, а также позволяет дополнить сведения, полученные из официальных источников, свидетельствами непосредственных участников событий [11]. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти помогает «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников; вводит в научный оборот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию, личный опыт пережитого.

Взаимодополняющий характер двух обозначенных подходов связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентированная на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого,

не дополненная возможностями биографического подхода, служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию ее смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов формирования и воспроизводства. Биографический метод, вводя в научный оборот наполненную уникальными красками повседневность, позволяет преодолеть одномерность традиционной *историографической* интерпретации реальности. Наличие широкого спектра субъективных свидетельств делает воссоздаваемую картину исторической реальности более объемной и многоплановой и, тем самым, более объективной и реалистичной. Исследовательская парадигма устной истории, актуализируя дополнительные смысловые пласты прошлого, открывает широкие возможности для трансдисциплинарного синтеза в изучении исторической памяти, требующего консолидированных усилий специалистов различных гуманитарных наук: историков, политологов, философов, социологов, психологов.

Другим важным трендом современных исследований, который нельзя оставить без внимания, является *презумпция социального конструирования исторической памяти.* Отправная точка современного рефлексивного отношения к знанию о прошлом – проблематизация нелинейного процесса его социального конструирования, которое становится самостоятельным предметом анализа и гипотетического моделирования. Конструктивно-процессуальный характер коллективной деятельности в сфере исторического интерпретирует память об историческом явлении как конструируемый контекстуальный феномен; как процесс, мобилизующий разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащий выражением солидарности группы. Это означает, что многочисленные данные, сохраненные различными способами на разных носителях информации, сами по себе, без соответствующей работы социальных акторов, не являются исторической памятью, но образуют ее лишь тогда, когда извлекаются из хранилища и становятся предметом коммуникаций в рамках определенной нации, группы, сообщества. То, каким образом различные социальные институты работают со своим прошлым, как перерабатываются и реактуализируются нарративы о прошлом для реализации текущих целей общества и целей его будущего развития, – одна из ключевых тем в изучении процессов формирования исторической памяти [9].

Историческая память как способ актуализации прошлого для решения задач настоящего и воплощения целей будущего развития выполняет две важные взаимосвязанные социальные функции: идентификации и легитимации. Как отмечает Шарлотта Линд в своей работе «Работая с прошлым: Нарратив и институциональная память», функция идентификации используется для конструирования стабильного нарратива идентичности общества, т.е. позволяет показать, что «то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [7, p. 3]. Обеспечивая ориентацию в историческом времени и социальном пространстве, знания о прошлом становятся основой культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности.

В свою очередь функция легитимации позволяет политикам использовать память для обоснования своего права на власть, для оправдания своих внутри- и внешнеполитических действий. Используемые ими исторические аналогии зачастую выступают в качестве неких прототипов или образцов принятия политического решения, не только предлагая спектр возможных вариантов действия в данной ситуации, но также и обосновывая тот или иной политический порядок через отсылку к прошлому.

Процессы памятования и забвения играют серьезную роль в реализации стратегий социальных трансформаций, в том числе в реинтеграции расколотых обществ, переживших период массового насилия и преступлений против человечности и желающих перейти к гражданскому согласию и миру [9]. Историческая память, объемлющая зачастую противоположные воспоминания разных групп об одних и тех же событиях, имеет амбивалентный характер. Она выступает не только как фактор стабильности и интеграции общества, но и как средство социальных изменений, как движущая сила давно назревших общественных перемен и трансформационных процессов. Немаловажную роль в этом играет морально-ценностная интерпретация исторических событий.

Таким образом, еще одним важным моментом в исследовании исторической памяти является *акцент на ценности в интерпретации исторических событий,* что

непосредственно связано с *глобализацией исторического нарратива*. Процессы конструирования исторической памяти, традиционно реализуемые на уровне национальных государств, под воздействием феномена глобализации неизбежно оказываются помещенными в более широкий, региональный, а зачастую, и глобальный контекст. Каждая нация, конструирующая образ своего прошлого, делает это «на глазах» других наций, в контексте мирового историко-дискурсивного пространства.

Это ставит перед исследователями вопрос о принципиальной возможности коллективной памяти зарождающегося глобального сообщества. Апологеты глобальной космополитической памяти связывают возможность ее возникновения с феноменом Интернета, общемировых коммуникаций и СМИ. В свою очередь ее оппоненты указывают на принципиальную несовместимость локальных центров национальной памяти и феномена глобальной коммуникации, разрушающей культурные границы. При этом и те, и другие подчеркивают тесную взаимосвязь и взаимовлияние феноменов исторической памяти и глобализации, описывая мобильные и непредсказуемые процессы их совместного развития [12].

Одним из наиболее наглядных результатов этой коэволюции стало появление глобальной аудитории, разделяющей принципы универсальности прав человека, гуманизма, свободы и демократии и оказывающей существенное влияние на оценку и интерпретацию исторических событий. Благодаря внедрению в историческое сознание морального императива, основанного на гуманистических ценностях, стало возможным констатировать постепенное смещение парадигмы памяти: на смену доминировавшим ранее героическим нарративам, основанным на образах национальных побед, пришли нарративы жертв, занявшие центральное место в глобальном дискурсе «коллективной вины и ответственности».

Таким образом, историческая память, предоставляя дискурсивный контекст для пересмотра ценностей и установок локального прошлого, оказывается способной задавать новые ценностно ориентированные горизонты смыслов и возможностей для общего глобализированного будущего.

Заключение. В статье сформулированы основные тренды современных исследований исторической памяти: комплементарность историографического и биографического подходов, социально конструируемый характер исторической памяти, глобализация исторического нарратива и его ценностно ориентированный характер. В частности, показана диалектическая взаимодополняемость историографического и биографического подходов к изучению содержания и механизмов воспроизводства исторической памяти. При этом историческая память репрезентируется как нарратив идентичности социума, конструируемый на основе ценностной интерпретации исторических событий.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г15-106).

Литература

1. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс] / А.Л. Ластовский. – Полит.ру. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/. – Дата доступа: 29.09.2014.
2. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
3. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания / Л.П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
4. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
5. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).
6. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
7. Linde, Ch. Working the Past: Narrative and Institutional Memory / Ch. Linde. – New York: Oxford Univ. Press, 2009. – 264 p.
8. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – Vol. 41, N 2. – P. 179–197.
9. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев. – Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/2640. – Дата доступа: 29.09.2016.
10. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М.: Весь мир, 2003. – 367 с.
11. Ritchie, D.A. Doing Oral History / D.A. Ritchie. – 3rd ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – 368 p.
12. Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories / Eds. A. Assmann, S. Conrad. – New York, 2010. – 249 p.

Поступила в редакцию 05.06.2017 г.

УДК 130.12+316.3

Целостность социального сквозь призму реализации дара

Бродецкая Ю.Ю.
Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Днепр (Украина)

Актуальность феномена социальной целостности заставляет исследователей рефлексировать относительно перспектив и моделей его реализации. Как возможно будущее общества, что составляет основания и угрозы его функционирования, каковы механизмы преодоления проблемы и условия формирования социальной целостности? Эти вопросы формируют исследовательское поле современного социально-философского дискурса. Потенциал и практики реализации последнего рассматриваются автором как способы конструирования уникальности личности и, соответственно, продуктивных социальных отношений.

Цель статьи – анализ экзистенциальных условий и практик конструирования целостности со-бытия, в качестве которых выступают духовная культура и феномен дара.

***Материал и методы.** Проблемное поле исследования – феномен дара, его экзистенциальные основания и потенциал, аспекты реализации феномена, создающие уникальность, целостность человека и его со-бытийности в современном обществе. Теоретико-методологическая база – традиции православной христианской философии, экзистенциализма, а также психоанализа, раскрывающие фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности.*

***Результаты и их обсуждение.** Развертываясь в аспекте постижения духовной культуры, дар, деление даром, выступает, по сути, единственным способом творческой реализации потенциала личности, развертывающимся в процессе обнаружения и развития сущностных сил человека, его духовной активности. Это порядок продуктивной со-бытийности, в основании которого лежат духовные связи (но не зависимости!) – опыт деления даром. Поэтому говоря о практиках реализации социальной целостности, необходимо исследовать потенциал дара, символично открывающего логику воплощения опыта единения в социальную реальность.*

***Заключение.** В решении проблемы социальной целостности следует опираться на формирование комплексной методологической перспективы, в рамках которой возможен анализ условий, механизмов, логики развития социального единения, а также угроз, актуализирующихся в условиях формирования обществ современного типа. В этой связи анализ феномена дара представляется необходимым для компаративного анализа проблематики целостности.*

***Ключевые слова:** социальная целостность, дар, духовная культура, цельное знание, опыт коммунитас.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 131–136)

Social Integrity through the Prism of Gift Implementation

Brodetskaya Y.Y.
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Dnipro (Ukraine)

The relevance of the social integrity phenomenon compels researchers to reflect on the prospects and patterns of its implementation. How might the future society be, what makes the conditions and the threat of its operation, what are the mechanisms to address the problem of social integrity? These questions constitute the research field of modern social and philosophical discourse. Potential and practices of the phenomenon are explored by the author as ways of constructing the uniqueness of the personality and, consequently, productive social relations.

The purpose of this study is the analysis of constructing existential conditions and practices of the integrity of co-existence, which are the spiritual culture and the gift phenomenon.

***Material and methods.** The problematic field of research is the gift phenomenon, its existential foundations and potential, the phenomenon aspects that create the uniqueness, integrity of human and his co-existence in modern society. Theoretical and methodological basis of the research were the traditions of the Orthodox Christian philosophy, existentialism and psychoanalysis, which disclose fundamental aspects of social integrity problem decisions.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: brodezkaja_yulij@mail.ru – **Ю.Ю. Бродецкая**

Findings and their discussion. *Gift, sharing gift is implemented within the framework of spiritual culture comprehension. In fact, gift is the only way to creatively implement individual potential, which unfolds in the process of discovering and developing a person existence, his spiritual activity. This is the order of the productive co-existence, based on spiritual ties (but not dependencies!) – sharing gift experience. Therefore speaking about the practices of realizing social integrity, it is necessary to explore the gift potential. The gift phenomenon symbolically opens the logic of realization of the integrity experience in social reality.*

Conclusion. *To solve the problem of social integrity it is necessary to shape a complex methodology that will identify the conditions, mechanisms, the logic of social integrity. This methodology will also detect threats to the integrity that are actualized in conditions of shaping the contemporary society. In this connection, the analysis of the phenomenon of gift seems to be necessary for comparative analysis of the social integrity problems.*

Key words: *social integrity, gift, spiritual culture, whole knowledge, communitas experience.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 131–136)

В качестве условия и механизма формирования и развития индивидуальной и социальной целостности духовная культура открывает перспективу *экзистенции человека «быть»*. Весь потенциал данного феномена, безусловно, ориентирован на воссоздание личностного (а следовательно, и социального) порядка, раскрытие духовного потенциала человека. Посредством организации, структурации социальной среды, придания смысла, понимаемости, опознаваемости и уникальности окружающего мира, мира Другого, на индивидуальном уровне духовная культура как цельное знание интериоризируется в систему социальных отношений, где созревает продуктивная установка личности – стремление «быть». Экзистенциальная сущность и в то же время уникальность последней в отличие от стремления «иметь» заключается в открытости миру Другого. В связи с этим Ж. Делез отмечает, что «быть открытым для других – это исконное определяющее свойство человека, а не некий поступок. Любое действие – поступить как-то с людьми, что-то сделать для них (или навредить им) – всегда предполагает предварительное пассивное состояние открытости человека... это основа всевозможных "социальных отношений", чистое присутствие в моей жизни людей – присутствие, представляющее собой подлинное со-присутствие "Другого" (в единственном или множественном числе») [1, с. 125]. Иными словами, лишь в организованной определенным образом системе социальных отношений, коммуникационной среде, человек способен оформляться в качестве участника, со-творца (Я всегда существует как система отношений с Ты, Другим, Мы). Само по себе Я вне структурированных коммуникативных актов существовать не может, о чем С. Франк говорит: «Я – коммуникативный очаг, где непрестанно пульсирует совокупность отношений, без которых мы не можем встроиться в близкий нам мир» [2, с. 254]. Французский же философ М. Монтень утверждает: «Во всяком индивиде уже присутствует другое Я, оно заранее составляет конституитивный элемент сознания. Таким образом, со-бытие "других Я" дается не эмпирически, а трансцендентально, составляет внутреннюю структуру личности, и эта структура является онтологическим основанием индивидуального опыта. Ядро самовосприятия индивидуума есть процесс, суть которого составляет направленность на Другого. Пока человек не может посмотреть на себя как на другого, акт самовосприятия не может состояться» [3, с. 132].

Цель статьи – анализ экзистенциальных условий и практик конструирования целостности со-бытия, в качестве которых выступают духовная культура и феномен дара.

Материал и методы. Проблемное поле исследования – феномен дара, его экзистенциальные основания и потенциал, аспекты реализации феномена, создающие уникальность, целостность человека и его со-бытийности в современном обществе. Теоретико-методологическая база – традиции православной христианской философии, экзистенциализма, а также психоанализа, раскрывающие фундаментальные аспекты решения проблемы социальной целостности. Компаративный метод позволяет выявить этапы и логику развития идеологии тотальности в контексте инвестиции тотальных практик в социальную жизнь, их претензии на решение проблемы целостности социального.

Результаты и их обсуждение. Наиболее полное свое раскрытие феномен социальной целостности находит в горизонте христианских смыслов, где «преодолена замкнутость мира, человеческой душе открыт доступ из него в блаженное надмирное богочеловеческое бытие» [4, с. 102]. В этой

связи исследование потенциала духовной культуры как системы цельного знания, транслятора опыта *communitas* детерминирует поиск ответов на вопрос об условиях становления целостности общества, открывает перспективу анализа практик и форм его реализации. «Живое знание» (А. Хомяков, Г. Шпет, С. Франк), «цельное знание» (В. Соловьев), Истина, способная открыться человеку в процессе познания себя, выступает смысловым основанием гармоничного человеческого бытия. Это знание, которое становится доступно лишь при условии выхода за пределы дефицитарного познания (тотализированного сознания), когда человек направляет все свои сущностные силы на поиск Истины, когда способен ощущать потребность в единстве, гармонии с собой, ближним, окружающей реальностью.

Выступая условием духовного совершенствования человеческой природы, культура открывает смысл, паттерны продуктивной коммуникации со-бытия, сохраняет преемственность и уникальность времен и поколений, организует внутренний порядок, целостность человека и окружающих его отношений. Стимулируя в личности стремление к удовлетворению духовных потребностей, поиск смысла, истины, культура формирует в нем осознание собственной уникальности, сути, предназначения, сродненности с Целым. Она указывает человеку путь, следуя которому он способен познать себя. Поэтому отвергая ее значение, реифицируя смыслы в знаки, человек, таким образом, лишает себя связи с Целым, шанса познать свой творческий потенциал – *дар,* реализуя который он становится уникальной, неотъемлемой частью Единого.

Расширяясь в аспекте постижения цельного знания, дар, деление даром как основание социальной целостности выступает, по сути, творческой реализацией потенциала личности, развертывающейся в процессе обнаружения и развития сущностных сил человека, его духовной активности. *Это порядок приобщенности, продуктивной со-бытийности, транслирующей потенции Я в Мы, в основании которого лежат духовные связи (но не зависимости!) – опыт деления даром.* Поэтому говоря о практиках реализации социальной целостности, необходимо обратиться к потенциалу *дара,* символично открывающему логику воплощения опыта единения в социальную реальность.

Впервые дар как антропологическая универсалия, феномен и культурный механизм, обладающий транскультурным и вневременным характером, концептуализируется М. Моссом в работе «Очерк о даре: форма и основание обмена в архаических обществах» (1925 г.)»[1]. Исследователь акцентирует внимание на том, что под именем «дара» в культуре скрыто функционирует особый механизм, способствующий поддержанию «социального мира и человеческих взаимодействий». М. Мосс выстраивает свою теорию на тезисе о генетической детерминированности дара другим культурным механизмом – обменом, поэтому контекстуальным полем анализа феномена выступает *«теория обмена»*[2]. В рамках последней ученый и интерпретирует дар как одну из древнейших форм обмена, уловить природу которой, можно путем проведения этнологических и кросс-культурных исследований архаических обществ (древних правовых и экономических систем)[3].

[1] Начиная с последней трети XIX века на Западе популяризируется научная традиция исследований дара, которая активно развивается как в практическом, так и теоретическом аспектах: социальная и культурная антропология дара Э. Дюркгейма, М. Мосса, Ф. Боаса, М. Салинза; феноменология жертвоприношения М. Элиаде, Р. Кайуа, Р. Жеррара; разработки в области феноменологии «данного» Э. Гуссерля и М. Хайдеггера; этика Другого Э. Левинаса; конфессиональная христианская теология дара и благодарения А. де Любака, Ж.-Л. Мариона, Дж. Милбанка, Д. Станилоае, Р. Вильямса, Антония Сурожского; анализ обмена, дара и жертвы в постмодернистской философии Батая, Фуко, Барта, Бодрийяра, Деррида, Капуто, Жижека и др.

[2] Основной тезис теории обмена (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. С. Милль и И. Бентам) гласил: в экономических отношениях властвует принцип «du ut des» («Даю тебе, чтобы ты дал»), поэтому, участвуя в этих отношениях, каждый «человек рационально стремится увеличить до предела свои материальные блага, совокупность “полезных вещей” в процессе деловых или обменных операций, осуществляемых в рамках свободного или конкурентного рынка» [5, с. 272]. В антропологии теория обмена была опробована в 1919 г. Дж. Фрезером, но именно М. Мосс истолковал все аспекты социального взаимодействия и культуры как процесс непрерывного и универсального обмена материальными и символическими благами, узаконив и оправдав тем самым экстраполирование экономических законов и категорий в область теоретической и практической антропологии.

[3] Исследование Б. Малиновского, ставшее эталоном этнографического «насыщенного описания» сообщества кула, сделанное в работе «Аргонавты Западной части Тихого океана», было опосредовано «Очерком о даре» Марселя Мосса. Как отмечал исследователь: «Сообщество кула состоит из одной или нескольких деревень, жители которых совместно отправляются в большие заморские экспедиции и

На основе анализа *«потлача»,* обычая циклической и безостановочной раздачи, получения и возвращения даров у американских индейцев, описанного Ф. Боасом, М. Мосс констатирует, что в архаическом обществе господство обмена в форме дара имело тотальный характер: «Все – пища, женщины, дети, имущество, талисманы, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги – составляет предмет передачи и возмещения. Все уходит и приходит так, как если бы между кланами и индивидами, распределенными по рангам, полам и поколениям, происходил постоянный обмен духовного вещества, заключенного в вещах и людях» [7, с. 103].

Потлач сосредотачивает в себе все ценностно-нормативное многообразие социальной жизни: он является религиозным, мифологическим, экономическим, социально-морфологическим, эстетическим, юридическим феноменом. В нем через синтез обязанностей *давать, получать и возмещать* укореняется практика взаимообмена. Из трех взаимосвязанных обязанностей, составляющих обмен в форме дарования *(давать, брать и возмещать),* по мнению исследователя, последняя наиболее важна. Поскольку, будучи формально добровольными, и дар и компенсирующее дарение являются строго обязательными, и любое нарушение экономии и этики дара неизменно приводит к конфликтным ситуациям. Причина конфликта – *активность дара:* «Подарить нечто кому-нибудь – это подарить нечто от своего “Я” ... в этой системе идей считается ясным и логичным, что надо возвращать другому то, что реально составляет частицу его природы и субстанции, так как принять нечто от кого-то – значит принять нечто от его духовной сущности, от его души. Задерживать у себя эту вещь было бы опасно, смертельно, и не просто потому, что морально, но и физически и духовно эти идущие от личности вещи, эта сущность, пища, движимое и недвижимое имущество, женщины или потомки, обряды или союзы обладают над вами религиозно-магической властью» [7, с. 100].

участвуют в сделках кула как единое целое, сообща совершают магические обряды, имеют общих лидеров и обмениваются драгоценностями в границах одной и той же внешней и внутренней социальной сферы» [6, с. 117]. Б. Малиновский показал, что данное сообщество формируется людьми, связанными «даром», т.е. сложной системой взаимного обмена подарками, и теми смыслами, которые они извлекают из этой практики.

Поместив феномен дара в предел экспликации «теории обмена», М. Мосс закрепляет его «классическое» определение: «Дар (подношение, подарок) или жертва – это предмет, который один субъект своим волеизъявлением, обусловленным исторически и социально, передает навсегда другому... Жертва и дар содержат общий смысл: в обоих актах обычно реализуется принцип “du ut des” (“даю тебе, чтобы ты дал мне”, “дар должен быть вознагражден”)... принцип обмена реализуется обычно материальными ценностями, но в актах дарения или жертвоприношения утверждается также принцип взаимного доброжелательства в отношениях людей и божеств» [8, с. 173]. Наделяя *дар* статусом *особого культурного механизма,* необходимо поддерживающего социальные взаимодействия между людьми в обществе, моссовская традиция интерпретации феномена заложила исследовательскую перспективу его дальнейшего анализа[4]. Трактуя *«дар»*

[4] Так, сохраняя основной тезис М. Мосса о генетической вписанности дара в механизм обмена, в том же антропологическом ключе решает загадку дара К. Леви-Стросс. Согласно его позиции, дар представляет собой частный случай фундаментальной структуры социальных отношений, системы бессознательных правил, регулирующих родовую жизнь. Он считает, что М. Мосс ошибочно принял часть за целое, усмотрев в даробмене вещами ключ к родовым отношениям. Между тем этот ключ, скорее всего, находится в гендерных отношениях родства, преимущественно в обмене женщинами между родами [9]. Кроме того, К. Леви-Стросс предложил исключить фактор времени, на основе которого различались «частные» моменты дара, заявив, что только «обмен, а не отдельные операции, на которые раскладывает обмен социальная жизнь, конституирует примитивный феномен» [10, с. 426]. Редукция диахронии дара сделала концепцию К. Леви-Стросса невосприимчивой к конкретизации феномена дара в культуре, исключив влияние на него социальных мотивов, ценностных ориентаций, поведенческих стратегий.

Позже концепция Леви-Стросса была подвергнута критике П. Бурдье, который заявил, что отрицая дискретность акта дара, Леви-Стросс подменяет «непосредственно переживаемую последовательность даров объективной моделью взаимообменного цикла» [11, с. 205], в рамках которой реальная практика обмена дарами замещается «такой, какой она переживается и совершается (этот последний опыт безоговорочно отбрасывается как чистая видимость)» [11, с. 205]. Для П. Бурдье интерес представляла, прежде всего, «субъективная» сторона дара, круг стратегий «субъективного» разрешения *ситуаций вызова и ответа*, предполагающихся актом дара: «Здесь все зависит от манеры, то есть от своевременности и уместности; одно и то же слово, жест, посту-

как *нечто «опредмеченное»,* ученый вместе с тем ставит вопрос, не возникавший ранее в этнографическом исследовании: «Что это за сила, которая обязывает людей дарить, принимать дары и затем передать этот дар другим?». Сам М. Мосс полагает, что за дарением стоит таинственная «связь душ». «Социальные отношения, мораль, эмоциональность, семья и гостеприимство создаются и поддерживаются обратимым, можно сказать, диалогическим обменом дарами и услугами. Можно сказать, что позитивное значение этой формы обмена в том, что она порождает "семейные чувства", преданность, любовь, великодушие и солидарность. Об этом свидетельствуют "бесчисленные, повседневные и непрестанные обмены – обмены подарками, услугами, помощью, визитами, вниманием, добротой – и исключительные и торжественные обмены членами семейства"» [12].

Исследователь не раскрывает символическую природу *дара,* усложняя ситуацию проблемой семантической путаницы понятий «дар», «жертвоприношение» и «обмен». Как отмечает К. Пашков в работе «Дар и благодарение в контексте христианской и постмодернистской антропологий», «в рамках данной концепции, в триаде "обмен – дар – жертвоприношение", "дар" занимает во всех смыслах срединное, подчиненно-функциональное положение. Он сохраняет возможность в каждом конкретном случае быть истолкованным, в зависимости от контекста, не только в качестве прецедента явной формы экономических отношений (обмен), но и в качестве религиозного феномена (жертвоприношение), в котором, однако, "экономическая" компонента постулируется также обязательно присутствующей, хотя и в латентном виде» [13].

В поисках определения «дара» М. Мосс исследует латинскую лексику, римское, индийское, германское право, обращается к этимологии немецкого *geben* и полисемии Gift – gift (дар – яд) в германских языках. «Мосс, – отмечает Деррида, – описывает под именем дара большое количество феноменов различного рода, принадлежащих разным культурам, манифестирующих себя в различных языках, под одной, определенной категорией дара, под знаком "дар"... (но)... что остается проблематичным – так это не только *единство* этого семантического горизонта, но предполагаемая идентичность значения, которым оперируют в качестве основы для перевода и эквиваленции, само существование чего-либо подобного *дару,* общий референт этого знака, который, сам по себе, не определен» [14, p. 26]. Сам М. Мосс в заключительной части «Очерка о даре» отмечает: «Употребляемые нами термины "подношение", "подарок", "дар" сами по себе не очень точны, мы не нашли других, вот и все» [7, с. 210]. Вместе с тем ученый закладывает предпосылки к анализу «загадки *дара*» [15]. Настоящая же редукция к трансцендентной природе *дара* как альтернативе экономике присвоения, его символической и экзистенциальной человеческим отношениям сути начинается в связи с актуализацией ситуации культурного релятивизма современного общества и поиском путей ее преодоления.

Заключение. Таким образом, ракурс исследования феномена *дара,* предложенный в качестве социокультурного символического способа формирования со-бытийности, направлен на поиск в ситуации модификаций тоталитарных тенденций нового массового порядка, путей развертывания уникальности индивидуального, возможностей конструирования целостного человеческого бытия. Именно в этих кризисных условиях, размывающих идентичности, превращающих личность в пожирающего потребителя, *дар* как перспектива реализации модуса «быть» выступает единственным способом преодоления тоталитарных угроз. Однако при этом требуются серьезные усилия.

пок – преподнести или вернуть дар, нанести или отдать визит, послать или принять приглашение и т.д. – совершенно меняют свой смысл в зависимости от момента, т.е. от того, приходятся ли они вовремя или не вовремя, кстати или некстати; а дело все в том, что время, ***отделяющее*** дар от ответного дара, делает возможным коллективно поддерживаемый и апробированный самообман, составляющий предпосылку функционирования обмена» [11, с. 207–208]. В силу этого при анализе дара в качестве культурного механизма необходимо помнить о его *диахронии* и субъективном факторе, так как в реальном обществе (как архаическом, так и современном) все пронизано ***отношениями власти и чести***, и дар включен в этот процесс, от чуткости человека к которому зависит устойчивость его социального положения.

Литература

1. Делез, Ж. Фуко / Ж. Делез; пер. с франц. Е.В. Семиной. Вступ. ст. И.П. Ильина. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998 (Французская философия XX века). – 172 с.
2. Франк, С.Л. С нами Бог. Три размышления / С.Л. Франк // Духовные основы общества. – М., 1992. – 750 с.
3. Монтень, М. Опыты: в 3 кн. / М. Монтень; пер. с фр. – М.: Голос, 1992. – Кн. 1. – 384 с.

4. Франк, С. Свет во тьме / С. Франк. – М.: Изд-во «Факториал», 1998. – 256 с.
5. Тернер, Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер; пер. с англ. – М.: Наука, 1985. – 350 с.
6. Малиновский, Б. Избранное: Аргонавты Западной части Тихого океана / Б. Малиновский. – М.: РОССПЭН, 2004. – 552 с.
7. Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общество. Обмен. Личность: пер. с фр. – М.: Восточная литература, 1996. – С. 83–223.
8. Рикман, Э. Место даров и жертв в календарной обрядности / Э. Рикман // Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. – С. 173–185.
9. Levi-Strauss, Cl. Introduction to the Work of Marcel Mauss / Cl. Levi-Strauss. – London: Routledge and Kegan Paul, 1987.
10. Леви-Стросс, К. Предисловие к трудам М. Мосса / К. Леви-Стросс. – СПб.: Евразия, 2000. – С. 409–435.
11. Бурдье, П. Практический смысл / П. Бурдье; пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
12. Болдуин, Дж. Жизни нужна страсть: Бодрийяр и дар [Электронный ресурс] / Дж. Болдуин // ХОРА. – 2009. – № 2(8). – С. 89–108. – Режим доступа: http://www.jkhora.narod.ru/2009-02-07.pdf\. – Дата доступа: 03.06.2016.
13. Пашков, К. Дар и благодарение в контексте христианской и постмодернистской антропологий / К. Пашков // Богословський портал 2010. Сер., Сучасна теологія. – 221 с.
14. Derrida, J. Given time. I. Counterfeit money / J. Derrida. – Chicago&London: The University of Chicago Press, 1992. – 171 p.
15. Годелье, М. Загадка дара / М. Годелье. – М.: Восточная литература, 2007. – 295 с.

Поступила в редакцию 02.06.2017 г.

УДК 316.7:316.42-057.87(476+470)

Духовный мир студенческой молодежи и роль исторического сознания в его формировании

Давлятова Е.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

После распада СССР на постсоветском пространстве возникло много независимых государств. В настоящее время они претерпевают радикальные социокультурные трансформации, которые сопровождаются переинтерпретацией исторического прошлого и созданием нового национального исторического нарратива. Все это влияет на содержание исторического сознания людей и прежде всего молодежи.

Цель статьи – выявление характерных черт социокультурного облика студенческой молодежи белорусско-российского приграничья и определение роли исторического сознания в их формировании.

Материал и методы. *Материалом исследования явились данные социологического опроса, проводившегося среди студентов старших курсов и магистрантов ВГУ имени П.М. Машерова весной 2016 года. Участвовали 500 человек. Использованы общесоциологические методы сбора, обобщения и анализа полученного эмпирического материала. Методологическую базу составили общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение.*

Результаты и их обсуждение. *Определены базовые ценностные ориентации студенческой молодежи белорусско-российского приграничья (политические, нравственные, лингвистические, исторические). Выявлено отношение к истории своего народа и рассмотрено состояние национального самосознания, создан эскизный «социокультурный портрет» студенческой молодежи.*

Заключение. *Результаты исследования показали, что национальная принадлежность для большого количества респондентов не является значимым фактором, а в содержании патриотизма и национального самосознания белорусской молодежи превалирует политическая составляющая. Современная молодежь слабо знает историю своего прошлого и белорусский язык, не проявляет должного интереса к состоянию приграничного сотрудничества Беларуси и России. Полученные выводы могут быть учтены при разработке молодежной политики и при создании социальных программ по решению молодежных проблем.*

Ключевые слова: *молодежь, социум, язык, историческая память, историческое сознание, социокультурный облик, приграничье.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 137–143)

Spiritual World of Students and Role of Historical Conscience in Shaping it

Davlyatova E.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

After the collapse of the USSR a lot of independent states emerged on the post Soviet space. At present they undergo radical social and cultural transformations which are accompanied by re-interpretation of the historical past and creation of the new national historical narrative. All this influences the content of historical conscience of people, young people first of all.

The purpose of the article is to find out typical features of the social and cultural image of students in Belarusian-Russian borderline area and identify the role of historical conscience in their shaping.

Material and methods. *The research material is data of a sociological questionnaire which was conducted among graduates and students doing their Master's Degree at Vitebsk State P.M. Masherov University in the spring of 2016. 500 students were questioned. General logical methods of collection, generalization and analysis of the obtained empirical material were used. The methodological basis is made up by general research methods: analysis, synthesis, comparison and generalization.*

Findings and their discussion. *Basic value landmarks of students in the Belarusian-Russian borderline area are identified (political, moral, linguistic, and historical). Students' attitudes to the history of their nation as well as the state of the national self-identification are found out; a sketch «social and cultural» portrait of students is made.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kphilosof@vsu.by – **Е.В. Давлятова**

Conclusion. *The research findings indicate that national identity for many of the respondents is not a significant factor, while the political component prevails in the content of patriotism and national self-consciousness of Belarusian students. Contemporary youth know little about the history of their past and the Belarusian language; they are not interested in the state of cross border cooperation of Belarus and Russia. The research conclusions can be taken into account during the elaboration of youth policy and while creating social programs on youth issues.*

Key words: *youth, society, language, historical memory, historical consciousness, social and cultural image, borderline area.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 137–143)

Молодежь составляет 30% населения планеты и почти четверть населения нашей республики. Именно она займет в скором будущем ведущие позиции в экономике, политике, в социальной и духовной сферах жизни общества, и ценностные ориентации, жизненные стратегии, установки во многом определят участие молодежи и ее вклад в развитие общества. Студенчество – наиболее активная и чувствительная к социальным инновациям часть молодежи. Она лабильна, быстрее (по сравнению со старшими возрастными группами) отзывается на перемены, происходящие в социокультурной среде, для нее характерна неустойчивость ценностных установок. Одновременно именно студенчество имеет высокую адаптивность к новым условиям жизни. Этим обусловлен наш выбор в изучении социокультурного образа студенческой молодежи.

Цель статьи – выявление характерных черт социокультурного облика студенческой молодежи белорусско-российского приграничья и определение роли исторического сознания в ее формировании.

Материал и методы. Исследование проводилось кафедрой философии ВГУ имени П.М. Машерова среди студентов старших курсов и магистрантов весной 2016 года. Всего участвовали 500 человек. Использованы общесоциологические методы сбора, обобщения и анализа полученного эмпирического материала. Методологическую базу составили общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Вопрос этнической самоидентификации в последние десятилетия значительно обострился [1–6]. Важным маркером этничности является язык, который позволяет человеку идентифицировать себя как члена той или иной этнической группы.

В связи с этим первый блок вопросов нашего исследования был направлен на определение уровня национальной и языковой самоидентификации. На вопрос «Имеет ли для Вас значение национальная принадлежность человека?» были получены следующие результаты: да – 16,3%; нет – 31,09%; в некоторых случаях – 48,48%; не задумывался об этом – 4,13%. Ответы показали, что национальная принадлежность для большинства респондентов не является значимым фактором.

В 1990 году в Республике Беларусь был принят Закон о языке. В соответствии с ним белорусский язык получил статус государственного. В 1995 году, согласно результатам проведенного национального референдума, русский язык приобрел статус второго государственного языка. Беларусь – единственная страна постсоветского пространства, где действует билингвизм. Но законодательно оформленный билингвизм пока что не переведен в практическую плоскость. Это подтверждается результатами опроса. Для определения практической значимости русского и белорусского языков в жизни людей, а также отношения к ним респондентам был предложен следующий вопрос:

1. Какой язык для Вас родной?	
Русский	32,83%
Белорусский	21,52%
Русский и белорусский	45,43%
Другое	0,22%

Очевидно, что подавляющее большинство опрошенных не считает русский язык иностранным. Несмотря на то, что основная часть населения в республике (и в Витебской области в частности), – белорусы, русский язык является преобладающим в общественной жизни, общении и быту, а белорусский считают родным только 21,52% молодежи.

При этом 81,09% опрошенных осознают себя белорусами, и только 9,78% – русскими.

2. Кем вы себя осознаете?	
Белорусом	81,09%
Русским	9,78%
Мне все равно	9,13%

На вопрос «Если вы осознаете себя белорусом, то почему?» были получены результаты, показавшие превалирование политической составляющей в содержании патриотизма и национального самосознания белорусской молодежи. Самоидентификация на уровне «я – белорус» респондентами объяснялась в первую очередь гражданством Республики Беларусь (61,09%) и только во вторую – чувством привязанности к родной земле, любовью к отечеству, к культуре предков и т.п.

3. Если Вы осознаете себя белорусом, то почему? (до 2-х ответов)

Потому что являюсь гражданином Республики Беларусь	61,09%
Разговариваю на белорусском языке	4,57%
Соблюдаю традиции и обряды белорусского народа	10,43%
Ощущаю свою связь с историей страны, культурой предков	23,98%
Испытываю чувство привязанности к родной земле	40,22%

Не осознают себя белорусами по причине того, что говорят на русском языке, 22,63% молодежи, а 16,96% не видят различия между двумя народами.

4. Если не осознаете себя белорусом, то почему? (до 3-х ответов)

Разговариваю на русском языке	22,83%
Не вижу различия между двумя народами	16,96%
Никогда не задумывался над своей этнической принадлежностью	3,26%
Какая разница, кто я	5,87%

Респонденты убедительно высказали свое мнение, что русские и белорусы – близкородственные народы. Возможно, это объясняется тем, что в приграничных районах в процессе многовекового проживания рядом двух народов сложилась определенная бикультурная среда, существуют смешанные браки и родственные связи с русскими, проживающими по ту сторону границы, схожий образ жизни и общие традиции. Не удивительно, что 45,43% опрошенных отметили, что родным языком считают одновременно оба языка, а русских и белорусов близкородственными народами.

5. Считаете ли вы, что русские и белорусы – это:

Ветви одного народа	39,1%
Близкородственные народы	55,2%
Разные народы	5,27%
Другое	0,43%

6. Что, на Ваш взгляд, в большей степени объединяет русских и белорусов? (до 3-х ответов)

Общее происхождение	50,43%
История, общие победы и испытания	82,17%
Культура, язык	40,87%
Религия	22,61%
Особенности психологии, характера	32,17%
Общность проживания в приграничье	10,22%
Вхождение в Союзное государство	21,09%

Опрос показал, что основной критерий, объединяющий русских и белорусов, – история, общие победы и испытания (82,17%). На втором месте по значимости оказалось общее происхождение (50,43%), на третьем – культура и язык (40,87%). 21,09% высказали свое мнение в пользу того, что русских и белорусов в определяющей степени объединяет вхождение в Союзное государство.

Второй блок вопросов относился к репрезентации отдельных фрагментов исторического сознания респондентов, их понимания исторического прошлого Беларуси как страны и государства. Историческое сознание можно определить как систему знаний, традиций, обрядов, с помощью которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций складываются представления об их происхождении, важнейших событиях собственной истории и ее соотношении с историей других на-

родов и всего человеческого сообщества [1]. Историческое сознание выполняет ряд социальных функций. Основной среди них является формирование базовых ценностных ориентаций (политических, нравственных, эстетических, религиозных) личности, народа, этноса, конструирование схем их жизнедеятельности и поведения.

На вопрос «Как Вы воспринимаете историю Беларуси?» большинство студентов и магистрантов ответили, что историю Беларуси они воспринимают как историю отдельной страны (56,96%). Значительная часть респондентов (43,04%) считает, что история Беларуси – история страны в составе других стран. Это свидетельствует о том, что менталитет культурного кода белорусов несет пограничный характер.

7. С историей какой страны, на Ваш взгляд, переплетается история Беларуси в наибольшей степени?

Россия	55,43%
Польша	14,78%
Литва	14,35%
Затрудняюсь ответить	15,44%

Молодежь считает, что в наибольшей степени история Беларуси переплетается с историей России (55,43%).

8. Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе СССР

Положительно	51,65%
Нейтрально	33,93%
Отрицательно	14,39%

51,65% от количества участников отмечают положительное влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе СССР, 33,93% – нейтрально и только 14,39% – отрицательно.

9. Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе Российской империи

Положительно	20,3%
Нейтрально	49,74%
Отрицательно	29,96%

Нейтрально воспринимается влияние на становление белорусской нации в периоды ее истории в составе Российской империи и Речи Посполитой.

10. Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе Речи Посполитой

Положительно	24,57%
Нейтрально	48,30%
Отрицательно	27,13%

Только 50,96% положительно оценили период становления белорусской нации в составе ВКЛ. Этот факт говорит о том, что современная молодежь слабо знает историю своего народа досоветского периода и, к сожалению, не учитывает того, что белорусские земли долгое время входили в состав ВКЛ и Речи Посполитой.

11. Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе ВКЛ

Положительно	50,96%
Нейтрально	40,48%
Отрицательно	8,56%

Как видно из ответов, молодежь приграничья нейтрально оценивает становление белорусской нации в составе Киевской Руси.

12. Оцените влияние на становление белорусской нации периода ее истории в составе Киевской Руси

Положительно	24,62%
Нейтрально	62,51%
Отрицательно	12,87%

Большинство респондентов считает, что история Беларуси начинается с истории Полоцкого княжества – 59,78%, хотя акцента на возникновении белорусской государственности в эпоху Полоцкого княжества в школьных учебниках по истории нет. Информация об этом носит поверхностный характер.

13. Как Вы считаете, история Беларуси начинается:

С 1991 года	19,35%
С Полоцкого княжества	59,78%
С 1917 года	5,43%
Затрудняюсь ответить	15,44%

Таким образом, полученные результаты показали неоднозначную картину исторического сознания современной молодежи приграничья. Это может быть связано с тем, что приграничная территория страны долгое время была частью разных государственных образований. «Для исторических судеб населения приграничных регионов Беларуси была характерна частая смена геополитических и конфессиональных реалий, как в калейдоскопе, менялись властвующие элементы соседних государств, которые часто вели ожесточенную борьбу за спорные (по их мнению) территории. Войны приводили к вынужденному отказу населения приграничья от национального самоопределения» [2].

Весьма интересный результат был получен в ответе на вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что Родина там, где жить хорошо?» Только 29,57% ответили утвердительно.

14. Согласны ли Вы с утверждением, что Родина там, где хорошо жить?

Согласен	29,57%
Не согласен	56,52%
Затрудняюсь ответить	13,91%

К сожалению, цифры говорят о том, что большинство студентов и магистрантов состоянием приграничного сотрудничества России и Беларуси интересуются лишь от случая к случаю, и только 14,35% постоянно.

15. Интересуетесь ли Вы состоянием приграничного сотрудничества России и Беларуси?

Да, постоянно	14,35%
Да, от случая к случаю	63,91%
Почти ничего не знаю	14,13%
Никогда не интересовался (-лась)	7,61%

Белорусско-российское приграничное сотрудничество носит преимущественно характер деловых и торговых отношений. Хотелось бы, чтобы приграничные интеграционные процессы были наполнены идейно-политическим и духовно-нравственным содержанием. Социокультурные факторы играют важную роль в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

16. Что, на Ваш взгляд, должно стать приоритетом внутренней политики Республики Беларусь? (можно отметить до 3-х вариантов)

Рост благосостояния народа	69,35%
Укрепление безопасности граждан	47,83%
Укрепление безопасности государства	40,22%
Улучшение духовной атмосферы в обществе	31,09%
Совершенствование политической системы	53,04%

Приоритетным партнером во внешней политике республики молодежь видит Российскую Федерацию, в связи с чем говорит об укреплении Союза с Россией.

17. Каким, на Ваш взгляд, должно быть основное направление внешней политики Республики Беларусь?

Укрепление Союза с Россией	13,04%
Многовекторная внешняя политика, однако приоритетным является Союз с Россией	43,26%
Ориентация на Европейский союз при сохранении взаимовыгодных отношений с Россией	28,04%
Затрудняюсь ответить	15,66%

Как видно из ответов, большинство верит, что интернациональная дружба в СССР реально существовала. Современная молодежь пока во многом опирается на потенциал старшего поколения и советской духовной культуры.

18. На Ваш взгляд, интернационализм, дружба народов в СССР:

Реально существовали	39,13%
Отчасти это было так	43,91%
Были выдумкой официальной пропаганды	4,57%
Затрудняюсь ответить	12,39%

Распад СССР воспринимается в первую очередь как событие, напрямую связанное с обретением Беларусью национальной независимости.

19. Распад СССР для Вас – это:

Обретение Беларусью национальной независимости	53,04%
Трагедия и ошибка	18,91%
Затрудняюсь ответить	28,05%

На вопрос «Что в наибольшей мере повлияло на Ваши общественно-политические взгляды и оценку общеисторических событий?» большинство отдали предпочтение СМИ и книгам. На втором месте стоит семья и только потом учебники истории и преподаватели. Этот факт говорит о том, что, несмотря на то, что большинство историков-исследователей отмечают в белорусских школьных учебниках по истории присутствие взвешенного академического взгляда на прошлое, содержание их и преподавание истории в школах и вузах нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Главную роль в формировании модели национальной самоидентификации должно играть образование, и, прежде всего, историческое, а не СМИ.

20. Что в наибольшей мере повлияло на Ваши общественно-политические взгляды и оценку исторических событий? (можно указать до 3-х вариантов ответа)

Книги	53,91%
Семья	45,65%
СМИ	53,04%
Преподаватель истории	36,30%
Учебник истории	36,52%
Друзья	10,22%

Белорусская молодежь историю Беларуси рассматривает в первую очередь как историю белорусского народа, а культура Беларуси воспринимается как самобытная культура, носящая пограничный характер.

21. Что для Вас история Беларуси?

История территорий, являющихся частью современной Беларуси	23,33%
История белорусского народа	68,11%
Не знаю	8,56%

22. Культура Республики Беларусь является:

Частью западноевропейской культуры	9,57%%
Частью культуры России	10,22%
Это самобытная культура, которая носит пограничный характер	69,57%
Затрудняюсь ответить	10,64%

Белорусская молодежь верна своим национальным традициям и ценностям (72,85%), однако на вопрос «Согласились ли бы Вы покинуть Беларусь на длительный срок или навсегда?» большинство ответили положительно, хотя и отметили, что при определенных условиях. Это говорит о том, что имеются причины, которые подвигают молодежь к подобным выводам. Возможно, это связано со сложными экономическими условиями внутри страны в настоящее время, на что указали 69,56% респондентов, которые хотят видеть приоритетом во внутренней политике страны рост благосостояния народа.

23. Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать? (один вариант ответа)

Опора на национальные традиции и ценности	72,85%
Западный образ жизни	27,15%

24. Согласились ли бы Вы покинуть Беларусь на длительное время или навсегда?

Обязательно уеду за рубеж	3,70%%
Да, лишь при определенных гарантиях благополучия за границей	32,83%
При определенных условиях, лишь на некоторое время	30,43%
Скорее нет, чем соглашусь уехать	17,61%
Нет, ни при каких условиях	5,22%
Затрудняюсь ответить	10,21%

48,84% и 36,45% чувствуют моральное удовлетворение от приобщенности к истории Беларуси и ее культуре, испытывают гордость за великие свершения своего народа.

25. Какие чувства вызывает у Вас историческое прошлое Беларуси?

Чувство гордости за великие свершения народа	48,84%
Испытываю чувство морального удовлетворения в связи с приобщенностью к истории Беларуси и ее культуре	36,45%
Чувство национальной ущемленности, горечи за постоянную историческую несправедливость	14,71%

Главными жизненными ценностями считаются здоровье, семейное счастье и мир в обществе. Только 3,48% назвали важной ценностью чувство принадлежности к определенной нации, что подтверждает полученные ранее ответы, в аутсайдерах оказались чувство принадлежности к элите, чистая совесть и вера в людей.

26. Что, на Ваш взгляд, имеет в жизни особую ценность? (до 4-х вариантов)

Полезность людям	16,74%
Любимая работа	27,61%
Свобода интимных отношений (свободный секс)	0,43%
Вера в людей	8,91%
Вера в себя	19,57%
Личная свобода	26,74%
Права личности	17,17%
Мир в обществе (отсутствие войны)	56,30%
Чувство принадлежности к определенной нации	3,48%
Чувство принадлежности к элите общества	1,30%
Вера в Бога	10,65%
Семейное счастье	58,70%
Чистая совесть	7,83%
Душевный покой	13,70%
Честь и достоинство	18,91%
Любовь	25,65%
Материальная обеспеченность	28,70%
Здоровье	60,43%

Заключение. Исследование охватило лишь небольшую группу белорусской молодежи, прежде всего проживающей в приграничной зоне. Вследствие этого проблема социокультурного образа молодежи страны требует дальнейшего изучения. Результаты исследования показали, что билингвизм, законодательно оформленный в Беларуси 20 лет назад, на практике в приграничных районах имеет свои особенности. Несмотря на то, что основная часть населения в стране в целом и в Витебской области в частности – белорусы, русский язык является преобладающим в общественной жизни, общении и быту. Наиболее ярко это проявляется в приграничных районах проживания двух народов. Современная молодежь слабо знает историю своего прошлого. Это негативно влияет на ее национальную самоидентификацию и историческую память. Вызывает тревогу низкая оценка роли белорусско-российских интеграционных процессов. Молодежь не проявляет интереса и не следит за состоянием приграничного сотрудничества между Беларусью и Россией. Это свидетельствует о недостаточной информационной и идеологической деятельности государственных структур обеих стран, систем образования и СМИ.

Работа выполнена в рамках научной темы ГПНИ (договор ГПНИ № 08/16, 2016–2018 гг.).

Литература

1. Слемнев, М.А. Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики / М.А. Слемнев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2016. – Т. 22. – С. 101.
2. Рудковский, Э.И. Глобализирующийся социум и идеология / Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2015. – Т. 19. – С. 110.
3. Рудковский, Э.И. Культурный код, историческая память и региональное сотрудничество / Э.И. Рудковский // Искусство и культура. – 2015. – № 4(20). – С. 69–74.
4. Ластовский, А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс] / А.Л. Ластовский // Полит.ру. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/. – Дата доступа: 12.05.2017.
5. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
6. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания / Л.П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

УДК 821.161.3'0.09:316.752

Эстэтычна-аксіялагічны патэнцыял помнікаў пісьменства ў трактоўцы аўтараў даўняй беларускай літаратуры

Бароўка В.Ю.
Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

У артыкуле даследуюцца крытэрыі ацэнкі вартасцей помнікаў пісьменства аўтарамі даўняй беларускай літаратуры.

Мэта работы – выявіць эстэтычна-аксіялагічныя крытэрыі ацэнкі помнікаў пісьменства аўтарамі даўняй беларускай літаратуры, прасачыць дынаміку функцыянавання эстэтычна-аксіялагічных крытэрыяў.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам для даследавання сталі пісьмовыя помнікі XII–XVII стагоддзяў. Асноўныя метады – канкрэтна-гістарычны, тыпалагічны, дэскрыптыўны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Аб'ектам асэнсавання аўтараў даўняй літаратуры былі антычная спадчына і кнігі Бібліі. У артыкуле вылучаюцца тыпалагічныя і канкрэтна-гістарычныя эстэтычна-аксіялагічныя крытэрыі ацэнкі твораў пісьменства аўтарамі перыяду Кіеўскай Русі, эпохі Адраджэння, XVII стагоддзя. Прасочваецца дынаміка функцыянавання эстэтычна-аксіялагічных крытэрыяў на кожным этапе развіцця пісьменства: у перыяд Кіеўскай Русі – праз аналіз "Жыція Еўфрасінні Полацкай", паслання Кліменція Смаляціча да прэсвітара Фамы, "слоў" Кірылы Тураўскага, "Слова аб палку Ігаравым"; у эпоху Адраджэння – праз характарыстыку культурнай спадчыны М. Гусоўскага і Ф. Скарыны, у XVII стагоддзі – праз даследаванне літаратурнай спадчыны Сімяона Полацкага.*

Заключэнне. *Крытэрыямі эстэтычнай значнасці твора ў перыяд Кіеўскай Русі выступалі адпаведнасць нормам хрысціянскай маралі, дыдактычнасць, занатаваная ў вобразнай тканіне; у перыяд Адраджэння важнымі крытэрыямі эстэтычнай значнасці становяцца грамадская каштоўнасць зместу, майстэрскае ўвасабленне пісьменніцкіх ідэй; у XVII стагоддзі – сэнсавая ёмістасць твораў, дасканаласць мастацкай формы.*

Ключавыя словы: *даўняя беларуская літаратура, аксіялогія, эстэтыка, антычная спадчына, Біблія, крытэрыі эстэтычнай значнасці, інтэрпрэтацыя.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 145–149)

Esthetical-Axiological Potential of Literary Monuments in the Interpretation of Ancient Belarusian Literature Authors

Barouka V.Yu.
Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article explores the features and criteria for assessing the monuments of writing by authors of ancient Belarusian literature.

The aim of the research is to reveal aesthetical-axiological criteria for evaluating monuments by the authors of ancient Belarusian literature, to trace the dynamics of functioning of these criteria.

Material and methods. *The material for the study was written monuments of the XII–XVII centuries. The basic methods of the research are the concrete-historical, the typological and the descriptive.*

Findings and their discussion. *The object of the authors' comprehension was the ancient heritage and the books of the Bible. Aesthetic-axiological criteria for evaluating literary monuments by the authors of Kievan Rus, the Renaissance and the 17th century are singled out. The dynamics of functioning of axiological and aesthetic criteria in the period of Kievan Rus is analyzed through the analysis of the "Life of E. Polotskaya", the letters of K. Smolatich to Thomas the Presbyter, works ("slovy") of K. Turovsky, "Slovo o Polku Igoreve"; during the Renaissance – through analyzing the cultural heritage of M. Gusovsky and F. Skoryna; in the 17th century – by analyzing the artistic heritage of S. Polotsky.*

Conclusion. *Criteria of the aesthetic significance of the literature work in the period Kievan Rus was compliance with the norms of Christian morality, didacticism; in the period of Renaissance – the social significance of content and writing skills, in the 17th century – the semantic fullness and perfection of the artistic form.*

Key words: *ancient Belarusian literature, axiology, aesthetic, ancient heritage, the Bible, criteria of aesthetic significance, interpretation.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 145–149)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: dvkessibar@mail.ru – **В.Ю. Бароўка**

Даўняя беларуская літаратура характарызавалася выкананнем не толькі мастацкай, але найперш шырокіх пазамастацкіх функцый, пастаянным зваротам да Біблії. У перыяд існавання даўняй літаратуры наглядалася фрагментарнае асэнсаванне ідэйна-мастацкіх вартасцей помнікаў пісьменства. Па меры секулярызацыі грамадства і пашырэння асветы паступова павялічвалася цікавасць да ролі і функцыянавання ў грамадстве пісьмовага слова. Аб'ектам ацэнкі і інтэрпрэтацыі найперш станавіліся тэксты Святога Пісьма і антычная спадчына.

Мэта дадзенай работы заключаецца ў выяўленні эстэтычна-аксіялагічных крытэрыяў ацэнкі помнікаў пісьменства аўтарамі даўняй беларускай літаратуры, у вызначэнні і характарыстыцы дынамікі функцыянавання эстэтычна-аксіялагічных крытэрыяў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу абраны творы XII–XVII стагоддзяў: "Жыціе Еўфрасінні Полацкай", пасланне Клімента Смаляціча да прэсвітара Фамы, "Слова пра паход Ігаравы", "Песня пра зубра" Міколы Гусоўскага, прадмовы і пасляслоўі Францыска Скарыны да кніг Біблії, вершы Сімяона Полацкага. Асноўныя метады – канкрэтна-гістарычны, тыпалагічны, дэскрыптыўны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Літаратура перыяду Кіеўскай Русі развівалася па сваіх законах, што вынікалі з гістарычных і сацыякультурных асаблівасцей часу. Важнай функцыяй пісьменства прызнавалася выхаваўчая: вербальны артэфакт абавязаны быў даваць прыклад паводзінаў сапраўднага хрысціяніна. Самымі рэпрэзентатыўнымі ў гэтых адносінах былі жанры "слова", прытчы, жыція. У гэтых помніках даўняга пісьменства мімаходзь згадвалася пра ролю кнігі і асветы ў жыцці чалавека і грамадства.

Да помнікаў пісьменства перыяду Кіеўскай Русі адносяцца "Жыціе Еўфрасінні Полацкай", "словы" Кірылы Тураўскага, "Слова аб палку Ігаравым". У "Жыціі Еўфрасінні Полацкай" ухвалялася захапленне юнай Прадславы кніжнай мудрасцю, што прывяло яе на шлях служэння Богу і людзям. Для Еўфрасінні ў часы манаства царкоўныя кнігі былі "ўцехай душы і ўзвесяленнем сэрца". Еўфрасіння, як адзначалася ў "Жыціі", "сэрца сваё паіла Божай мудрасцю". Святое Пісьмо атэставалася ўмацавальнікам і захавальнікам хрысціянскай веры. Славуты красамоўца Кірыла Тураўскі падкрэсліваў гаючую сілу слоў Святога Пісьма.

У перыяд Сярэднявечча адным з важных пытанняў было пытанне пра стаўленне хрысціяніна-чытача да язычніцкіх твораў, у прыватнасці да пісьмовых помнікаў антычнасці. "Апостальскія пастанаўленні" (III–IV ст.) раілі хрысціяніну пазбягаць язычніцкіх кніг, бо яны адштурхоўваюць чалавека ад праведнай веры. Афанасій Александрыйскі ў "Прамове супраць язычнікаў" крытыкаваў старажытнагрэчаскую міфалогію і паэзію за неналежны паказ багоў. Васілій Кесарыйскі ў 22 гаміліі "Пра тое, як юнакам мець карысць з язычніцкіх кніг" (377 г.) сцвярджаў, што асобныя помнікі антычнай літаратуры карысныя тым, што ў іх прысутнічаюць выказванні, якія адпавядаюць хрысціянскай этыцы. Галоўны крытэрый адбору язычніцкіх кніг, паводле Васілія Кесарыйскага, – карысць, якая вынікае ад знаёмства са станоўчымі характарамі і ўчынкамі ў творах, ад змешчаных у творах павучанняў. Найбольш карыснымі аўтарамі Васілій Кесарыйскі лічыў Гесіёда, Салона, Феягніда. Рэхам спрэчак пра месца і ролю антычнай пісьмовай спадчыны можна назваць палеміку Клімента Смаляціча (дата нараджэння невядомая – пасля 1164) з прэсвітарам Фамой. Яна паказальная стаўленнем нашых адукаваных продкаў да антычнай спадчыны. Фама абвінавачваў Клімента ў тым, што той, прагнучы вялікай вучонай славы, абапіраўся ў сваіх выказваннях не на айцоў царквы, а на Гамера, Платона, Арыстоцеля. У пасланні да прэсвітара Фамы Клімент Смаляціч даводзіў, што служка хрысціянскай царквы і ўвогуле адукаваны чалавек павінен мець шырокі кругагляд, што розум дазваляе чалавеку спасцігнуць Божую мудрасць і ісціну. Ён заўважаў, што духоўная асоба ў спрэчках адносна хрысціянскай веры не павінна спасылацца на язычніцкіх аўтараў, а ў прыватных размовах і ліставанні вольная на іх спасылацца. Апрача таго, Клімент Смаляціч лічыў, што не трэба літаральна разумець прадметнае значэнне біблейных тэкстаў, бо за прадметнымі абазначэннямі заўсёды праступае сутнасць. Іншымі словамі, неабходна іншасказальнае, трапалагічнае, анагагічнае прачытанне біблейных тэкстаў. Спецыфікай бытавання пісьмовых помнікаў у той час было тое, што асноўнай формай іх існавання былі зборнікі, а таму тэкст успрымаўся ў атачэнні іншых тэкстаў. Адукаваныя людзі маглі не чытаць многія пісьмовыя помнікі самі, але ведаць цытаты з іх, сабраныя ў зборніках. Напрыклад, у зборніку "Пчала" змяшчаліся "мудрыя

словы" розных гістарычных часоў. Чытацкая аўдыторыя таго часу не сумнявалася ў тым, што кніга дапамагае чалавеку выбраць правільны жыццёвы шлях. Царкоўныя кнігі ўспрымаліся як скарбніца вечных каштоўнасцей, што дадзены людзям Богам. У самой кнізе высока цаніўся яе павучальны змест.

"Слова аб палку Ігаравым" (канец XII стагоддзя – не пазней XIII стагоддзя) – помнік свецкай літаратуры, ён уключаў лаканічныя разважанні адносна манеры пісьма тагачасных аўтараў: "по былинам сего времени" або "по замышлению Бояню", які ў час аповеду пра падзеі "растекался мысию по древу", гэта значыць выказваўся квяціста, метафарычна. Аўтару "Слова" імпанаваў строгі стыль аповеду.

У эпоху Адраджэння наглядалася змена каштоўнасных этычных і эстэтычных прыярытэтаў, усталёўвалася антрапацэнтрычная канцэпцыя свету, прыўзносіліся вялікія магчымасці чалавека. Знакамітымі прадстаўнікамі эпохі Адраджэння былі Мікола Гусоўскі (1470–1533) і Францыск Скарына (каля 1490–1551). Таленавіты паэт-лацініст Мікола Гусоўскі ў звароце "Да найяснейшай уладаркі і пані Боны з ласкі Божай каралевы Польшчы, вялікай княгіні Літвы, Русі, Прусіі і інш. пані" выказваў спадзяванне, што Бона Сфорца нараіць свайму "яснавяльможнаму мужу, які абавязаны больш мець часу для вядзення войнаў, чым для чытання кніг", тых, каго яна палічыць больш таленавітымі. Мікола Гусоўскі смуткаваў, што "славуцейшыя сэрцы зусім не паважаюцца" ў дзяржаве. Ён асмеліўся папярэджваць каралеву пра небяспеку занядбання талентаў: "Яны з-за матэрыяльнай нястачы і беднасці цалкам не могуць сябе праявіць. Бачу я таксама, што ёсць нямала людзей, якія валодаюць і багаццем і талентам. Але калі яны заўважаюць, што вучоных, мастакоў і паэтаў так мала шануюць і паважаюць, то імкнуцца больш узбагачацца, чым ахарошваць душу" [1, с. 66]. Сваю заклапочанасць лёсам таленавітых людзей Мікола Гусоўскі тлумачыў дзяржаўнымі інтарэсамі: "Дзяржава абапіраецца больш на мужнасць духу, чым на сілу цела, пра што сведчаць як грэкі, так і рымляне. Іх магутнасць квітнела найбольш тады, калі расцвіталі навукі. А як толькі пачалі нікнуць таленты, сілы іх згаслі, а з заняпадам апошніх абрушылася іх дзяржава і ўсталявалася рабства" [1, с. 67]. У "Песні пра зубра" Гусоўскі выказаў уласныя меркаванні пра эстэтычныя вартасці твораў прыгожага пісьменства:

Я ж, не прыхільнік здагадак і розных фантазій,
Тое пяру давяраю, што сам не аднойчы
Бачыў, праверыў, зрабіў – свой мазолісты вопыт" [1, с. 80];
Я палічыў бы за грэх незнарок перамешваць
Ісціну з выдумкай байкі [1, с. 69].

Не без іроніі ацэньваў паэт-лацініст творы Плінія, у якіх над фактамі пераважала фантазія. Праўдзівасць і павучальнасць – важныя рысы сапраўднага мастацтва, таму Гусоўскі папярэджваў чытачоў, што яны ў яго творы не знойдуць "ні асалоды жыцця, ні вяселля, ні ласкі" [1, с. 80].

У паэме "Песня пра зубра" згадвалася гісторыя напісання паэмы, вызначаўся абавязак паэта адгукацца на падзеі часу, быць карысным роднай зямлі, таму Гусоўскі заклікаў пісьменнікаў-сучаснікаў:

Сумленне, і розум, і гонар
Уладна загадваюць кніжніку: як са званіцы,
Бі ў сваё звонкае слова, узбройвай народы
Супраць разбою! Бясконца купае і губіць
Марс збраяносны людзей у крывавых купальнях [1, с. 99].

Выдатны дзеяч эпохі Адраджэння Францыск Скарына – перакладчык і інтэрпрэтатар Бібліі – свае погляды на ролю слова, на ролю Святога Пісьма выказваў найперш у прадмовах і пасляслоўях да кніг Бібліі. Мэта выдання Бібліі пазначалася ім наступным чынам: "Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению". Біблія для Скарыны – асноўная крыніца ведаў, адукацыі і выхавання чалавека, плён Боганатхнёнага розуму і таленту, а таму Святое Пісьмо духоўна і цялесна выпраўляе чалавека. Знаёмства з кнігамі Святога Пісьма адкрывае чалавеку ісціны, што маюць катарсічнае і выхаваўчае ўздзеянне на чалавека. Ф. Скарына сцвярджаў, што кнігі Бібліі змяшчаюць знешні і ўнутраны сэнс. Знешні, або вонкавы, сэнс заключаецца ў тым, каб даць чалавеку магчымасць зразумець, "что есть потребно к духовному спасению его", унутраны сэнс зразумелы толькі прарокам, надзвычай абазнаным у навуках людзям. Яскрава гэта дэманструе жанр прытчы. У прадмове да "Прытчаў Саламонавых" гаварылася, што прытча дзякуючы іншасказальнаму характару і папулярызацыі "практычнай" жыццёвай мудрасці цікавая людзям розных маёмасных і ўзроставых станаў. Згодна з меркаваннямі беларускага першадрукара, у прытчы схавана мудрасць, як сіла ў каштоўным камяні, як золата ў зямлі, як ядро ў арэху. У прадмове да кнігі "Эклезіяст" Скарына ўда-

кладняў, што прытчы найперш разлічаны на маладых людзей, а "Эклезіяст" здольныя будуць зразумець толькі сталыя людзі. Францыск Скарына ацэньваў евангелістаў як пісьменнікаў, высока ставіў апавядальніцкае майстэрства Лукі. Як вядома, першай выдадзенай Скарынам у Празе кнігай быў "Псалтыр". Гэта адна з найбольш аўтарытэтных кніг Святога Пісьма. У прадмове да "Псалтыра" заўважалася: "Детем малым початок всякое доброе наукы, дорослым помножение в науке, мужем моцное утверждение". "Псалтыр" быў адной з самых запатрабаваных і распаўсюджаных кніг "Біблії", бо псалмы спяваліся на царкоўных службах, іх добра ведалі вернікі, акрамя таго, псалмы былі паэтычнымі па форме, эмацыянальна ўздзейнічалі на слухачоў. "Псалтыр" таксама шырока выкарыстоўвалі ў навучальнай практыцы таго часу. Францыск Скарына лічыў вартасцю кнігі не толькі змест, але і форму, таму клапаціўся пра густоўнае афармленне сваіх выданняў кніг Біблії.

Кніга ўспрымалася як сродак уздзеяння на чалавечую свядомасць, як носьбіт ісціны, як пабуджальная сіла для думкі і дзеяння ў часы актыўнай рэлігійнай палемікі, выкліканай прыняццем у 1596 годзе Брэсцкай уніі.

XVII стагоддзе – час, калі даўняя літаратура ўсё больш і больш набывала свецкія рысы. "Сармацкім Гарацыем" называлі Мацея Казіміра Сарбеўскага (1595–1640), які чытаў курсы паэтыкі ў езуіцкіх калегіях Полацка і Вільні. Сарбеўскі быў аўтарам трактата "Пра дасканалую паэзію, або Вергілій і Гамер". Паэтыка яго не была выдадзена, але мела распаўсюджанне сярод адукаваных людзей у спісах. У трактаце М. Сарбеўскага Бог названы Стваральнікам свету, Садаводам, Жывапісцам. Прыкметнай мастацкай з'явай XVII стагоддзя стала творчасць Сімяона Полацкага (1629–1680), дзякуючы якому літаратура, паводле Д.С. Ліхачова, "адваёўвае незалежнае месца ў культурным жыцці грамадства. Яна атрымлівае свабоду ад абраду, укладу, ад дзелавых функцый і тым самым становіцца вольнай выконваць сваю грамадскую функцыю не часткова, не ў сувязі з тым ці іншым прызначэннем жанру, а таксама непасрэдна, але непасрэдна па-мастацку і на больш свабодным ад дзелавых функцый узроўні" [2, с. 168]. Сімяон Полацкі – прыхільнік літаратуры еўрапейскага барока. Эстэтыка барока абапіралася на думку, што прыгожае мае Боскую прыроду. Сімяон Полацкі сцвярджаў, што літаратурная праца ўгодная Богу, што Бог залічыць яе маральнай заслугай чалавека ў вечным жыцці. У празаічнай прадмове да "Вертаграда шматкаляровага" (1680) Сімяон Полацкі прыўзносіў Бога-Творцу, надзяляў Яго ўласцівасцямі сейбіта, жывапісца, паэта, які стварыў свет "художественне и по благочинию" [3, с. 206]. Услед за заходнееўрапейскімі прадстаўнікамі барока ён праводзіў асацыятыўную паралель "паэт – другі Бог". "Псалтыр рыфматворны" (1680) Сімяона Полацкага стаў выяўленнем думкі пра тое, што Святое Пісьмо наскрозь прасякнута паэзіяй. Свой падыход да падачы псалмаў у выглядзе сілабічных вершаў Полацкі апраўдваў тым, што "Псалтыр" адпачаткова меў вершаваную форму. "Псалтыр рыфматворны" змяшчаў псалмы, "месяцаслоў" і дадатак, што заканчваўся вершам "Да гаждацеля" з тлумачэннем

> *Песни и молитвы в рифмех полагаем, якже в заветех святых обретаем* [цыт. па: 4, с. 175].

Сімяон Полацкі прытрымліваўся барочнай ідэі пісьменніцкай працы, у адпаведнасці з якой гэта маральны подзвіг асобы. Эстэтыка барока лічыла, што паэзія мае Боскае благаславенне, а слова Божае і слова як першаэлемент літаратуры тоесныя. Слова Божае трактавалася Полацкім з пазіцый барочнай дасціпнасці, а гэта патрабавала сумяшчаць несумяшчальнае: старазапаветны і евангельскі логас і першаэлемент літаратуры як слоўнага мастацтва. На падставе тэкстаў Біблії сцвярджалася, што слова як атрыбут Бога мае вялікую сілу. Сімяон Полацкі выкарыстоўваў антычныя і біблейскія сюжэты. У вершы "Кніга" ён прыгадаў пакаранне Ераніму Бажавільнаму (330–419) за чытанне антычных аўтараў і іранічна падсумаваў:

> *Лучше убо, братие, святым прилежати, а ины книги, разве с потребы читати* [3, с. 366].

У топіцы раннехрысціянскіх і сярэднявечных аўтараў шырока вядомы выраз "свет ёсць кніга", дзе сусвет рэпрэзентаваны як рэалізацыя слова Божага ў часе і прасторы.

> *Мир сей приукрашенный – книга есть велика, еже словом написа всяческих Владыка* [3, с. 366] – гэта цытата з верша Сімяона Полацкага са зборніка "Вертаград шматкаляровы", дзе звяртае на сябе ўвагу энтымема сілагізму. Поўны сілагізм наступны: Бог ёсць стваральнік кнігі, свет ёсць кніга, значыць, Бог – стваральнік кнігі.

Як паэтычнае сцвярджэнне гэты выраз метафарычны. Чалавек як мікракосмас паэтам атаясамліваецца з сусветам: галава чалавека – неба, сэрца – агонь, лёгкія – паветра, печань – вада, косці і мышцы – зямля. У вершы "Кніга" прысутнічае рух ад агульнага да прыватнага і ад прыватнага да агульнага. Полацкі раскладае кнігу на часткі – лісты, словы, літары-"пісьмёны", глядзіць на кожную з іх, гэта значыць чытае кнігу, пераконваецца ў прыгажосці кожнай з частак і заканчвае твор ухваленнем Стваральніка кнігі – Бога. Далей у вершы "Кніга" працягвалася атаясамліванне супастаўляльных частак:

Различны книги нам суть Богом предложенны,
да богонравно жити будем наученны [3, с. 366–367].

Першая кніга – свет, другая – Стары Запавет, або "пісаны закон", трэцяя – Хрыстос, чацвёртая – Багародзіца, пятая – сумленне. Іншымі словамі, людскія ўчынкі – пісьмёны, якія чалавек заносіць у кнігу свайго сумлення. Слова Божае – сродак сувязі, калі імкненні гаворачага добрыя – яно дае пазітыўны вынік, калі дрэнныя – то дрэнны вынік, што даводзіць да граху і расплаты за грэх. Топас "свет ёсць кніга" сваімі каранямі ўзыходзіць да Бібліі. У кнізе прарока Ісаі неба, што схавалася ад чалавечага зроку, параўноўваецца са світкам як старажытнай формай кнігі. Асацыяцыі, звязаныя з кнігай, прывялі Сімяона Полацкага да высновы, што паэт падобны да Стваральніка.

Верш "Гутарка" – апалогія кніжнай мудрасці, кнігі – справа, якая служыць Богу нароўні з малітвай:

Хотяй с Богом беседу присну держати,
да молится и книги да тщится читати,
Ибо, когда молимся, и глагол наш есть Богу,
егда чтем, Господь творит к нам беседу многу.
Блага убо перемена сих делес бывает,
егда кто и молится, и книги читает [3, с. 329].

Сімяон Полацкі звярнуўся і да топасу "з'ядання кнігі", як сведчаць назвы яго зборнікаў "Абед духоўны" (1681), "Вячэра духоўная" (1683). У вершы "Пісанне" ён расказваў пра функцыі слова і пісьменства: гістарычную функцыю (значэнне), алегарычную, трапалагічную (індывідуальна-дыдактычную), анагагічную (эсхаталагічную). Сімяон Полацкі ўспрымаў помнік пісьменства як крыніцу ведаў, таму як паэт-энцыклапедыст імкнуўся даць чытачам звесткі з розных галін навукі. Паэт, у разуменні Полацкага, – стваральнік, абавязаны дэманстраваць сваё майстэрства і ў арганізацыі паэтычнага твора. Сам ён ужываў формы ўскладненых метафар, алегорый, сімвалаў, адмысловае размяшчэнне вершаваных радкоў (у форме крыжа, круга).

У вершы "Пісанне" давалася ідэальная характарыстыка барочнага літаратара XVII стагоддзя, рэпрэзентаваліся абліччы дасканалай пісьменніцкай асобы. Сапраўднага паэта Сімяон лічыў шчаслівым чалавекам, гаспадаром ісціны, майстрам. Помнік пісьменства, згодна з меркаваннямі Полацкага, павінен даваць веды, асалоду, абуджаць эмоцыі, развіваць мысленне, выхоўваць чалавека.

Заключэнне. Эстэтычна-аксіялагічны патэнцыял пісьмовых помнікаў аўтарамі даўняй літаратуры ацэньваўся на падставе крытэрыяў, дэтэрмінаваных "гістарычным бессвядомым" (М. Фуко), сфарміраваных гістарычным часам, сацыякультурнымі абставінамі, разуменнем літаратуры.

Аб'ектам асэнсавання выступалі не сучасныя творы, а помнікі антычнага пісьменства, якія разглядаліся з пункту гледжання сэнсавага напаўнення і адпаведнасці нормам хрысціянскай маралі, а таксама кнігі Бібліі.

Пісьменства ўспрымалася як крыніца ведаў і сродак умацавання хрысціянскай веры, выхавання чалавека. Крытэрыямі прыгажосці, эстэтычнай значнасці пісьмовага помніка на пачатковай стадыі развіцця даўняй беларускай літаратуры выступалі яго адпаведнасць нормам хрысціянскай маралі, дыдактычнасць, занатаваная ў вобразнай тканіне; у перыяд Адраджэння важнымі крытэрыямі эстэтычнай значнасці становяцца грамадская каштоўнасць зместу, майстэрскае ўвасабленне пісьменніцкіх ідэй; у XVII стагоддзі – сэнсавая ёмістасць твораў, дасканаласць мастацкай формы.

Літаратура

1. Слова пра паход Ігаравы: паэма. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: паэма. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 188 с.
2. Лихачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высш. шк., 1989. – 208 с.
3. Полоцкий Симеон. Вирши / Симеон Полоцкий. – Минск: Маст. літ., 1990. – 447 с.
4. Панченко, А.М. Русская стихотворная культура XVII века / А.М. Панченко. – Л.: Наука, 1973. – 280 с.

Паступіў у рэдакцыю 02.05.2017 г.

УДК 811.161.3'373:003.332.5"18"

Адцягненая лексіка з фармантам *-асць / -осць* у кітабе XIX ст.

Несцяровіч В.І.
Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

У кітабе XIX ст. шырокае адлюстраванне атрымалі абстрактныя назоўнікі з фармантам -асць / -осць. Мэтай даследавання з'яўляецца аналіз іх асаблівасцей функцыянавання ў манускрыпце, семантычнага развіцця, замацаванасці ў сучасным слоўніку.

Матэрыял і метады. *Матэрыял – транслітараваныя з арабскага пісьма тэксты Кітаба А. Хасяневіча (1832). Для аналізу лексікі з адцягненым значэннем выкарыстоўваліся метады словаўтваральнага і лексікаграфічнага апісання, а таксама дыстрыбутыўны і статыстычны.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *У артыкуле прыводзяцца вынікі даследавання абстрактных назоўнікаў з фармантам -асць / -осць, іх тэматычная накіраванасць і прызначэнне ў манускрыпце, адзначаюцца найбольш частотныя лексемы, прасочваецца паяўленне дадатковых сем у значэнні абстрактных слоў пад уплывам рэлігійных кантэкстаў, на прыкладзе дадзенага лексічнага разраду высвятляецца ступень лексічнай пераемнасці паміж старабеларускай і новай беларускай мовамі, разглядаюцца суфіксальная сінанімія ў кітабе, змяненне слоўнікавага складу дадзенага разраду пад уплывам іншых лексічных разрадаў з больш прадуктыўнымі "народнымі" фармантамі.*

Адцягненыя назоўнікі з суфіксам -асць / -осць з'яўляюцца выразнай асаблівасцю мовы Кітаба А. Хасяневіча (1832). Яны ўтвараюць адзін з самых вялікіх лексічных разрадаў абстрактнай лексікі, паколькі добра адпавядаюць значэнням спецыфічных адцягненых паняццяў ісламскай веры. Большая частка разгледжанай лексікі замацавалася ў сучаснай беларускай літаратурнай мове. Яшчэ больш высокі ўзровень пераемнасці гэтай лексікі назіраецца ад эпохі старабеларускай мовы да моманту стварэння кітаба. Пад уплывам рэлігійнага кантэксту ў асобных словах узнікалі дадатковыя адметныя значэнні. У будучым у беларускай мове адбылося выцясненне з актыўнага ўжывання шэрага слоў з фармантам -асць / -осць абстрактнымі назоўнікамі з больш прадуктыўнымі фармантамі.

Заключэнне. *У сваю чаргу назоўнікі дадзенага разраду таксама аказвалі ўплыў на абстрактныя назвы з іншымі фармантамі, аднак вынікі такога ўздзеяння фіксуюцца ў кітабе ў адзінкавых выпадках.*

Ключавыя словы: *абстрактны / адцягнены назоўнік, адцягненае значэнне, кітаб, лексіка, фармант.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 150–156)

Abstract Lexis with Formants *-asts / -osts* in the Kitab of the xixth Century

Nestsiarovich V.I.
Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

In the Kitab of the XIX century abstract nouns with the formant -asts / -osts were widely used. The aim of the study is to analyze the characteristics of their functioning, semantic development enshrined in the modern dictionary.

Material and methods. *The material is Belarusian-language texts of Kitab of A. Hasenevich (1832) transliterated from Arabic. The study used the methods of word-formation and lexicographical descriptions, as well as distribution and statistical ones.*

Findings and their discussion. *The article presents the results of the study of abstract nouns with the formant -asts / -osts, their origin, thematic focus and purpose in the manuscript is established, most frequent lexemes are noted, the emergence of additional semes in the meaning of abstract words under the influence of religious contexts is traced; on the example of this lexical category the degree of lexical continuity between the Old Belarusian and the new Belarusian languages is developed, suffixal synonymy in the Kitab is considered, changes of the vocabulary of this group influenced by other lexical groups with more productive "popular" formants.*

Abstract nouns with the suffix -asts / -osts are the feature of the language of the Kitab by A. Hasenevich (1832). They form one of the biggest categories of abstract vocabulary, since they well correspond to the meanings of specific abstract concepts of the Islamic faith. Much of the vocabulary is considered entrenched in the modern Belarusian literary language. An even higher level of continuity of the lexicon is observed from the era of the old Belarusian language at the time of the creation of the Kitab. Under the influence of religious contexts in separate words, additional distinctive meanings arose. Subsequently, in the Belarusian language, a number of words with the formant -asts / -osts were ousted with abstract nouns with more productive formants.

Conclusion. *In their turn, nouns of this group also influenced abstract nouns with other formants. However, results of such influence are fixed in the Kitab in the same cases.*

Key words: *abstract noun, abstract meaning, Kitab, lexicon, formant.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 150–156)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: nesciarka@mail.ru – **В.І. Несцяровіч**

Ушматлікіх тэкстах, з якіх сфарміраваны Кітаб А. Хасяневіча (1832), адцягненая / абстрактная лексіка перадае змест самых значных паняццяў у духоўнай, інтэлектуальнай і эмацыянальнай абласцях. Да цяперашняга часу гэтая лексіка яшчэ не ахоплена і не асэнсавана як адзіны пласт не толькі з пазіцыі філасофіі і светаўспрымання вернікамі маральна-этычных нормаў ісламу, але і з філалагічнай: пакуль не створаны рэестр абстрактных лексем кітаба, не выяўлены асноўныя тэматычныя разрады, іх колькаснае напаўненне, семантычнае развіццё адцягненай лексікі ў гістарычнай перспектыве ды інш. Паколькі ў рамках аднаго артыкула няма магчымасці абмеркаваць усе пытанні, то тут будуць разгледжаны толькі некаторыя з іх у лінгвістычным, дакладней у семасіялагічным, аспекце.

Актуальнасць даследавання вызначаецца выкарыстаннем вывадаў, якія прыводзяцца ў публікацыі, пры вырашэнні праблемы пераемнасці ў беларускай мове, выяўленні руху слоўнікавага складу беларускай мовы і лексічнай адметнасці арабскаграфічнага рукапісу XIX ст.

Мэта – аналіз адцягненай лексікі з фармантам *-асць / -осць* у кітабе XIX ст., асаблівасцей яе гістарычнага функцыянавання і семантычнага развіцця.

Матэрыял і метады. Матэрыялам паслужыў Кітаб А. Хасяневіча (1832). Для аналізу лексікі з адцягненым значэннем выкарыстоўваліся метады словаўтваральнага і лексікаграфічнага апісання, а таксама дыстрыбутыўны і статыстычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У манускрыпце выяўлены 82 лексемы з суфіксам *-асць / -осць*. Яны складаюць каля 15% ва ўсёй колькасці абстрактных назоўнікаў, а сярод утвораных шляхам афіксацыі займаюць 2-е месца пасля назоўнікаў з фармантам *-н-е (-нн-е, -ній-е) (пашанаване, панаванне, стараньйе* і да таго пад.*)*.

Адцягненыя назоўнікі на *-асць / -осць*, выяўленыя ў манускрыпце, у пераважнай большасці паходзяць ад прыметнікаў: *васолосц* ‘весялосць’ (ад *вясёл-ы*), *великасц* 1. ‘магутнасць’; 2. ‘велічыня’; 3. ‘даўжыня’ (ад *вялік-і*), *вернасц* ‘адданасць’ (ад верн-ы), *високасц* ‘вышыня’ (ад высок-і), *гарачасц* ‘гарачыня’ (ад *гарач-ы*), *гойнасц* ‘шчодрасць’ (ад *гойн-ы*), *добросц* 1. ‘дабрата’; 2. ‘добры ўчынак’ (ад *добр-ы*), *запалчивасц* ‘гнеў, раздражненне’ (ад *запальчыв-ы*), *йаснасц* 1. ‘ясната, востры зрок’; 2. ‘святло’; 3. ‘светласць’ (ад *ясн-ы*), *павиннасц* 1. ‘абавязак’; ‘рытуальны абавязак’ (ад *павінн-ы*), *пристойнасц* ‘прыстойнасць; прыстойнае дзеянне’ (ад *прыстойн-ы*), *радасц* 1. ‘задавальненне, добры настрой’; 2. ‘райская радасць’ (ад *рад-ы*), *удзачнасц* ‘удзячнасць’ (ад *удзячн-ы*), *шчодрасц* ‘уласцівасць шчодрага’ (ад *шчодр-ы*). Часцей яны афармляюцца з суфіксам *-асць* (графічны варыянт – *-есць*) і радзей – з *-осць*, а невялікая частка назоўнікаў запісваецца то з адным суфіксам, то з другім, аднак суадносіны ў іх ужыванні застаюцца тымі самымі. Напісанні з суфіксам *-осць*, напр. *вмейентносц* ‘умеласць’, *зуфалосц* ‘смеласць’, *лакомосц* ‘прагнасць’, *литосц* ‘літасць, міласць’, *мондросц* ‘мудрасць’, сустракаюцца, як правіла, у кантэкстах, якія адчулі польскі ўплыў або яны з’яўляюцца польскімі па паходжанні.

У сучасным мовазнаўстве фармант *-асць / -осць* лічыцца “славяна-кніжным” або “кніжным” і гістарычна складаным, інтэграваным (з двух суфіксаў *-ot(a) + *-tь > -ость > -осць / -асць) паводле паходжання. У кітабе XIX ст., напісаным блізкай да жывой народна-дыялектнай мовы, назоўнікі з гэтым фармантам знайшлі, як ні дзіўна, шырокае выкарыстанне, утвараюць самастойны і дастаткова ўстойлівы лексічны разрад. Больш за тое, адцягненыя назоўнікі на *-асць / -осць* увогуле мала прадуктыўныя ў жывой народнай мове [1], не толькі часта ўжывальныя ў арабскаграфічным помніку, але і трывала ў ім замацаваліся як адзін з тыповых і найбольш ужывальных сродкаў выражэння адцягненай прыметы, якасці або стану ў рэлігійнай сферы, ва ўзаемаадносінах паміж вернікамі, у выражэнні адцягненых якасцей Бога і да таго пад. У кітабе адцягненыя назоўнікі з фармантам *-асць / -осць* абазначаюць:

якасці, уласцівыя Богу, – *великасц* 1. ‘веліч, вялікасць’; 2. ‘моц, магутнасць’, *милосц* 1. любоў, вялікадушнасць; 2. ‘ласка’; 3. ‘міласэрнасць’, *добросц* ‘дабрата’, напр.: *и боже високи йа хелоп той ‘у грешнайе мора ‘утанув ти мене великасцей и добрасцай виправац из грехов* (36б18-20) [2] [О, Божа высокі, я раб той, які ў грэшным

моры патануў, Ты мяне магутнасцю і дабратой Сваёй вызвалі ад грахоў];

станоўчыя маральна-этычныя якасці, якія ўхваляюцца і якімі павінны валодаць вернікі, – *абачносц* ‘спагада’, *вернасц*, *мондросц*, *паважнасц* ‘павага’; ‘годнасць’, *правдзивасц / правдзивосц* ‘сапраўднасць, праўда’, *пристойнасц, справедливосц / справедливесц* ‘маральна-этычная адпаведнасць’, *стидливосц* ‘сорам’, *удзачнасц, церпливасц / церпливосц* ‘цярплівасць’;

адмоўныя якасці, якія, наадварот, асуджаюцца ісламскай верай, – *аплошнасц* ‘памылка’, *гардасц* ‘пыха, фанабэрыя’, *заздросц / зайздросц, запалчивасц, злосц, лакомосц, невернасц* 1. ‘непрыняцце веры ў адзінага Бога (Алаха)’, ‘бязбожніцтва’, *невмейентнасц / неумейентносц* ‘недасведчанасць, неадукаванасць’, *пажадливосц* ‘прагнасць’, *сквапливосц* ‘паспешлівасць’, *скупасц, хитросц, цемнасц / цемносц* 1. ‘цемната, адсутнасць святла’; 2. ‘неадукаванасць’;

якасць-стан чалавека – *васолосц* ‘вясёласць’, *горкасц* ‘горкі смак, горыч’, *жалосц* ‘гора, смутак’, *нездровасц* ‘уласцівасць і стан нездаровага’, *прикрасц* ‘непрыемнасць’, *радасц, труднасц / трудносц* 1. ‘цяжкія жыццёвыя і матэрыяльныя абставіны’; 2. ‘перашкода’, *чистасц / чистосц* ‘уласцівасць і стан чыстага, чыстата’;

якасці-велічыні – *великасц* ‘велічыня’, *високасц* ‘вышыня’, *глибокасц* ‘глыбіня’, *грубасц* ‘таўшчыня’, *широкасц* ‘шырыня’.

Назвы на *-асць / -осць* перадаюць таксама колеравыя адценні *(светласц* ‘святло’, *йасносц* ‘святло’, ‘светласць’, *цемнасц* ‘цемната, адсутнасць святла’*)*, агульную назву разнастайных абавязкаў, уключаючы рытуальныя *(павиннасц)*, узроставыя якасці чалавека *(молодосц, старасц)*, назву знешнасці (Бога) *(абличнасц* ‘воблік’*)*, якасць-стан прыроды *(зимнасц* ‘холад’*)* ды інш.

Найбольш распаўсюджанымі ў манускрыпце з’яўляюцца адцягненыя назоўнікі *милосц, сватласц / сватлосц / светласц, труднасц / трудносц, чистасц / чистосц, павиннасц, цемнасц / цемносц, добросц / добрасц, удзячнасц, йаснасц, радасц, злосц, невернасц*. Іх частотнасць абумоўліваецца характарам і зместам галоўным чынам рэлігійных, а таксама фальклорных і мастацкіх тэкстаў, якія ўключаюцца ў кітаб. Так, слова *милосц* адзначаецца не менш за 119 разоў, у асноўным яно ўключаецца ва ўсходняе добрапажаданне *“йего милосц”*, якім суправаджаюцца імёны анёлаў, прарокаў, святых: *прарок йего милосц так мӯвил* (100б3) [Прарок, яго міласць, так сказаў]. Лексема *сватласц / сватлосц / светласц* ужыта 56 разоў, *труднасц / трудносц* – 31, *чистасц / чистосц* – 28, *павиннасц* – 23, *удзачнасц* – 20, *цемнасц / цемносц* – 19, *добрасц / добросц* – 18, *йаснасц* – 14, *радасц* і *злосц* – па 11 і г.д. У разгледжаным лексічным разрадзе адцягненых назваў гэтыя назоўнікі адлюстроўваюць найбольш значныя духоўныя паняцці ісламскай рэлігіі, маральныя якасці вернікаў.

Абстрактная лексіка з фармантам *-асць / -осць* выяўляе шэраг асаблівасцей. Адной з іх з’яўляецца развіццё дадатковага значэння пад уплывам рэлігійнага кантэксту. Так, лексема *невернасц* ужываецца ў манускрыпце 10 разоў, і ва ўсіх кантэкстах мае абумоўленае ім значэнне ‘непрыняцце веры ў адзінага Бога (Алаха), ‘бязбожніцтва’: *кеди мусулмане кафирем мувили да иману не приходзили седеку не давали дна суднаго йак адкажеце и невернасц справуйеце* (21б3) [Калі мусульмане кафірам гаварылі, (яны) да іману не прыходзілі, садаку не давалі. Што адкажаце ў Судны дзень, застаючыся ў нявернасці?].

Тое самае назіраецца з лексемай *чистасц / чистосц*. У манускрыпце яна ўжываецца з некалькімі значэннямі, выконвае важную ідэалагічную (рэлігійную) ролю і адносіцца да ліку часта ўжывальных. Так, у сказе *дна суднаго чистасц вернасц невернасц усо йавно будзе* (17б12) [У Судны дзень высветліцца ўся бязгрэшнасць, вернасць, нявернасць (кожнага)] пад словам *чистасц* разумеецца ‘бязгрэшнасць, маральная бездакорнасць’.

Але ў пераважнай большасці выкарыстанне гэтага назоўніка ў кітабе рытуальнае, ім характарызуецца адна з самых важных якасцей, якой павінен адпавядаць мусульманін. “Чыстасць” у ісламе азначае чыстату цела, вопраткі і адначасова чыстату духоўную – чыстату думак, намераў, паводзін. Фізічная і духоўная чыстата з’яўляецца ўмовай прыняцця малітваў Богам (Алахам),

пагэтаму перад малітвай, перад кожным рэлігійным рытуалам мусульманін абавязаны здзяйсняць абмыванне і прамаўляць, калі гэта патрабуецца, цытаты з малітваў або Карана. Параўн.: *кажнемӯ имаму и чителнику треба ведац спосаб да чистасци да немазу* (76а16) [Кожнаму імаму і чытачу патрэбна ведаць, як захоўваць (рытуальную) чыстату і здзяйсняць намаз]; *прарок йего милосц мувил кур'ан йест слова стварицелскайе хто пейе 'у чистасци таго спасенйе нихто не ведайе 'акром пана бога стварицела* (70в13-14) [Прарок, яго міласць, сказаў: Каран ёсць кніга Стваральніка. Хто чытае (яго) у (рытуальнай) чыстаце, той будзе мець выратаванне, якога ніхто не ведае, акрамя Госпада Бога Стваральніка].

Акрамя дадатковага значэння 'рытуальная чыстата', слова *чистасц / чистосц* у рэлігійным кантэксце атрымлівае дадатковае значэнне 'рытуальнае ачышчэнне': *кали хто гета дуа'и не вмейе нехай мувиц бисми аллаги алррахмани алррахими чистӣ спадару боже чистайе вада твайе 'ачисц цела майо грешнайе и мов так ла илага илла аллагу мухаммад расӯла аллагу бӯдзеш чистаси зӯпелнуйу мец* (78б12-16) [Калі хто гэтае дуа не ведае, няхай скажа: *бисми аллаги алррахмани алррахими*, чысты Спадару Божа, чыстая вада Твая, ачысці цела маё грэшнае. І скажы так: ла илага илла аллагу мухаммад расӯла аллагу. Будзеш мець поўнае ачышчэнне]. Зразумела, падобныя значэнні нарадзіліся ў маўленчай практыцы татараў-мусульман, адлюстраваліся і "жывуць" у мове кітабаў.

На прыкладзе лексем з фармантам *-асць / -осць*, ужытых у кітабе XIX ст., можна прасачыць слоўнікавы рух ад эпохі старабеларускай мовы да часу стварэння кітаба (першая трэць XIX ст.). Паводле Гістарычнага слоўніка беларускай мовы, пераважная іх большасць (каля 90%) ужывалася ў старабеларускай мове XIV–XVII стст. у розных пісьмовых жанрах, і найчасцей – у рэлігійнай літаратуры.

Разрад адцягненых назоўнікаў з фармантам *-асць / -осць* у напрамку да нашага часу перажыў дастаткова прыкметныя змены. У слоўніку сучаснай літаратурнай мовы з выяўленай у кітабе абстрактнай лексікі з суфіксам *-асць / -осць* замацавалася крыху больш за палову лексічных адзінак. Яшчэ невялікая колькасць слоў з гэтага разраду адзначаецца ў беларускіх дыялектных крыніцах XX–XXI стст. У агульным колькасным выражэнні захаваная лексіка складае каля 65%.

У некаторых абстрактных назоўніках страціліся асобныя значэнні. Напр., слова *належнасц* у кітабе ўжываецца з двума значэннямі, адно з якіх адцягненае – 'абавязак': *два реке'еѓи сунне́т то належнасц* (82а9) [Два ракааты – сунна, гэта значыць абавязак]. Але якраз з гэтым значэннем яна і не фіксуецца зараз, а толькі са значэннем 'прыналежнасць'.

Рух слоўніка адцягненых назоўнікаў на *-асць / -осць* звязаны найперш са стратай лексем польскага паходжання. Наяўнасць іх у кітабе, а таксама невялікай часткі слоў агульнаславянскага характару, аформленых пад уплывам польскай фанетыкі, напр., *мондросц, нездровасц* 'уласцівасць нездаровага', *сватлосц* 'святло, яркасць, святло', 'ззянне', *сроѓосц* 'суровасць', з'явілася вынікам перакладу тэкстаў, з якіх фарміраваліся кітабы, з беларускай мовы на польскую. Гэты працэс быў адлюстраваны ў кітабах 1-й паловы XIX ст. у рознай ступені як па колькасці тэкстаў, якія перакладаліся на польскую мову, так і па ступені набліжэння іх да нормаў польскай мовы [3, с. 77]. Кітаб А. Хасяневіча (1832), у якім беларуская мова дамінуе, таксама не з'яўляецца ў гэтым сэнсе выключэннем і ўтрымлівае тэксты, акрамя беларускіх, з розным узроўнем прысутнасці польскай лексікі. Адцягненая лексіка польскага паходжання з фармантам *-осць* складае ў манускрыпце каля 15%. Большая яе частка ў сучаснай літаратурнай мове не захавалася (напр., *векойистасц* 'вечнасць', *вентосц* 'кволасць', *вентпливосц* 'сумненне', *зуфалосц*, *свентабливесц* 'набожнасць', *умейентносц* 'уменне, веданне' ды інш.).

Аднак правесці дакладную мяжу паміж словамі, запазычанымі з польскай мовы, і беларускімі новаўтварэннямі на *-асць / -осць* не заўсёды магчыма з-за наяўнасці ў абедзвюх мовах аднолькавых спосабаў і сродкаў утварэння. Цяжка ўявіць, што ўтварэнне назоўнікаў гэтага тыпу было спецыфічным толькі ў польскай або толькі ў беларускай мове. Гэтыя працэсы былі вядомыя абедзвюм мовам [3]. Некаторыя адцягненыя назоўнікі, выкарыстаныя

ў манускрыпце, утварыліся хоць і на аснове іншамоўных каранёў, але на беларускай моўнай глебе. Разгледзім некаторыя тыповыя прыклады.

Так, слова *абмилносц* мае ў сваім складзе польскі корань *myl-* і ўжываецца са значэннем ‘памылка’: *ибрагим рек чаго майӯ жедац ... джебра’ил рек... ‘а хенц свайӯ дай ибрагӣм рек хенц майа ‘абмилносц ‘ад бога што майу жедац жадней речи ни жадайу бо ‘ӯсо йест божейа* (10б20) [Сказаў Ібрагім: Чаго жадаю? ... Джабраіл сказаў: Жаданне сваё назаві. Ібрагім адказаў: Жаданне маё – памылка. Што магу жадаць ад Бога? Ніводнай рэчы не жадаю, бо усё (тут) ёсць Божае.]. З улікам спосабу ўтварэння падобных адзінак можна было б дапусціць існаванне, ва ўсякім разе ў мове перапісчыка, прыметніка “абмыльны”, але ў кітабе яно не выкарыстоўваецца. У Гістарычным слоўніку беларускай мовы (ГСБМ) і Слоўніку старапольскім гэтае слова не адзначаецца.

Разам з тым з XVI ст. у старабеларускім пісьменстве выкарыстоўваюцца аднакаранёвыя *обмылити* ‘збіць з толку’, *обмылитися* ‘памыліцца’, якія паходзяць з польскага *mylić się, mylać* ‘памыляцца, уводзіць у зман’ [4] і якія маглі паслужыць базай для ўтварэння іменных формаў, у тым ліку адцягненага назоўніка з фармантам *-осц*, ужо на беларускай моўнай глебе.

Верагодна, з’яўляецца новаўтварэннем і лексема *хлопасц* ‘клопат, турбота’, якая ўяўляе сабою пераафармленне славянскай лексемы *хлопоты (← клопат(ы))* шляхам замены фарманта *-от-ъ* на *-асц*: *без кайети из сего света идучи шейтан теваришем биц майе ... пат пеклем мейсца гатовайе майе биц ... пекла навеки застали вспол плакац седзиц хлопасци свецкай пакинӯвши* (128б5) [(Тым), хто без пакаяння пакідае гэты свет, шайтан будзе таварышам ... пад пеклам месца падрыхтаванае (для іх) ... у пекле навечна застануцца, усе (яны) плакаць будуць, клопат жыццёвы пакінуўшы].

Цікава, што кітаб адлюстроўвае гаворкі, у якіх дадзеная лексема ўжывалася і з пачатковым [х], і з пачатковым [к]. Параўн. ужыванне слова *хлапотлива* ‘клопатна’ і назоўніка *клопат* 1. ‘турботы’; 2. ‘шум, крык’: *кали сомага дна сон видзиш хлапотлива бивайе* (133б12) і *на гетем згиблем свеце немаш пажиткав ани клопатав* (=турботаў) *табе* (67б24); *мухаммед прарок мувил кали сегосветнийе слӯхайце ‘ад лихих дзел треба кайету чиниц бо сегосветних слов нет помачи толка многа ламенту и клопату* (=шуму, крыку) *весолаго* (124а10-12).

Да ліку беларускіх навацый у гэтым разрадзе можна аднесці таксама назоўнікі *пахвальносц* ‘той, хто заслугоўвае пахвалы’, *узичливосц* ‘добразычлівасць’. У манускрыпце яны, як і словы *абмилносц, хлопасц*, не надта пашыраныя ва ўжыванні, выкарыстоўваюцца толькі ў адзінкавых кантэкстах. Верагодна, пералічаныя абстрактныя назвы былі абмежаваны лакальна, магчыма, гаворкамі перапісчыка(ў), пагэтаму яны не засведчаны Гістарычным слоўнікам беларускай мовы і не ўвайшлі ў слоўнік сучаснай літаратурнай мовы.

Выяўленне суадноснасці ўласных і іншаславянскіх сродкаў абазначэння адцягненых паняццяў мае пэўнае значэнне для ацэнкі дэрывацыйных працэсаў у народна-дыялектнай мове з удзелам кніжнага фарманта *-асць / -осць*. Зыходзячы з прыкладаў, якія адзначаюцца ў кітабе, гэты працэс у пачатку XIX ст. уяўляецца як малапрадуктыўны. У пераважнай большасці дадзены лексічны разрад складаецца з замацаваных яшчэ ў эпоху старабеларускай мовы абстрактных назоўнікаў, што пацвярджаецца ГСБМ; запазычанні з польскай мовы і яшчэ ў меншай ступені народна-дыялектныя новаўтварэнні складаюць меншую частку.

Верагодна, адной з магчымых прычын такога развіцця слоўніка абстрактных назваў з фармантам *-асць / -осць* з’яўляецца канкурэнцыя з боку іншых разрадаў адцягненых назоўнікаў як з “народнымі”, так і “кніжнымі” фармантамі.

Вынікам падобнай канкурэнцыі з’явілася адлюстраванне ў кітабе словаўтваральнай суфіксальнай сінанімii пры абазначэнні адных і тых самых адцягненых паняццяў. Гэта азначае, што ў беларускай народна-дыялектнай мове праходзілі працэсы ўтварэння адцягненых назоўнікаў на базе адной утваральнай асновы з выкарыстаннем некалькіх фармантаў. Так, у сінанімічныя адносіны з фармантам *-асць / -осць* уступаюць наступныя фарманты: 1) *-ств-* (*йединасц і адзиноства / йединоства, аплошнасц*

і аплошенства, скупасц і *скупства),* 2) *-ін-* (*великасц* і *величина, широкасц* і *шерина, гарачасц* і *гарачина* 'гарачыня'), 3) *нулявы фармант* (*злосц* і *зло, жалосц* і *жал / жала, устидливасц* і *устид, абмилносц* і *абмила*) 4) *-й-е (абличнасц* і *аблича*), 5) *-к-* (*абмилносц* і *ебмилка*) ды інш. З выяўленых у кітабе кожны чацвёрты назоўнік з фармантам *-асць / -осць* мае суфіксальна-сінанімічную паралель. Частотнасць (ужывальнасць) гэтых назваў не заўсёды аднолькавая, г.зн. яны не заўсёды раўнацэнныя па распаўсюджанасці і па адносінах да нарматыўнага статусу ў кітабе, напр., слова *йединасц* фіксуецца ў адзінкавым кантэксце, а словы *адзиноства / йединоства* – 6 і 13 разоў адпаведна.

Наяўнасць суфіксальнай сінаніміі не дае падстаў сцвярджаць, што назоўнікі з фармантам *-асць / -осць* у манускрыпце цалкам сфарміраваліся як адзіны разрад з адзіным фармантам для абазначэння адцягненай якасці або стану.

У напрамку да нашага часу шэраг назоўнікаў гэтага разраду адчуў уплыў з боку аналагічных аднакаранёвых слоў з іншымі фармантамі, асабліва з *-ін-я / -ын-я, -ат-а* (адцягненыя назоўнікі з гэтым суфіксам у манускрыпце не адзначаюцца, што з'яўляецца, па сутнасці, пэўнай загадкай), што і прывяло або да поўнага іх выцяснення або да істотнага звужэння ў сучаснай літаратурнай мове.

Шэраг адцягненых назваў, якія абазначалі якасці-велічыні *(великасц, високасц, глибокасц, грубасц, широкасц),* выцесніліся больш распаўсюджанымі назвамі з больш прадуктыўным фармантам *(велічыня, вышыня, глыбіня, таўшчыня, шырыня).* Параўн. таксама: *чистасц / чистосц* і *чыстата, чысціня; гарачасц* і *гарачыня; добрасц* і *дабрата, дабрыня.* Адной з прычын такой замены магло быць узмацненне ў беларускай мове назоўнікаў з "народнымі" фармантамі, якімі і былі *-ін-я / -ын-я, -ат-а* ў процілегласць кніжнаму *-асць / -осць.*

Заключэнне. Разрад адцягненых назоўнікаў з суфіксам *-асць / -осць* з'яўляецца выразнай асаблівасцю мовы Кітаба А. Хасяневіча (1832).

Назоўнікі на *-асць / -осць* найбольш поўна адпавядалі значэнням спецыфічных адцягненых паняццяў ісламскай веры. Гэта абумовіла іх замацаванне ў рэлігійным арабскаграфічным помніку ў якасці самастойнага і прадуктыўнага сродку выражэння адцягненых значэнняў.

Большая частка адцягненай лексікі (каля 65%) з фармантам *-асць / -осць,* выяўленай у кітабе XIX ст., замацавалася ў слоўніку галоўным чынам сучаснай беларускай літаратурнай і часткова – народна-дыялектнай мовы. Яшчэ больш высокі ўзровень пераемнасці гэтай лексікі назіраецца ад эпохі старабеларускай мовы да моманту стварэння кітаба (першая трэць XIX ст.) і складае 90% агульнай адцягненай лексікі.

Разрад адцягненых назоўнікаў на *-асць / -осць* аказаўся дастаткова ўразлівым з боку аналагічнай польскай лексікі, амаль трэць яго складу ў кітабе першай трэці XIX ст. утваралі польскія абстрактныя назоўнікі. Абстрактныя беларускія народныя навацыі з фармантам *-асць / -осць* ілюструюцца нязначнай колькасцю слоў, якія, верагодна, адлюстроўваюць родныя гаворкі перапісчыка(ў).

Змяненне слоўнікавага складу ў напрамку да нашых дзён звязана галоўным чынам са стратай польскіх абстрактных назоўнікаў з фармантам *-асць / -осць,* частка якіх выступала ў кітабе ў якасці лексічных дублетаў, і часткова са стратай невялікай часткі абстрактнай лексікі, якая ўзнікла на аснове іншамоўных або ўласных каранёў і мела вузкадыялектны характар.

У структуры значэння некаторых абстрактных назоўнікаў назіралася замацаванне дадатковых сем, што абумоўлівалася рэлігійным характарам арабскаграфічнага рукапісу. Змяненне структуры семантыкі адцягненых назоўнікаў у напрамку да нашага часу праяўлялася ў архаізацыі (страце) аднаго са значэнняў мнагазначнага слова.

Лексічны разрад з фармантам *-асць / -осць* зведваў уплыў іншых паводле спосабу ўтварэння разрадаў назоўнікаў, якія абазначалі адцягненую прымету, у выніку чаго ў кітабе адлюстравалася словаўтваральная суфіксальная сінанімія.

Акрамя гэтага, разрад адцягненых назоўнікаў з фармантам *-асць / -осць,* не маючы падтрымкі з боку народна-дыялектнай мовы, у напрамку да нашых дзён зменшыўся пад уплывам аналагічнай (аднакаранёвай) лексікі з іншымі, больш

прадуктыўнымі фармантамі, да якіх адносяцца *-ін-я / -ын-я, -ат-а* і якія ў народна-дыялектнай мове асабліва прадуктыўныя.

У сваю чаргу назоўнікі дадзенага разраду таксама аказвалі ўплыў на абстрактныя назвы з іншымі фармантамі, аднак вынікі такога ўздзеяння фіксуюцца ў кітабе ў адзінкавых выпадках.

Слоўнік усходніх слоў

Імам – *араб.* імам; той, хто стаіць наперадзе ў час малітвы.

Іман – *араб.* вера.

Кафір – *араб.* нявернік; бязбожнік.

Куран – *араб.* Каран.

Намаз – *перс.* рытуальная малітва.

Ракаат – *араб.* паклон у пояс у час намазу.

Сунна – *араб.* традыцыя, звычай.

Літаратура

1. Урыўкі з арабскаграфічнага манускрыпта транслітаруюцца паводле сістэмы А.К. Антановіча. Гл.: Антонович, А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система / А.К. Антонович. – Вильнюс, 1968. – С. 192–194.
2. Сцяцко, П.У. Беларускае народнае словаўтварэнне. Афіксальныя назоўнікі / П.У. Сцяцко. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – С. 137.
3. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – С. 242.
4. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – Т. 7. – С. 115.

Паступіў у рэдакцыю 22.05.2017 г.

УДК 811.111'37

Коммуникативные тактики социально-политического протеста в социальных сетях

Храбан Т.Е.
Киевский военный лицей имени Ивана Богуна, Киев (Украина)

Протестные практики в настоящее время выносятся в режим онлайн, который менее нормирован, чем все остальные сферы и общественные институты.

Цель статьи – анализ коммуникативных тактик социально-политического протеста в социальных сетях.

Материал и методы. *Материалом послужили текстовые фрагменты украиноязычной социальной сети Facebook. При этом использовался метод дискурс-анализа, направленный на изучение когнитивно-прагматических условий воспроизводства социально значимых идей и объектов, языковое конструирование феноменов, их позиционирование в социальных сетях.*

Результаты и их обсуждение. *Поскольку коммуникативная стратегия является отдельной и специально решаемой задачей любого социального действия, представляется актуальным исследовать специфику выбора пользователями социальных сетей коммуникативных тактик для реализации стратегии социально-политического протеста. Характерная особенность социальных сетей – использование коммуникативных тактик открытого противостояния и активного выражения протеста: обвинения, оценки, угрозы, побуждения к протесту. Тактики реализуются путем ряда коммуникативных ходов. Коммуникативная стратегия социально-политического протеста непосредственно связана с критикой, а иногда и полным отрицанием существующих в обществе норм и ценностей.*

Заключение. *Социальные сети являются современным инструментом, применяемым в интересах активизации протестных настроений, координации действий протестующих, информирования общественности о происходящих событиях. Перспективным считаем дальнейшее изучение проявлений протестной активности в интернет-коммуникации.*

Ключевые слова: *дискурс-анализ, интернет-коммуникация, коммуникативные тактики, социальные сети, социально-политический протест.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 157–161)

Communicative Tactics of Social and Political Protest in Social Networks

Khraban T.E.
Kyiv Ivan Bohun Military Lyceum, Kyiv (Ukraine)

Nowadays remonstrate practices are shifted on the Internet which is less standardized than all other spheres and public institutions.

The purpose of the article is to analyze communicative tactics of social and political protest in social networks.

Material and methods. *The research material is text extracts from the Ukrainian language Facebook social network the analysis of which was conducted with the application of the method of discourse analysis. Discourse analysis was aimed at studying cognitive and pragmatic conditions of the reproduction of socially significant ideas and objects, at language constructing the phenomena, at their positioning in social networks.*

Findings and their discussion. *Since communicative strategy is a particular task of any social action it seems to be important to research the specificity of social networks users' choice of communicative tactics for the implementation of the strategy of social and political protest. Social networks' characteristic feature is the use of communicative tactics of open opposition and active expression of protest: accusation, assessment, threat, incentive for protest. Tactics are implemented through a series of communicative techniques. The communicative strategy of social and political protest is directly related to criticism and sometimes even to total denial of existing norms and values in society.*

Conclusion. *Social networks are a modern tool used for activating protest state of public opinion, coordinating protesters' actions, informing the public about current events. Detailed study of protest activity manifestations on Internet communications may provide special interest.*

Key words: *discourse analysis, Internet communication, communicative tactics, social networks, social and political protest.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 157–161)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Xraban.Tatyana@mail.ru – **Т.Е. Храбан**

В последние годы в науке по разным причинам заметно возрос интерес к изучению проблем социально-политического протеста. Характерным является и то, что протестные практики в настоящее время выносятся в режим онлайн, который менее нормирован, чем все остальные сферы и общественные институты. Понятие протеста, столь актуальное для ряда стран постсоветского пространства в последнее время, рассматривалось с разных сторон политологами, социологами, философами: разработка теоретических концепций протеста как парадигмы коллективного действия (Ч. Тилли, А. Обершолл, М. Залд,С. Тэрроу) и теория относительной депривации (Дж. Дэвис, Т. Гарр, Р. Тернер), исследование общественных, рабочих, экологических, женских движений (О. Воронина, Л. Гордон, У. Гэмсон, Г. Дилигенский, Т. Зеликова, Е. Здравомыслова, А. Клименкова, В. Комаровский, В. Костюшов, М. Либоракина, Д. Сноу, С. Фомичев, О. Цепилова, О. Яницкий), анализ отдельных проявлений протестной активности в конкретных акциях (И. Аксенов, А. Зайцев, А. Климентьева, А. Кравченко, Н. Кротов, Ю. Миловидов). В лингвистике интерес представляет диссертационное исследование И. Лебедевой [1, с. 10], в которой автор обращается к когнитивному подходу, позволяющему исследовать фрагмент действительности, отраженный в концепте *СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В США*. Однако необходимо отметить недостаточную разработанность темы социально-политического протеста в лингвистике.

Цель статьи – анализ коммуникативных тактик социально-политического протеста в социальных сетях.

Материал и методы. Материалом послужили текстовые фрагменты украиноязычной социальной сети Facebook. При этом использовался метод дискурс-анализа. Под ним понимается «совокупность подходов к изучению природы языка в связи с центральными концептами социальных наук, которая предусматривает не только сбор и обработку информации, но и ряд метатеоретических и теоретических гипотез, а также систему принципов и методов исследования» [2]. Являясь междисциплинарным феноменом, дискурс-анализ предоставил возможность изучать лингвистические и психологические процессы конструирования социальной реальности с использованием комплексного подхода, предполагающего анализ структуры, семантики и прагматики целого текста, и был направлен на изучение когнитивно-прагматических условий воспроизводства социально значимых идей и объектов, языковое конструирование феноменов, их позиционирование в социальных сетях.

Результаты и их обсуждение. Конфликтность современного общества – составная часть глобализации как процесса усиления взаимосвязанности мира, всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран, различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т.п. Подлинная революция произошла в информационном пространстве с внедрением и подключением к глобальной сети Интернет, что позволило общаться в реальном времени людям, находящимся в самым отдаленных уголках Земли [3].

Активное использование Интернета помогает оперативно влиять не только на мнение, но и поведение людей. Кросс-культурное взаимодействие, которое корректирует ценностные ориентиры, модели поведения и способы жизни, отсутствие цензуры, анонимность, разнообразие субъектов, жанров, стилей, типов и видов коммуникации, прагматическая организация интернет-коммуникации способствуют применению всемирной системы компьютерных сетей как сцены социально-политического протеста.

Социально-политический протест – это «способ продемонстрировать свою неудовлетворенность окружающим миром и выступить против разных явлений реальной действительности, которые идут вразрез с их этическими, политическими или какими-либо другими принципами» [1, с. 4], путем открытой реакции, направленной на защиту попранных прав, окружающей среды, существующих свобод, материальных гарантий и др. Политическая власть, как правило, не является предметом социально-политического протеста, а рассматривается лишь как причина возникших социальных проблем и/или как средство для достижения желаемых социальных целей.

Поскольку «коммуникативная стратегия является отдельной и специально решаемой задачей любого социального действия» [4, с. 53], представляется актуальным исследовать специфику выбора пользователями социальных сетей коммуникативных тактик для реализации стратегии социально-политического протеста. Характерная особенность социальных сетей – применение коммуникативных тактик открытого противостояния и активного выражения протеста:

1. Тактика обвинения. Реализуется путем коммуникативных ходов:

а) «выявление противоречий»: *Зверніть увагу – він обурюється, що його позбавили громадянства неконституційно... А здобув ти його конституційно? (Ну геть, як у фільмі Гайдая). Отримуючи український паспорт, ти брав зобов'язання припинити громадянство Німеччини, хоча свідомо знав, що ніколи цього робити не будеш. Отже здійснював шахрайство, внаслідок чого входження в громадянство України було нечинним.* В данном фрагменте автор выявляет противоположность мнений оппонента по одному и тому же поводу – получение гражданства. На основании существования противоречия в аргументации оппонента автор дискурсивного фрагмента квалифицирует действия оппонента как мошенничество, тем самым ставя под сомнением его моральные качества;

б) «выявление ошибок и их разбор»: *Кучма на 13-ту річницю сказав, що підніме Україну з колін. Тигіпко сказав, що треба Україну негайно підняти з колін... сказати, що це Україна встала з колін, не можна, бо ця молодь ніколи не стояла на колінах!!!* Комментарии свидетельствуют, что коммуникативный ход «выявление ошибок и их разбор» был реализован успешно: *Повністю згідна. ...на коліна ставали і стаємо тільки перед образом Божим і гробами наших героїв; Дякуємо, Ліно, за державницьку науку. Навчайте, наставляйте, піднімайте дух і силу українців, які не дадуть себе поставить на коліна*;

в) «отрицательное суждение»: *Коли читаєш про бюджет Євробачення 2017, гонорари, якісь незрозумілі витрати і бачиш те, що є по факту – окрім матюків і обурення в голові кружляють рядки Пушкіна: «Зажжем огни, нальем бокалы, утопим весело умы и, закатив пиры да балы, восславим царствие чумы...».* В приведенном фрагменте автор проводит разбор целесообразности проведения конкурса Евровидения 2017 в Украине и выражает свой протест против непомерных расходов на его организацию во время сложной политической и экономической ситуации в стране путем использования аллюзии на произведение А. Пушкина «Пир во время чумы»;

г) «проверка достоверности»: *Гарною ілюстрацією «порядності» чергового борця проти «антинародного режиму» може послужити таке особисте його зізнання, яке ще в той період наскочив у якомусь його інтерв'ю... А тепер порівняйте, особливо останні слова, зі свіжою цитатою з «Української правди»... Ви дійсно досі впевнені, що Україна ... втратила хорошого й гідного громадянина?* Автор обращается к первоисточнику информации, в качестве которого он рассматривает интервью самого оппонента. Выявление несоответствия между двумя фрагментами информации дает основание автору поставить под сомнение неспособность оппонента к сознательному, намеренному совершению поступков, противоречащих нормам общественной морали, что является проявлением автором проанализированного отрывка открытого противостояния и активного выражения протеста;

д) «отзыв»: *Ну не треба ж всіх мати за дурнів. Все ж білими нитками шите. Ганьба...; Немає слів..., А це – взагалі, поза межами здорового глузду!* В приведеннях фрагментах выражение протеста осуществляется путем использования стилистически сниженной лексики (*дурні*), предикативной оценки событий (*поза межами*), оценочной лексики (*ганьба*).

2. Тактика оценки. Реализуется путем коммуникативных ходов:

а) «прямое оскорбление»: *Кретини, для яких вигода дорожче за совість, честь та гідність!; Дві падалі; Два довбойоба – Біба і Боба.* Непременный атрибут прямого оскорбления – сниженная и инвективная (оскорбительная) лексика (*кретин, падаль*);

б) «эксплицитное оскорбление»: *«Детектив» Еркюль Пуаро!!!!!! Оце його взяло так взяло!!!! На три метри в землю бачить!!!!!! Хто де кого і чого продав, ну все знає!* При эксплицитном оскорблении негативная характеристика объекта выражается косвенно, в виде намека, метафоры, аллюзии, «ярлыка»;

в) «апелляция»: *А взагалі, Сталін у такому випадку погрузив усьо кодло по Бобіках і вальнув би в найближчому урочищі...* Автор фрагмента, моделируя условную ситуацию, ссылается на предполагаемую оценку действий оппонента лидером государства, время пребывания у власти которого ассоциируется с быстрыми расправами виновных;

г) «утрирование»: *От скажіть, потрібні нам такі горе-лікарі??? Та від таких можна очікувати й навмисного шкідництва здоров'ю, з метою подальших заробітків. От прийдете ви до такого лікаря із простим грипом, а він вам підкине з десяток вірусів, або припише ... ліки, після яких лікуватись доведеться довго і нудно.* В данном фрагменте автор намеренно преувеличивает желание врачей заработать и моделирует ситуацию абсурда, которая не укладывается в привычную логику, противоречит разумным представлениям, а потому вызывает протест;

д) «навешивание ярлыков»: *Як на мене, такий парад є злочинною акцією, оскільки не тільки виправдовує злочинні дії, але й провокує та закликає до їх вчинення. Я не фахівець з права, щоб дати визначення цьому злочину, але цих псевдомедиків слід потихенько порозпихати по автозаках і пред'явити підозру в скоєнні злочину.* Автор с помощью данного коммуникативного хода, используя юридическую лексику (*фахівець з права, злочинна акція, пред'явити підозру, скоєний злочин*), делает общий вывод о незаконном характере явления. Ярлык не объясняет объективных свойств явления, а обозначает их по принципу «чужого», что не может не вызывать протеста.

3. Тактика угрозы. Угроза может быть ответной реакций на какое-то действие, совершенное оппонентом: *Хочу сказати виборцям: люди, схаменіться! Майте розум і гідність не продаватися! Хочу сказати ділкам від влади і ділкам від виборів: зупиніться! Одного дня кожен з вас відповість за всі скоєні злочини!* Или эмоциональной реакцией: *Посланий з неба знак! Їх чекає розплата!!!!* Тактика угрозы может реализоваться через темпоральность, то есть высказывание представляет собой рефлексию по поводу будущего положения дел и маркировано лексико-грамматическими показателями будущности: *Перекласти проблеми на дітей-онуків не вдасться, навіть якби хотілося. Зміни такі швидкі, що і нас з Вами застануть. Або застукають зненацька. Як сніг комунальні служби. Тож думаймо!* Угроза как способ открытого противостояния и активного выражения протеста может быть сопряжена с тактикой совета: *Пан мер, подумайте добре, що то може означати.*

4. Тактика побуждения к протесту. Реализуется путем коммуникативных ходов:

а) «возбуждение эмоций». Он направлен на изменение эмоционального состояния собеседника, причем крайние формы речевой провокации (брань, прямое оскорбление, грубое требование) не используются. Тактика побуждения к протесту представлена иными, завуалированными формами речевого поведения. *Яке примирення? З ким? Заради чого? Яка «пабєда»? Кого над ким? Повбивали мільйони людей і це для вас «свято»? Що саме святкувати? Загибель десятків мільйонів людей? І це для Вас свято? Так, погоджуюсь, що пом'янути всіх убитих та загиблих потрібно 8 травня, в день підписання капітуляції Німеччини перед всім світом. Але треба розуміти та пам'ятати, що та війна була лише війною ізмів – нацизму Гітлера та соціалізму Сталіна.* В данном фрагменте автор избегает прямых высказываний, то есть тех речевых актов, где говорящий называет действие, к которому побуждается адресат. Предпочтение отдается использованию косвенных высказываний, которые содержат в той или иной мере указания на ситуацию модификации поведения и состояния адресата, – это высказывания, оформленные в речи вопросительными конструкциями и направленные на выявление во фрагменте скрытых противоречий с целью показать неоднозначность интерпретации высказывания и выявить коренные конфликты;

б) «аргументация». Косвенными в ситуации модификации поведения собеседника при побуждении к протесту являются ассертивные речевые акты, намеки и комиссивы, оформляемые в речи с помощью повествовательных конструкций: *...А тепер ось що. Маленький приклад. 11 числа Ізраїль буде поминати загиблих. Всіх. Це називається Йом ХаЗикарон. День пам'яті. Не буде парадів. Не буде свята. Не було нагород і 30-річні ветерани, які пройшли через пару воєн, не обвішані бірюльками. Не буде зустрічей з народом. Вони і є народ. Тому що у вас свято. А у них – скорбота. Не «пам'ятаю і пишаюся», а «пам'ятаю і сумую». Ніхто не буде бухати за перемогу, репетувати пісні і ненавидіти весь світ. Ніхто в цей день не буде згадувати ворогів. Вся країна буде згадувати своїх, а не чужих. Не будуть танків на вулицях, гостей з Мозамбіку і ненормальною натовпу. Буде тиша... На 2 хвилини вся країна... вся. Всі автобуси, машини на трасах, заводи, люди на роботах і в парках. Молодь в кафешках. Всі. Всі мільйони ізраїльтян застигнуть у хвилині мовчання, схиливши голови і поминаючи загиблих. Всіх і скрізь. І не буде «ветеранів окремих військ». Не буде камер і агітаторів. Вся країна застигне в хвилині мовчання і смуток. Тому що вони все знають – це не свято. Перемог не буває. Бувають тільки жертви. ... Якщо все навчаться не радіти смерті ворога, а тужити за своїм – може, менше крові буде. Не знаю. Але вірю.* В приведенном фрагменте основным показателем противостояния и выражения протеста выступает контраст, который находит свое выражение в системе разноуровневых оппозиций и выполняет стилеобразующую и текстообразующую функции. «Стилеобразующая функция – это, прежде всего создание экспрессии совершенно определенного направления, это интонирование какого-то фрагмента содержания через противопоставление» [5, с. 124]. Пытаясь реализовать суггестивное воздействие на адресанта, автор фрагмента использует

контраст на лексическом уровне (*перемога – жертви; свій – чужій; радіти – скорбіти*) и синтаксическом уровнях (*Не будуть танків... Буде тиша; Не буде зустрічей з народом. Вони і є народ*). Наряду с созданием общей экспрессии контраст в фрагменте выступает как композиционно-речевой прием организации и развития структуры текста, основанный на противопоставлении образов и планов описания, то есть как средство отражения противоречий между празднованием Дня Победы в государствах постсоветского пространства и Днем Памяти погибших в Израиле;

в) «наложения моральных обязательств»: *Це найвища точка України! З неї, як на долоні, видно простори всіх негараздів і перемог українців. Для багатьох вона стала місцем патріотичного паломництва але ці походи покликані швидше здобути ще одну селфі сесію, ніж зрозуміти глибину створеного Творцем для обраного народу, яким є всі українці. Українці, пам'ятайте, хто ви! Не вірте ілюзіям, які вам нав'язують про приреченість і непутящість, а йдіть на свою вершини перемог, на свою Говерлу світового бомонду і пам'ятайте землю, з якої вас взято, з якої ви створені! Україно, вперед, не зупиняйся! Твої зусилля лише додадуть енергії всім і кожному! Час настав!*

Автор фрагмента применяет апелляцию к героическому прошлому Украины и речевой акт «призыв», который реализуется с помощью восклицательных предложений, выражающих оттенки долженствования, и адресован к большой группе людей;

г) «создание оппозиции «свой – чужой»: *Друзі! Стало відомо про можливі провокації з метою зірвати завтра відкриття виставки «УПА – відповідь нескореного народу. Антинацистський спротив повстанців». Є сили, які дуже не хочуть поширення інформації про антинацитську боротьбу українців, щоб далі представляти їх як колаборантів. Тому приходьте завтра на 12:00 до площі перед Національний музей історії України – НМІУ, щоб показати тих, хто хоче знати правду більше, як маргіналів, що хотіли б аби всі й далі жили в полоні совкових міфів.* Особую значимость проблема создания оппозиции «свой – чужой» приобретает в условиях локальных и гражданских войн, политических и межрелигиозных конфликтов. В представленном фрагменте обозначены такие формы взаимоотношений «своего» и «чужого»: активное противостояние; взаимные провокации; стремление «своего» к лидерству; использование образа «чужого» для конструирования желаемого образа «своего». Автор выстраивает образ «чужого» по единственному значимому признаку: субъект, который не разделяет со мной убеждений, является «чужим», невзирая на его остальные качества и характеристики, и воспринимается однозначно враждебно. Таким образом, оппозиция «свой – чужой» превращается в оппозицию «свой – враг».

Заключение. Социальные сети являются современным инструментом, используемым в интересах активизации протестных настроений, координации действий протестующих, информирования общественности о происходящих событиях. Для реализации коммуникативной стратегии социально-политического протеста пользователи социальных сетей применяют тактики открытого противостояния и активного выражения протеста: обвинения, оценки, угрозы, побуждения к протесту. Тактики реализуются путем ряда следующих коммуникативных ходов: «выявление противоречий», «выявление ошибок и их разбор», «отрицательное суждение», «проверка достоверности», «отзыв», «оскорбление», «апелляция», «утрирование», «навешивание ярлыков», «возбуждение эмоций», «аргументация», «наложения моральных обязательств», «создание оппозиции "свой – чужой"». Коммуникативная стратегия социально-политического протеста непосредственно связана с критикой, а иногда и полным отрицанием существующих в обществе норм и ценностей, и предлагает новые ценностные системы, а также нормы и модели социально-политического поведения. Перспективным считаем дальнейшее изучение проявлений протестной активности в интернет-коммуникации. Результаты могут найти применение для дальнейшей разработки теоретических и практических вопросов функционирования текстов в средствах массовых коммуникаций.

Литература

1. Лебедева, И.Л. Концепт *социальный протест* в языковой картине мира США: на материале периодики и Интернет-ресурсов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.Л. Лебедева. – Владивосток, 2005. – 22 с.
2. Wood, L.A. Doing discouse analisis: Methods for studying action in text and talk / L.A. Wood, R.O. Kroger. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2000. – 240 p.
3. Санжаревский, И.И. Политическая наука: Словарь-справочник [Электронный ресурс] / И.И. Санжаревский. – Режим доступа: glos.virmk.ru/. – Дата доступа: 22.03.2017.
4. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Текст: монография / О.С. Иссерс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Аврасин, В.М. Контраст в тексте: сущность и основы типологии / В.М. Аврасин // Структура языкового сознания: сб. ст. – М.: Наука, 1990. – С. 124.

Поступила в редакцию 11.05.2017 г.

УДК [821.161.1+821.161.3]-311.2.09«19»

Жанрово-стилевая модификация русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы»

Крикливец Е.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В русской и белорусской литературах второй половины XX века происходит смена коммуникативной стратегии. Обращение писателей к креативистской эстетике ускорило преодоление границ нормативной. В литературе зародилось течение, ориентированное на поиск глубинных основ народной жизни.

Цель статьи – выявление причин и специфики жанрово-стилевой модификации русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы».

***Материал и методы.** Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей-«деревенщиков» второй половины XX века. Методологическая база работы – труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений.*

***Результаты и их обсуждение.** Во второй половине XX века в литературе зародилось течение, получившее название «деревенская проза». Писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать духовные устои народной жизни. Наибольшего расцвета в русле «деревенской прозы» достигают такие жанровые разновидности повести, как социально-бытовая, социально-психологическая и лирико-психологическая. В 1960–1970-е годы в контексте «деревенской прозы» формируется утопический дискурс. В рамках данного дискурса профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое. Социально-психологическая повесть 1970–1980-х годов обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности. Использование в реалистической повести второй половины XX века элементов мифопоэтики актуализирует традиции онтологической и метафизической детерминации человеческого сознания, заложенные в реализме XIX века.*

***Заключение.** В прозе писателей-традиционалистов происходит осмысление экзистенциальных категорий веры, безверия, жизни, смерти, судьбы, смысла человеческого существования. В поздней «деревенской прозе» усиливаются апокалиптические мотивы, связанные с осознанием разрыва современности и патриархального миропорядка. В период эстетической и когнитивной адаптации к новым историческим реалиям повесть оказывается наиболее мобильным жанром, способным совместить эпическое и психологическое, бытовое и бытийное, отразить жизнь в непрерывной динамике.*

***Ключевые слова:** русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, художественный метод, жанрово-стилевая модификация повести.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 162–166)

Genre and Style Modification of Russian and Belarusian Realistic Tale in the Context of «Village Prose»

Kriklivets E.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the late XX century in Russian and Belarusian literatures a change in communication strategy is observed. Addressing creative aesthetics by writers accelerated crossing the boundaries of the normative one. A trend aimed at the search of deep sources of public life arose in literature.

The purpose of the article is to find out reasons and specificity of the genre and style modification of Russian and Belarusian realistic tale in the context of «village prose».

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru – **Е.В. Крикливец**

Material and methods. *The research material is tales by Russian and Belarusian «village» writers of the late XX century. The methodological base is works of domestic and foreign literature critics in the field of comparative and typological studies of literature phenomena.*

Findings and their discussion. *A trend of the so-called «village prose» arose in the late XXth century literature. Writers, who overcame the standards of the method of socialist realism, started raising issues of national significance, supporting the idea of national identity, revealing spiritual bases of public life. Such genre variants of the tale as the social and everyday life, the social and psychological and the lyrical and psychological thrive within the trend of «village prose». In the 1960s – 1970s utopist discourse is shaped within «village prose». The profane present is opposed to the ideal past. The social and psychological tale of the 1960s – 1970s is enriched with neomythological techniques of reality modeling. Application in the realistic tale of the late XX century elements of mythological poetics actualizes traditions of ontological and metaphysical determination of human conscience which took root in the realism of the XIX century. Conclusion. In the prose of traditionalist writers understanding of the existential categories of faith, non-faith, life death, fate, sense of human existence takes place. In the late «village prose» apocalyptic motifs increase which are connected with understanding of the break of the present and the patriarchal world order. During aesthetic and cognitive adaptation to new historical realities the tale becomes a more mobile genre capable of combining the epic and the psychological, the everyday and the being, of reflecting life in continuous dynamics.*

Key words: *Russian literature, Belarusian literature, comparative and typological analysis, art method, genre and style modification of the tale.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 162–166)

Под художественным методом принято понимать культурно и исторически обусловленный способ отражения действительности, совокупность принципов отбора, обобщения и эстетического воплощения явлений действительности с позиций общественных идеалов, характерных для той или иной эпохи. Если рассматривать литературу как способ духовного обмена информацией, то художественный метод – это своего рода коммуникативная стратегия, сформировавшаяся в рамках определенной общности и периода времени.

Смена коммуникативной стратегии происходит в результате изменения субъекта, объекта и адресата художественной деятельности в связи с изменением понимания самой природы данной деятельности. Реализм второй половины XX века с эстетической точки зрения весьма неоднороден. Соцреализм, определивший вектор развития официальной советской литературы середины прошлого столетия, правомерно рассматривать как коммуникативную стратегию, свойственную модернистской парадигме. Поскольку именно в модернизме художественная деятельность ориентирована на целенаправленное воздействие на сознание адресата (читателя). Соцреализм как модернистская субпарадигма представляет собой инвариант императивной стратегии идеологически ангажированного политизированного письма. Определяющими в этом процессе коммуникации являются отношения автор–читатель, а референтная (предметная) сторона коммуникации организуется по заранее заданным эстетическим и содержательным канонам.

Во второй половине XX века в период кризиса «оттепели» в литературе зародилось течение, ориентированное на поиск глубинных основ народной жизни. Обращение к истокам народной культуры несло в себе идею нравственно-религиозного обновления, которая в определенном смысле была противопоставлена дискредитировавшей себя государственной идеологии. Писателей, чьи творческие установки соотносились с данной тенденцией, стали называть «деревенщиками», поскольку сами они были выходцами из деревни, а значит, материалом для их произведений служила деревенская жизнь. Однако, как справедливо заметил А.И. Солженицын, «правильно было бы называть их нравственниками, ибо суть их литературного переворота – возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью» [1].

Цель статьи – выявление причин и специфики жанрово-стилевой модификации русской и белорусской реалистической повести в контексте «деревенской прозы».

Материал и методы. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей-«деревенщиков» второй половины XX века. Методологическая база работы – труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений.

Результаты и их обсуждение. «Деревенская проза» и исповедующая те же эстетические принципы «тихая лирика», по сути, представляют собой возвращение к традициям почвенничества, заложенным во второй половине XIX века. Идеи почвенничества тесно связаны с поиском пути развития государства в условиях социального перелома после крестьянской реформы 1861 года. При этом в белорусском лите-

ратуроведении понятия «почвенничество» и «деревенская проза» отсутствуют. Тем не менее нам представляется возможным говорить о том, что мировоззренческие и эстетические установки ряда белорусских писателей (Б. Саченко, И. Пташникова, А. Осипенко, В. Адамчика, В. Козько, В. Карамазова и др.) коррелируют с идеями почвенничества, возродившимися в «деревенской прозе».

И русские, и белорусские писатели, преодолев каноны соцреалистического метода, начинают в своих произведениях поднимать национально значимые проблемы, отстаивать идею национальной самобытности, раскрывать духовные устои народной жизни. Творческий интерес писателей вызывает не советский характер, а национальный характер, не советская культура, а народная культура. Авторы проявляют стремление обнаружить в патриархальном укладе народной жизни нравственную сущность национального характера. В произведениях звучит мотив истоков, появляются образы-символы почвы и малой родины, человек изображается в неразрывной связи с природой. Деревня предстает как своего рода заповедник нравственности и чистоты, в то время как город представляется средоточием пороков.

По объективным причинам наибольшего расцвета в русле «деревенской прозы» достигают такие жанровые разновидности повести, как социально-бытовая, социально-психологическая и лирико-психологическая. Так, во второй половине 1950-х годов становится очевидно, что официальная советская литература далека от правдивого изображения послевоенной деревни. Одним из первых эту проблему поднял Ф. Абрамов в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе» (1954 г.). Не случайно в эти годы появляется ряд произведений, отличающихся особой публицистичностью и социальной заостренностью конфликтов, основная цель которых – показать истинное положение дел в колхозе, «вскрыть» болевые точки. Появляются и «пограничные» жанровые формы, основанные на интеграции (формальной или содержательной) повести с публицистическими жанрами (эссе, очерк, репортаж): Е. Дорош «Деревенский дневник», В. Овечкин «Районные будни», Ф. Абрамов «Вокруг да около». Интенсифицируется социально-бытовая повесть, позволяющая отразить социально-экономический кризис деревни 1950-х годов, показать бедственное положение крестьян в послевоенных колхозах: А. Кулаковский «Дабрасельцы», И. Шамякин «Мост», А. Осипенко «Паплавы», А. Василевич «Шляхі-дарогі», И. Пташников «Чачык», «Не па дарозе» и др.

Изображение социально-экономического кризиса стало предпосылкой для размышления о кризисе духовном, для поиска нравственных основ человеческого бытия. Залог нравственного возрождения виделся в «естественной» жизни в гармонии с природой, в традиционном патриархальном укладе, хранителем которого оставалось крестьянство даже после варварского разрушения общинного мира. Этапным произведением в развитии «деревенской прозы» стала повесть В. Белова «Привычное дело». Колхозная действительность и городская среда противопоставлены в произведении вековому крестьянскому укладу, подчиненному естественному природному циклу. Этот уклад, как и преемственность поколений, «привычное дело» жизни, приобретают в повести сакральный смысл, выступают основой духовного очищения и возрождения.

Закономерно, что в прозе 1960-х годов происходит своего рода идеализация народной жизни. Связать представление об идеале с народом было вполне в духе демократических традиций почвенничества. Поиск идеала в созидательном крестьянском труде, в народной мудрости и житейском опыте качественно отличался от социальных доктрин и классовой идеологии, выходил за рамки соцреалистической эстетики. Сакрализация патриархального уклада, автобиографизм ряда повестей обусловили усиление лирического начала в прозе, актуализацию жанровой формы лирико-психологической повести: В. Солоухин «Владимирские проселки», В. Шукшин «Калина красная», В. Астафьев «Последний поклон» (1-я книга), Я. Брыль «Ніжнія Байдуны», А. Осипенко «Абжыты кут», «Канец бабінага лета», Я. Сипаков «Усе мы з хат», А. Жук «Халодная птушка» и др. Некоторые из вышеназванных произведений имеют новеллическую структуру (В. Астафьев «Последний поклон», В. Солоухин «Владимирские проселки», Я. Сипаков «Усе мы з хат»), что объясняется как автобиографической основой (фрагментарность воспоминаний), так и стремлением авторов охватить содержание, превышающее объем повести, что и приводит к возникновению своего рода «метажанра».

В 1960–1970-е годы в контексте «деревенской прозы» формируется особый, утопический, дискурс. В рамках данного дискурса профанному настоящему противопоставляется идеальное прошлое. Как

отмечает Н.В. Ковтун, утопия «стремится к аннексии смежных областей: с одной стороны, объединяет в тексте, картине мира различные типы мирообразов и способы словесного моделирования мира (пастораль, поучение, панегирик, исповедь), к которым восходит поэтика данного вида литературного жанра; с другой – вторгается в область идеала и идеального [2, с. 15].

Причиной формирования утопического дискурса в «деревенской прозе» стало осознание и рефлексия социально-экономического и, что важнее, нравственного кризиса общества. Н.В. Ковтун подчеркивает, что «"постоттепельный" период в России (вторая половина 1960-х годов) создает весьма благоприятную почву для распространения утопических идей: в стране разрушены завоевания эпохи "культурной либерализации", интеллектуалы уходят или в андеграунд, или в эмиграцию. Усилившееся противостояние Западу актуализирует интерес к "своему", национальному. Возрождение традиционных ценностей рассматривается как вариант исхода, что и отражает "деревенская проза"» [2, с. 7]. Примечательно, что, в отличие от «классической утопии», в утопическом дискурсе «деревенской прозы» происходит идеализация не будущего, а прошлого, что позволило исследователям говорить о том, что «в литературу вошел еще один художественный миф – миф о "деревенской Атлантиде"» [1, т. 2, с. 82].

Однако основными достижениями «деревенской прозы» видятся не только и не столько романтизация и идеализация деревни, сколько тревога за моральное состояние общества, поиск глубинных основ духовности и культуры, что способствовало обращению к мифологической и библейской образности, формированию особого типа художественного мышления. Социально-психологическая повесть 1970–1980-х годов обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности. Мифопоэтизм характеризуется укорененностью в универсальных гуманистических константах национальной специфики (что особенно характерно для белорусской литературы). Обращение писателей к мифопоэтическим структурам зависело от многих причин. Прежде всего, миф, имеющий обобщающий характер, оказался универсальным средством преодоления «локального» историзма и позволил перейти к художественным обобщениям другого уровня: выявить «вечные» модели личных и общественных взаимоотношений, сущностные законы окружающего мира.

Мифологизм в творчестве русских и белорусских писателей второй половины XX века носит глубоко осознанный, рефлективный характер, что обусловливает философскую, интеллектуальную направленность их творчества, требует от читателя определенной эрудиции. При этом произведения затрагивают темы современности и «дозировка» мифологических элементов в них может быть разной: от присутствия в тексте отдельных мифологем до активного использования цитат, реминисценций, аллюзий. Отметим, что данные элементы, несомненно, используются писателями с установкой на их опознание читателем и содержат «код» художественного сообщения.

В русской и белорусской «деревенской прозе» можно выделить несколько способов применения писателями мифологической «цитации». Это наличие в тексте художественного произведения образных универсалий, отсылающих читателя к мифологическим представлениям; использование ритуально-мифологических реминисценций; интерпретация мифологических (чаще – библейских) мотивов и сюжетов. Последний вариант цитации представляется особенно интересным, поскольку имеет сюжетообразующее значение. При этом сами произведения обращены к темам современности, а присутствующие в тексте аллюзии как бы свидетельствуют о возможности мифологического толкования изображаемого или же служат средством упорядочения авторских размышлений о проблемах своего времени.

Поскольку залогом нравственности для писателей-«деревенщиков» мыслился патриархальный крестьянский уклад, основной идеей, объединившей произведения о деревне в литературное течение, стала идея возвращения к корням, малой родине, традиционным устоям. Осмысление и творческая интерпретация данной идеи обусловили апелляцию ряда писателей к евангельской притче о блудном сыне. Следует отметить, что развитие сюжета возвращения «блудного сына» в «отчий дом» имеет свою специфику в русской и белорусской литературах.

Так, повести Ф. Абрамова «Пелагея», «Алька», В. Распутина «Последний срок», «Прощание с Матерой», «Пожар» и др. свидетельствуют о невозможности возвращения, об утрате прежних нравственных основ и идеалов, об окончательном разрушении патриархального мира. Как отмечает Н.В. Ковтун, «разрушение надежд на восстановление значимости крестьянской Руси, неосуществимость циклической мо-

дели истории равнозначны гибели самой истории, ее распыления, десемантизации. Перед неотвратимостью неизбежного писатели и пытаются сохранить еще видимые, живые черты патриархального мира, уже уходящего в небытие. Именно в этом чувстве обреченности кроется причина особого трагизма мироощущения авторов» [3, с. 24]. В повестях усугубляются апокалипсические мотивы, появляются элементы антиутопии.

Белорусские прозаики не отказывают «блудному сыну» в возможности возвращения. Отречение от малой родины, утрата традиционных ценностей осмысливаются как один из этапов жизненного пути героя, после чего наступает осознание содеянного и происходит возвращение к корням. Эсхатологизм белорусской прозы (в том числе повестей В. Карамазова «Дзень Барыса і Глеба», А. Кудравца «Раданіца», В. Козько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» и др.) обусловлен осознанием необходимости сохранения основ народной нравственности и культуры как условия национального возрождения.

Новые тенденции в развитии реализма в последней трети XX века были отмечены исследователями, утверждавшими, что «основной внутренней задачей этой литературы... было возвращение к традиции критического реализма XIX века как бы через голову соцреалистической мифологии» [1, т. 2, с. 521]. С одной стороны, гуманитарная наука справедливо отмечала преодоление канонов нормативной эстетики, совершившееся в прозе данного периода, с другой стороны, представления о «критическом» реализме XIX века требуют уточнения.

Нам представляется, что реализм XIX века корректнее определять как социально-психологический, поскольку, осваивая явления социально-исторической действительности, реализм XIX века стремился раскрыть психологию героя, детерминированную этой действительностью, еще шире – выйти за пределы исторической действительности в попытке постижения сущностных законов, конституирующих общество, движение истории, психологию личности. В.М. Маркович отмечает: «В кругозор русских реалистов-классиков (Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова) входит категория сверхъестественного, а вместе с ней и дореалистические по своему происхождению формы постижения запредельных реальностей – откровение, религиозно-философская утопия, миф. Рядом с эмпирическим планом появляется план мистериальный: общественная жизнь, история, метания человеческой души получают тогда трансцендентный смысл, начинают соотносится с такими категориями, как вечность, высшая справедливость... царство Божие на земле» [4, с. 243–244].

Заключение. Таким образом, использование в реалистической повести второй половины XX века элементов мифопоэтики актуализирует заложенные (в частности, Ф.М. Достоевским) традиции онтологической и метафизической детерминации человеческого сознания. По справедливому замечанию ученых, «именно эти, трансцендентальные, качества русского реализма приобрели отчетливо антитоталитарный (и антипопулистский) смысл в созданных в 1960–1980-е годы произведениях» [1, т. 2, с. 524].

В прозе писателей-традиционалистов происходит возрождение идей православия, осмысление экзистенциальных категорий веры, безверия, жизни, смерти, судьбы, смысла человеческого существования. В поздней «деревенской прозе» усиливаются апокалиптические мотивы, связанные с тем, что «реальность преодолевает границы патриархальной утопии» [2, с. 255] и происходит осознание разрыва современности и ушедшего патриархального миропорядка с его родовой моралью и представлениями о нравственности.

В период эстетической и когнитивной адаптации к новым историческим реалиям повесть оказывается наиболее мобильным жанром, способным совместить эпическое и психологическое, бытовое и бытийное, отразить жизнь в непрерывной динамике.

Литература

1. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – Т. 2. – С. 63.
2. Ковтун, Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии / Н.В. Ковтун. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 494 с.
3. Ковтун, Н.В. Современная традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. пособие / Н.В. Ковтун. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 352 с.
4. Маркович, В.М. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX века / В.М. Маркович // Освобождение от догм. История русской литературы: Состояние и пути изучения. – М., 1997. – Т. 1. – С. 243–244.

Поступила в редакцию 11.04.2017 г.

УДК 811.161.1'373:070

К вопросу возникновения оценочных значений слов в современной публицистике

Стрижак А.Л.
Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

Статья посвящена изучению особенностей возникновения оценочных значений слов в современной публицистике. Актуальность исследования определяется отсутствием специальных работ, в которых бы рассматривалась указанная проблема на материале ведущих российских и русскоязычных белорусских газет конца XX – начала XXI века.

Цель – выявление и описание групп лексики, единицы которых наиболее активно подвергаются метафоризации в современной периодике.

Материал и методы. *Материал исследования – российские и русскоязычные белорусские газетные тексты, опубликованные в конце XX – начале XXI столетия – в период активных преобразований в общественно-политической жизни России и Беларуси. Для анализа применялись сопоставительный и описательно-аналитический методы, а также метод контекстуального анализа, что позволило раскрыть механизмы формирования экспрессивно-оценочной семантики слов различных функциональных стилей.*

Результаты и их обсуждение. *Обращение к газетным текстам для исследования закономерностей развития лексической системы русского языка обусловлено самим характером газетной публицистики, специфика которой в наибольшей степени проявляется на лексическом уровне, что нередко выражается в формировании у нейтральной лексики оценочного значения. Регулярному переосмыслению в современной газете подвергаются термины, являющиеся потенциальными носителями семантических трансформаций. При этом степень выраженности воздействующего потенциала специальных слов определяется характером их употребления (традиционным, узуальным либо окказиональным). Выразительность устаревшей лексики формируется на основе создания образных метафорических номинаций. Наибольшей экспрессивностью отличаются историзмы и архаизмы, значение которых осложнено устойчивыми историко-культурными коннотациями. Активное функционирование прецедентных имен собственных в современной публицистике говорит о том, что названные языковые единицы являются важным средством постижения, концептуализации и оценки нынешней действительности. Использование слов, производных от имен собственных, направлено прежде всего на создание экспрессивного потенциала высказывания, обогащение семантики контекста дополнительными смыслами, среди которых преобладают отрицательные оценки.*

Заключение. *Применение описанных закономерностей возникновения оценочных значений слов в современной публицистике является перспективным прежде всего для изучения особенностей реализации воздействующей функции СМИ и ее конкретных проявлений, выражающихся в механизмах внедрения в сознание адресата субъективных авторских оценок.*

Ключевые слова: *публицистика, оценочное значение, термин, устаревшая лексика, прецедентное имя собственное.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 167–173)

To the Issue of the Emergence of Evaluation Meanings of Words in Contemporary Journalism

Strizhak A.L.
Educational Establishment «Gomel State F. Skaryna University», Gomel

The article centers round the study of the peculiarities of the emergence of evaluation meanings of words in contemporary journalism. The relevance of the study is determined by the absence of special works, in which this issue would be studied on the basis of the leading Russian and Russian-language Belarusian newspapers of the late twentieth and early twenty-first centuries.

The purpose of the article is to identify and describe the groups of vocabulary, the units of which are most actively metaphorized in modern periodicals.

Material and methods. *The novelty of the findings is that Russian and Russian-language Belarusian newspaper texts published at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries became an object of analysis, during the period of*

Адрес для корреспонденции: e-mail: strizhak2011@yandex.ru – **А.Л. Стрижак**

active transformations in the social and political life of Russia and Belarus, which allowed a comprehensive study of the collected material. For the analysis of the material, we used comparative and descriptive-analytical methods, as well as the method of contextual analysis, which allowed us to disclose the mechanisms for the formation of expressive and evaluation semantics of words of various functional styles.

Findings and their discussion. *The reference to newspaper texts for studying the patterns of the development of the lexical system of the Russian language is conditioned by the very nature of newspaper journalism, the specificity of which is most evident at the lexical level, which is often expressed in the formation of an evaluation value in neutral vocabulary. Regular terms of reference in a modern newspaper are subject to terms that are potential carriers of semantic transformations. In this case, the degree of expression of the influencing potential of special words is determined by the nature of their use (traditional, conventional or occasional). Expressiveness of obsolete vocabulary is formed on the basis of the creation of figurative metaphorical nominations. The most expressive are the historicisms and archaisms, the significance of which is complicated by stable historical and cultural connotations. The active functioning of the precedent proper names in contemporary journalism suggests that the named language units are an important means of comprehending, conceptualizing and evaluating contemporary reality. The use of words derived from proper names is primarily aimed at creating an expressive potential of the utterance, enriching the context semantics with additional meanings, among which negative evaluations prevail.*

Conclusion. *The use of the described patterns of the emergence of the evaluation meanings of words in contemporary journalism is promising primarily for studying the features of the implementation of the media impacting function and its specific manifestations, expressed in the mechanisms of introducing subjective authors' assessments into the conscience of the addressee.*

Key words: *journalism, evaluation meaning, term, obsolete vocabulary, precedent proper name.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 167–173)

Внимание к языку газеты и функционирующим в нем новациям обусловлено сложившейся внеязыковой ситуацией конца XX – начала XXI в., что выражается в значительном влиянии СМИ на формирование общественного мнения, сознание людей, а также на национальную культуру и речевую практику социума. Изучение закономерностей, отражающих возникновение и функционирование ЛИ в периодической печати Беларуси и России, приобретает особое значение с учетом усиления воздействующей функции газетных текстов, изменения характера оценочной модальности, появления на страницах постсоветских газет огромного количества лексических окказионализмов, т.е. слов, созданных автором для оценки конкретной ситуации.

Как известно, публицистика не только наиболее оперативно отражает появление новой лексики в языке, но также способствует формированию нового значения слов, относящихся к различным функциональным стилям. Такие изменения в первую очередь влияют на нормы словоупотребления, что влечет за собой формирование у нейтральной лексики оценочного значения. Механизмом формирования оценки у нейтральных слов является метафора. По мысли Н.Д. Арутюновой, употребление метафоры в публицистическом стиле зависит от сочетания понятийной и эмоционально-образной составляющих языкового средства [1, с. 147]. Обращение к текстам газет обусловлено тем, что публицистический стиль наиболее чутко и оперативно реагирует на общественно значимые события, вызывающие большой резонанс. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что отражение подобных событий в СМИ способствует активизации нескольких групп лексики: терминов, устаревших слов, имен собственных и производных от них – окказионализмов.

Цель статьи – выявление и описание групп лексики, единицы которых наиболее активно подвергаются метафоризации в современной периодике, а также описание приемов усиления воздействующего потенциала терминов, устаревшей лексики, имен собственных и производных от них окказионализмов.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили тексты ведущих российских и русскоязычных белорусских газет конца XX – начала XXI столетия. Для анализа применялись сопоставительный и описательно-аналитический методы, а также метод контекстуального анализа. Сопоставительный метод позволил выявить некоторые отличительные особенности функционирования устаревших слов в публицистике России и Беларуси; описательно-аналитический метод способствовал осуществлению всестороннего анализа выявленных групп лексики; метод контекстуального анализа помог определить специфику речевого употребления конкретной речевой единицы в каждом из рассмотренных контекстов.

Результаты и их обсуждение. Современная газета аккумулирует терминологиче-

скую лексику и применяет ее в двух основных функциях – либо как источник новых знаний (сообщение информации), либо как мощное средство воздействия на массовое сознание. Важной особенностью переосмысления специальных слов является «метафоризация не отдельного слова, а лексико-семантической группы. Одни слова такой группы регулярно используются в переносном значении, другие потенциально способны к метафоризации» [2, с. 33]. Наше убеждение состоит в том, что воздействующий потенциал термина определяется характером его переносного употребления: традиционным, узуальным или окказиональным.

Традиционное применение специального слова предполагает реализацию им словарного переносного значения: *Первый инвестфонд:* ***реанимация*** *еще не закончена* (НГ, окт. 1996), где *реанимация* ‘восстановление, возвращение, оживление чего-л.’ [3]. Или: *Нужно сменить лишь систему координат, в которой Питер и другие российские регионы оказались благодаря организованному* ***коллапсу*** *федеративных отношений* (НР, апр. 2006), где *коллапс* ‘резкое ухудшение условий жизни общества, грозящее крахом государства’ [3].

В ходе традиционного использования в переносном значении терминов нередко наблюдаются изменения в семантике, сочетаемости, а также в оценочной окраске таких слов: ***Паралич*** *власти: Ближний Восток замер в ожидании – премьер-министр Израиля балансирует между жизнью и смертью* (об инсульте Ариэля Шарона) (МК, янв. 2006). Настоящий контекст представлен «буквализацией» значения сочетания *паралич власти* ‘состояние безвластия’ [4], которая выражается в контекстуальном совмещении переносного и языкового значений слова *паралич* ‘болезнь, заключающаяся в потере способности произвольных движений каким-л. органом или частью тела’ [3].

Усиление выразительного потенциала метафоризованного термина может быть следствием нарушения семантической сочетаемости: *Приход Гайдара в правительство России в начале 1991-го года ознаменовался «шоковой терапией». В октябре 1993 еще лучше – «****танковая терапия****»* (СБ, окт. 1993). Специальное слово *терапия* ‘о постепенных осторожных мерах, направленных на изменение чего-л. существующего’ [3] в приведенной иллюстрации развивает новое значение: *танковая терапия* *‘система мероприятий, направленная на подавление беспорядков; применение военной силы в условиях мирного времени’. Сравним: *Рублевая* ***терапия*** *не исключает летального исхода. Сохранение статус-кво его гарантирует* (БР, дек. 1993), где *рублевая терапия* *‘система чрезвычайных мероприятий, направленных на нормализацию ситуации в экономике посредством введения рублевой валюты’.

Узуальное использование термина характеризуется активным употреблением в современных газетных текстах специальных слов, семантика которых еще не получила словарной фиксации: *«Если нас не допустят, страну будет ожидать политический* ***аборт*** *в виде избрания недоношенного парламента», – предупредил Рогозин* (РБК Daily, май 2007), где *аборт* ‘насильственное прекращение деятельности чего-л.’.

Специальное слово *дефолт* ‘финансовая несостоятельность’ [3] в следующих иллюстрациях развивает переносное значение *‘крах, провал в осуществлении чего-л.; стремительная потеря авторитета и влияния’: ***Дефолт*** *ельцинской элиты* (АиФ, дек. 2003); сравним: ***Фактически это был дефолт*** *ельцинского правления, политики реформаторов* (Труд-7, июль 2005).

Окказиональное употребление термина предполагает развитие у него переносного значения лишь в конкретном, единичном контексте: *К концу своего пребывания Верховный Совет стал едва ли не главным очагом социальной напряженности в республике, поскольку именно оттуда спокойное и стабильное общество регулярно получало* ***инъекции*** *разрушительной агрессии* (СБ, май 1995), где окказиональная семантика термина *инъекция* *‘то, что оказывает разрушительное влияние’ не выводится из его узуального переносного значения ‘то, что способствует подъему какой-л. сферы экономики, активизации какой-л. деятельности’ [3].

Значение некоторых окказионально применяемых терминов обогащено наличием историко-культурных ассоциаций (как правило, связанных с отрицательно оцениваемыми событиями или явлениями): *Попытка рублевого* ***аншлюса*** *Белоруссии успехом не увенчалась* (КЪ, дек. 1994), где *аншлюс* ‘политика насильственного присоединения Австрии к Германии, проводившаяся после Первой мировой войны’ [3] → *‘насильственное введение валюты одного государства на территории другого государства’. Сравним: *Отсрочка рыночных реформ и подмена их экономической «****тра-***

сянкой» *в угоду популистским декларациям лишь усугубляет течение кризиса* (БР, авг. 1994), где *трасянка* ‘бытовой язык жителей многих областей Белоруссии, состоящий из смеси белорусских и русских слов’ [3] → *‘что-л. неполноценное, лишенное реальной силы; создающее видимость чего-л.’.

Особая выразительность контекста создается в тех случаях, когда в пределах одного высказывания неожиданным образом обыгрывается смысл означающего и означаемого: ***Огнеупорные*** *души* (о трагических событиях декабря 2009 года в г. Перми) (Изв., дек. 2009). Сложное взаимодействие значения специального слова *огнеупорный* ‘способный выдерживать воздействие высоких температур, не разрушаясь / о стойком, крепком человеке’ [3] и ассоциаций, связанных с трагическим событием в ночном клубе «Хромая лошадь», создают мерцающую, диффузную семантику *‘не чувствительный к чужому горю, причиненному огнем; виновный в этом горе’.

Обязательным условием функционирования устаревших слов как выразительного средства является наличие у них экспрессивно-оценочного потенциала, который служит основанием для реализации воздействующей функции языка. Как справедливо замечает Г.Я. Солганик, «обозначая реалии быта, хозяйства, культуры и т.д. разных времен и народов, историзмы с течением времени обрастают разнообразными эмоционально-оценочными (коннотативными) оттенками» [5, с. 40]. Переносное осмысление устаревших слов может носить традиционный, узуальный либо окказиональный характер.

Традиционная актуализация значения предполагает использование такого устаревшего слова, переносное значение которого имеет словарную фиксацию: *Опять отличился неугомонный, известный своими наскоками на чиновничью* ***«рать»****, депутат Б. Матвеев* (НГ, янв. 1995), где *рать* ‘*Шутл.* множество представителей кого-, чего-л.; многочисленная толпа’ [3]. Ср.: *На вокзале мне приходилось переступать через тугие коробки, баулы.* ***«Коробейники»*** *вывозили за границу очередную партию продуктов* (НГ, дек. 1996), где *коробейник* ‘*Ирон.* торговец, привозящий мелкие партии товаров из-за рубежа; челнок’ [3].

Заметим, что в ряде случаев контекстуальное употребление архаизированных лексем сопровождается трансформацией их языкового значения: *Дело в психологии* ***временщиков...*** (КП, сен. 2007); ср.: *временщик* *‘о том, кто занят какой-л. деятельностью временно, вследствие чего халатно исполняет свои обязанности’ ← ‘о человеке, находящемся у власти случайно, временно, не заботящемся о пользе дела, о будущем’ [3]. Или: ***Если при себе такой суммы не было, «опричники» Тихонова советовали сбегать за деньгами домой*** (НГ, нояб. 1993); ср.: *опричник* *‘помощник’ ← ‘о тех, кто помогает проводить в жизнь очень жесткую политику правительства’ [3].

Узуальная актуализация предполагает употребление в газетных текстах таких устаревших слов, метафорическое значение которых пока не зафиксировано в толковых словарях: *В народ идут то президент, то спикер, то* ***бояре*** *помельче...* (НГ, апр. 1993); ср.: *боярин* ‘в Древней Руси: крупный землевладелец; звание служилых людей; лицо в этом звании’ [3]. Заметим, что прямое сопоставление в газетных текстах дореволюционной жизни России с современными реалиями началось сразу после распада СССР: *Ельцину удалось подавить путч благодаря тому, что офицеры* ***«придворных»*** *дивизий <...> обустроены лучше, чем в других армейских частях* (БР, окт. 1993), где *придворный* *‘приближенный к верховной власти, беспрекословно служащий ей’ ← ‘состоящий на службе при дворе монарха, великого князя; связанный со двором монарха’ [3].

Отождествление социально-политической системы России конца XX в. с абсолютной монархией отражено в следующем газетном контексте: *Ну кому сейчас* ***придет*** *в голову рассуждать о Немцове как о возможном* ***«престолонаследнике»****?* (СБ, окт. 1998), где *престолонаследник* *‘политик, которому недемократическим путем передается государственная власть’ ← ‘тот, кто получает власть по наследству; наследник престола’ [3].

Окказиональная актуализация имеет место при неожиданном, единичном применении историзма (реже – архаизма) в тексте газеты: *Но есть и еще более непримиримый критик – нью-йоркский* ***сиделец*** *З. Позняк* (СБ, дек. 1998); ср.: *сиделец* ‘лавочник, торгующий в лавке по доверенности купца’ [3]. Такое употребление устаревших слов приводит к созданию социально-оценочных номинаций «на злобу дня», часто сопровождается неожиданными ассоциациями, яркой образностью:

Как жить будем, ***товарищи бояре****? (почему многие члены ВС не желают коренных реформ экономики)* (АиФ, март 1993).

Особой выразительностью отличаются газетные контексты, где проводятся прямые исторические параллели между явлениями давно ушедших эпох и реальностью конца XX – начала XXI в.: *Иван Грозный очень доходчиво объяснил народу свой взгляд на демократию, либерализм и федерализм. Разогнал с помощью своей «генпрокуратуры» (опричников) древних олигархов (бояр), взял Казань и разгромил вечевой Великий Новгород* (КП, дек. 2004). Подобное словоупотребление позволяет говорить о скрытой насмешке автора, направленной на пародирование современной политической ситуации через сравнение ее с известными историческими событиями. Отмеченное явление зафиксировано и в русскоязычных газетах Беларуси: *Ведомство действовало в русле социально ориентированной политики: уже в XVIII в. казенные* ***кабаки*** *начали открываться в тогдашних агрогородках (селах), при гипермаркетах (торжках) и в «дьюти фри» (на пересечении торговых путей)* (БГ, нояб. 2006).

Значительное распространение в современной публицистике получило использование прецедентных имен собственных, под которыми понимается «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого осуществляется апелляция к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [6, с. 48].

Анализ функционирования распространенных имен собственных позволил разделить такие слова на три подгруппы, к первой из которых можно отнести случаи применения прецедентных онимов в составе прецедентных высказываний.

Характерной особенностью использования прецедентных имен собственных в составе широко известных высказываний является замена компонентов последних: ***Путин и дети****: вчера президент Путин и его собака Кони стали участниками Елки в Кремле* (МК, дек. 2004). Очевидно, что данный пример не только содержит прямую отсылку к известной книге В. Бонч-Бруевича «Ленин и дети», но и помогает автору напомнить о «чекистском» прошлом В.В. Путина, о мощной идеологической пропаганде в СССР, а также способствует выражению авторской иронии. Включение имени в состав прецедентного высказывания довольно часто сопровождается обыгрыванием его фонетического облика: ***Ни Шойгу назад****: «Не доводите дело до Шойгу!» – как-то в сердцах сказал подчиненным губернатор одного из сибирских регионов* (МК, дек. 2005), где содержится очевидная аллюзия на знаменитый Приказ № 227 («Ни шагу назад!»), ужесточавший дисциплину в Красной Армии.

Ко второй группе мы относим случаи намеренного создания каламбурного созвучия в пределах газетного заголовка, т.е. использование звукового облика фразы и ее ритмической организации с целью языковой игры: *Шаурма для* ***Шарона****: чтобы вернуть Ариэлю Шарону интерес к жизни, на его органы чувств воздействуют запахом и звуком: рядом с его кроватью поставили тарелку с любимой им шаурмой...* (МК, янв. 2006); сравним также: *Кому поклонились на* ***Поклонной?*** *Вчера «Единая Россия» провела на Поклонной горе многотысячный митинг...* (МК, март 2010).

Особый интерес представляет функционирование собственно имен известных личностей, которое получило весьма широкое распространение в современных газетах. Следствием этого является «снижение языковой планки текста, уменьшение его пафосности и, напротив, возрастание экспрессивности, усиление “личностного” начала» [7, с. 101]: *Далю* ***сдали****. Сенсационный «слив» со встречи литовского президента Дали Грибаускайте с послами стран ЕС в Вильнюсе на минувшей неделе распространил Reuters...* (БГ, нояб. 2010). Установка автора на снижение стиля сообщения достаточно часто проявляется в применении уменьшительной формы имени, результатом чего является четкое выражение авторской позиции: *Васю* ***Колбасят****. На Брянщине назревает крупный политический скандал: местный обком партии подверг обструкции Василия Шандыбина. Причина тому – показанный по местному ТВ 30-секундный рекламный ролик Брянского мясокомбината, где в главной роли снялся Василий Иванович* (Труд, янв. 2007). Как видим, ироничное повествование является тем фоном, на котором реализуется один из приемов языковой игры: пишущим довольно удачно обыгрывается жаргонная лексема колбасить, которая приобретает в указанном контексте значение *‘наказывать’.

Третью группу прецедентных имен составляют такие единицы, у которых актуализируются различные дифференциальные признаки: *Для советской системы* ***Цусимой*** *оказался* ***Чернобыль*** (БР, май 1995); сравним также: *Главный ужас машиниста* – ***«анны каренины»****, бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало* (АиФ, нояб. 2004).

Последняя иллюстрация демонстрирует оригинальный способ выражения авторской оценки в нынешних газетах – прием апеллятивации, т.е. использования имени собственного в функции нарицательного. Чаще всего объектом авторского переосмысления становятся имена политических деятелей, бизнесменов, а также известных фигур шоу-бизнеса: ***В*** *погоне за геростратовой славой* ***позняки*** *и ему подобные стремятся поссорить белорусский и русский народы* (СБ, авг. 1994). Сравним: *Ни Европе, которой совсем скоро надоест быть дойной гуманитарной коровой, ни тем более России со своими дрязгами и* ***жириновскими*** *мы нужны не будем* (НГ, нояб. 1993). Или: *И* ***чубайсам, потаниным, абрамовичам*** *выгоднее гнать наши ресурсы в богатые западные страны, а не направлять их в сферу производства в самой России* (СР, янв. 2003).

Один из распространенных приемов актуализации читательского внимания в современной публицистике – трансформация структуры имени собственного, позволяющая выразить авторское отношение к событию или явлению: ***Нагайдарили, начубайсили****, без зарплаты* ***отчерномырдничали****... Лебеднуть? ... Али* ***покоржаковствуем****?... Власть дряхла и* ***ельцинизирует****. Хреново, сколько ни* ***березовствуй*** (ЛГ, 1997, № 16). Мощный выразительный потенциал рассмотренного примера достигается благодаря использованию в небольшом контексте глаголов-окказионализмов, каждый из которых содержит определенные фоновые знания, связанные с деятельностью носителя имени собственного.

Обыгрывание фонетической структуры жаргонной лексемы *безбашенный* и антропонима *Буш* приводит к возникновению отрицательной оценки в следующем примере: ***Безбушенные*** *санкции: «Белнефтехим» для Беларуси – как «Газпром» для России. Именно этот субъект хозяйствования Вашингтон выбрал в качестве первой цели для экономических санкций* (БГ, нояб. 2007). Контаминация фамилий российских спортивных чиновников *Мутко* и *Тягачева*, ответственных за организацию выступления сборной РФ на Олимпиаде 2008 года в Китае, создает окказиональный антропоним *Тягомутко* и производную от него номинацию – *тягомутина* – в следующем контексте: *Мутко и Тягачев научились так слаженно работать, что их уже можно называть одной фамилией –* ***Тягомутко****. А все, что они сотворили на Олимпиаде, –* ***тягомутиной*** (МК, фев. 2010).

Стремление пишущего создать яркую, образную номинацию может привести к искажению содержательной стороны высказывания вследствие дискредитации описываемого объекта: *Попробуем вынести за скобки вопросы о финансировании «Идущих вместе» – даже если на них и уходит что-нибудь из госсредств. Ни слова – про «****путинюгенд****»* (МН, фев. 2002), где применяется аллюзия на название широко известной молодежной организации фашистской Германии *гитлерюгенд*. Очевиден оскорбительный, агрессивный характер данной историко-культурной параллели.

В некоторых случаях соединяются два имени собственных, одно из которых, как правило, является прецедентным феноменом: *С гордо поднятой головой* ***Чигирь-Лессар*** *удаляется из парламента. А на трибуне Овального зала бушует наш Дантон – г-н Гончар... В отчаянии вздымает руки* ***Демулен-Лебедько****. «Вы предали революцию!» – заявляет он. С мрачным пафосом обращается к* ***Мирабо-Шарецкому*** *молодой и горячий* ***Робеспьер-Климов*** *(о парламентском кризисе 1996 г. в Беларуси)* (БГ, нояб. 1996). Так, сопоставление политических деятелей молодого белорусского государства с героями Великой французской революции в данном примере дает основание говорить об авторской иронии, которая реализуется благодаря контрастному сопоставлению политических фигур различного масштаба.

Заключение. Таким образом, регулярному переосмыслению в современной газете подвергаются термины, являющиеся потенциальными носителями семантических трансформаций. При этом степень выраженности воздействующего потенциала специальных слов определяется характером их употребления (традиционным, узуальным либо окказиональным).

Выразительность устаревшей лексики формируется на основе создания образных метафорических номинаций. Наибольшей экспрессивностью отличаются историзмы и архаизмы, значение которых осложнено устойчивыми исто-

рико-культурными коннотациями. Кроме этого, выразительность газетного текста возникает благодаря проведению прямых исторических аналогий с явлениями современной действительности.

Активное функционирование прецедентных имен собственных в сегодняшней публицистике говорит о том, что названные языковые единицы являются важным средством постижения, концептуализации и оценки нынешней действительности. Использование слов, производных от имен собственных, направлено прежде всего на создание экспрессивного потенциала высказывания, обогащение семантики контекста дополнительными смыслами, среди которых преобладают отрицательные оценки. Стремление журналистов к максимальному усилению выразительной стороны сообщения в некоторых случаях приводит к искажению содержательной стороны материала.

Таким образом, можно говорить о высокой степени динамичности современных СМИ в отражении событий, находящихся в фокусе социального внимания, что сопровождается значительным усилением воздействующей функции масс-медиа, а в некоторых случаях приводит к искаженному отражению реальности и целенаправленному внедрению в сознание адресата субъективных авторских оценок.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – 231 с.
2. Солганик, Г.Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Г.Я. Солганик; Моск. гос. ун.-т. – М., 1976. – 54 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
5. Солганик, Г.Я. Лексика газеты / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.
6. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Нещименко, Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития / Г.П. Нещименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.

Поступила в редакцию 21.03.2017 г.

УДК 811.161.1'373.23:59(476.5)

Стереотип как составляющая языковой культуры жителей Белорусского Поозерья (на материале традиционных кличек домашних животных)

Марудова А.С.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Получив развитие с 1920-х годов на почве социологии и социальной психологии, термин «стереотип» в дальнейшем стал предметом анализа с точки зрения теории коммуникации, этнологии, истории литературы и культуры, философии языка. В настоящее время он носит междисциплинарный характер.

Цель статьи – определение особенностей стереотипа как составляющей языковой культуры жителей Белорусского Поозерья (на материале традиционных кличек домашних животных).

***Материал и методы.** Материалом исследования послужила база данных, составленная в результате анкетирования жителей Белорусского Поозерья. В качестве методов исследования были использованы описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный и элементы количественных подсчетов.*

***Результаты и их обсуждение.** В работе анализируется понятие «стереотип», рассматриваются различные его определения и особенности.*

В результате полученных анкетных данных были выявлены определенные стереотипы, связанные с некоторыми традиционными кличками домашних животных жителей Белорусского Поозерья. Как правило, такими кличками называют чаще непородистых, даже бездомных животных; они частотны (например, кличка Васька употребляется 117 раз в разных регионах исследуемой территории, Барсик – 84 раза, Мурка – 78 раз и т.д.) и занимают центральное место в зоонимиконе Белорусского Поозерья (на их долю приходится 61% от всего изученного материала).

***Заключение.** Важную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определенных традиционных кличек домашних животных, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с животными по сравнению с другими объектами, что и приводит к их стереотипизации.*

***Ключевые слова:** зоонимикон, зооним, Белорусское Поозерье, стереотип.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 174–179)

Stereotype as a Component of the Language Culture of the Population of Belarusian Poozerye (Lake District) (Based on Traditional Nicknames)

Marudava A.S.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The term «stereotype» developed in the 1920-ies on the basis of sociology and social psychology. It further became the subject of the analysis from the point of view of theory of communication, ethnology, history of literature and culture, philosophy of language; and currently has an interdisciplinary character.

The purpose of this research is to determine the features of the stereotype as a component of the language culture of the population of Belarusian Poozerye (on the material of traditional nicknames).

***Material and methods.** The material of this research was the database resulting from the questionnaires of the people of Belarusian Poozerye. To achieve this purpose the following methods have been used: descriptive analytical, comparative and elements of quantitative calculation.*

***Findings and their discussion.** The research discusses the term of «stereotype», examines various definitions and features of it.*

In the result of the analysis of the questionnaire information, we revealed certain stereotypes, which are connected with some traditional nicknames of the people of Belarusian Poozerye. Usually such nicknames are given to non pedigree, even

Адрес для корреспонденции: e-mail: marudova.anna@mail.ru – **А.С. Марудова**

stray pets; they are frequent (for example, nickname Vaska is used 117 times in different regions of the territory, Barsik – 84 times, Murka – 78 times etc.) and occupy a central place in the zoonymicon of Belarusian Poozerye (they take 61% of the total studied material).

Conclusion. *The main role in shaping stereotypes is played by the frequency of certain traditional pet names, often expressed in more prolonged human contacts with pets than with other objects, that accordingly results in their stereotyping.*

Key words: *zoonymicon, zoonym, Belarusian Poozerye, stereotype.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 174–179)

На рубеже тысячелетий начало формироваться новое направление в исследовании языка, согласно которому язык все активнее стал рассматриваться именно во взаимодействии с историей, этногенезом, национальной психологией, культурой. Язык не только сохраняет накопленную определенным обществом информацию, но и запечатлевает особый способ мировоззрения носителей данного языка, взгляд на мир сквозь призму национально-культурных представлений и образов, тем самым выступает как средство приобщения языковой личности к культурной традиции определенного народа.

Каждый народ по-своему членит мир, имеет свой способ его концептуализации. У каждого этноса есть собственные представления об окружающем мире, о представителях другой культуры и т.д. Понимание норм и ценностей той или иной языковой личностью происходит только в процессе коммуникации с другими представителями культуры. Постижение разных процессов, явлений, фактов в значительной степени осуществляется путем категоризации объектов, в ходе которого создаются определенные стереотипы.

Стоит отметить, что человек живет в мире стереотипов, навязанных культурой его этноса. Стереотипы усваиваются еще в детстве и изменяются очень медленно, хотя и неизбежно искажают реальность, которую пытаются отразить. Принадлежность к конкретной культуре устанавливается именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в конкретном обществе; при этом важно учитывать, что стереотип – это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка, стереотипы так или иначе находят выражение в этническом языке, его лексике, паремиологическом фонде национального языка и продуктах устного народного творчества [1, с. 176].

Феномен *«стереотип»* и его виды рассматриваются в работах лингвистов, социологов, этнографов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов (У. Липпмана, Ю.А. Сорокина, В.В. Красных, С.М. Толстой, В.А. Рыжкова, А.К. Байбурина, Г.С. Батыгина, С.В. Силинского и др.). В определенной мере это многообразие подходов объясняется «стереоскопичностью» термина, в частности той его частью, которая указывает на объемность, многогранность объекта, наличие в нем пространственных конфигураций, а следовательно, на возможность подхода к определенному явлению, понятию с различных точек зрения [2, с. 25].

В настоящее время термин *«стереотип»* носит междисциплинарный характер. Изначально, с 1920-х гг., получив развитие на почве социологии и социальной психологии, понятие стереотипа в дальнейшем стало предметом анализа с точки зрения теории коммуникации, этнологии, истории литературы и культуры, философии языка. Представители каждой из названных наук выявляют в стереотипе те его свойства, которые могут быть актуальны в соответствующей области исследования.

Например, выделяются социальные, этнические, культурные, языковые, ментальные стереотипы, а также стереотипы общения и поведения. Существуют как *автостереотипы* (отражают то, что думают люди сами о себе), так и *гетеростереотипы* (относятся к другому народу) и т.д. [3, с. 108].

Впервые определение «стереотипа» было предложено классиком американской журналистики У. Липпманом в 1922 г. В своей работе «Общественное мнение» ученый стремился данным термином описать метод, с помощью которого общество пытается категоризировать людей [4]. Как отмечал исследователь, стереотипы представляют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира, в которой имеются людские привычки, вкусы, способности, удовольствия и надежды.

По словам У. Липпмана, стереотипы существуют в голове человека как упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира», которые экономят его усилия при восприятии

сложных объектов мира и защищают его ценности, позиции и права [4, с. 107]. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные особенности: детерминированность культурой и средство экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму личность.

У. Липпман выделял четыре аспекта стереотипов (впоследствии появилось много других градаций, которые тем не менее во многом следовали идеям данного ученого):

1) стереотипы всегда проще, чем реальность – сложнейшие характеристики стереотипы «укладывают» в два-три предложения;

2) люди приобретают стереотипы (от знакомых, средств массовой информации и т.д.), а не формулируют их сами на основе личного опыта. Примером этого может являться представление об идеальной женщине: она должна быть блондинкой, с голубыми глазами, без лишнего веса, с высокой грудью и длинными ногами. Этому идеалу в точности соответствует лишь кукла Барби;

3) все стереотипы ложны, в большей или меньшей степени. Всегда они приписывают конкретному человеку черты, которыми он обязан обладать лишь из-за своей принадлежности к определенной группе;

4) стереотипы очень живучи. Даже если люди убеждаются в том, что стереотип не соответствует действительности, они склонны не отказаться от него, а утверждать, что исключение лишь подтверждает правило. Например, встреча с высоким китайцем лишь убеждает жертву стереотипа в том, что все остальные китайцы – маленького роста [4].

Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического окружения. У. Липпман пишет о том, что стереотипы настойчиво передаются из поколения в поколение, часто воспринимаются как данность, реальность, биологический факт. Если же личный опыт индивида противоречит стереотипу, то чаще всего происходит одно из двух: человек негибкий, незаинтересованный по каким-то причинам в изменении своих взглядов либо просто не замечает этого противоречия, либо считает его исключением, подтверждающим правило, и обычно просто забывает о нем. Человек же восприимчивый, любознательный при столкновении стереотипа с реальностью изменяет собственное восприятие окружающего мира.

У. Липпман не считает стереотипы однозначно ложными представлениями. По его мнению, стереотип может быть правдой, или частично правдой, или ложью. Исследователь не только ввел в научный оборот термин «стереотип», дал ему определение, но и подчеркнул важность этого явления. «Система стереотипов, – писал он, – возможно, является стержневой в нашей личной традиции, она защищает наше место в обществе, ... а также сохраняет время в нашей занятой жизни и помогает нам спастись от сбивающих с толку попыток увидеть мир устойчивым и охватить его целиком» [4, с. 95, 114].

По мнению ученого, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума. У. Липпман отмечал, что в большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. При этом во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов [4, с. 81].

Все дальнейшие формулировки стереотипа так или иначе опираются на определение У. Липпмана, в той или иной мере подчеркивая различные аспекты данного феномена: его статичность, утвержденность, тенденциозность. Так, например, Н.В. Казаринова считает, что стереотип – это устойчивое представление о каких-либо явлениях или людях, свойственное представителям той или иной группы [5].

А.П. Садохин под стереотипом понимает «схематизированные модели, программы поведения; упрощенный образ какого-либо явления, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные черты» [6].

Е. Бартминский отмечает, что стереотипы можно исследовать и описывать как устойчивые, повторяющиеся, а не возникающие случайно сообщения, которые

закрепляются в коллективной памяти на уровне конкретики, соответствующей лексемам [7, с. 13].

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира».

Учитывая разные точки зрения на это понятие, можно сделать вывод, что стереотип представляет собой такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие определенной культуры.

Стереотип характерен для сознания и языка представителя конкретной культуры, он своего рода стержень культуры, ее яркий представитель, и, следовательно, опора личности в диалоге культур.

В качестве объекта изучения выступили более 2000 кличек домашних животных (собак, котов, лошадей, быков, коров, грызунов, птиц) жителей Белорусского Поозерья.

Следует отметить, что в лингвистических исследованиях территория данного региона ограничивается пределами Витебской области.

Данный регион представляет собой уникальную во всех аспектах территорию Республики Беларусь, поскольку имеет богатую историю письменности, отражает дославянские явления в ономастике, дает возможность изучить на диалектном уровне особенности не только белорусского языка, но и островных русских и польских говоров [8, с. 3].

Цель статьи – определение особенностей стереотипа как составляющей языковой культуры жителей Белорусского Поозерья (на материале традиционных кличек домашних животных).

Материал и методы. Материалом исследования послужила база данных, составленная в результате анкетирования жителей Белорусского Поозерья. В качестве респондентов выступили школьники, студенты, лица разных специальностей; возраст варьировался от 17 до 80 лет; большинство опрашиваемых – лица с высшим образованием (67%).

В качестве методов исследования были использованы описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный и элементы количественных подсчетов.

Результаты и их обсуждение. Анализ материала показал, что в настоящее время жители Белорусского Поозерья активно приобретают домашних животных, которые становятся для них членами семьи, друзьями, между ними и хозяевами устанавливаются особые индивидуальные отношения. Часто жители дают своим питомцам традиционные клички, а иногда изысканные, редкие, стремясь выделить их из числа других животных и показать значимость для владельцев.

Исследуемый материал доказывает, что традиционные русские кинонимы ассоциируются с непородистыми, дворовыми, даже бездомными собаками, а большинство собак, живущих в городских квартирах, – породистые животные (по крайней мере, этот вывод можно сделать на основании собранных данных: породистые собаки – **65,7%**, непородистые – **34,3%**).

Традиционные же фелонимы чаще ассоциируются с породистыми (и домашними) животными, а городские кошки в основном обычные, непородистые, которые составляют **51,6%**, породистые – **48,4%**.

В результате полученных анкетных данных нами были выявлены определенные стереотипы, связанные с некоторыми традиционными кличками домашних животных жителей Белорусского Поозерья.

Следует отметить, что традиционные клички частотны (например, кличка ***Васька*** употребляется *117 раз* в разных регионах исследуемой территории, ***Барсик*** – *84 раза*, ***Мурка*** – *78 раз* и т.д.) и занимают центральное место в зоонимиконе Белорусского Поозерья (на их долю приходится *61%* от всего изученного материала).

Как правило, традиционными кличками называют непородистых, даже бездомных животных. Такими кличками для **попугаев** являются *Кеша, Гоша, Чика, Рио*; **собак** – *Джек, Малыш, Бим, Дружок, Рэкс, Байкал, Бобик, Волчок, Жучка, Найда, Пальма, Пират, Полкан, Тузик, Умка, Черныш, Шарик, Мухтар*; **кошек и котов** – *Барсик, Васька, Дымка, Мурзик, Мурка, Муська, Пушок, Тимка*; **коров** – *Зорька, Зарина, Чернушка, Венера, Буренка, Дочка, Жданка, Звездочка, Милка, Ночка, Роза, Ромашка*; **лошадей** – *Воронок, Гнедой, Карий, Орлик, Савраска, Серко, Чалый* и т.д.

Так, ***Васька*** обычно ассоциируется с деревенским непородистым котом. Это достаточно толстый и большой кот, может быть как многоцветным, так и полосатым, но чаще всего серым. Он очень хитрый и ленивый, но в то же время и достаточно ласковый. Васька является хорошим охотни-

ком, ловкий, «может поймать быстро как неуловимого воробья, так и мышь в доме». Некоторые респонденты подчеркивали его медлительность – «спокойная, медлительная особа, которой некуда торопиться и спешить».

Мурка, или как чаще ее называют ***Мурочка***, может быть как домашней, так и бездомной кошкой. Опрашиваемые отмечали, что она достаточно красивая, изящная кошка, чаще всего пушистая и многоцветная. Очень добрая, «постоянно мурлыкает и ластиться».

Барсик ассоциируется скорее всего с домашним, нежели бездомным котом. Как правило, это породистый, своенравный, красивый кот, «достаточно избалованный и прихотливый в еде», в то же время Барсик гордый и достаточно умный кот. Многие подчеркивали его «независимость»: «вольная птица с характером, которая любит поесть и лентяйничать». Окрас в основном серый, большие зеленые или голубые глаза, длинный и пушистый хвост.

Жучка, как правило, бездомная собака, живущая во дворе. Она очень активная, подобно «моторчику с пропеллером», шумная, даже любознательная, порой визгливая. Преданная собака, которая одинаково любит как детей, так и взрослых, «с благодарностью принимает внимание человека и отвечает ему тем же, ласково машет своим хвостом». Окрас в основном черный или коричневый, гладкошерстная.

Бобик ассоциируется с маленьким, добрым псом, чаще всего живет на улице, он очень преданный и верный. «Абсолютно ручной, контактный и ласковый». По окрасу бывает разным, но чаще всего – серым. Респонденты отмечают, что «для добрых и любящих хозяев Бобик является верным другом и неплохим охранником».

Дружок может быть как бездомным, так и живущим во дворе (на цепи). Очень преданный, любит внимание окружающих, а также побегать и поиграть. Чаще всего это дворняга, которая доверчиво относится к человеку. Окрас может быть разным, чаще всего черный с добавлением рыжего или белого оттенков.

Мухтар, как правило, представляется большим и высоким по размеру и росту собакой, чаще всего овчаркой или дворнягой, черного или коричневого окраса. «Хороший охранник, обладает сторожевыми качествами, годен для вольерного содержания в частном доме».

Шарик ассоциируется с домашним, но, может быть, и бездомным животным. Цвет может быть любым, хотя чаще всего серым. Очень активный и любит детей.

Барбос, скорее всего, домашний либо живущий на цепи (в конуре). Маленького размера, лохматый, преданный собака. «Временами бывает злым и малообщительным, настороженно относится к чужим».

Тузик – маленький пес, который живет во дворе. Ассоциируется с маленькой и толстой собакой черного окраса. «Добрый и наивный, абсолютно отсутствует агрессия».

Полкан – дворовый пес светло-коричневого окраса, достаточно лохматый. Преданный и ласковый. Любит детей, иногда бывает агрессивным.

Белка ассоциируется с большой, чаще всего лохматой собакой. Очень добрая, легко идет на контакт, дружелюбна и подвижна.

Интересно, что изучением традиционных кличек животных в русской ономастической науке занималась Е.В. Гусева. В частности, ученого интересовал вопрос о выявлении особенностей восприятия традиционных кличек городскими жителями.

Е.В. Гусева использовала материал, собранный в результате анкетирования (респондентами являлись студенты, учителя, школьники и т.д., возраст которых варьировался от 10 до 95 лет), проведенного в 1997–2000 гг. Исследователь отметила, что городской житель редко зависит от животного материально, но очень часто – психологически, т.к. в городе животное становится членом семьи. Поэтому и клички животных в языковой картине мира горожанина занимают особое место [9].

Автор приводит список традиционных русских кличек кошек, попавших в число самых частотных: *Муся, Барсик, Вася, Пуся, Мурка* и т.д. В зоонимиконе Белорусского Поозерья частотными традиционными кличками для кошек являются следующие: *Васька, Барсик, Мурка, Пушок, Катька, Кузя, Дымок* и др.

Е.В. Гусева утверждает, что в массиве кличек городских собак в частотные не попала ни одна традиционная русская кличка; частотными являются в основном клички иностранного происхождения (*Дина, Чарли, Джерри, Дик, Джек* и др.). В исследуемом нами зоонимиконе доминируют традиционные русские клички собак: *Шарик, Бобик, Дружок, Малыш, Жучка, Найда* и т.д.

Данные сведения свидетельствуют о том, что, несмотря на тесную связь русской и

белорусской культур, зоонимикон Белорусского Поозерья имеет ряд особенностей: традиционность; предпочтение отдается тем кличкам, которые не вызывают нежелательных при употреблении ассоциаций, а также легки и просты в употреблении.

Как видно, стереотипы, связанные с некоторыми традиционными кличками домашних животных жителей Белорусского Поозерья, представляют собой некий составляющий компонент языковой культуры данного общества, существуют в сознании их представителей и фиксируются и проявляются соответственно в языке. Благодаря тем образам и номинациям, полученным в ходе анализа материала, можно сказать, что стереотипы присущи сознанию и речи представителя каждой нации, через них мы можем сформировать то бытовое представление о нации, которое было зафиксировано определенным национальным языком. Стереотип сформирует целостное представление о жителях исследуемого региона, об их мировоззрении, традициях и т.д.

Заключение. Использование стереотипа как инструмента исследования позволяет интерпретировать языковые явления, устанавливать параллели между ними, находить общие закономерности. Важную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определенных традиционных кличек домашних животных, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с животными по сравнению с другими объектами, что и приводит к их стереотипизации.

Литература

1. Семашко, Т.Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира / Т.Ф. Семашко. – Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 2(32): в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2014. – Ч. 2. – С. 176–179.
2. Бухаева, Р.В. Этнокультурные стереотипы речевого общения (на материале бурятского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.В. Бухаева. – Улан-Удэ, 2015. – 426 с.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Липпман, У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. пер. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
5. Казаринова, Н.В. Социология: учебник для вузов / Н.В. Казаринова, О.Г. Филатова, А.Е. Хренов; под общ. ред. Г.С. Батыгина. – М.: Изд-во NOTA BENE, 2000. – 271 с.
6. Садохин, А.П. Этнология: учебник для студентов высш. учеб. заведений / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. – М.: Изд. центр «Академия»; Высшая школа, 2000. – 304 с.
7. Бартминский, Е. Базовые стереотипы и их профилирование / Е. Бартминский // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 11–21.
8. Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / А.М. Мезенко [и др.]; под ред. А.М. Мезенко, А.В. Русецкого. – Минск: Беларус. навука, 2001. – 214 с.
9. Гусева, Е.В. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина / Е.В. Гусева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – № 4. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 91–104.

Поступила в редакцию 20.03.2017 г.

УДК 81'373.7=161.2=133.1

Сравнительная характеристика фразеологизмов со структурой предложений, обозначающих ощущения человека (на материале украинского и французского языков)

Денисова А.С.
Бердянский государственный педагогический университет, Бердянск (Украина)

Исследование фразеологии уходит своими корнями еще к началу XX века. Несмотря на почти столетнюю историю развития этой лингвистической дисциплины, нерешенным остается ряд вопросов.

Цель статьи – проанализировать фразеологические единицы украинского и французского языков, обозначающие ощущения человека, с точки зрения их структуры, а именно рассмотреть те устойчивые выражения, которые имеют структуру предложения.

Материал и методы. *Практическим материалом исследования послужили фразеологические единицы, отобранные путем сплошной выборки из фразеологических словарей украинского и французского языков. При этом были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Рассмотрены фразеологические единицы украинского и французского языков, обозначающие ощущения человека с точки зрения их структуры. С использованием научных работ отечественных и зарубежных ученых, которые все фразеологизмы со структурой предложения делят на номинативные и коммуникативные, произведен анализ устойчивых выражений. В связи с этим нами установлены универсальные и специфические свойства фразеологизмов исследуемых языков.*

В результате исследования фразеологических единиц со структурой предложения в украинском и французском языках, можно сделать вывод, что в неродственных языках есть общие (наличие сложносочинительной и сложноподчинительной связи между компонентами сложного предложения) и отличительные характеристики (для украинского языка характерным является функционирование сложных предложений с разными видами связи, что нетипично для французского языка).

Заключение. *Таким образом, изученные фразеологизмы объединяются различными видами синтаксической связи и могут выполнять в языке как номинативную, так и коммуникативную функцию.*

Ключевые слова: *фразеологическая единица, структурный анализ, устойчивые выражения непословичного характера, коммуникативные фразеологизмы.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 180–184)

Comparative Characteristics of Phraseologisms with the Sentence Structure Denoting Man's Feeling (Based on the Material of the Ukrainian and French Languages)

Denisova A.S.
Berdyansk State Pedagogical University, Berdyansk (Ukraine)

The research of phraseological units began in the early XXth century. In spite of the long history of development of this linguistic discipline a great number of issues haven't yet been solved.

The aim of the article is to analyze phraseological units of the Ukrainian and French language denoting man's feelings from the point of view of their structure, and, namely, to consider stable expressions which have the structure of the sentence.

Material and methods. *As a practical material of the research phraseological units selected by means of continuous sample from phraseological dictionaries of the Ukrainian and French languages were used.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: denisova1108@gmail.com – **А.С. Денисова**

Findings and their discussion. *Applying the researches of domestic and foreign scholars, who divide all phraseological units with the sentence structure into nominative and communicative, we conducted their analysis. On the basis of this research the universal and specific properties of Ukrainian and French phraseologisms were determined.*

Having researched phraseological units with the structure of the sentence in the Ukrainian and French languages we have come to the conclusion that in unrelated languages there are common (complex coordinative and complex subordinate connection between components of the complex sentence) and distinctive characteristics (for the Ukrainian language typical is functioning of complex sentences with different kind of connection that is not typical for the French language).

Conclusion. *Such phraseologisms are combined by different kind of syntactic connection and can implement in the language both nominative as communicative functions.*

Key words: *phraseological units, structural analysis, stable expressions of non-proverb character, communicative phraseologisms.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 180–184)

Фразеологизмы являются уникальными единицами языка, где хранится многовековой опыт народа, его обычаи, традиции, обряды. Именно они несут в себе информацию о национальной картине мира каждого народа. Исследование фразем началось еще в начале XX века (Ш. Балли, В. Виноградов, А. Кунин, А. Назарян и др.) и является актуальным до сих пор. Они привлекают внимание ученых, заставляют их исследовать различные аспекты этих устойчивых сочетаний.

Цель статьи – рассмотрение фразеологических единиц-предложений украинского и французского языков с точки зрения их структуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

– проанализировать теоретические труды отечественных и зарубежных ученых, которые занимались изучением структурного аспекта фразеологических единиц;

– выделить устойчивые сочетания, построенные по модели предложения, и охарактеризовать их особенности;

– осуществить структурный анализ фразеологических единиц со структурой предложения в украинском и французском языках.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили фразеологические единицы, отобранные путем сплошной выборки из фразеологических словарей украинского и французского языков. При этом были использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. В нашем исследовании рабочим будет определение фразеологической единицы, предложенное Л. Скрипник, которая под фразеологической единицей понимает «лексико-грамматическое единство двух и более врозь оформленных компонентов, грамматически организованных по модели словосочетания или предложения, какая, имея целостное значение, воспроизводится в речи по традиции, автоматически» [1, с. 11].

Рассматривая фразеологизмы с точки зрения их структуры, отечественные ученые (Н. Бабич, Л. Скрипник, В. Ужченко и др.) весь массив устойчивых сочетаний разделяют на две большие группы: фразеологические единицы, организованные по модели словосочетания, и фраземы, которые построены по модели предложений. Именно на последнем виде и остановимся.

Основным критерием для классификации фразеологических единиц, по мнению Н. Шанского, является их структура, поскольку как воспроизводимые языковые единицы фразеологические обороты всегда выступают в виде структурного целого составного характера, состоят из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в различных синтаксических отношениях. Все устойчивые обороты, представляющие собой предложения, ученый разделяет на две группы: 1) *номинативные,* которые называют то или иное явление действительности и служат для обозначения предметов, явлений, качеств, действий, выступающих в функции какого-либо члена предложения; 2) *коммуникативные,* передающие целые предложения, которые употребляются либо самостоятельно, либо как части структурно более сложного предложения [2, с. 68]. Немецкий исследователь В. Фляйшер, изучая фразеологические единицы с точки зрения синтаксиса, выделяет из всего круга три структурных типа: непредикативные словосочетания, устойчивые предикативные конструкции и устойчивые предложения [3, s. 30]. А. Назарян, взяв за основу структурный принцип, распределяет весь массив фразеологических единиц на непредикативные, частичнопредикативные и

предикативные. Предикативные фразеологические единицы являются сочетаниями с предикативной структурой. Они делятся на два типа: предикативные соединения с замкнутой структурой, которые выражают законченную мысль и синтаксически оформлены как простые или сложные предложения, и предикативные фразеологические единицы с незамкнутой структурой, которые выражают незаконченное мнение и требуют в речи распространения сменными словами [4, с. 61–62]. Подавляющее большинство предикативных фразеологизмов французского языка представлено моделями с замкнутой структурой и лишь незначительное количество постоянных соединений имеет незамкнутую.

Таким образом, все фразеологические единицы распределены по структурным принципам, их можно условно классифицировать на две группы: образованные по модели словосочетания; устойчивые фразы, которые имеют строение простого или сложного предложения.

Так, Н. Шанский, В. Архангельский, Н. Бабич, Л. Скрипник с точки зрения грамматической природы семантических типов устойчивых фраз и грамматической природы слов, с которыми они сочетаются, разделяют фразеологические предложения на замкнутые и незамкнутые [5, с. 191]. Такие устойчивые выражения имеют разнообразную структуру.

Исследователь французской фразеологии А. Назарян к вышеуказанному типу устойчивых выражений относит коммуникативные фразеологизмы-пословицы, синтаксически организованные как предложения. В отличие от коммуникативных единиц непословичного характера с аналогичной структурой они имеют поучительный характер, содержат мораль или выражают ту или иную мудрость [4, с. 205–207].

Среди замкнутых устойчивых выражений можно выделить следующие типы: фразеологические единицы, которые имеют строение простого предложения, и устойчивые сочетания, имеющие строение сложных предложений.

Фразеологические единицы **замкнутого** типа соотносятся по строению с простым предложением, имеют в своем составе:

а) единицы со структурой двусоставных предложений, например: укр. *губи так бринять од холоду* [6, с. 68], *циганський пім проймає* «кто-то дрожит от холода» [7, с. 53], *по животу мов коти лазять* [7, с. 57], *голод усього науче* [7, с. 56]; фр. *homme affamé ne pense qu'à pain* (досл. голодный человек думает только про хлеб) «голодной куме только хлеб на уме» [8, с. 23789], *l'appétit est le meilleur cuisinier* (досл. аппетит – лучший повар) «голод – лучший повар» [9, с. 8];

б) единицы со структурой различных односоставных предложений: укр. *духом святим живе* [6, с. 57], *голодному не попадайсь під руки* [6, с. 58], *хоч візьми зуби та на полицю положи* [7, с. 19]; фр. *vivre d'un hareng* (досл. жить на селедке) «сидеть на одной селедке, плохо питаться» [8, с. 45934].

Устойчивые фразы, организованные как сложные предложения, представлены такими структурами: а) сложносочиненными предложениями: укр. *голод мучить, а нужда краде* [6, с. 56]; фр. *les sept vaches grasses et les sept vaches maigres* (досл. семь откормленных коров и семь тощих коров) «семь голодных лет после семи лет изобилия» [10, с. 1076]; б) сложноподчиненными предложениями: *так замерзло, що хоч тури гони* [7, с. 68], *холодно в хаті, що й собаку не вдержиш* [6, с. 25], *як хочеш їсти, то пий воду* [7, с. 62], *така хата тепла, що спотієш дрижачи* [6, с. 25]; фр. *assez jeûne qui pauvrement vit* (досл. достаточно голоден, кто живет быстро) «бедному не привыкать ходить голодным» [8, с. 2622], *on n'a jamais vu chèvre morte de faim* (досл. никто не видел, как коза от голода умирает) «коза с голода никогда не умрет, голодный все съест» [8, с. 32955].

Во французском языке для этого типа фразеологизмов-пословиц распространенной является модель, где подчиненная часть стоит в препозиции: *quand le loup a faim, il sort du bois* (досл. когда волк голодный, он выходит из леса) «голод и волка с леса выгонит» [8, с. 442], *qui a faim mange tout pain* (досл. кто голоден, съест весь хлеб) «голод – лучший повар» [8, с. 434], *qui a la panse pleine il lui semble que les autres sont saouls* (досл. кто имеет полный живот, тому кажется, что другие пьяны) «сытый голодного не поймет» [8, с. 37200].

Сложные бессоюзные предложения представлены такими французскими пословицами, как например: *double jeune, double morceau* (досл. двойной молодой, двойной кусок) «голодный человек ест за двоих» [81, с. 14463], *c'est trop sucré, on dirait du sirop* (досл. это слишком сладкое, выглядит как сироп) «сладкий как мед, приторно сладкий» [10, с. 981].

В украинском языке достаточно распространены сложные бессоюзные предложения, части которых сочетаются причинно-следственным типом связи,

например: укр. *аж шпари зайшли – такий мороз* [7, с. 68], *не спиться – хліб сниться* [7, с. 47].

Также в украинском языке встречается модель сложных предложений с различными видами связи, например: *живеш, як у решеті: відки вітер не дме, то повна хата холоду* [7, с. 25], *бідак живе обачно: раз на тиждень обідає, та й то не смачно* [7, с. 48].

В украинском языке **незамкнутые** устойчивые фразы строятся по схеме двусоставных предложений, которые свободно дополняются второстепенными членами предложения, являются бинарными образованиями [6, с. 82]. Сюда относятся сочетания, в которых грамматически ведущим словом выступает существительное в именительном падеже и согласованный с ним зависящий глагол (*підламуються ноги* «кто-то очень усталый, чувствует слабость» [11, с. 115], *дрижаки пробирають* «кто-то дрожит, трясется от холода» [11, с. 46], *голова розвалюється* «кто-то ощущает сильную головную боль» [11, с. 30], *зуби дзвонять* «кто-то очень дрожит от холода» [11, с. 347]).

Фразеологические единицы, которые имеют строение простого предложения по наличию членов, необходимых для выражения мнения, могут быть как **полными,** например: *холодний пітпробирає* «кто-то дрожит от холода» [11, с. 642], так и **неполными** – *голова кругом* «кого-то охватывает такое состояние, при котором теряется чувство равновесия и все будто качается, находится в круговом движении» [11, с. 181–182], *аж вогні в очах* [11, с. 140].

В зависимости от наличия или отсутствия второстепенных членов простые предложения делятся на **нераспространенные** – *погляди схрещуються* «двое неотрывно смотрят друг на друга» [11, с. 600], *роздають дрижаки* «очень холодно» [11, с. 748] и **распространенные**, например: *холод пробирається до тіла* «кому-то очень холодно» [11, с. 508], *іскри з очей сиплються* «почувствовать головокружение от физической боли» [11, с. 67].

Отдельную группу фразеологических единиц, организованных по модели предложений, формируют единицы, которые, включая в свой состав подчинительные союзы и относительные слова, напоминают придаточные предложения, например: *хоч вовків ганяй* «очень холодно» [6, с. 68], *хоч око виколи* «очень темно, ничего не видно» [7, с. 92], *хоч на собаку лий* «безвкусный» [7, с. 423].

Во французском языке отдельную группу фразеологизмов образуют устойчивые выражения непословичного характера. Единицы этого типа имеют структуру замкнутых и незамкнутых фразеологических единиц.

К замкнутым фразеологизмам относятся устойчивые выражения, которые характеризуются синтаксической и смысловой оформленностью, например: *se remplir le ventre* (досл. набить себе брюхо) «голод и волка с леса выгонит» [10, с. 38129], *il a des impatiences dans les jambs* (досл. он чувствует усталость в ногах) «у него ноги дрожат (от усталости, голода)» [10, с. 570], *il a la gorge sèche* (досл. он имеет сухость в горле) «у него пересохло в горле» [10, с. 525], *j'ai le grelot* (досл. у меня звон) «у меня зуб на зуб не попадает» [10, с. 536], *j'ai un pavé sur l'estomac* (досл. у меня есть накладка на животе) «у меня тяжесть в желудке» [8, с. 5037].

Незамкнутые устойчивые выражения образуют единицы, характеризующиеся синтаксической и смысловой неоформленностью: *avoir les yeux à ... sur* (досл. иметь глаза ... на) «не спускать с глаз» [10, с. 755], *jeter l'œil sur ...* (досл. бросить взгляд ... на) «мельком посмотреть» [10, с. 758].

Заключение. Проанализировав фразеологические единицы со структурой предложения в украинском и французском языках, можно сделать вывод, что в неродственных языках есть универсальные и специфические особенности.

Так, общим для исследованных языков является наличие сложносочинительной и сложноподчинительной связи между компонентами сложного предложения; соединение простых предложений в сложном только при помощи интонации.

Отличительной характеристикой таких устойчивых выражений выступает функционирование в украинском языке фразеологических единиц, которые имеют структуру придаточного предложения, а также сложных предложений с разными видами связи, что нехарактерно для французского языка.

Особенность французских устойчивых выражений – незамкнутые фразеологические единицы, выделяющиеся синтаксической и смысловой неоформленностью. Подобные фразеологизмы требуют распространения и дополнения в речи.

Устойчивые выражения со структурой предложений объединяются различными видами синтаксической связи и могут выполнять в языке как номинативную, так и коммуникативную функцию.

Литература

1. Скрипник, Л.Г. Фразеологія української мови: монографія / Л.Г. Скрипник. – К.: Наукова думка, 1973. – 270 с.
2. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
3. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Tьbingen: Niemeyer, 1997. – 231 s.
4. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка: учебник / А.Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.
5. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке / В.Л. Архангельский // Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 316 с. – С. 191.
6. Українські народні прислів'я та приказки / В. Бобкова, Й. Багмут, А. Багмут. – К.: Державне видавництво художньої літератури, 1963. – 793 с.
7. Українські приказки, прислів'я і таке інше / укл. М. Номис; упоряд., прим. та вступна ст. М.М. Пазяка. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
8. Dictionnaire de l'Acadйmie Franзaise, 8ime edition, 1935 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fr.academic.ru/contents.nsf/daf_1935/. – Дата доступа: 10.01.2017.
9. Критская, О.В. Французские пословицы и поговорки / О.В. Критская. – М.: Высш. шк., 1963. – 95 с.
10. Французско-русский фразеологический словарь. Около 35 000 выражений / под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
11. Фразеологічний словник української мови / уклад.: В.М. Білоноженко [та ін.]. – К.: Наук. думка, 2008. – Кн. 2. – 1104 с.

Поступила в редакцию 13.02.2017 г.

УДК 811.161.3'374:908(476):008

Беларускія лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя даведнікі: тыпы, змест, структура

Арцямёнак Г.А., Півавар К.С.
Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава", Віцебск

Нацыянальна-культурная спецыфіка моўнага матэрыялу з'яўляецца прадметам першачарговай увагі айчынных і замежных лінгвістаў, у тым ліку лексікографаў. Лінгвакраіназнаўчы слоўнік фіксуе рэаліі побыту, гісторыі, культуры, прыроды той ці іншай краіны і іх моўную рэпрэзентацыю.

Мэта артыкула – прааналізаваць беларускія лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя даведнікі, вызначыць іх тып і асаблівасці структуры слоўнікавых артыкулаў.

***Матэрыял і метады.** Матэрыялам для даследавання паслужылі выдадзеныя ў Беларусі лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя слоўнікі і даведнікі. Выкарыстаны апісальна-аналітычны і параўнальны метады, методыкі аналізу слоўнікавых дэфініцый і кантэкстуальнага аналізу.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Прааналізаваны лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя слоўнікі і даведнікі, выдадзеныя ў Беларусі ў апошнія дзесяцігоддзі, вызначаны іх тыпы, структура, асаблівасці зместу. Прапанаваны крытэрыі адбору матэрыялу, прынцыпы стварэння лінгвакраіназнаўчага слоўніка новага тыпу. Нягледзячы на з'яўленне асобных цікавых даследаванняў, сёння наспела неабходнасць падрыхтоўкі і выдання комплекснага сучаснага даведніка "Рэспубліка Беларусь: лінгвакраіназнаўчы слоўнік", у якім знайшлі б месца як традыцыйная лексіка, фразеалогія, моўная афарыстыка, так і інавацыі апошняга часу, абумоўленыя зменамі ў грамадскім жыцці за перыяд існавання Беларусі як самастойнай дзяржавы.*

***Заключэнне.** У наш час у межах лексікаграфічнай традыцыі лінгвакраіназнаўчая лексікаграфія аформілася ў самастойнае адгалінаванне, якое актыўна развіваецца. З'явіліся слоўнікі і даведнікі, якія спалучаюць мовазнаўчую, культуралагічную і лінгвакраіназнаўчую інфармацыю.*

***Ключавыя словы:** лінгвакраіназнаўства, лінгвакультуралогія, лінгвакраіназнаўчы даведнік, моўная рэалія, нацыянальна-маркіраваная лексіка.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 23. – С. 185–189)

Belarusian Directories of Oriented-Culture Linguistics: Types, Content, Structure

Artsiamionak H.A., Pivavar K.S.
Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The national and cultural specificity of the linguistic material is the subject of primary attention of domestic and foreign linguists, including lexicographers. Dictionaries of culture-oriented linguistics fix the realities of life, history, culture, the nature of a country and their language representation.

The aim of the research is to analyze Belarusian dictionaries and directories of culture-oriented linguistics, to determine their type, the features of the structure of dictionary entries.

***Material and methods.** The material for the study is based on dictionaries of culture-oriented linguistics published in Belarus. The methods of the research include the methods of descriptive and comparative, dictionary definitions and contextual analyses.*

***Findings and their discussion.** In the article the authors examined dictionaries and directories of cultural-oriented linguistics, which were published in the Republic of Belarus in recent decades, determine their types, structure, and the features of the contents. The authors proposed the criteria for compiling, the structural parts of a new type of fundamental dictionary, which will unite the achievements of Belarusian cultural-oriented linguistics. In spite of the emergence of some interesting researches there still is the necessity to compile and edit a complex contemporary directory "Republic of Belarus: Linguistic and Cultural Dictionary" in which one could find both traditional words, phraseological, aphoristic units and latest innovations, which are conditioned by changes in the social life of independent Belarus.*

***Conclusion.** At present the lexicography of cultural-oriented linguistics has developed into an independent branch, which is actively developing. In Belarusian lexicography dictionaries of a new type have appeared, which combine linguistic and cultural information about the country.*

***Key words:** cultural linguistics, dictionaries and directories of cultural-oriented linguistics, linguistic reality, nationally-labeled vocabulary.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 23. – P. 185–189)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: winger@vitebsk.by – **Г.А. Арцямёнак**

Нацыянальна-культурная спецыфіка моўнага матэрыялу даўно стала прадметам увагі айчынных і замежных лінгвістаў, у тым ліку і лексікографаў. Адметныя ў этнакультурных адносінах моўныя факты паступова збіраліся, назапашваліся і сістэматызаваліся, у выніку чаго з'явіліся выданні новага тыпу – лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя даведнікі (слоўнікі). Штуршком да актывізацыі напрамкаў мовазнаўства, якія вывучаюць стасункі мовы і культуры, ва Усходняй Славіі стала пашырэнне тэорыі Я.М. Верашчагіна і В.Р. Кастамарава аб вывучэнні замежных моў у непарыўнай сувязі з культурай і менталітэтам народа, якому гэтая мова належыць. На сённяшні дзень даказана, што паўнавартасная камунікацыя немагчымая без "фонавых" ведаў – інфармацыі, якая вядома практычна ўсім членам пэўнай этнічнай супольнасці і імпліцытна прысутнічае ў свядомасці камунікантаў. Лінгвакраіназнаўчы слоўнік фіксуе рэаліі побыту, гісторыі, культуры, прыроды той ці іншай краіны і іх моўную рэпрэзентацыю. З прычыны высокай запатрабаванасці слоўнікаў такога тыпу толькі ў Расійскай Федэрацыі выдадзены цэлы шэраг адпаведных лексікаграфічных прац: "Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь" (1996), "Франция: Лингвострановедческий словарь" (1997), "Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь" (1998), "Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии: Лингвострановедческий словарь" (2003) і інш. Асаблівае месца ў слоўнікавай культуры суседняй краіны займае фундаментальны даведнік "Россия: Большой лингвострановедческий словарь" пад агульнай рэдакцыяй Ю.Я. Прохарава (2007) [1]. За апошні час падобнымі выданнямі ўзбагацілася і беларускае мовазнаўства.

Мэта артыкула – прааналізаваць беларускія лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя слоўнікі, вызначыць іх тып, асаблівасці структуры слоўнікавых артыкулаў, устанавіць падобнае і адрознае ў змесце выданняў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі выдадзеныя ў Беларусі лінгвакраіназнаўчыя і лінгвакультуралагічныя слоўнікі і даведнікі. Метады даследавання: апісальна-аналітычны, параўнальны, аналіз слоўнікавых дэфініцый, кантэкстуальны аналіз.

Вынікі і іх абмеркаванне. Лінгвакраіназнаўства як сінтэтычная навука даследуе дэнататыўныя і анамастычныя рэаліі пэўнай краіны праз нацыянальна-маркіраваныя моўныя адзінкі лексічнай і фразеалагічнай падсістэм мовы. Беларуская мова з часу свайго ўзнікнення з'яўляецца часткай і найважнейшым сродкам стварэння духоўнай культуры беларусаў. У ёй найбольш поўна адлюстраваны асаблівасці пражывання, гаспадарчай і культурнай дзейнасці беларускага этнасу. Лінгвакраіназнаўчыя адзінкі нясуць у сабе самую поўную інфармацыю пра дзяржаву, разнастайныя гістарычныя і сучасныя працэсы ў жыцці народа. Пасродкам вывучэння рэалій лягчэй зразумець характар і менталітэт беларусаў, іх прыярытэты і памкненні. Гэта вельмі важна пры наладжванні эфектыўных кантактаў замежных грамадзян з беларускай дзяржавай у сферы палітыкі, бізнесу, турызму, а таксама для грамадзян Беларусі, чыёй роднай мовай у сітуацыі незбалансаванага білінгвізму з'яўляецца руская, а адной з мэт навучання – авалоданне спрадвечнымі духоўна-культурнымі каштоўнасцямі.

Першым лінгвакраіназнаўчым даведнікам беларускай мовы стаў "Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў" С.Ф. Івановай і Я.Я. Іванова (1997) [2]. Кніга па сутнасці з'яўляецца лексікаграфічным апісаннем уласнабеларускай моўнай афарыстыкі і ў гэтым сэнсе амаль нічым не адрозніваецца ад даведачных выданняў тлумачальнага характару, г.зн. можа выкарыстоўвацца ў якасці нарматыўнага тлумачальнага даведніка прыказак, прымавак і крылатых выразаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Слоўнік, акрамя даведачнай, мае яшчэ і навучальную функцыю, якая рэалізуецца найперш у асаблівасцях пабудовы слоўнікавых артыкулаў, а таксама ў прызначэнні і структуры дадаткаў. Дзякуючы наяўнасці разнастайнай пазнавальнай інфармацыі слоўнік можа быць скарыстаны ў пэўнай ступені і як энцыклапедычнае выданне.

Даведнік мае ярка выражаны дыферэнцыяльны характар. Па-першае, у рэестравую частку слоўніка ўвайшлі толькі тыя прыказкі, прымаўкі і крылатыя выразы з этнакультурнай афарбоўкай, якія належаць да найбольш ужывальных у сучаснай беларускай мове, напрыклад: *На лечаным кані далёка не паедзеш; Пра каго звоняць, таго і чэрці гоняць; Трапіў у вараны, крычы, як яны* і інш. Па-другое, у слоўнік увайшлі толькі тыя афарыстычныя адзінкі, якія з'яўляюцца інфарматыўнымі і каштоўнымі з лінгвакраіназнаўчага пункту гледжання. Гэта найперш прыказкі і прымаўкі ўласнабеларускага паходжання, у якіх адлюстраваны геаграфічныя, сацыяльна-гістарычныя і культурныя асаблівасці жыцця нашага народа, яго светапогляд і маральна-этычныя каштоўнасці, побыт і звычаі, напрыклад: *Або грай, або скрыпку аддай; Пазнаюць нашу дачку і ў андарачку.*

У дадатках да "Слоўніка беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў" змяшчаюцца алфавітныя спісы моўных афарызмаў розных тэматычных груп, напрыклад, спіс моўных афарызмаў, у якіх адлюстраваны побыт і звычаі беларускага народа, ці пералік моўных афарызмаў, у якіх увасобіліся маральныя каштоўнасці беларусаў, а таксама алфавітны паказальнік рускамоўных адпаведнікаў, які дазваляе карыстацца слоўнікам як перакладным. Матэрыял, змешчаны ў дадатках, дапамагае сістэматызаваць тую інфармацыю аб гісторыі Беларусі, побыце і звычаях беларусаў, іх маральных каштоўнасцях, асаблівасцях прыроды нашай краіны, нацыянальных онімах і інш., якая адлюстравана ў лінгвакраіназнаўчых каментарыях да моўных адзінак.

Аўтары слоўніка акрэслілі пэўныя крытэрыі афармлення слоўнікавага артыкула, вылучылі наступныя пазіцыі, якія патрабуюць абавязковага тлумачэння: безэквівалентная лексіка і фразеалогія, уласныя імёны, адзінкі з пераносным значэннем, мнагазначныя словы і выразы, стылістычна маркіраваныя адзінкі, функцыянальна абмежаваныя словы і формы і інш. Слоўнік на сённяшні дзень застаецца адзінай крыніцай сістэматызаваных звестак пра лінгвакраіназнаўчы змест беларускай парэміялогіі і афарыстыкі.

Прыкметнай падзеяй у беларускай лінгвакультуралогіі стаў выхад працы "Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностранных студентов" [3], падрыхтаванай выкладчыкамі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Вучэбны комплекс інтэгруе тры асноўныя аспекты методыкі выкладання мовы як навукі: лінгвістычны, філалагічны і культуразнаўчы. Даследаванне складаецца з чатырох частак. Асноўная – білінгвальны лінгвакраіназнаўчы слоўнік нацыянальных рэалій Беларусі (каля 100 ключавых адзінак). У раздзеле "Беларускія прэцэдэнтныя выказванні" сабраны найбольш частотныя і ўжывальныя беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы і іх рускія адпаведнікі. У раздзеле "Беларускія прэцэдэнтныя тэксты" ў храналагічным парадку змешчаны творы класікаў беларускай літаратуры – М. Гусоўскага, Я. Купалы, Я. Коласа, В. Быкава, Н. Гілевіча. Прапанаваны пераклад тэкстаў на рускую мову.

Слоўнікавы артыкул уключае некалькі зон апісання, якія змяшчаюць канкрэтную інфармацыю: загаловачнае слова, атрыбуцыю, тлумачэнне прамога і пераноснага значэння, сітуацыйную характарыстыку, ілюстрацыйны матэрыял. У выданні рэалізавана цэласнае "філалагічнае і культуралагічнае апісанне слова-паняцця з выкарыстаннем этналінгвістычных ведаў" [3, с. 5]. Як адзначыла Л.М. Чумак у прадмове да даведніка, артыкулы энцыклапедычнага характару пераважаюць, уласна лінгвістычных артыкулаў менш [3, с. 5].

Звернемся да разгляду слоўнікавага артыкула "Лявоніха". Адзначаецца, што гэта беларускі народны танец, які мае розныя назвы ў залежнасці ад месца выканання: "Крутуха", "Круцёлка", "Падарожная", "Бычок", "Мяцеліца". У аснове танца – яднанне трох частак: харэаграфічнай (рэгламентаванай і імправізаванай), песенна-паэтычнай і музычна-інструментальнай. У 1920 г. упершыню быў выкананы ў сцэнічным варыянце. Яго ўключаюць у рэпертуар як народныя, так і прафесійныя танцавальныя калектывы. Лявоніха стала своеасаблівай візітнай карткай беларускага мастацтва за мяжой [3, с. 29]. На нашу думку, гэтую энцыклапедычную інфармацыю можна было б дапоўніць лінгвістычнымі звесткамі: дэрывацыйная мадэль з фармантам *-іх(а)* прадуктыўная ў беларускай мове: *каваліха, Раманіха* і інш. Словы такога тыпу з'яўляюцца безэквівалентнымі ў рускамоўным дачыненні і тлумачацца як 'жонка таго, хто названы ў словаўтваральнай базе ('жонка Лявона', 'жонка каваля' і інш.)'. Каштоўнай філалагічнай інфармацыяй з'яўляюцца звесткі пра верш М. Багдановіча "Лявоніха", дзе аўтар стварыў вобраз гарэзлівай і жыццялюбнай, вясёлай жанчыны, якая ў кожнай справе першая: *Ой, Лявоніха, Лявоніха мая! / Ты пяяла галасней ад салаўя, / Ты была заўсёды першай у танку – / І ў "Мяцеліцы", і ў "Юрку", і ў "Бычку".* Падобныя рысы характару мае і галоўная гераіня п'есы А. Макаёнка "Лявоніха на арбіце", якая не пагаджаецца з жыццёвымі прынцыпамі мужа і пакрысе бярэ над ім верх. У многіх іншых слоўнікавых артыкулах пададзена вычарпальная інфармацыя пра функцыянаванне той ці іншай адзінкі ў культуры і моўнай свядомасці беларусаў (*зубр, васілёк, талака, бульба, Вялікдзень* і інш).

Брэсцкія даследчыкі прадставілі серыю вучэбных дапаможнікаў, аб'яднаных назвай "Лінгвакультуралогія" [4–6]. Структура і змест гэтых па сутнасці лінгвакультуралагічных даведнікаў разлічаны на тое, каб не толькі даць інфармацыю пра гістарычна-часавую дынаміку станаўлення семантыкі канкрэтнай моўнай адзінкі, але і раскрыць этнамоўны кантэкст яе ўжывання. Слоўнікавы артыкул ва ўказаных выданнях складаецца з наступных частак:

1) тлумачэнне сэнсу слова ці ўстойлівай адзінкі ў даведніках літаратурнай мовы;

2) дыялектныя (мясцовыя) варыянты;

3) іншыя назвы з гэтым кампанентам (літаратурныя і дыялектныя);
4) словаўтваральнае гняздо;
5) дыялектныя (мясцовыя) формы і словы, утвораныя на аснове адзінкі;
6) этымалагічная даведка;
7) гістарычная даведка;
8) устойлівыя адзінкі з адпаведнымі словамі-кампанентамі (фразеалагізмы, прыказкі і прымаўкі);
9) моўная адзінка ў кантэксце загадкі;
10) анамастычныя назвы з адпаведнымі кампанентамі ў аснове ці структуры;
11) сімволіка слова-назвы ў кантэксце павер'яў, парад і прыкмет, святаў і абрадаў, замоў, варажбы і гаданняў, народнай медыцыны, гульні, забавы, песні.

Аўтарамі разгледжана 48 лексем, сярод якіх назвы жывёл і птушак (*бусел, варона, гусь, заяц, курыца, сарока*), раслін (*гарох, груша, капуста*), з'яў прыроды (*туман, раса, дождж, лёд, іней, град, снег, вецер, гром, маланка, навальніца, вясёлка, мароз*), прадметаў побыту (*іголка, парог, нітка, пояс, ручнік, верацяно, нажніцы, лыжка, дзёгаць, лава*). Даследчыкі правялі вялікую працу па зборы і сістэматызацыі моўнага і культуралагічнага матэрыялу. Увага засяроджана ў першую чаргу на адлюстраванні сімвалічнага значэння прыведзеных слоў у традыцыйнай культуры; месца адпаведных паняццяў у сучасным жыцці этнасоцыуму не разглядаецца. У гэтым бачыцца розніца паміж лінгвакультуралагічным даведнікам і лінгвакраіназнаўчым: у апошнім акрамя гісторыка-культурнага аспекту разглядаюцца геаграфічны, сацыяльны, палітычны, ідэалагічны і іншыя бакі функцыянавання аб'екта-рэаліі ў жыцці пэўнай краіны.

"Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины" [7] уключае феномены, якія найбольш поўна рэпрэзентуюць культурную прастору Віцебскага рэгіёна. Пад культурнай прасторай аўтары разумеюць форму існавання культуры ў свядомасці носьбітаў мовы, тое інфармацыйнае поле, у якім жыве і дзейнічае чалавек.

У слоўніку апісаны персаналіі і рэаліі, у ім ёсць звесткі пра гісторыю, геаграфію, архітэктуру, прыродныя феномены рэгіёна, якія можна разглядаць як шырокі культурны кантэкст, што знайшоў адлюстраванне ў мове – найважнейшым носьбіце сацыяльнай памяці моўнай асобы і нацыі ў цэлым. Пры гэтым аўтары не ставілі перад сабой задачы даць вычарпальную інфармацыю гістарычнага, этнаграфічнага, геаграфічнага характару, а імкнуліся адлюстраваць асноўнае ў культурным ландшафце Віцебшчыны. У выніку атрымаўся кароткі слоўнік фіксацыі з арыентацыйнай функцыяй. Мэта слоўніка – "пазнаёміць шырокае кола вучняў і студэнтаў са славутасцямі, помнікамі, гісторыяй і культурай краю, дзе яны нарадзіліся, даць звесткі пра гістарычных і сучасных асоб, якія нарадзіліся ў нашым рэгіёне, прадставіць феномены духоўнай культуры. Гэта, у сваю чаргу, спрыяе выхаванню патрыятызму і талерантнасці, што ўяўляецца асабліва каштоўным у нашым жыцці" [7, с. 6].

У структуры слоўніка выдзяляюцца чатыры тэматычныя часткі – "Персаналіі", "Прыродныя аб'екты", "Матэрыяльная культура", "Духоўная прастора Віцебскага рэгіёна". У межах частак вылучаны асобныя раздзелы і падраздзелы. Так, персаналіі падзяляюцца на прэцэдэнтныя і забытыя імёны, прыродныя аб'екты – гэта рэкі, азёры, запаведнікі і заказнікі; матэрыяльная культура – гарады, унутрыгарадскія аб'екты, рамёствы; духоўная прастора – сімвалы, эталоны, стэрэатыпы, выяўленыя з літаратурных твораў, мастацтва, народнай духоўнай культуры, фальклорнай і абрадавай творчасці.

У слоўніку зроблена спроба "даць лінгвакультуралагічную пашпартызацыю лексікі" [7, с. 9]. Аўтары маюць на ўвазе такі спосаб работы, пры якім складаецца комплекснае апісанне як інфармацыі пра прадметы і з'явы, так і сукупнасці моўных фактаў (лексічны клас, некаторая граматычная інфармацыя), з дапамогай якіх рэалізуюцца пазамоўныя звесткі. Слоўнікавы артыкул у даведніку ўключае загаловачнае слова, назву класа лексікі (антрапонім, гідронім, айконім ці інш.), граматычную характарыстыку (указанне часцінамоўнай прыналежнасці, а таксама інфармацыі, якая дазволіць пазбегнуць памылак ва ўжыванні лексемы). Далей прыводзіцца апісанне лексічнага, сацыяльнага і культурнага фону слова. У некаторых выпадках інфармацыя пашыраецца за кошт уключэння ў артыкул папулярных легенд, этымалагічных даведак. Слоўнік адметны аб'ектам даследавання (культурная прастора асобнага рэгіёна Беларусі) і пакуль што з'яўляецца адзіным рэгіянальным лінгвакультуралагічным даведнікам.

Лінгвакраіназнаўчы падыход суадносіцца з лінгвакультуралагічным, які набыў значную папулярнасць у апошні час і канцэнтруе ўвагу пераважна на ментальных фактах (казачныя персанажы, зааморфныя вобразы, разнастайныя міфалагемы, сімвалы, эталоны, стэрэатыпы), а таксама прэцэдэнтных тэкстах. Краіназнаўчая лексіка пэўным чынам перасякаецца з лексікай безэквівалентнай, але ў адрозненне ад апошняй заўсёды

валодае безумоўнай этнакультурнай маркіраванасцю ці нацыянальна-спецыфічнай канатацыяй. Аналіз і параўнанне вышэйпрыведзеных прац паказалі, што тэрміны *лінгвакультуралагічны* і *лінгвакраіназнаўчы* ў дачыненні да назвы даведніка блізкія па сваім сэнсавым напаўненні, бо крытэрыі ўключэння той ці іншай моўнай адзінкі ў змест, а таксама структура слоўнікавага артыкула падобныя ў абодвух тыпах выданняў.

Нягледзячы на з'яўленне асобных цікавых даследаванняў, сёння наспела неабходнасць падрыхтоўкі і выдання комплекснага сучаснага даведніка "Рэспубліка Беларусь: лінгвакраіназнаўчы слоўнік", у якім знайшлі б месца як традыцыйная лексіка, фразеалогія, моўная афарыстыка, так і інавацыі апошняга часу, абумоўленыя зменамі ў грамадскім жыцці за перыяд існавання Беларусі як самастойнай дзяржавы. Як адзначае А.А. Чарнаброў, "праца па ўкладанні лінгвакраіназнаўчага слоўніка не можа быць поўнасцю завершана, бо культура – не статычная з'ява, а дынамічны працэс" [8, с. 38]. Толькі за апошняе дзесяцігоддзе ў нашай краіне з'явіліся новыя знакавыя рэаліі, якія сталі сімваламі Беларусі і шырока рэпрэзентуюцца ў мове (Нацыянальная бібліятэка, Плошча Дзяржаўнага сцяга і інш.). Слоўнік павінен ахапіць усю тэматычную разнастайнасць лінгвакраіназнаўчых рэалій, ажыццявіць іх па магчымасці поўную этнакультурную семантызацыю, устанавіць мастацкую вартасць і лінгвадыдактычны патэнцыял.

Рэаліі могуць быць раскласіфікаваны паводле прадметна-тэматычнага прынцыпу: 1) этнаграфічныя і бытавыя (назвы паселішчаў і пабудоў, адзення, ежы і напояў, звычаяў і традыцый, святаў, элементаў паводзін і маўленчага этыкету): *мястэчка, адрына, праснак, верашчака, жур, талака, Купалле, дзяды, добры дзень!, калі ласка!*; 2) геаграфічныя (назвы тыповых прадстаўнікоў флоры і фаўны, відаў прыродных рэсурсаў): *зубр, бусел, пралеска, лотаць, жвір, торф*; 3) грамадска-палітычныя (назвы дзяржаўных сімвалаў, найменні, звязаныя са спецыфікай заканадаўчай, выканаўчай і судовай улады, мясцовага самакіравання, выбараў, назвы палітычных партый і грамадскіх арганізацый): *Дзяржаўны герб (сцяг) Рэспублікі Беларусь, Курган Славы, Сцяг Перамогі, Нацыянальны сход Рэспублікі Беларусь, сельсавет, БСДГ, БРСМ*; 4) духоўна-інтэлектуальныя (сістэма адукацыі, рэлігіі, творы літаратуры і мастацтва, СМІ): *Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб адукацыі, уніяцтва, "Каласы пад сярпом тваім", "Новая зямля", "Песня пра зубра", "Лявоніха", "Юрка", "Звязда", "Крыніца"*; 5) гістарычныя (знамянальныя вехі, падзеі ў гісторыі народа, вядомыя дакументы, сацыяльна-палітычныя і эканамічныя гістарызмы): *Аршанская бітва, статуты ВКЛ, дзядзькаванне, магістрат, слуцкія паясы, васпан, ягамосць; 6*) анамастычныя (тапонімы і антрапонімы, рэкламныя назвы і таварныя знакі): *Белавежская пушча, Курапаты, Хатынь, Ефрасіння Полацкая, Усяслаў Чарадзей, Францыск Скарына, "Віцязь", "Купалінка", "Паўлінка"*.

Заключэнне. Такім чынам, ёсць падставы сцвярджаць, што сёння ў межах айчыннай традыцыі падрыхтоўкі і стварэння лінгвістычных слоўнікаў лінгвакраіназнаўчая лексікаграфія аформілася ў самастойнае адгалінаванне, якое актыўна развіваецца. У беларускай лексікаграфіі з'явіліся працы новага тыпу – слоўнікі-даведнікі, якія спалучаюць мовазнаўчую, культуралагічную і лінгвакраіназнаўчую інфармацыю. Лінгвакраіназнаўчыя слоўнікі ў асноўным арыентаваны на замежнага чытача, які толькі пачынае знаёміцца з новай мовай і культурай, але, зыходзячы з сітуацыі незбалансаванага двухмоўя, калі беларуская мова часта не засвойваецца як першая, родная, саступаючы рускай, слоўнік, створаны на аснове рэалій беларускай мовы, гісторыі і культуры, будзе патрэбны і карысны для карэнных жыхароў Беларусі.

Літаратура

1. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 736 с.
2. Іванова, С.Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў: Лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў. – Мінск, 1997. – 187 с.
3. Беларусь: лингвокультурологический комплекс: пособие для иностранных студентов / сост.: Л.Н. Чумак, В.Г. Будай, Т.О. Верховцова [и др.]; под ред. Л.Н. Чумак. – Минск: БГУ, 2008. – 112 с.
4. Аляхновіч, М.М. Лінгвакультуралогія: даведнік для студ. філал. фак. / М.М. Аляхновіч, Л.В. Леванцэвіч; УА "Брэсцкі дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна". – Брэст: Выд-ва БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2007. – 71 с.
5. Леванцэвіч, Л.В. Лінгвакультуралогія: метад. рэкамендацыі / Л.В. Леванцэвіч, М.М. Аляхновіч; Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна. – Брэст: БрДУ, 2010. – 107 с.
6. Лінгвакультуралогія: дапаможнік для студэнтаў філал. фак-та / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна; аўт.-скл. Л.В. Леванцэвіч. – Брэст: БрДУ, 2015. – 100 с.
7. Маслова, В.А. Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины / В.А. Маслова, С.В. Николаенко. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – 164 с.
8. Чернобров, А.А. Принципы формирования, содержание и типы лингвокультурологических словарей / А.А. Чернобров // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 3(19). – С. 37–47.

Паступіў у рэдакцыю 15.06.2017 г.

Правила для авторов

Сборник научных трудов «Ученые записки УО "ВГУ им. П.М. Машерова"» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета ***(nauka@vsu.by).***
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
    - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
    - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
    - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
    - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
    - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

Guidelines for authors

The List of scientific publications "Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»" is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.

2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; "Material and methods" section; "Findings and their discussion" section; conclusion; list of applied literature.*

3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.

4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.

5. "Material and methods" section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author's (authors') research.

6. "Findings and their discussion" section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.

7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.

8. The list of literature shouldn't include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author's certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.

9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.

11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).

12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail addressis ***nauka@vsu.by***).

13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:

- *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
- *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
- *author's home address, telephone number, e-mail address;*
- *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
- *expert conclusion on the feasibility of the publication.*

14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.

15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 23

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева
Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 26.07.2017. Формат 60x84$^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,01. Уч.-изд. л. 18,63. Тираж 100 экз. Заказ 104.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.